

Т. 5, № 4
Vol. No
2022

ОРИЕНТАЛИСТИКА ORIENTALISTICA

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)

Ad orientem.
Ad orientalia

12+

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ
КОМИССИЯ (ВАК)

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Science Index

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

EBSCO

ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY

Google
scholar

OCLC
WorldCat®

Dimensions

Baidu 百度

ЖУРНАЛ ИНДЕКСИРУЕТСЯ БАЗАМИ ДАННЫХ
THE JOURNAL IS INDEXED BY DATABASES

Vol. 5, No 4
2022

ORIENTALISTICA

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)
DOI 10.31696/2618-7043-2022-5-4

Information about the journal

The journal *Orientalistica* is a print peer-reviewed academic journal, covering a wide range of areas of Oriental studies. The Journal is being published since 2018.

Form of distribution - print media, journal. Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS77-72763 dated May 4, 2018.

Registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:
ISSN 2618-7043 (Print),
ISSN 2687-0738 (Online).

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
www.ivran.ru

Partners

Kazan Federal University
Address: 18, Kremlyovskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation
<https://eng.kpfu.ru>

The State Hermitage Museum
Address: 34, Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), St. Petersburg, 190000, Russian Federation
www.hermitagemuseum.org

The State Museum of Oriental Art
Address: 12a, Nikitskiy blvd., Moscow, 119019, Russian Federation
www.orientmuseum.ru

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Tel.: +7(495)621-18-84 www.orientalistica.ru
www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Our Mission

The *Orientalistica* offers research papers on the classical period of history, philosophy and literature of the peoples of the East in Antiquity and the Middle Ages. The Editorial Board hopes that highlighting the most popular and important aspects of research in Eastern studies will foster the academic cooperation between the scholars in the Russian Federation and the worldwide research community.

The mission of the journal is to promote Asian and African studies by publishing high quality original articles, scholarly reviews, field research materials as well as introducing new hitherto unknown or little-known historical sources both in original languages and translations.

Compliance with the requirements of the Higher Attestation Commission

By order of December 25, 2020, No. 469-r of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ministry of Education and Science of Russia) and based on the corresponding decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia the Journal *Orientalistica* included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences (Ph. D., russ.: Kandidat nauk), for the degree of Doctor of Sciences (Dr. Sci., russ.: Doctor nauk), formed based on the recommendations of the expert councils of the Higher Attestation Commission, in scientific specialities and corresponding to them should be published branches of science*:

SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

HISTORICAL SCIENCES

- 5.6.1. History of Russia (History).
- 5.6.2. General history (History).
- 5.6.3. Archaeology (History).
- 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography (History).
- 5.6.5. Historiography, Sources Studies and Methods of Historical Research (History).

PHILOSOPHICAL SCIENCES

- 5.7.2. History of Philosophy (Philosophy).
- 5.7.8. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture (Philosophy).
- 5.7.8. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture (History).
- 5.7.9. Philosophy of Religion and Religious Studies (Philosophy).
- 5.7.9. Philosophy of Religion and Religious Studies (History).

PHILOLOGICAL SCIENCES

- 5.9.3. Theory of literature (Philology).
- 5.9.4. Folklore Studies (Philology).

The *Orientalistica* Editorial board intends to make the presence of the Journal in the nomenclature of the Higher Attestation Commission scientific specialities List and invites authors of publications in scientific specialities and corresponding branches of science as follows:

- 5.6.6. History of Science (History).
- 5.9.1. Russian literature and literatures of the peoples of the Russian Federation (Philology).
- 5.9.2. Literatures of the peoples of the world (Philology).
- 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of the Russia (Philology).
- 5.9.6. Languages of the peoples of the World (Philology).

Note: *In accordance with the nomenclature of scientific specialties and their corresponding branches of science approved by order of February 24, 2021 No. 118 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Editor-in-Chief

Alikber K. Alikberov – Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russian Federation.

Special Issue Editor

Valentin Ts. Golovachev – Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

International Advisory Board

Mikhail B. Piotrovsky – *Co-chairman of the Board of Advisors*, Member of the RAS, Member of the Russian Academy of Arts, Dr. Sci. (Hist.), Prof., State Hermitage Museum; St. Petersburg University, St. Petersburg, Russian Federation.

Irina F. Popova – *Co-chairman of the Board of Advisors*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Institute of Oriental Manuscripts RAS; St. Petersburg University, St. Petersburg, Russian Federation.

Alexander V. Sedov – *Co-chairman of the Board of Advisors*, Dr. Sci. (Hist.), State Museum of Oriental Art; Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation.

Vladimir M. Alpatov – Member of the RAS, Dr. Sci. (Philol.), Prof., Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Bazarov Boris Vandanovich – Member of the RAS, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; Buryat scientific center of the Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russian Federation.

Agnes Birtalan – Dr. Habil. (Philol.), Prof., Eötvös Lorand University, Budapest, Hungary.

Sebastian Paul Brock – Dr. Habil. (Philos.), Wolfson College, University of Oxford, Oxford, United Kingdom.

Mikhail D. Bukharin – Member of the RAS, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Institute of World History of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Isabelle Charleux – Dr. Habil. (EPHE), French National Centre for Scientific Research, Paris, France.

Andrei V. Golovnev – Member of the RAS, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS; National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation.

Askold I. Ivantchik – Corresponding Member, of the RAS, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Institute of World History of the RAS; Higher School of Economics; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Institut Ausonius, Université Bordeaux Montaigne, Bordeaux, France.

Nikolay N. Kazansky – Member of the RAS, Dr. Sci. (Philol.), Prof., Institute for Linguistic Studies of the RAS; St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.

Theodor Ithamar – Dr. Habil. (Philos.), Prof., Zefat Academic College, Bar-Ilan University, Israel.

Karénina Kollmar-Paulenz – Dr. Habil. (Hist.), Prof., Institute of Religious Studies, Bern University, Bern, Switzerland.

Chuluun Sampildondov – Member of the Academy of Sciences of Mongolia, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Institute of History, Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia.

Vesna Wallace – Dr. Habil. (Hist.), Prof., University of California, Santa Barbara, United States of America.

Editorial Board

Apollinaria S. Avrutina – Dr. Sci. (Philol.), Ass. Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

Svetlana A. Burlak – Dr. Sci. (Philol.), Prof. of the RAS, Institute of Oriental Studies, RAS; Lomonosov Moscow State University; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

Natalia V. Efremova – Cand. Sci., Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation.

Serge A. Frantsouzoff – Dr. Sci. (Hist.), Ass. Prof., Institute of Oriental Manuscripts of the RAS; National Research University Higher School of Economics; St. Petersburg University, St. Petersburg, Russian Federation.

Irina P. Glushkova – Dr. Sci. (Hist.), Prof., Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation.

Tawfik Ibrahim – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation.

Shamil R. Kashaf – Master of Theology, Institute of Oriental Studies, RAS; Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation.

Ramil R. Khayrutdinov – Cand. Sci. (Hist.), Kazan (Volga region) Federal University; A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the TAS, Kazan, Russian Federation.

Alexey A. Khismatulin – Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg, Russian Federation.

Artem I. Kobzev – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Institute of Oriental Studies, RAS; Moscow Institute of Physics and Technology (State University); Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Victoria G. Lysenko – Dr. Sci. (Philos.), Institute of Philosophy of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Alexander N. Meshcheryakov – Dr. Sci. (Hist.), Prof., National Research University Higher School of Economics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Dmitry V. Mikulsky – Dr. Sci. (Hist.), Prof., Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation.

Vladimir N. Nastich – Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation.

Natalia I. Prigarina – Dr. Sci. (Philol.), Prof., Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation.

Marina L. Reisner – Dr. Sci. (Philol.), Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Alexander V. Safronov – Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation.

Nikolaj I. Serikoff – Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, RAS; Moscow Region State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation.

Shamil Sh. Shikhaliev – Cand. Sci. (Hist.), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the RAS, Makhachkala, Russian Federation.

Airat G. Sitdikov – Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Dr. Sci. (Hist.), Prof., A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the TAS; Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Evgenia B. Smagina – Cand. Sci. (Philol.), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation.

Marietta T. Stepanyants – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Institute of Philosophy of the RAS; State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Anna A. Suvorova – Dr. Sci. (Philol.), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation.

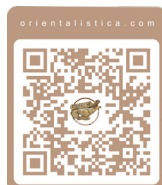
Surun-Khanda D. Syrtyanova – Dr. Sci. (Hist.), Prof., Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation.

Aynur A. Timerkhanov – Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philol.), Ass. Prof., G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan; Bolgar Islamic Academy, Bolgar, Russian Federation.

Nadezhda N. Trubnikova – Dr. Sci. (Philos.), Institute of Philosophy of the RAS; Lomonosov Moscow State University; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

Evgenia Yu. Vanina – Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation.

Ilya V. Zaytsev – Dr. Sci. (Hist.), Prof. of the RAS, State Museum of Oriental Art; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

T. 5, № 4
2022

ОРИЕНТАЛИСТИКА

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)
DOI 10.31696/2618-7043-2022-5-4

Информация об издании

«Ориенталистика» (*Orientalistica*) – печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.

Издается с 2018 г. – ежеквартально.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор):
ПИ № ФС77-72763 от 4 мая 2018 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации:
ISSN 2618-7043 (Print),
ISSN 2687-0738 (Online).

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. www.ivran.ru

Партнеры

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Адрес: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.
<https://kpfu.ru>

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж».
Адрес: 190000, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34.
www.hermitagemuseum.org

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры Государственный музей искусства народов Востока.
Адрес: 119019, Москва, Никитский бульвар, д. 12а.
www.orientmuseum.ru

Редакция

ORIENTALISTICA

107031, Российская Федерация, г. Москва,
ул. Рождественка, д. 12.
Тел.: +7 (495) 621-18-84
www.orientalistica.su www.orientalistica.com
orientalistica@ivran.ru

Миссия журнала

Научное рецензируемое издание «Ориенталистика» (*Orientalistica*) содействует продвижению результатов исследований классического периода истории, религии, философии, литературы и лингвистики народов Востока, направленных на поиски эффективного ответа общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе с применением методов гуманитарных и социальных наук.

Мы убеждены, что уделение высокого внимания наиболее популярным и актуальным аспектам исследований в области востоковедения будет способствовать академическому сотрудничеству российских ученых с исследовательскими учреждениями в мире, особенно в изучаемых регионах.

Соответствие требованиям Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России

Распоряжением от 25 декабря 2020 г. № 469-р Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки России) журнал «Ориенталистика» (*Orientalistica*) включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им

отраслям науки*:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 5.6.1. Отечественная история (исторические).
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические).
- 5.6.3. Археология (исторические).
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические)
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические).

ФИЛОСОФИЯ

- 5.7.2. История философии (философские).
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские).
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (исторические).
- 5. 7.9. Философия религии и религиоведение (философские).
- 5. 7.9. Философия религии и религиоведение (исторические).

ФИЛОЛОГИЯ

- 5.9.3. Теория литературы (филологические).
- 5.9.4. Фольклористика (филологические).

Редакция предполагает расширить присутствие журнала в номенклатуре научных специальностей Перечня Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России и приглашает к сотрудничеству авторов публикаций по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.6.6. История науки и техники (исторические науки).
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические).
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические).
- 5.9.3. Теория литературы (филологические).
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические).
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические).

Примечание: * В соответствии с номенклатурой научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, утвержденной приказом Минобрнауки России № 118 от 24 февраля 2021 г.

Главный редактор

Аликберов Аликбер Калабекович – д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Редактор специального выпуска

Головачёв Валентин Цуньлиевич – канд. ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Международный редакционный совет

Пиотровский Михаил Борисович – *сопредседатель редакционного совета*, акад. Российской академии наук (РАН), акад. Российской академии художеств (РАХ), д-р ист. наук, проф., Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Попова Ирина Федоровна – *сопредседатель редакционного совета*, член-корр. РАН, ученый Янцзы Министерства образования Китайской Народной Республики, д-р ист. наук, проф., Институт восточных рукописей РАН; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Седов Александр Всеволодович – *сопредседатель редакционного совета*, д-р ист. наук, Государственный музей искусства народов Востока; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Алпатов Владимир Михайлович – акад. РАН, д-р филол. наук, проф., Институт языкознания РАН; г. Москва, Российская Федерация.

Базаров Борис Ванданович – акад. РАН, д-р ист. наук, проф., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН; Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация.

Бирталан Агнес – Dr. habil. (Philol.), проф., Будапештский университет им. Лоранда Этвеша, г. Будапешт, Венгрия.

Брок Себастьян Пол – Dr. habil. (Philos.), Вулфсон-колледж, Оксфордский университет, г. Оксфорд, Великобритания.

Бухарин Михаил Дмитриевич – акад. РАН, д-р ист. наук, проф., Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Головнёв Андрей Владимирович – член-корр. РАН, д-р ист. наук, проф., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Иванчик Аскольд Игоревич – член-корр. РАН, д-р ист. наук, проф., Институт всеобщей истории РАН; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация; Институт Авсония, Университет Бордо Монтень, Бордо, Франция.

Ифамар Теодор – Dr. habil. (Philos.), проф., Академический колледж Зефат, г. Цфат, Университет имени Бар-Илана, г. Хайфа, Израиль.

Казанский Николай Николаевич – академик РАН, д-р ист. наук, проф., Институт лингвистических исследований РАН; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Кольмар-Пауленц Каренина – Dr. habil. (Hist.), проф., Институт религиоведения, Бернский университет, г. Берн, Швейцария.

Сампилдондов Чулуун – д-р ист. наук, проф., Институт истории и археологии Академии наук Монголии, г. Улан-Батор, Монголия.

Уоллес Весна – Dr. habil. (Hist.), проф., Калифорнийский университет, г. Санта-Барбара, Соединенные Штаты Америки.

Шарле Изабель – Dr. habil. (Arts), Французский национальный центр научных исследований, г. Париж, Франция.

Редакционная коллегия

Аврutiна Аполлинария Сергеевна – д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Бурлак Светлана Анатольевна – д-р филол. наук, проф. РАН, Институт востоковедения РАН; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, г. Москва, Российская Федерация.

Ванина Евгения Юрьевна – д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Глушкова Ирина Петровна – д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ефремова Наталия Валерьевна – канд. филос. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Зайцев Илья Владимирович – д-р ист. наук, проф. РАН, Государственный музей искусства народов Востока; Высшая школа экономики, г. Москва, Российская Федерация.

Ибрагим Тауфик – д-р филос. наук, проф., Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Кашаф Шамиль Равильевич – магистр теологии, Институт востоковедения РАН; Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация.

Кобзев Артем Игоревич – д-р филос. наук, проф., Институт востоковедения РАН; Московский физико-технический институт; Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация.

Лысенко Виктория Георгиевна – д-р филос. наук, Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Мещеряков Александр Николаевич – д-р ист. наук, проф., Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация.

Микульский Дмитрий Валентинович – д-р ист. наук, проф., Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Настич Владимир Нилович – канд. ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Пригарина Наталья Ильинична – д-р филол. наук, проф., Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Рейснер Марина Львовна – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Сафулов Александр Владимирович – канд. ист. наук, Институт востоковедения РАН; Московский государственный областной педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация.

Сериков Николай Игоревич – канд. ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ситдииков Айрат Габитович – член-корр. Академии наук Республики Татарстан, д-р ист. наук, проф., Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ; Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Смагина Евгения Борисовна – канд. филол. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Степаняц Мариэтта Тиграновна – д-р филос. наук, проф., Институт философии РАН; Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Российская Федерация.

Суворова Анна Ароновна – д-р филол. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Сыртыпова Сурун-Ханда Дашинимаевна – д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Тиммерханов Айнура Ахатович – член-корр. Академии наук Республики Татарстан, д-р филол. наук, доц., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань; Болгарская исламская академия, г. Болгар, Российская Федерация.

Трубникова Надежда Николаевна – д-р филос. наук, Институт философии РАН; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Французов Сергей Алексеевич – д-р ист. наук, доц., Институт восточных рукописей РАН; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Хайрутдинов Рамиль Равилович – канд. ист. наук, Казанский федеральный университет; Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Российская Федерация.

Хисматулин Алексей Александрович – канд. ист. наук, Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Шихалиев Шамиль Шихалиевич – канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала, Российская Федерация.

CONTENTS

<i>Golovachev V. Ts.</i> Special Issue Editor's Word	720
--	-----

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

<i>Alikberov A. K.</i> The complexity of Oriental studies, its interdisciplinary and transdisciplinary perspectives	722
<i>Denisov I. E., Zuenko I. Yu.</i> New Approaches of Beijing to the Historiography of People's Republic of China and Communist Party of China: 'Rectification of Names' during Xi Jinping Era	734
<i>Rysakova P. I.</i> "Telling China's story": innovations in school history education in PRC in 2010–2020s.....	751
<i>Perminova V. A.</i> Problems of the historical past in Taiwanese history textbooks	773
<i>Verchenko A. L.</i> "Golden Weeks": New concepts of leisure in China at the beginning of the 21 st Century.....	790

Universal history

<i>Ostrovskii A. V.</i> China's long-term goals: a historic leap towards the economic power and a society of universal prosperity.....	805
<i>Ershov A. V.</i> The Influence of Ideology and Economic Tasks on the Practice of PRC State Building.....	822
<i>Adamova D. L., Denisov I. E.</i> "Period of Strategic Opportunities": the Chinese Foresight Experience and Beijing's Foreign Policy Perspectives	839
<i>Maria A. Guleva.</i> Education development in rural China as an important factor for socio-economic development in the 14 th Five-Year Plan period.....	857
<i>Afonaseva A. V.</i> On the Policy of Attracting the Intellectual Resources of the Chinese Diaspora to the PRC.....	867
<i>Lomanov A. V.</i> Human rights in modern ideology of the Communist Party of China.....	882
<i>Goncharov S. N.</i> The early stage of coordination of Moscow and Beijing Positions on the construction of the Nuclear power plant (1982–1991)	898
<i>Rastyannikova E. V.</i> China in the global market of metallurgy resources and equipment for the mining	915

PHILOSOPHY OF THE EAST

History of Philosophy

<i>Burov V. G.</i> Ideological Universe of Xi Jinping	928
<i>Vinogradov A. V.</i> Marxism, the CCP and the new era of Xi Jinping.....	944

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

<i>Malyavin V. V.</i> Above Harmony: Notes on the Global Potential of Chinese Thinking.....	961
---	-----

LITERATURE OF THE EAST

Literature of the peoples of the World

<i>Khabarov A. A.</i> Axiological determinants of the self-consciousness of the Chinese people in conditions of the construction of socialism in the new era...	980
---	-----

CHRONICLE

Review

<i>Serikoff N. I., Kashaf Sh. R.</i> [Book Review:] Brock, Sebastian P. and Kiraz, George A. Gorgias Concise Syriac-English, English-Syriac Dictionary. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press; 2015. https://doi.org/10.31826/9781463235550	992
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Головачёв В. Ц. Слово редактора специального выпуска..... 720

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Аликберов А. К. Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы..... 722

Денисов И. Е., Зуенко И. Ю. Новые подходы Пекина к историографии КПК и КНР: «исправление имен» в эпоху Си Цзиньпина..... 734

Рысакова П. И. «Рассказать историю Китая»: новации в школьном преподавании истории в КНР в 2010–2020-х гг. 751

Перминова В. А. Проблемы исторического прошлого в тайваньских учебниках истории..... 773

Верченко А. Л. «Золотые недели»: новые подходы к отдыху в Китае в начале XXI в. 790

Всеобщая история

Островский А. В. Долгосрочные цели Китая: исторический скачок к экономической мощи и обществу всеобщей зажиточности..... 805

Ершов А. В. Влияние идеологии и экономических задач на практику государственного строительства КНР..... 822

Адамова Д. Л., Денисов И. Е. Период стратегических возможностей: опыт китайского форсайта и перспективы внешней политики Пекина 839

Гулева М. А. Развитие образования в сельских регионах Китая как важный фактор социально-экономического развития в период 14-й пятилетки..... 857

Афонасьева А. В. О политике привлечения интеллектуальных ресурсов китайской диаспоры в КНР..... 867

Ломанов А. В. Права человека в современной идеологии Коммунистической партии Китая..... 882

Гончаров С. Н. Ранний этап согласования позиций Москвы и Пекина по сооружению Атомной электростанции (1982–1991)..... 898

Растянникова Е. В. Китай на мировом рынке металлургических ресурсов и оборудования для горнодобывающей промышленности..... 915

ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

История философии

Буров В. Г. Мировоззренческий универсум Си Цзиньпина..... 928

Виноградов А. В. Марксизм, КПК и новая эпоха Си Цзиньпина..... 944

Философская антропология, философия культуры

Малявин В. В. Поверх гармонии: заметки о потенциале китайского мировоззрения в межнациональном и глобальном порядке и управлении..... 961

ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА

Языки народов мира

Хабаров А. А. Аксиологические детерминанты самосознания китайского народа в условиях строительства социализма в новую эпоху..... 980

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии

Сериков Н. И., Кашаф Ш. Р. [Рецензия на кн.:] Brock, Sebastian P. and Kiraz, George A. *Gorgias Concise Syriac-English, English-Syriac Dictionary*. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press; 2015. <https://doi.org/10.31826/9781463235550>..... 992

Слово редактора специального выпуска

Институт востоковедения РАН предлагает читателям специальный выпуск журнала «Ориенталистика», посвящённый современному Китаю и приуроченный к XX съезду КПК, который прошел в Пекине 16-22 октября 2022 г. Этот съезд стал действительно исторической вехой, открывающей новую эпоху для КПК, КНР и китайского народа. Обобщение итогов развития Китая в сферах экономики, политики и международных связей, идеологии, культуры и образования в период «реформ и открытости» крайне полезно для изучения будущего развития Китая в XXI в., вплоть до столетия КНР в 2049 г, установленного китайским руководством в качестве важнейшего ориентира на пути построения среднезажиточного общества (*сяо кан*), социализма с китайской спецификой в новую эпоху и единого процветающего Китая.

В связи с этим в номере представлены статьи почти двух десятков авторитетных российских китаеведов, которые дают цельное представление о современном Китае и, как мы надеемся, послужат весомым позитивным вкладом в развитие современных китаеведных исследований в России, а также в развитие российско-китайских отношений всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия, вступающих в новую эпоху.

*В. Ц. Головачёв
Москва, 20 декабря 2022 г.*

Special Issue Editor's Word

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences presents to its readers this special issue of the "Orientalistica" Journal, dedicated to modern China Studies and timed to the XX CPC Congress, held in Beijing on October 16–22, 2022. This Congress is a truly historic milestone, ushering in a new era for the CPC, the People's Republic of China and the entire Chinese people. Summarizing the results of China's development in the field of economics, politics and international relations, ideology, culture and education during the "Reforms and Openness" period is extremely useful for exploring the trajectories of China's future development in the XXI century, up to the centenary of the PRC in 2049, designed by the Chinese leadership as the most important benchmark for building a Middle-class Society (*xiao kang*), the Socialism with Chinese characteristics in a New Era and the United Prosperous China.

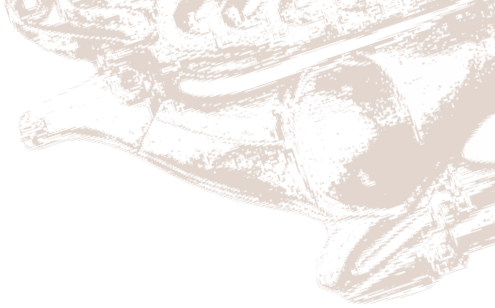
In this regard, we are glad to present the articles authored by nearly twenty prominent Russian sinologists, who give quite a comprehensive picture of Modern China and, hopefully, would make a significant positive contribution to enhancing the Modern China Studies in Russia, as well as to the development of Russian-Chinese relations of comprehensive strategic partnership and interaction entering a New Era.

*Valentin Ts. Golovachev
Moscow, December 20, 2022.*

HISTORY OF THE EAST ИСТОРИЯ ВОСТОКА

- Historiography, source critical studies,
historical research methods
Историография, источниковедение,
методы исторического исследования
- Universal history
Всеобщая история

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 930(5):167.7

Исторические науки

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-722-733>

Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы

Аликбер Калабекович Аликберов

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
alikberov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2894-2767>*

Аннотация. В статье предпринимается попытка сопоставить понятие «комплексность востоковедения», которое каждый исследователь понимает по-своему, с понятиями «мультидисциплинарность», «междисциплинарность» и «трансдисциплинарность». На фоне актуальных дискуссий о месте этой научной дисциплины в системе социогуманитарных наук выясняется, что востоковедческие исследования ошибочно относят к междисциплинарным, хотя доля междисциплинарных исследований в ориенталистике составляет в среднем не более 10% от общего числа. В свете «прагматического поворота» науки гораздо большую перспективу имеют трансдисциплинарные подходы, особенно в различных областях цифрового востоковедения. Востоковедение – это наука, в которой идет постоянный теоретико-методологический поиск, но одновременно с этим в ней ведутся практически ориентированные мультидисциплинарные исследования, объединяющие теорию, эмпирический материал и экспертные данные. Трансдисциплинарность, которая прежде всего востребована в мультидисциплинарных науках, существенно усиливает интегративные и практические преимущества востоковедческой науки, позволяя проводить исследования сложных проблем восточных обществ на уровне погружения, первичных элементов систем, универсальных типов данных, с использованием информационных моделей, цифровых средств и программных инструментов.

Ключевые слова: востоковедение; ориенталистика; комплексная наука; мультидисциплинарность; междисциплинарность; трансдисциплинарность; интегративный подход; история Востока; Восток – Запад

Для цитирования: Аликберов А. К. Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы. *Ориенталистика*. 2022;5(4):722–733. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-722-733>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

The complexity of Oriental studies, its interdisciplinary and transdisciplinary perspectives

Alikber K. Alikberov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
alikhberov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2894-2767>

Abstract. The article offers an attempt to compare the complex approach to Oriental studies with the phenomenon of multidisciplinary, interdisciplinary or transdisciplinary research. One has to stress that the term "complex approach" has not yet been fully established. Therefore, every scholar has to explain and identify it according to his research background. Current discussions about the place of Oriental studies in the framework of humanities have shown that this discipline is mistakenly described as "interdisciplinary". Indeed, the interdisciplinary research in the field of Oriental studies covers on average about 10% of the total. The recent development of digital research has revealed a much greater perspective for Oriental studies in a transdisciplinary approach. As a whole, Oriental studies remain a discipline, which continues to be developed in course of a constant theoretical and methodological search. At the same time, this is also "practice-oriented" research, which combines theory, empirical and material findings. Transdisciplinary research, therefore, significantly enhances the results by allowing to conduct of multi-level research. It also allows a precise description of the complex problems of Eastern societies by using the immanent approach to the subject, applying various information constructs and also modern digital tools.

Keywords: Oriental studies; Research multidisciplinary; Research interdisciplinary; Research transdisciplinary; Studies, historical, approach, integrative; East, countries of, history

For citation: Alikberov A. K. The complexity of Oriental studies, its interdisciplinary and transdisciplinary perspectives. *Orientalistica*. 2022;5(4):722–733. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-722-733>.

Комплексность науки о Востоке

К идеалу целостного знания о народах и культурах Востока, подразумевающему методологический синтез входящих в состав востоковедения социогуманитарных наук, стремилось не одно поколение ориенталистов. Востоковедение отличается от других гуманитарных наук тем, что оно с самого начала формировалось как мультипредметная наука. Востоковедение – это комплексная наука, а не просто комплекс разрозненных наук. Однако, в зависимости от области специализации того или иного исследователя, эта комплексность понимается по-разному: как синоним системного подхода, как

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

источниковедческий подход, как метод сопоставления и обобщения результатов исследований, проведенных методами разных наук [1, с. 223], а также как археологический метод [2, с. 170–174].

Большинство востоковедов под комплексностью понимает прежде всего мультидисциплинарность и многопредметность. Действительно, ориенталистика включает в себя:

- 1) и гуманитарные, и социальные (общественные) науки;
- 2) и теоретические, и практические (прикладные) исследования;
- 3) и исторические, и актуальные, нацеленные на современность;
- 4) биографические, микроисторические, страновые, региональные и глобальные.

На основе комплексности востоковедение изучает не только историю, языки и литературу, но и религию, культуру, искусство, экономику, причем как вместе, так и отдельно, по странам, народам, историческим периодам, научным дисциплинам. Многие гуманитарные дисциплины развиваются почти исключительно в рамках востоковедения: история Древнего Востока, ассириология, семитология, арабистика, иранистика, османистика, тюркология, китаеведение (синология), монголоведение, индология, японоведение, шумерология, урартология, корееведение, малаистика и другие, а из дисциплин религиоведческого профиля – гебраистика, исламоведение, буддология и другие. Тибетология изучает не только язык, историю и культуру Тибета, но и религию, тибетскую буддийскую традицию. Некоторые научные направления продолжают появляться вследствие выдающихся научных открытий (например, кумранистика). Востоковеды имеют достаточно компетенций, чтобы заниматься историей, археологией, источниковедением, нумизматикой, сфрагистикой, эпиграфикой Востока.

В силу комплексности своей науки востоковеды гораздо острее ощущают потребность в общем междисциплинарном и даже трансдисциплинарном подходе, именно поэтому в ориенталистике используются преимущественно интегративные подходы [3, с. 152–164]. Как писал В. Ф. Генинг, комплексность – самая популярная версия междисциплинарного подхода, при котором представитель одной науки самостоятельно «осваивает методологию другой науки» [2, с. 172]. Комплексность по Никласу Луману – это одно из правильных оснований науки, предполагающее переориентацию исследователя от интересов обоснования к интересу роста научного знания. Это понятие также парадоксально: в качестве единства оно обозначает то, что подразумевает в качестве множества [4, с. 278–279].

Комплексность науки нередко совершенно неправомерно отождествляется с междисциплинарностью, мультидисциплинарностью. Так, в системе Министерства науки и высшего образования Российской Федерации годовые отчеты подведомственного ему Института востоковедения Российской академии наук необоснованно учитываются в рамках междисциплинарной науки, хотя доля таких исследований в учреждении редко превышает 10%. Основная часть востоковедческих исследований выполняется в строгих дисциплинарных рамках отдельных наук – исторической (история Востока), филологической (афро-азиатские языки, литературы народов Востока), экономической (экономика стран Востока) и т. д. На это указывают и дисциплинарно маркированные научные степени востоковедов, а также принятые в системе ВАК при Минобрнауки России паспорта научных специальностей номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидатов наук и докторов наук.

Актуальные дискуссии о востоковедении, связанные с его комплексностью

Чтобы определить место востоковедения среди социогуманитарных наук, достаточно обратиться к двум важнейшим для этой науки дискуссиям, не потерявшим свою актуальность до сих пор. Первая началась в XX в. и касается образа востоковедения как колониальной науки. Зародившаяся в недрах западной христианской науки ориенталистика для самого Востока, в частности для мусульманских историографий, стала символом колониальной экспансии Запада. Поэтому в бинарной оппозиции «ориенталистика vs ориентализм», благодаря усилиям Эдварда Саида, многие видят дихотомию «Запад – Восток». Оппозиция не вполне корректная по ряду причин:

1) Здесь не учитывается основное значение ориентализма, явления в западной культуре XVIII – начала XX в., идеализирующего Восток. Это отражение в культуре метрополии воображаемого образа восточных колоний; в этом смысле, безусловно, оно обусловлено определенным общественно-политическим контекстом и идеологическими ориентирами своей эпохи. Но вместе с тем это явление художественной жизни и различных культурных практик, повлиявших на обе стороны в процессе межкультурной коммуникации.

2) Почти полностью игнорируется богатая и плюралистичная историография стран, которые находятся между двумя большими полюсами – Востоком и Западом; отчасти потому, что ситуация с изучением Востока в России, например, не вполне вписывалась в критическую концепцию Э. Саида.

Движение деориентализации на Западе было направлено не против ориенталистики как таковой, а против самого этого названия, взамен стали появляться и развиваться направления азиатских исследований (*Asian Studies*), афроазиатских исследований (*Asian and African Studies*), евразийских исследований (*Eurasian Studies*), ближневосточных исследований (*Middle East Studies*) и др.

Вторая масштабная дискуссия развернулась в России уже в наше время, когда в рамках реформирования науки и образования появилась потребность укрупнения специальностей, и тут возник вопрос – к какой укрупненной научной сфере отнести востоковедение? Эта дискуссия проходила в несколько этапов и затронула прежде всего образовательные учреждения. В общероссийском классификаторе специальностей по образованию от 2016 г. востоковедение и африканистика (код 41.03.03) стояли отдельно от зарубежного регионоведения (код 41.03.01) и регионоведения России (код 41.03.02). В результате долгих дискуссий самостоятельный статус востоковедения удалось отстоять.

Лишение отечественного востоковедения статуса укрупненной специальности и растворение его в дисциплинарных рамках мировой регионалистики не только непродуктивно, но и разрушительно для всей российской науки в целом. Это неизбежно приведет к негативным последствиям, которые могут быть необратимыми. Речь идет, прежде всего:

1. Об угрозе потери Россией жизненно важной для страны ориентации на зарубежный Восток, с которым у нее самая протяженная в мире граница – 16 823 км. В свете стратегического поворота России на Восток особенно важно, что он включает в себя Китай – новую «ось Азии» и формирующийся восточный полюс «новой биполярности».

2. Не меньшее значение для России имеет «ближнее зарубежье», прежде входившее в состав Российской империи и СССР, а также свой собственный

«внутренний Восток» с его особым укладом жизни и специфическими проблемами, в том числе общественными, политическими, этническими и религиозными. Достаточно упомянуть исламский радикализм: востоковеды сделали очень много для снижения общего уровня экстремизма и террористической опасности в стране.

3. Растворение «Востоковедения и африканистики» в «Регионоведении» и «Международных отношениях» больше всего ударит по классическому циклу востоковедения и приведет к нарушению целостности востоковедческого знания: регионалистика принадлежит к политологическим наукам, но востоковедение не ограничивается изучением политики и международных отношений, его задача – развивать культуру через историю. Исследования истории Древнего Востока существенно расширили наши представления о культуре Древнего Египта, Передней Азии (Месопотамии, Ассирии, Вавилона и т. д.), Индии и Китая; тем самым они обогатили и мировую культуру в целом, придав ей необходимую глубину.

4. Исчезновение востоковедения из перечня укрупненных специальностей неизбежно приведет к девальвации специальности как таковой, уменьшению потоков абитуриентов на факультеты востоковедческого профиля (а сейчас это одно из самых популярных направлений гуманитарного цикла, уступающее только истории) и, как следствие, к нарушению преемственности образовательной цепочки от бакалавра до аспиранта, к затруднениям в наборе подготовленных выпускников в аспирантуру. В итоге академическое востоковедение будет лишено нормального кадрового воспроизводства и также существенно пострадает.

5. Вопреки ожиданиям, пострадает и экспертное востоковедение. Аналитические исследования лишены прогностической ценности, если они не опираются на глубокое знание истории, культуры, других особенностей изучаемых обществ. Утверждения о том, что академические учреждения заострели, стали неповоротливыми, не в состоянии адаптироваться под меняющиеся потребности общества, основаны на незнании того, что действительно происходит в недрах науки. СКП как новый научный подход, способный получать верифицируемые данные также и об актуальных процессах и событиях на Востоке, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта, был разработан в недрах именно академического востоковедения.

6. Планы реформирования науки, сложившиеся не внутри, а за пределами академического сообщества и повторяющие западный опыт, не всегда учитывают специфику развития как отечественной, так и западной науки, которая зародилась в университетах. Европейские университеты с самого начала были не только образовательными, но в равной мере и исследовательскими центрами. А в России наука с самого начала была разделена на академическую и университетскую, с тех пор как в 1724 г. Сенат по именному указу императора Петра I учредил Академию наук.

По расхожему утверждению, Восток представляет собой самую актуальную форму современного не-Запада. На фоне динамического развития Китая, Индии, «азиатских тигров» это высказывание приобретает особый смысл, на долгую перспективу конфигурируя систему мировой политики и международных отношений, и требует также некоторого обновления

образовательных программ востоковедения. Но это не означает разрушения всего, что не относится к изучению современного Востока, хотя бы потому, что без изучения истории и языка (в том числе языка в его историческом развитии) понять современные общества Востока невозможно.

История Востока составляет предмет не только востоковедения, но и всеобщей истории, однако подходы этих наук существенно различаются. Как правило, историки-востоковеды воспринимают комплексность истории несколько иначе, чем специалисты по всеобщей истории: первые относятся к ней несколько отстраненно, а вторые – как к своему «жизненному миру». Когда речь заходит об истории Востока, ситуация становится противоположной: история Востока, как и сам Восток, – это «жизненный мир» востоковеда, основа любого востоковедческого знания в рамках классического (материальная культура, религии, экономика и др.) и даже современного (мировая политика и экономика, международная торговля и международные отношения) циклов.

Комплексность востоковедческой науки включает различение классического и современного циклов. Это не простое деление на фундаментальные научные исследования, с одной стороны, и аналитические разработки прикладного, практического характера о современных процессах на Востоке, с другой. В рамках классического цикла, например, изучаются дисциплины, связанные с отдельными науками: история Востока (часть всеобщей истории), восточные источники (часть источниковедения и текстологии), восточная археология (часть археологии), языки народов Востока (часть языкознания), восточная философия (часть философии), исламоведение, буддология, габраистика и др. (часть религиоведения) и т. д. Есть и промежуточные области исследований и дисциплины, их изучающие, например: историческая ономастика народов Востока – раздел сравнительно-исторического языкознания. Объединенные в рамках востоковедения, они как раз и обеспечивают целостность знания о Востоке.

Трансдисциплинарные перспективы востоковедения

Вопреки господствующему мнению, ориенталистика – это не только комплексная, но и мультидисциплинарная. Широкое внедрение цифровых технологий в самые разные сферы (компьютерной / цифровой лингвистики, цифрового источниковедения, цифровой археологии и др.), использование методов естественных наук (геоархеологических, палеоэкологических и др.) все больше расширяют его потенциал как трансдисциплинарной науки.

С самого начала своего становления ориенталистика руководствовалась принципами работы, которые Карл Поппер сформулировал как «надвременный принцип научной рациональности»: исследователи Востока совмещают интерес к прошлому с изучением настоящего и созданием сценариев развития тех или иных социальных процессов в восточных обществах в различных комплексных перспективах, легко преодолевая дисциплинарные рамки гуманитарных, социальных и общественных наук. Однако трансдисциплинарность не имеет ничего общего с междисциплинарностью, при которой исследования ведутся на стыке наук, не выходя за их дисциплинарные рамки. Междисциплинарные разработки в востоковедении также проводятся, но они составляют всего около 10–15% от общего числа исследований.

В силу специфики науки, органичной встроенности востоковедческих дисциплин друг в друга (например, востоковедение – восточное источниковедение – восточная эпиграфика / нумизматика / сфрагистика и т. д.) ориенталисты одними из первых начали практиковать междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, совмещая области истории, политологии, экономики, этнологии, социологии, религиоведения, конфликтологии, дипломатии и международных отношений. При этом часто раскрытие темы требует от исследователя совмещения подходов и объединения эмпирического материала ряда дисциплин, а также компетенций в различных областях знания. Например, изучение древних библейских текстов требует профессионального владения навыками текстолога, палеографа, знания арамейского и древнееврейского языков, глубокого погружения в историю Древнего Востока, в историю и теологию иудаизма и христианства.

Информационно-коммуникационная революция еще больше усилила меж- и трансдисциплинарные возможности востоковедения, позволив ему заниматься различного рода реконструкциями, реставрацией источников, освоением верифицируемых цифровых методов и с их помощью приобщиться к инструментарию точных наук. Блестящий пример восстановления навсегда, как считалось ранее, утраченных для науки древних текстов представляет реализация в 2000-х гг. масштабного международного проекта по электронной документации кавказских языков ARMAZI, поддержанного Фондом Фольксвагена. В 2004 г. при помощи специального оборудования в монастыре Св. Екатерины на Синае были сделаны ультрафиолетовые фотографии рукописей, которые позволили восстановить стертый кавказско-албанский текст под грузинским текстом в двух палимпсестах Лекционария – Sin. Geo. № 13 и № 55. Мультиспектральные фотоснимки всех листов манускриптов с последующей расшифровкой текста и сопоставлением его с другими (греческим, сирийским, армянским, грузинским, удинским, русским, английским) переводами Библии были опубликованы отдельно [5, р. 1–2 – 1–29]. Это событие открыло новую веху в изучении Кавказской Албании – древнейшего государства на Восточном Кавказе.

На этом фоне раскрываются и цифровые перспективы восточной археологии. Так, проект *Million Image Database* Оксфордского института цифровой археологии позволил создать 3D-фотографии тысяч исторических памятников архитектуры в ряде стран Ближнего Востока, на основе которых они могут быть с высокой точностью воспроизведены в любом месте земного шара [6]. Этот опыт может быть востребован для восстановления исторических памятников, разрушенных во время войн и конфликтов.

Принципы трансдисциплинарности еще окончательно не сложились, это формирующийся научный подход (никак не дисциплина!), что налагает на него определенные ограничения и создает сложности особого типа. Но именно такое состояние этого подхода открывает перед нами новые перспективы. Иными словами, востоковеды также могут участвовать в создании более благоприятной для себя экосистемы цифровых исследований. Существуют различные формы трансдисциплинарности, более или менее удовлетворительные, направленные на решение сложных многофакторных проблем XXI в. Нас интересует та концепция трансдисциплинарности, которая

связана с «прагматическим поворотом» науки, развитием «более широкой дисциплины “науки об интеграции и внедрении”, к которой относится “практический” трансдисциплинарный режим» [7].

На одном из симпозиумов по трансдисциплинарности было определено понимание сути этого подхода. Утверждается, что «мультидисциплинарный и междисциплинарный подходы не являются средствами эффективной защиты от продолжающейся в настоящее время фрагментации знаний, поскольку, через простое сопоставление или сборку дисциплинарных подходов, они не достигают той глубины “интеграции” фундаментального единства, лежащего в основе всех форм знания». Трансдисциплинарный подход как раз решает эту проблему [8, p. 37–38].

В истории и социогуманитарных науках междисциплинарные подходы сформировались в результате развития сравнительных методов. В 1958 г. был основан журнал “Comparative Studies in Society and History”. Анализируя содержание номеров этого журнала, П. Бёрк приходит к выводу, что опыт сравнительного изучения оказался особенно удачным в следующих областях знания: экономической истории, политической истории, интеллектуальной и социальной истории [9, p. 23–24], т. е. в областях знания, общих и для истории, и для социальных наук. В качестве инструмента конструирования теории сравнительный метод использует и Н. Луман, когда сопоставляет функциональные системы [10, p. 8]. Тем не менее вопрос о возможностях и границах сравнительных методов в исторических науках остается предметом дискуссий [11, с. 143–167].

Историческая компаративистика, выйдя за пределы собственно истории, долгое время успешно обеспечивала междисциплинарный синтез на разных уровнях исторического познания, в том числе методологическом [12, с. 132]. Сейчас совершенно очевидно, что междисциплинарность – не самоцель, а скорее имеет прикладное значение: огромную важность представляет не до конца изученный познавательный потенциал пограничных сфер науки, особенно в областях взаимопроникновения с другими науками, где формируется новое знание. Это означает, что сравнительный метод, используемый в междисциплинарных исследованиях, необходимо заменить на реляционные методы, поднимающие анализ разнородного эмпирического материала до трансдисциплинарного уровня.

Трансдисциплинарность – это выход из междисциплинарности на новый уровень интеграции знания, когда на передний план выходят не проблемы на стыке двух дисциплин, а целостное и всеобъемлющее представление об объекте исследования в рамках общей системы научных знаний. При этом трансдисциплинарность и сама представляет собой научный подход, обеспечивающий интегративность знания [13].

Жан Пиаже, который ввел это понятие в научный оборот, предлагает рассматривать трансдисциплинарность как новую область знаний «без строгих границ между дисциплинами», отличную от мультидисциплинарности и интердисциплинарности [14, p. 144.]. Учитывая мультидисциплинарный характер востоковедения и множество дисциплинарных пересечений, мультидисциплинарность той или иной области знания (в данном случае – востоковедения) можно рассматривать как необходимое условие использования трансдисциплинарных подходов.

Наука давно ушла далеко вперед от простого совмещения разных наук. Л. П. Репина описывает современное развитие науки как «последовательный переход: от «интердисциплинарности» через содержательно неразличимые «полидисциплинарность / мультидисциплинарность» к «трансдисциплинарности» [15, с. 28–29]. Если междисциплинарность требует общего языка описания, то трансдисциплинарность в нем даже не нуждается, что снимает проблему метаязыка – эту проблему успешно решают также и человеко-машинные языки. Трансдисциплинарные подходы позволяют изучать межпредметные связи на уровне элементов системы, т.е. на уровне погружения, а не самой системы, у которой уже есть и свой язык, и свои системы координат.

В информационных и коммуникативных исследованиях трансдисциплинарная позиция нахождения «за пределами дисциплин», создающая пространство для нового знания, подчеркивает важность субъекта, а не отношений «субъект – объект», предлагая в качестве онтологической аксиомы уровни реальности. Речь идет не только о субъекте, но и об объекте, поскольку они взаимно переходят друг в друга [16, р. 310–311]. В любом диалоге необходимо сначала идентифицировать уровни восприятия реальности включенных в него субъектов.

Если междисциплинарность требует создания общего языка научного описания, то трансдисциплинарные подходы позволяют преодолевать противоречия на понятийном уровне, поскольку работают на уровне погружения, первичных элементов систем, универсальных типов данных, с использованием человеко-машинных языков, информационных моделей, цифровых средств и программных инструментов.

Особого внимания заслуживает взгляд на трансдисциплинарный подход как на одну из наиболее перспективных форм мета-методологии [8, р. 37–38], которая распространяется на практику мета-исследований (*мета-* от греч. «за, после»). В научных дисциплинах, связанных с обработкой «больших данных», все виды мета-исследований, или исследований «второго порядка», разделяются на следующие виды: метатеория, мета-методы и анализ метаданных [17, р. 377–378]. Метатеория занимается анализом теорий, созданных на основе осмысления эмпирического материала, а мета-методология – соответственно, анализом методологий.

Выводы

Трансдисциплинарные подходы, которые в развитых странах постепенно вытесняют междисциплинарные, на новом витке развития науки решают множество важных проблем – в частности, проблемы фрагментации научного знания, метанарративов, универсального понятийного аппарата, внедрения результатов исследований на практике, проблему воспроизводства результатов исследований, которая типична для мир-системных и синергетических подходов, проблему системной верификации данных. Верификация данных, взятых из различных областей знания, достигается применением реляционных и других статистических методов высокой точности вместо описательного сравнительного изучения. В свою очередь, это обеспечивает несравненно больший уровень объективности, научности и достоверности гуманитарного знания, недостижимый для традиционных классических подходов, особенно в решении новейших проблем науки.

Литература

1. Мельникова О. М. Комплексный подход. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон; 2014. С. 223–224.
2. Генинг В. Ф. Комплексный метод. *Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов*. Киев: Наукова думка; 1982. С. 170–175.
3. Аликберов А. К. Об интегративных подходах к гуманитарному знанию в востоковедении. *Труды Отделения историко-филологических наук РАН*. 2018. Отв. ред. В. А. Тишков; [сост. Н. В. Тарасова]. М.: Наука; 2019. С. 152–164.
4. Луман Н. *Истина, знание, наука как система*. Вступит. статья и пер. А. Ю. Антоновского. М.: Логос; 2016. 408 с.
5. *The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai*. Vol. II. Ed. by J. Gippert, W. Schulze, Z. Alexidze, J.-P. Mahé. Turnhout: Brepols Publishers n. v.; 2008. 530 p.
6. *The Institute for Digital Archeology*. Электронный ресурс: URL: <https://digitalarchaeology.org.uk/our-purpose> (дата обращения: 17.09.2022).
7. Rigolot C. Transdisciplinarity as a discipline and a way of being: complementarities and creative tensions. *Humanities and Social Sciences Communications*. September 2020;7(1):100. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00598-5>.
8. *Transdisciplinarity: Stimulating Synergies, Integrating Knowledge*. UNESCO: Division of Philosophy and Ethics; 1998. 565 p.
9. Burke P. *History and Social Theory*. 2nd ed. Ithaca – New York: Cornell Univ. Press; 2005. 224 p.
10. Луман Н. *Общество как социальная система*. Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос; 2004. 232 с.
11. Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках. *Философия и методология истории*. Под ред. И. С. Кона. М.: Прогресс; 1977. С. 143–167.
12. Ромадина Т. И. *Компаративный метод в контексте междисциплинарного синтеза: опыт исследований М. Блока*. Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права), 2007;32(2):132–135.
13. *Transdisciplinarity: reCreating Integrated Knowledge*. Ed. by M. A. Somerville, D. J. Rapport. Oxford, UK: EOLSS Publishers Co. Ltd.; 2000. 272 p.
14. Piaget J. L'épistémologie des relations interdisciplinaires. *Léo Apostel et al. Interdisciplinarity Problems of Teaching and Research in Universities*. OECD Publications Center; 1972. P. 155–171.
15. Репина Л. П. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. М.: Кругъ; 2011. 559 с.
16. Necolescu B. Natural Information and Spiritual Information as an Outcome of the Transdisciplinary Methodology. *Information Studies and the Quest for Transdisciplinarity. Unity through Diversity*. Ed. M. Burgin, W. Hofkirchner. London: World Scientific; 2017. P. 307–324.
17. Shanyang Zhao. Metatheory, Metamethod, Meta-Data-Analysis: What, Why, and How? *Sociological Perspectives* (Recent Explorations in Sociological Metatheorizing). 1991;34(3). P. 377–390.

Информация об авторе

Аликберов Аликбер Калабекович – доктор исторических наук, директор Института востоковедения РАН, главный научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, главный редактор журнала «Ориенталистика», Москва, Россия, © alikberov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2894-2767>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18.10.2022; одобрена после рецензирования 01.11.2022; принята к публикации 05.11.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Melnikova O. M. Integrated approach. In: Chubaryan A. O. (ed.) *Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary*. Moscow: Akvilon; 2014, pp. 223–224. (In Russ.).
2. Gening V. F. Complex method. *Essays on the history of Soviet archeology. At the origins of the formation of the Marxist theoretical foundations of Soviet archeology. 20s – the first half of the 30s*. Kyiv: Naukova Dumka; 1982, pp. 170–175. (In Russ.).
3. Alikberov A. K. On integrative approaches to humanitarian knowledge in Oriental studies. In: Tishkov V. A. (ed.); Tarasova N. V. (comp.) *Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences*. 2018. Moscow: Nauka; 2019, pp. 152–164. (In Russ.).
4. Luhman N. *Truth, knowledge, science as a system*. Enter article and transl. by A. Yu. Antonovsky. Moscow: Logos; 2016. 408 p. (In Russ.).
5. *The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai*. Vol. II. Ed. by J. Gippert, W. Schulze, Z. Alexidze, J.-P. Mahé. Turnhout: Brepols Publishers n. v.; 2008. 530 p.
6. *The Institute for Digital Archeology*. [Internet]: Available from: <https://digitalarchaeology.org.uk/our-purpose> (accessed: 17.09.2022).
7. Rigolot C. Transdisciplinarity as a discipline and a way of being: complementarities and creative tensions. *Humanities and Social Sciences Communications*. September 2020;7(1):100. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00598-5>.
8. *Transdisciplinarity: Stimulating Synergies, Integrating Knowledge*. UNESCO: Division of Philosophy and Ethics; 1998. 565 p.

9. Burke P. *History and Social Theory*. 2nd ed. Ithaca – New York: Cornell Univ. Press; 2005. 224 p.

10. Luhman N. *Society as a social system*. Transl. by A. Antonovsky. Moscow: Logos; 2004. 232 p. (In Russ.).

11. Schieder Th. Possibilities and limits of comparative methods in historical sciences. In: Kon I. S. (ed.) *Philosophy and methodology of history*. Moscow: Progress Publishing House; 1977, pp. 143–167. (In Russ.).

12. Romadina T. I. Comparative method in the context of interdisciplinary synthesis: M. Blok's research experience. *Izvestiya IGEA (News of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law))*. 2007;32(2):132–135. (In Russ.).

13. *Transdisciplinarity: reCreating Integrated Knowledge*. Ed. by Margaret A. Somerville, David J. Rapport. Oxford, UK: EOLSS Publishers Co. Ltd.; 2000. 272 p.

14. Piaget J. L'épistémologie des relations interdisciplinaires. *Léo Apostel et al. Interdisciplinarity Problems of Teaching and Research in Universities*. OECD Publications Center; 1972, pp. 155–171.

15. Repina L. P. *Historical science at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practice*. M.: Krug, 2011. 559 p. (In Russ.).

16. Necolescu B. Natural Information and Spiritual Information as an Outcome of the Transdisciplinary Methodology. In: Burgin M., Hofkirchner W. (eds) *Information Studies and the Quest for Transdisciplinarity. Unity through Diversity*. London: World Scientific; 2017, pp. 307–324.

17. Shanyang Zhao. Metatheory, Metamethod, Meta-Data-Analysis: What, Why, and How? *Sociological Perspectives (Recent Explorations in Sociological Metatheorizing)*. 1991;34(3):377–390.

Information about the author

Alikber K. Alikberov – Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Center for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga Region, Editor-in-Chief of *Orientalistica*, Moscow, Russia, ✉ alikhberov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2894-2767>.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 18.10.2022; approved after reviewing 01.11.2022; accepted for publication 05.11.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья

Исторические науки

УДК 329.15(510)КПК(091)"19/20"(0.025.2)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-734-750>

Новые подходы Пекина к историографии КПК и КНР: «исправление имен» в эпоху Си Цзиньпина

Игорь Евгеньевич Денисов¹, Иван Юрьевич Зуенко²✉

^{1,2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ iedenisov@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-5447-1164>

² i.zuenko@inno.mgimo.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-9853-9703>

Аннотация. Статья посвящена анализу тенденций в политическом дискурсе КНР накануне проведения XX съезда Коммунистической партии Китая (осень 2022 г.) в части, касающейся официальной историографии последних ста лет. Делается вывод, что с целью укрепления позиций Си Цзиньпина в качестве национального лидера, в т.ч. для придания легитимности продлению его властных полномочий свыше двух пятилетних сроков, основной ревизии подвергнут период осуществления «политики реформ и открытости» (1980–2010-е гг.). В то же время в официальной риторике усиливаются националистические мотивы, обесценивается позитивное значение внешней помощи в предыдущие десятилетия, подчеркивается беспрецедентность вызовов, стоящих перед Китаем в настоящий момент, и эффективность, с которой справляется с ними нынешнее руководство во главе с Си Цзиньпином. Ключевым документом, зафиксировавшим эти тенденции, стала так называемая «историческая резолюция» 6-го пленума ЦК КПК 19-го созыва (ноябрь 2021 г.), анализ которой занимает центральное место в статье. По мнению авторов, историографические оценки, выдвинутые в этом документе, будут определять в Китае восприятие партийной истории на протяжении, как минимум, ближайшего десятилетия; с учетом новых оценок, весь период, начиная с 2012 г., теперь можно с полной уверенностью называть «эпохой Си Цзиньпина» или «новой эпохой», отделяя его от предшествующего «периода реформ и открытости».

Ключевые слова: Китай, КПК, Си Цзиньпин, новая эпоха, историография

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Для цитирования: Денисов И. Е, Зуенко И. Ю. Новые подходы Пекина к историографии КПК и КНР: «исправление имен» в эпоху Си Цзиньпина. *Ориенталистика*. 2022;5(4):734–750. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-734-750>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-734-750>

History studies

New Approaches of Beijing to the Historiography of People's Republic of China and Communist Party of China: 'Rectification of Names' during Xi Jinping Era

Igor E. Denisov¹, Ivan Yu. Zuenko²

^{1,2} MGIMO University, Moscow, Russia

¹ iedenisov@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-5447-1164>

² i.zuenko@inno.mgimo.ru , <https://orcid.org/0000-0002-9853-9703>

Abstract. The article analyzes the trends in China's political discourse on the eve of the 20th Congress of the Communist Party of China (autumn 2022) regarding the official historiography of the last hundred years. The conclusion is made that to strengthen Xi Jinping's position as a national leader, (which includes the legitimacy of extending his mandate for more than two five-year terms), the period of "Reforms and Opening Policy (1980–2010s)" had been thoroughly reconsidered. At the same time, the official rhetoric reinforces nationalist motives, devalues the positive impact of foreign assistance in previous decades, emphasizes the unprecedented challenges China is currently facing and the efficiency with which the current leadership led by Xi Jinping is coping with them. The key document that captured these trends was the so-called "historic resolution" of the 6th plenum of the 19th CPC Central Committee (November 2021), the analysis of which is central to the article. The authors argue the historiographic assessments put forward in the document will determine China's perception of Party history for at least the coming decade. Given the new approaches to recent history, the entire period, which commenced in 2012 should be now called "Xi Jinping Era" or the "New Era," (xin shidai), which will thus be distinguished from the preceding "Period of Reforms and Opening".

Keywords: China, CPC, Xi Jinping, New Era, historiography

For citation: Denisov I. E., Zuenko I. Yu. New Approaches of Beijing to the Historiography of People's Republic of China and Communist Party of China: 'Rectification of Names' during Xi Jinping Era. *Orientalistica*. 2022;5(4):734–750. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-734-750>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Введение

В последние годы в КНР наметилась тенденция к корректировке политического дискурса, что призвано отражать новые внутренние и внешнеполитические реалии – прежде всего, повышение роли Китая на мировой арене¹. «Решение Центрального комитета КПК по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии» (中共中央关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议) [1]², также называемое «исторической резолюцией», принятое на 6-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва 8–11 ноября 2021 г., является ярким свидетельством этого процесса и наиболее примечательным политическим текстом последнего времени, характеризующим новые подходы Пекина к историографии.

Говоря о значении «резолюции», следует отметить, что само ее принятие и развернувшаяся после 6-го пленума пропагандистская кампания стали ключевыми факторами, формирующими идеологическую повестку XX съезда КПК – высшего партийного форума, на котором ожидается принятие решения о переизбрании Си Цзиньпина в качестве лидера партии. Таким образом, с одной стороны, содержание «исторической резолюции» предопределяется задачами съезда; с другой стороны, оно задает риторику и оценки, которые будут определять политические установки на этом съезде и после него.

За год до съезда в Пекине сочли необходимым дать более развернутую аргументацию особого вклада Си Цзиньпина в развитие Китая за минувшее десятилетие (после избрания генсеком ЦК КПК в 2012 г.) и коренных отличий «новой эпохи» от предшествующих политических периодов, связанных с именами лидеров прежних поколений. По мысли китайских идеологов, это должно легитимизировать в глазах китайской общественности ожидаемое на съезде нарушение негласной практики, установленной на рубеже 1980-90-х гг., согласно которой поколения руководителей приходили к власти лишь на два срока по пять лет. Такой важной политической задаче соответствует обращение к особому жанру общественно-политической мысли – жанру «исторической резолюции». Можно сказать, что партия, учитывая особый характер нынешнего момента, «вынула из рукава козырь», поскольку ранее за сто лет истории партии к такому жанру обращались лишь дважды.

Понимание того, что же третья «историческая резолюция» говорит нам о новых подходах Пекина к историографии последних десятилетий, представляет собой актуальную задачу для мирового китаеведения. Ее практическое значение состоит в том, что без ответа на вопрос, как партийное руководство видит историю Китая и свое место в ней, невозможна объективная интерпретация происходящих в КНР процессов, без чего нельзя дать точный прогноз эволюции китайской политической системы и сформировать оптимальный внешнеполитический курс в отношении Китая. Теоретическое значение указанной

¹ Авторы в рамках интеллектуальной провокации проводят аналогию со знаменитым высказыванием Конфуция, отраженном в трактате «Лунь Юй», о необходимости начинать управление государством с «исправления имен» (чжэнмин, 正名): «Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться» (перевод В. А. Кривцова) (名不正, 则言不顺; 言不顺, 则事不成).

² Здесь и далее цитаты на русском языке приводятся по официальному переводу информационного агентства «Синьхуа» [2].

задачи связано, прежде всего, с необходимостью пересмотра устоявшейся периодизации новейшей истории КНР, согласно которой весь период начиная с 1978 г. представляется неким непрерывным и однородным «периодом реформ», что, очевидно, уже давно не соответствует действительности.

Необходимо отметить, что из-за относительной свежести решений 6-го пленума ЦК КПК 19-го созыва (ноябрь 2021 г.) китаеведный анализ «исторической резолюции» пока в основном был проведен в формате публицистики, причем в России, помимо новостных материалов, можно выделить только две аналитические работы на эту тему: [3; 4]. О том, что этого явно недостаточно, может говорить также тот факт, что в первом полугодии 2022 г. появилось лишь две работы на русском языке [5; 6], претендующие на комплексное и научное раскрытие указанной темы, причем обе выполнены китайскими авторами и не ставят перед собой задачу критического анализа как содержания «исторической резолюции», так и ее политического значения³. Аналогичная ситуация наблюдается в корпусе англоязычных текстов – с тем лишь различием, что количество аналитических статей, появившихся по итогам пленума, значительно больше (см., например, [7; 8]).

В этой связи авторы ставят перед собой две задачи, решение которых может способствовать заполнению выявленного пробела: во-первых, проанализировать «историческую резолюцию» 2021 г. на предмет ключевых тезисов применительно к историографии; во-вторых, сравнить ее содержание с предыдущими аналогичными документами, что позволит установить, *как именно* эволюционируют подходы Пекина. Решение этих задач должно способствовать достижению главной цели исследования – показать, какое влияние изменения в общественно-политической мысли Китая оказывают на развитие международных отношений с участием Китая, прежде всего, российско-китайского взаимодействия. При этом авторы осознают, что столь амбициозная цель не может быть достигнута посредством одной статьи – данную работу можно воспринимать лишь как приглашение к дискуссии, скромный вклад в проведение комплексного исторического исследования по всему периоду правления Си Цзиньпина.

Исходя из поставленных выше задач, статья разбита на четыре параграфа: в первом дается обзор контекста принятия третьей «исторической резолюции»; второй содержит результаты анализа в части новой периодизации современной китайской истории; в третьем акцент делается на наиболее значимом, на наш взгляд, моменте – ревизии истории «периода реформ»; наконец, в четвертом делается ряд выводов о том, как новые подходы Пекина к историографии влияют на международные отношения.

Политический контекст принятия третьей исторической резолюции

Как уже было отмечено выше, ранее идеологи КПК обращались к жанру «исторической резолюции» лишь дважды: в 1945 г. – «О некоторых исторических вопросах» (关于若干历史问题的决议), и в 1981 г. – «О некоторых вопросах истории партии со времени образования КНР» (关于建国以来党的若干历史问题的决议).

³ Учитывая деликатность темы, связанной с анализом политической ситуации в КНР, авторы посчитали возможным при проработке библиографии темы не ориентироваться на китаеязычную литературу, принимая за аксиому, что статьи, написанные китайскими учеными – особенно по горячим следам – вряд ли будут содержать какую-либо критическую интерпретацию партийного документа.

Как представляется, основная задача недавнего «Решения» – теоретическое обоснование особой, «новой эпохи» развития КПК и КНР, тесно связанной с личностью Си Цзиньпина. В свою очередь, «историческая резолюция» 1945 г. должна была сформулировать унифицированный взгляд на историю партии в преддверии захвата власти в стране, а «резолюция» 1981 г. – дать политическую оценку эпохе Мао Цзэдуна (особенно «культурной революции») в условиях начавшихся реформ Дэн Сяопина и фактического утверждения у власти второго поколения руководителей КПК.

Как следует из «Пояснений к Решению ЦК КПК» [9]⁴, Си Цзиньпин лично возглавил редакционную группу по подготовке «исторической резолюции». Можно, таким образом, утверждать, что напрямую от генсека исходит попытка фактически «переписать» историю. Некоторым процессам дана новая трактовка, отличная от «резолюций» 1945 и 1981 гг., а также от содержания партийных документов и трудов китайских историков, опубликованных в 1980–2010-е гг.

Что же касается времени принятия новой трактовки истории партии, то стоит обратить внимание на следующие два принципиальных момента.

(1) Приближенность к дате проведения XX съезда КПК, а не к столетнему юбилею партии. Если считать, что главное в документе – это обобщение столетнего опыта деятельности КПК, то логично было бы принять резолюцию осенью 2020 г., чтобы задать единую тональность торжествам, а не осенью 2021 г., к концу юбилейных мероприятий.

(2) Сжатые сроки разработки документа, что наводит на мысль о том, что сама идея фиксации идеологии «новой эпохи» в «судьбоносной» исторической резолюции возникла не ранее января — февраля 2021 г. Основным мотивом стала при этом не «нормализация» предшествующей истории, а скорее дальнейшее политическое закрепление особой роли Си Цзиньпина и легитимизация «третьего срока» (хотя, казалось бы, все необходимые приготовления к этому шагу уже были сделаны заранее и состояли в наделении Си статусом «ядра партии», включении идеологических разработок генсека в Устав КПК и Конституцию КНР, применении в адрес высшего руководителя титула «народный вождь» (人民领袖), а также снятия ограничений на занятие поста председателя КНР двумя пятилетними сроками). Разумеется, все это сопровождалось и определенными организационными мероприятиями – замыканием работы ключевых комиссий и рабочих групп⁵ лично на Си Цзиньпина, введением после XIX съезда КПК практики ежегодных письменных отчетов (书面述职) всех членов Политбюро ЦК КПК и других высших чиновников непосредственно перед Си Цзиньпином и т.п.

Если «историческая резолюция» Дэн Сяопина готовилась около двух лет – с ноября 1979 по июнь 1981 г. – и редакционная работа над ней

⁴ Здесь и далее цитаты на русском языке приводятся переводу, опубликованному на сайте «Жэньминь жибао онлайн», см.: [10].

⁵ В политической системе КНР по-прежнему значительную роль играют комиссии и руководящие рабочие группы, к основным функциям которых относится формирование повестки работы высших органов власти, межведомственная координация и подготовка решений. Си Цзиньпин лично возглавляет ряд наиболее важных координационных органов, например, Комиссию ЦК КПК по всестороннему углублению реформ, Комиссию ЦК КПК по финансам и экономике, Комиссию ЦК КПК по иностранным делам и др.

сопровождалась достаточно широкой внутривнутрипартийной дискуссией с постоянным уточнением формулировок и несколькими версиями документа (сообщалось, в частности, что ЦК КПК привлек к обсуждению проекта резолюции около 4 тыс. кадровых партийных работников высокого ранга [11]), то текст резолюции 6-го пленума ЦК КПК 19-го созыва был фактически создан в экстренном порядке и с ограниченным обсуждением. Как говорилось в «Пояснениях» Си Цзиньпина, лишь в марте 2021 г. была сформирована редакционная группа по подготовке резолюции (заместителями Си Цзиньпина в этой группе были назначены Ван Хунин и Чжао Лэцзи). 6 сентября в соответствии с принятым на заседании Политбюро ЦК КПК решением проект документа был разослан «определенному кругу внутри партии для сбора мнений, в том числе мнений *части* партийных ветеранов» (выделено авторами).

При этом ясно, что масштаб задач, стоявших перед составителями двух последних исторических резолюций, был несопоставим. В соответствии с указаниями Дэн Сяопина резолюция 1981 г. должна была определить историческое место Мао Цзэдуна, который находился на ведущих ролях в партии более полувека. Как следует из «Пояснений» Си Цзиньпина и самого текста резолюции 2021 г., ее основной содержательный фокус состоял в оценке исторического периода после XVIII съезда КПК (то есть лишь одной десятой части столетней истории партии), причем оценке сугубо позитивной.

Тем не менее особый смысл в принятии специальной исторической резолюции на этапе подготовки XX съезда все-таки был. Существовал и серьезный политический вопрос, в который необходимо было внести ясность. Он касался оценок деятельности во главе партии и государства непосредственных предшественников Си Цзиньпина, а также периода «реформ и открытости» (改革开放) в целом. Не будет преувеличением сказать, что нынешняя «историческая резолюция» впервые ставит вопрос о комплексной оценке длительного периода истории КНР и КПК между смертью Мао Цзэдуна и приходом к власти Си Цзиньпина как цельного (и, стало быть, завершившегося) периода.

Таким образом, фактически «Решение» знаменует завершение «периода реформ и открытости», утверждая «новую эпоху развития социализма с китайской спецификой» (или, сокращенно, просто «новую эпоху» 新时代) как следующий, качественно иной этап в истории Китая и КПК. Целью этого шага, как представляется, является дальнейшее возвеличивание Си Цзиньпина. Ранее Си являлся заложником прежней историографической парадигмы, при которой он был всего лишь одним из нескольких руководителей в рамках единого «периода реформ и открытости». По всей видимости, в высшем партийном руководстве сложился консенсус о том, что «новая эпоха» заключается и в определенном разрыве со «старой» – риторическом и политическом.

Новая периодизация истории КПК

Анализ третьей «исторической резолюции» показывает, что наиболее важные изменения в историографических оценках были сделаны в части периодизации истории партии.

Так, еще десять лет назад, в 2011 г., в официальной печати подчеркивалось, что история партии делится на три периода: с 1921 по 1949 г., с 1949 по 1978 г., и с 1978 по настоящее время [12]. При этом отмечалось наличие в истории партии двух исторических скачков, каждому из которых соответствует

значительное теоретическое достижение. Первым историческим скачком стал период «новой демократической революции», в ходе которого сформировались идеи Мао Цзэдуна. Второй исторический скачок произошел после «реформаторского» 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, что выразилось в формировании теоретической системы социализма с китайской спецификой. Особенность третьего этапа, начавшегося в 1978 г., состояла в том, что он уже не связан с отдельной личностью. Это отражало систему коллективного руководства, внедренную Дэн Сяопином и другими реформаторами второго поколения.

Сейчас же в третьей исторической резолюции предлагается новая хронология, согласно которой 100-летняя история КПК делится на четыре части: три периода (时期) и одну эпоху (时代). Последняя связана с «единоличным вкладом» Си Цзиньпина в китаизацию марксизма, и «эпохальность» этого вклада, согласно логике составителей резолюции, по крайней мере, не уступает, а может быть и превосходит значение таких исторических событий, как образование КНР, или начало периода «реформ и открытости». Именно поэтому статус этой хронологической единицы повышен с «периода» до «эпохи», что сразу же выделяет ее среди других временных промежутков в партийной истории, даже более длительных.

Эпоха Си Цзиньпина в сравнении с предшествующими периодами истории КПК трактуется через призму трех состояний китайской нации: «поднялась», «разбогатела», «стала сильной». Каждой эпохе соответствует также своя идеологическая инновация: «идеи Мао Цзэдуна», концепция «социализма с китайской спецификой» и «идеи Си Цзиньпина», называемые также «теорией развития социализма с китайской спецификой в новую эпоху».

Соответственно, согласно «Решению», в китаизации марксизма было не два, как считалось раньше, а три качественных скачка: идеи Мао Цзэдуна, теоретическая система социализма с китайской спецификой («теория Дэн Сяопина» лишь одна ее часть) и идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи. Таким образом, единственный китайский партийный лидер, с которым Си может рассматриваться наравне – это Мао Цзэдун.

Примечательно, что период правления Дэн Сяопина структурно не выделяется в резолюции, а рассматривается в одном разделе с периодами правления Цзян Цзэминя (1989–2002) и Ху Цзиньтао (2002–2012). При этом периодам правления Мао Цзэдуна и Си Цзиньпина посвящены отдельные разделы. Другим средством подчеркнуть невысокую значимость предшественников Си является асимметричность изложения, при котором истории КНР 1990–2010-х гг. уделяется непропорционально мало внимания.

Концепция «поколений руководителей», невыгодная Си Цзиньпину из-за того, что, во-первых, ставит его в один ряд с предшественниками, а, во-вторых, предполагает плановую сменяемость самого Си Цзиньпина, упоминается лишь в начале «исторической резолюции», когда говорится о «руководителем коллективе ЦК КПК первого поколения, ядром которого был товарищ Мао Цзэдун». В дальнейшем, говоря о Цзян Цзэминя («третье поколение») и Ху Цзиньтао («четвертое поколение»), «резолюция» называет только временные рамки их нахождения у власти и не оперирует представлением о четкой сменяемости поколений, что раньше выглядело аксиомой. Таким образом, заметен отход от «поколенческой» парадигмы, предложенной, в свое время, Дэн Сяопином, и которую неоднократно раньше неоднократно упоминал сам

Си Цзиньпин, поскольку речь шла о важном внутриэлитном консенсусе. Смещая акценты с поколенческой модели на неопределенно длящуюся «новую эпоху» без деления на поколения, партия оставляет открытым вопрос, каким образом будет проходить политический транзит, и возможно ли в будущем возвращение правил, установленных в период реформ и открытости. Это делает политический горизонт менее четко заданным, что в определенной степени компенсируется «утяжелением» теоретического вклада нынешнего лидера.

Концепции «тройного представительства» и «научного развития», при первом упоминании в тексте «Решения» связываются с именами Цзянь Цзэминя и Ху Цзиньтао, однако, при упоминании их как источников «идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху» они, в отличие от прежних идеологических формул, даются без атрибутирования авторов. Таким образом, принижается значение Цзянь Цзэминя и Ху Цзиньтао по сравнению с Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином и Си Цзиньпином.

О значимости трех эпох в глазах авторов «Решения» может говорить тот факт, что эпохе Мао Цзэдуна в общей сложности посвящено около 20% текста, эпохе «реформ и открытости» – 13% текста, а эпохе Си Цзиньпина – около 67% текста. Данное обстоятельство позволяет характеризовать «историческую резолюцию» 2021 г. как концептуальное обоснование необходимости сохранения власти в руках Си Цзиньпина и после XX съезда партии (в нарушение упомянутых выше негласных традиций), а в перспективе и пожизненно, как это было в случае с Мао Цзэдуном.

Ревизия периода «реформ и открытости»

Одним из наиболее важных переломных моментов, обнаруженных в новой китайской историографии, является переоценка периода «реформ и открытости», который ранее был, своего рода, синонимом всей истории Китая после смерти Мао Цзэдуна (за исключением короткого переходного периода 1976–1978 гг., который, тем не менее, частью китайских историков также включается в пореформенную эпоху).

Сейчас период «реформ и открытости», который ранее изображался в китайских политических документах и исторической литературе, как череда выдающихся успехов [13, с. 64], характеризуется наличием ряда ошибок и проблем, причем в «исторической резолюции» 2021 г. данная часть текста заметно лучше проработана, чем часть, посвященная «культурной революции».

«Культурной революции» в «Решении» посвящено буквально два небольших предложения: «Из-за совершенно ошибочной оценки, существовавшей в то время расстановки классовых сил в стране и политической обстановки в партии и государстве, товарищ Мао Цзэдун развернул «культурную революцию» и руководил ей. Контрреволюционные группировки Линь Бяо и Цзянь Цин, воспользовавшись ошибками товарища Мао Цзэдуна, совершили множество преступлений против государства и народа, и повлекли за собой десятилетнюю смуту, которая принесла партии, государству и народу самые серьезные неудачи и потери со времени образования КНР». Таким образом, оценки этого периода в целом соответствуют тексту «резолюции» 1981 г., что подтверждается и замечаниями Си Цзиньпина в «Пояснениях».

Проблемы эпохи «реформ и открытости» отражаются через тезис о том, что в эпоху Си Цзиньпина партии «удалось решить многие сложнейшие

вопросы, которые долгое время мы планировали, но не смогли решить, также удалось завершить многие важнейшие дела, которые раньше были лишь намеченными планами, были ликвидированы серьезнейшие опасности, за- таившиеся внутри партии, государства и армии». «Резолюция» также обра- щает внимание на целый ряд «глубинных противоречий и проблем», кото- рые копились в течение длительного времени. Главные риски были связаны с состоянием самой партии: «одно время в управлении партией наблюдалась нестрогость, распушенность и слабость, что привело к распространению кор- рупции и других негативных явлений внутри партии, породило серьезные проблемы в политической экосистеме».

Документ констатирует неэффективность и дисфункциональность поли- тической системы при прежнем руководстве: «Важнейшие решения и планы ЦК КПК» не выполнялись, на местах часто действовали без оглядки на указания сверху, демонстрируя лишь формальную лояльность. Отмечаются серьезные проблемы партийно-государственной бюрократии: слабость политических убеждений, порочный стиль работы в области подбора и использования кад- ров, формализм, гедонизм, крайний индивидуализм, исторический нигилизм и другие ошибочные идейные течения. Столь же мрачно характеризуется об- становка в силовом блоке. В частности, отмечается, что некоторые работники правоохранительных и судебных органов извращали закон в корыстных целях и даже выступали в виде «зонтиков», покрывающих преступников.

Подразумевается, что все эти проблемы были заметны до 2012 г., тогда как в период нахождения у власти Си Цзиньпина их удалось преодолеть. До- казательством чего является длинный список свергнутых при Си Цзиньпине «нарушителей партийной дисциплины и государственных законов».

Подводя итог анализу трактовок истории Китая после 1978 г., следует отметить, что завершение периода «реформ и открытости» официально ни- где не постулируется; более того, авторы вполне допускают, что сам термин «реформы и открытость» по инерции еще будет употребляться долгое время, в том числе и для обозначения текущих реалий: наверняка, в 2028 г. будет отпразднован 50-летний юбилей реформ и т. д. Однако, все чаще в работах историков, публицистов, выступлениях политиков и деятелей культуры будет звучать противопоставление «реформ до Си Цзиньпина» (до 2012 г.) и «реформ после прихода к власти Си Цзиньпина» (с 2012 г.) – «новой эпохи», что мы уже видим в различных областях. Например, в китайском кинемато- графе существует негласное правило, по которому изображать негативные процессы в обществе (преступность, наркоманию, проституцию и т. д.) можно только с четкой датировкой до 2012 г. В связи с этим рискнем предположить, что историки будущего, работая над периодизацией истории КНР, будут за- вершать период «реформ и открытости» в 2012 г. (год прихода к власти Си Цзиньпина) или 2022 г. (год, когда, как ожидается, Си Цзиньпин будет переиз- бран во главе партии в третий раз, что символизирует окончательный отход от политического наследия Дэн Сяопина).

Влияние на международные отношения

Стоит обратить внимание на сдержанность формулировок внешне- политического раздела «Решения», хотя в тексте и воспроизводятся все привычные клише дипломатического дискурса при Си Цзиньпине, прежде

всего «сообщество единой судьбы человечества». Тем не менее заслуги нынешнего генсека выпячиваются меньше, чем на других направлениях. Здесь заметен контраст с другими разделами, описывающими ситуацию «новой эпохи», в которых акцент на провалах и недостатках предшественников Си Цзиньпина звучит порой очень резко. Критические замечания о ситуации во внешних связях до 2012 г. отсутствуют совсем. По всей видимости, и XX съезд КПК обойдется без серьезных внешнеполитических новаций, ограничиваясь прежними общими формулировками в рамках концепции дипломатии великой державы с китайской спецификой.

При этом сопоставление третьей «исторической резолюции» с предшествующими подобными документами позволяет вычленить изменение позиционирования Китая на внешней арене – а именно тенденцию к замалчиванию и обезличиванию позитивного влияния сотрудничества Китая с другими странами.

Рассмотрим данный момент на примере отражения в документе роли сотрудничества Китая и России:

Наша страна в тексте «Решения» упоминается трижды:

(1) Повторяется каноническая формулировка, характерная и для предшествующих исторических документов о том, что «орудийные залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм», при этом значение Коминтерна для учреждения китайской Коммунистической партии, подчеркиваемое российскими историками, как и ранее, не фиксируется;

(2) Упоминается все та же Октябрьская революция в контексте того, что копирование советского опыта без учета китайских реалий было контрпродуктивно («как показывают факты, при тогдашних объективных условиях китайские коммунисты не смогли бы победить в революции по всей стране путем захвата центральных городов в первую очередь, как это было во время Октябрьской революции в России»);

(3) Говоря о вызовах, стоящих перед КПК на рубеже 1980-х и 1990-х гг., «Решение» называет, прежде всего, распад Советского Союза как важнейший геополитический фактор, чего в резолюциях 1945 и 1981 гг., по понятным причинам, не могло быть.

Таким образом, Россия выступает как страна, в отношении которой превалирует не *взаимодействие*, а *наблюдение*. Если применительно к краху КПСС и СССР этот момент хорошо известен, и ему посвящена обширная библиография как в Китае, так и в России (см., например: [14]), то отсутствие в тексте «Решения» упоминаний о позитивной роли СССР/России в истории КНР и КПК нуждается в дополнительных пояснениях.

На первый взгляд, в этом нет ничего настораживающего для нашей страны – во всяком случае, она, в отличие от Японии и США, не упоминается в негативном контексте. Однако, важно, что в «резолюции» 1981 г. прямо упоминалась помощь Советского Союза и «других дружественных стран» в осуществлении планов первой пятилетки («С опорой на собственные силы при помощи Советского Союза и других дружественных стран, удалось достичь значительных успехов»). Сейчас же внешний фактор в развитии КНР в первое десятилетие после 1949 г. вообще не указывается («КПК обеспечила стабильность товарных цен, осуществила единое планирование финансово-экономической работы, завершила аграрную реформу, провела демократические преобразования во всех сферах общества, обеспечила равные права

мужчин и женщин, подавила контрреволюцию, развернула движение против «трех зол» и «пяти зол», очистила муть и грязь, оставленные старым обществом»).

Отметим также, что не упоминаются и такие важные факторы развития КНР и КПК как организационная и материальная помощь Коминтерна на ранних стадиях деятельности партии, а также решающая роль СССР в разгроме Японии на завершающем этапе Второй мировой войны.

Таким образом, налицо тенденция к абсолютизации собственного опыта и достижений КПК, как в политическом и военном, так и в социально-экономическом плане, соответствующая подъему национально-патриотических и даже шовинистических настроений в современном Китае. «Историческая резолюция», конечно же, не является первопричиной этих настроений, но она их хорошо иллюстрирует, а также позволяет сделать вывод о том, что подобное эгоцентричное позиционирование себя на мировой арене санкционировано руководством и соответствует его видению.

Изучение того, как подобные настроения отражаются во внешнеполитической практике, заслуживает отдельной работы⁶, вкратце же отметим, что выделенные нами тенденции в историографических подходах Пекина означают стремление к переходу от реактивной к проактивной позиции на международной арене, отказ от концептуального наследия Дэн Сяопина, связанного со стремлением «держаться в тени»⁷, убежденность в возможности решить все возникающие проблемы собственными силами.

Для России в этом контексте важно не пугаться растущей самоуверенности КНР. В ситуации острого противостояния США и Китая наша страна находится в положении безальтернативного партнера и квазисоюзника Пекина, причем это не вынужденный, а осознанный выбор, к которому Москва шла несколько десятилетий. Однако, нужно понимать, что с китайской стороны курс на партнерские отношения с Россией принят в силу прагматичного расчета, а не из-за каких-либо особенно теплых чувств к ней, скрепленных историческим прошлым.

Важный как для внутренней, так и для внешнеполитической повестки тезис о том, что Китай сформировал собственную модель модернизации, создав новую форму человеческой цивилизации, имеет в первую очередь идеологическое наполнение. Представляется, что, прежде всего, данный вывод

⁶ Авторы затрагивали эту тему в статье [15].

⁷ Отдельные высказывания Дэн Сяопина по вопросам внешней политики были сведены в обобщенную формулу, в наиболее полном виде состоящую из 28 иероглифов. В соответствии с нею, в деятельности на международной арене Китаю предписывалось «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное». Полная формулировка внешнеполитических заветов Дэн Сяопина из 28 иероглифов, как правило, дается в версии, приведенной в опубликованном в КНР в 2002 г. сборнике высказываний Цзян Цзэминя о социализме с китайской спецификой. Наиболее близкий к китайскому оригиналу русскоязычный вариант этой формулы содержится в переводе данного сборника на русский язык под редакцией Ю. М. Галеновича (см.: [16, с. 473]. цит. по: [17, с. 25]).

ориентирован на внутреннюю аудиторию (он выдержан в духе китайской исключительности и служит еще одним примером «достижений КПК за столетнюю историю борьбы»). Тем не менее в «Решении» этот тезис подается во внешнеполитической оболочке: обращается внимание на то, что Китай предлагает новые альтернативы странам и нациям, стремящимся ускорить свое развитие и желающим сохранить собственную независимость.

В текущей ситуации, когда руководство понимает риски слишком активной экспансии китайской модели и китайской идеологии, и когда Китай в силу влияния пандемии COVID-19 и технологического соперничества с США все больше сосредоточен на внутреннем усилении, мессианские устремления вряд ли получат немедленное политико-дипломатическое воплощение. Хотя со временем, когда (и, если) Китай почувствует себя достаточно сильным, этого нельзя исключать.

Заключение

Подводя итог анализу новых подходов Пекина к историографии государства и партии, необходимо отметить следующее:

Для нынешних китайских властей оказалось характерно стремление «переписать» существовавшие ранее трактовки истории КПК и КНР. Если резюмировать подходы «исторической резолюции» 2021 г. к предшественникам Си Цзиньпина в статусе национального лидера, получается, что позиции Мао Цзэдуна остались на прежнем уровне, значение Дэн Сяопина для истории снижено, значение Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао снижено значительно, а значение Си Цзиньпина максимально выросло. Причем, если в тексте упоминается о наличии у Мао Цзэдуна неких недостатков, то Си Цзиньпин предстает как абсолютно идеальный и безгрешный руководитель, устраняющий ошибки предшественников.

Прежде всего, переоценке подверглись периоды правления Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао (1989–2012), которые сейчас предстают как время нарастания негативных тенденций в партии и государстве. Возвеличивание роли Си Цзиньпина в преодолении этих негативных моментов формирует идеологическую базу для легитимизации долгого или даже пожизненного правления Си Цзиньпина с возможным нарастанием авторитарных и авторитарных тенденций, а также «культы личности» национального лидера.

«Побочным эффектом» этого возвеличивания Си Цзиньпина ценой обесценивания правления предшественников является своеобразное подведение черты под периодом «реформ и открытости» (1976/1978–2012/2022 гг.) с выделением нового исторического периода – «новой эпохи» («эпохи Си Цзиньпина»).

Хотя «историческая резолюция» 2021 г., прежде всего, обращена на внутреннюю аудиторию и нацелена на решение политических задач перед проведением XX съезда КПК, она содержит положения, позволяющие ожидать изменения и внешней политики. Ревизия наследия периода «реформ и открытости» означает отказ от концепции Дэн Сяопина «держаться в тени» и стремление занять более активную позицию на мировой арене. Отсутствие в тексте «Решения» упоминаний о вкладе СССР в развитие КПК и КНР говорит об абсолютизации собственного опыта и своих достижений, а также убежденности в том, что Китай всегда самостоятельно справлялся с возникающими проблемами. Последнее служит еще одним доводом в пользу тезиса о возможности нарастания авторитарных тенденций в ближайшей перспективе.

При этом присутствующий в «Решении» тезис о китайской модели модернизации как альтернативе западным моделям представляется сугубо идеологическим и обращенным на собственное население – активной работы Пекина по продвижению своей модели за рубежом, сравнимой по интенсивности с действиями США в последние десятилетия, пока ожидать не стоит.

Литература

1. 中共中央关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议(全文) Решение ЦК КПК по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии (Полный текст). *Китайская правительственная сеть*. – http://www.gov.cn/zhengce/2021-11/16/content_5651269.htm (дата обращения: 14.07.2022). (На кит. яз.).
2. Решение ЦК КПК по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии. *Синьхуа*. – <http://russian.news.cn/download/Resolution.docx> (дата обращения: 14.07.2022). (На кит. яз.).
3. Габуев А. Т., Денисов И. Е. Выше Мао: зачем Си Цзиньпин переписывает историю Компартии Китая. *Московский центр Карнеги*. – <https://carnegie-moscow.org/commentary/85863> (дата обращения: 14.07.2022).
4. Зуенко И. Ю. Китай: год великого перелома. *Эксперт*. – <https://expert.ru/expert/2022/01/kitay-god-velikogo-pereloma/> (дата обращения: 14.07.2022).
5. Сунь Цюхуа, Ли Цзявэй. Конструирование и интерпретация политических метафор в Резолюции ЦК КПК по основным достижениям и историческому опыту столетней борьбы партии. *Политическая лингвистика*. 2022;3:131–141.
6. Чжоу Лэчжэн. Внешнеполитические аспекты решений 6-го пленума ЦК КПК 19-го созыва (ноябрь 2021 г.). *Международные отношения: история, теория, практика. Материалы XII научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета*. Минск: БГУ; 2022. С. 616–620.
7. Buckley S. To Steer China's Future, Xi Is Rewriting Its Past. *The New York Times*. – <https://www.nytimes.com/2021/11/07/world/asia/china-xi-jinping.html> (дата обращения: 14.07.2022).
8. Tan V. Xi Jinping Cements His Power with Resolution on History. *MERICIS*. – <https://merics.org/en/short-analysis/xi-jinping-cements-his-power-resolution-history> (дата обращения: 14.07.2022).
9. 习近平:关于《中共中央关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议》的说明 Си Цзиньпин. Пояснения к «Решению ЦК КПК по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии». *Китайская правительственная сеть*. – http://www.gov.cn/xinwen/2021-11/16/content_5651271.htm (дата обращения: 14.07.2022). (На кит. яз.).
10. Пояснения к «Решению ЦК КПК по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии». *Жэньминь Жибао онлайн*. – <http://download.people.com.cn/waiwen/eight16371066441.docx> (дата обращения: 14.07.2022). (На кит. яз.).
11. Deng Xiaoping. *Remarks on Successive Drafts of the "Resolution on Certain Questions in the History of Our Party Since the Founding of the People's Republic of China"*. – <https://www.marxists.org/reference/archive/deng-xiaoping/1981/15.htm> (дата обращения: 14.07.2022).

12. 中国共产党90年干三件大事 *За 90 лет Коммунистическая партия Китая сделала три главных дела. Чжунго шибао.* – http://www.chinadaily.com.cn/dfpd/jiandang90nian/2011-06/10/content_12669200.htm (дата обращения: 14.07.2022). (На кит. яз.).

13. Иванов С. А. Победителей не судят: источники о генезисе и начальном этапе китайских реформ. *Труды ИИАЭ ДВО РАН*. 2020. Т. 4. С. 51–70. <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10043>

14. Зуенко И. Ю. Китай и события 1991 г. в Советском Союзе (к 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР). *Международная аналитика*. 2021;1:96–111. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111>

15. Денисов И. Е., Зуенко И. Ю. Почему новый язык китайской дипломатии звучит так грубо. *Профиль*. – <https://profile.ru/abroad/pochemu-novuj-yazyk-kitajskoj-diplomatii-zvuchit-tak-grubo-320380/> (дата обращения: 14.07.2022).

16. Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. Т. II—III. М.: Памятники исторической мысли; 2004. 812 с.

17. Портяков В. Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация. *Проблемы Дальнего Востока*. 2012;5:14–27.

Информация об об авторах

Денисов Игорь Евгеньевич – старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, ✉ iedenisov@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-5447-1164>.

Зуенко Иван Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра евроазиатских исследований Института международных исследований, доцент кафедры востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, ✉ i.zuenko@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9853-9703>.

Ссылки на авторов

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 26.08.2022; одобрена рецензентами 25.09.2022; принята к публикации 27.09.2022; опубликована 20.12.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Zhonggong Zhongyang guanyu dangde bainianfendou zhongda chengjiu he lishi jingyande jueyi (quanwen) (Resolution of the CPC Central Committee on the major achievements and historical experience of the Party over the past century (Full text)). *Chinese Government Network*. Available from: http://www.gov.cn/zhengce/2021-11/16/content_5651269.htm (accessed: 14.07.2022). (In Chinese).
2. Reshenie CK KPK po osnovnym dostizhenijam i opytu stoletnej bor'by partii [Resolution of the CPC Central Committee on the major achievements and historical experience of the Party over the past century]. *Xinhua*. Available from: <http://russian.news.cn/download/Resolution.docx> (accessed: 14.07.2022). (In Russ.).
3. Gabuev A. T., Denisov I. E. Vyshe Mao: zachem Si Czin'pin perepisyvaet istoriju Kompartii Kitajja (Upper than Mao: Why Xi Jinping rewrites history of Communist Party of China). *Carnegie Moscow Center*. Available from: <https://carnegie-moscow.org/commentary/85863> (accessed: 14.07.2022). (In Russ.).
4. Zuenko I. Yu. Kitaj: god velikogo pereloma (China: the year of great transition). *Expert*. Available from: <https://expert.ru/expert/2022/01/kitaj-god-velikogo-pereloma/> (accessed: 14.07.2022). (In Russ.).
5. Sun Qiuhua, Li Jiawei. Konstruirovanie i interpretacija politicheskikh metafor v Rezoljucii CK KPK po osnovnym dostizhenijam i istoricheskomu opytu stoletnej bor'by partii (Constructing and interpretation of political metaphors in Resolution of the CPC Central Committee on the major achievements and historical experience of the Party over the past century). *Politicheskaja lingvistika (Political linguistics)*. 2022;3:131–141. (In Russ.).
6. Zhou Lezheng. Vneshnepoliticheskie aspekty reshenij 6-go plenuma CK KPK 19-go sozyva (nojabr' 2021 g.) [6th Plenary Session of 19th CPC Central Committee (2021 November) decisions on foreign affairs]. *Mezhdunarodnye otnoshenija: istorija, teorija, praktika: materialy XII nauchno-prakticheskoi konferencii molodyh uchenyh fakul'teta mezhdunarodnyh otnoshenij Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta (Foreign Affairs: history, theory, practice: materials of XII conference of young researchers of Belarus State University International Relations Faculty)*. Minsk: BGU; 2022, pp. 616–620. (In Russ.).
7. Buckley C. To Steer China's Future, Xi Is Rewriting Its Past. *The New York Times*. Available from: <https://www.nytimes.com/2021/11/07/world/asia/china-xi-jinping.html> (accessed: 14.07.2022).
8. Tan V. Xi Jinping Cements His Power with Resolution on History. *MERICs*. Available from: <https://merics.org/en/short-analysis/xi-jinping-cements-his-power-resolution-history> (accessed: 14.07.2022).

9. Xi Jinping. Guanyu «Zhonggong Zhongyang guanyu dangde bainianfendou zhongda chengjiu he lishi jingyande jueyi» de shuoming [Explanations about «Resolution of the CPC Central Committee on the major achievements and historical experience of the Party over the past century»]. *Chinese Government Network*. Available from: http://www.gov.cn/xinwen/2021-11/16/content_5651271.htm (accessed: 14.07.2022). (In Chinese).

10. Pojasnenija k “Resheniju CK KPK po osnovnym dostizhenijam i opytu stoletnej bor’by partii” [Explanations about “Resolution of the CPC Central Committee on the major achievements and historical experience of the Party over the past century»]. *Peoples Daily Online*. Available from: <http://download.people.com.cn/waiwen/eight16371066441.docx> (accessed: 14.07.2022). (In Russ.).

11. Deng Xiaoping. *Remarks on Successive Drafts of the “Resolution on Certain Questions in the History of Our Party Since the Founding of the People’s Republic of China”*. Available from: <https://www.marxists.org/reference/archive/deng-xiaoping/1981/15.htm> (accessed: 14.07.2022).

12. Zhongguo gongchandang 90 nian gan san jian dashi [During 90 years Chinese Communist Party Made Three Big Deals]. *Zhongguo shibao*. Available from: http://www.chinadaily.com.cn/dfpd/jiandang90nian/2011-06/10/content_12669200.htm (accessed: 14.07.2022). (In Chinese).

13. Ivanov S. A. Pobeditelej ne sudjat: istochniki o genezise i nachal'nom jetape kitajskih reform (The winner is always right: sources about genesis and primary stage of Chinese reforms). *IHAE FEB RAS Materials*. 2020. Vol. 4, pp. 51–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10043>

14. Zuenko I. Yu. Kitaj i sobytija 1991 g. v Sovetskom Sojuze (k 100-letiju Komunisticheskoj partii Kitaja i 30-letiju raspada SSSR (China and events of 1991 in Soviet Union (to 100th anniversary of Chinese Communist party and 30th anniversary of USSR collapse). *International Analytics*. 2021;1:96–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111>

15. Denisov I.E., Zuenko I.Yu. Pochemu novyj jazyk kitajskoj diplomatii zvuchit tak grubo [Why new language of Chinese diplomacy is so rude]. *Profile*. Available from: <https://profile.ru/abroad/pochemu-novyj-yazyk-kitajskoj-diplomatii-zvuchit-tak-grubo-320380/> (accessed: 14.07.2022). (In Russ.).

16. Jiang Zemin. O socializme s kitajskoj specifikoj (About Socialism with Chinese specifics). Vol. II—III. Moscow: Pamjatniki istoricheskoy mysli; 2004. 812 p. (In Russ.).

17. Portjakov V. Ya. Vneshnepoliticheskie zavety Djen Sjaopina i ih sovremenaja interpretacija (Deng Xiaoping testament on foreign affairs and its current interpretation). *Problems of Far East*. 2012;5:14–27. (In Russ.).

Information about the authors

Igor E. Denisov – Senior Research Fellow at the Center for East Asian and SCO Studies, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ✉ iedenisov@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-5447-1164>.

Author’s Links

Ivan Yu. Zuenko – Cand. Sci. (Hist.), Senior Research Fellow at the Center for Euroasian Studies, Institute for International Studies, Associate Professor, Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ✉ i.zuenko@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9853-9703>.

Authors' Contributions

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

The article was submitted 26.08.2022; approved after peer reviewing 25.09.2022; accepted for publication 27.09.2022; published 20.12.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья

УДК 373.5.016:94(510)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-751-773>

Исторические науки

«Рассказать историю Китая»: новации в школьном преподавании истории в КНР в 2010–2020-х гг.

Полина Игоревна Рысакова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, p.rysakova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4774-7238>

Аннотация. Новации в историческом образовании позволяют отследить изменения не только в образовательной и академической среде, но и в идейно-политической сфере. Цель предлагаемой статьи – выявление основных тенденций в школьном преподавании истории в Китае 2010–2020-е гг. Данная цель подразделяется на несколько задач: рассмотреть организационные и содержательные изменения в преподавании истории в средней школе, а также обозначить специфику этих нововведений в контексте основных тенденций политической и академической жизни КНР в 2010–2020-е гг. Изложенные в статье результаты исследования получены при анализе оригинальных текстов образовательных стандартов по истории для младшей и старшей ступеней средней школы, а также разработанных на их основе учебных пособий. Помимо этого, привлечены тексты релевантных выступлений китайских государственных лидеров. Ведущей тенденцией в 2010–2020-е гг. стало усиление идеологического контроля и государственного регулирования в области разработки учебных пособий. Внесенные концептуальные новации отражают динамику идеологических изменений современного китайского общества. Новой идеологической задачей, поставленной перед курсом истории, можно назвать трансляцию идеологием, заявленных Си Цзиньпином, в частности, идею «уверенности в культуре» и «трех скачков» в истории китайской нации и китаизации марксизма. Реформа исторического образования, принятая Си Цзиньпином, составляет часть инициированного им масштабного идеологического проекта, нацеленного на усиление «дискурсивной силы» Китая. Его ядром служит оригинальное видение отечественной истории, в рамках которого вводятся новые датировки и трактовки исторических событий, а для их описания постепенно формируется новый терминологический аппарат. Именно этот обновленный взгляд на свою историю Китай транслирует внутренней аудитории через систему образования.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Рысакова П. И., 2022

© *Ориенталистика*, 2022

Ключевые слова: школьное образование; КНР; история; образовательный стандарт; дискурсивная сила; Си Цзиньпин; антияпонская война; Ци Шижун

Для цитирования: Рысакова П. И. «Рассказать историю Китая»: новации в школьном преподавании истории в КНР в 2010–2020-х гг. Orientalistica. 2022;5(4):751-773. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-751-773>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-751-773>

History studies

“Telling China’s story”: innovations in school history education in PRC in 2010–2020s.

Polina I. Rysakova

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
p.rysakova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4774-7238>

Abstract. Innovations in school historical education allow not only to track changes in the educational and academic environment, but also to record new trends in the ideological and political sphere. The aim of the proposed article is to identify the main trends in school history teaching in China in 2010–2020s. This goal is specified in several tasks: to consider organizational and content innovations in the teaching of history in secondary schools, as well as to identify the specifics of these innovations in the context of the main trends in the political and academic life of the PRC in the 2010–2020s. The results of the study presented in the article were obtained by analyzing the original texts of history textbooks for junior and senior secondary schools, as well as educational standards in history. In addition, the texts of relevant speeches of Chinese leaders were involved. The leading trend in 2010–2020s. was the strengthening of ideological control and state regulation in the development and approval of teaching materials. The introduced conceptual innovations reflect the dynamics of ideological changes in modern Chinese society. The new ideological task set before the school history course was the dissemination of new ideologems by Xi Jinping, in particular, “confidence in culture” and “three leaps” in the history of the Chinese nation and the Sinification of Marxism. The reform of historical education undertaken by Xi Jinping is part of a large-scale ideological project initiated by him, aimed at strengthening China’s “discourse power”. Its core is an original vision of China’s own history, within which new dates and evaluations of historical events are introduced, and a new terminological apparatus is gradually introduced to describe them. And it is this renewed vision of its history that China is disseminating to its domestic audience through its education system.

Keywords: school education; PRC; history; educational standard; discourse power; Xi Jinping; anti-Japanese war; Qi Shirong

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

For citation: Rysakova P. I. "Telling China's story": innovations in school history education in PRC in 2010–2020s. *Orientalistica*. 2022;5(4):751–773. (In Russ.).
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-751-773>.

Введение

«Протереть зеркало, чтобы увидеть в нем отражение, заглянуть в прошлое, чтобы узнать сегодняшний день» (明镜所以照形, 古事所以知今). В 2016 г. эту фразу из классического исторического сочинения Чэнь Шоу (陈寿) «Записи о трех царствах» (三国志) Си Цзиньпин впервые привел в выступлении, посвященном юбилею КПК, призывая более активно обращаться к изучению истории в поисках ответа на вопросы современности [1]. И действительно, десятилетие 2010–2020-х гг., после избрания Си Цзиньпина на высшие партийные и государственные должности было отмечено пристальным вниманием китайского руководства к историческим исследованиям. Эта тенденция особенно ярко проявилась во время второго срока Си Цзиньпина после XIX съезда КПК в 2017 г. В поддержку уже развивавшихся историографических проектов, как, например, «Изучение истоков китайской цивилизации» (中华文明探源工程), в 2019 г. на базе исторических институтов Китайской академии общественных наук была создана Китайская историческая академия (中国历史研究院). Уже в 2020 г. она объявила о запуске нового масштабного проекта – создании «Всеобщей истории Китая в новой редакции» (新编中国通史) [2].

Активизация исторических исследований не могла не затронуть и систему образования, в частности, практику школьного преподавания истории. Истекшее десятилетие 2010–2020-х гг. после XVIII съезда КПК оказалось для китайской школы наполнено динамичными изменениями, затронувшими как формально-организационные, так и содержательные вопросы преподавания. Так, за эти годы подверглась значительной реорганизации практика подготовки учебных пособий, были выработаны новые принципы их разработки и согласования. Введение новых учебных стандартов для младшей и старшей ступеней средней школы также сопровождалось существенными концептуальными нововведениями. Иными словами, в новое десятилетие после юбилейного XX съезда КПК китайская средняя школа вступает с полностью обновленным комплектом учебных пособий по истории, содержание которых отражает изменившиеся политические и идеологические реалии китайского общества в период руководства Си Цзиньпина.

Проблемы исторического образования в современном Китае неизменно привлекают внимание исследователей [3; 4; 5]. Безусловно, подобный интерес связан с тем, что новации в преподавании истории позволяют отследить изменения не только в образовательной и академической среде, но и в идейно-политической сфере. Цель предлагаемой статьи – выявление основных тенденций школьного преподавания истории в 2010–2020-х гг. Данная цель подразумевает несколько задач: рассмотреть организационные и содержательные изменения в школьном преподавании истории, а также обозначить специфику этих нововведений в контексте основных тенденций политической и академической жизни КНР в 2010–2020-е гг.

Изложенные в статье результаты исследования получены при анализе таких материалов, как оригинальные тексты образовательных стандартов

по истории для младшей и старшей ступеней средней школы, утвержденных в 2012, 2020 и 2022 гг., а также созданных на их основе учебных пособий 2017 и 2019 гг. Помимо этого, привлечены тексты официальных выступлений Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина, в частности, доклады на XVIII и XIX съездах КПК, и текст «исторической резолюции» ЦК КПК 2021 г.

Школьное преподавание истории оказалось в сфере особого контроля китайского руководства еще в конце 1980-х гг. В те годы такой приоритетный интерес был связан с общей международной ситуацией, непосредственно затронувшей и Китай: разрушение блока коммунистических стран, размывание коммунистической идеологии, рост протестных настроений. Ответом на эти исторические вызовы послужила кампания «патриотического воспитания», начатая в 1992 г. с целью укрепления авторитета КПК и марксистской идеологии. В рамках этой кампании ведущая роль отводилась школьному преподаванию истории [6]. Именно тогда сложилась актуальная до сегодняшнего дня схема занятий по истории, охватывающая три года младшей (初级中学) и минимум один год старшей средней школы (高级中学). В ходе патриотической кампании школьный курс был усилен дополнительными занятиями в старших классах с акцентом на периоде нового и новейшего времени в силу его основополагающего значения для становления современного Китая.

В последующие годы идеологическая роль образования неоднократно подтверждалась в ключевых документах. При этом 2010–2020-е гг. были отмечены некоторыми новациями, которые, в частности, определили специфику преподавания истории в школе в это десятилетие.

Так, в докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК 2012 г. образование признавалось основой национального возрождения и общественного прогресса. При этом подчеркивались его идеологические функции, а главная задача обучения впервые была обозначена устойчивым выражением «укрепление морали и воспитание кадров» (立德树人). Развивая этот тезис, доклад указывал, что образование играет основную роль при утверждении «ключевых социалистических ценностей» (社会主义核心价值观), которые должны получить отражение в текстах учебных пособий [7].

Сходные положения прозвучали и спустя пять лет в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде партии в г. Образование и здесь объявлялось приоритетной сферой развития и основой для строительства сильного государства и возрождения китайской нации. Его целью вновь обозначено «укрепление морали и воспитание кадров» (立德树人). Помимо этого, особо отмечалось значение образования для развития личностных качеств и формирования многосторонне развитой личности. Приложенные усилия должны принести свой результат – повышение качества нации (民族素质) за счет развития индивидуальных личностных качеств [8].

Таким образом, оба доклада – 2012 и 2017 г. – фокусировали внимание на идейно-политической работе в сфере образования. После программных заявлений на съездах КПК принципиальную важность ценностной составляющей обучения, отразившейся в формуле «укреплять мораль и воспитывать кадры», закрепила Национальная конференция по вопросам образования 2018 г. – первое подобное мероприятие столь высокого уровня [9].

Итак, в образовательной политике Китая при Си Цзиньпине на передний план вышла задача усиления идеологической компоненты

в образовании [10, p. 46–56]. Реализация этой задачи проходит в двух основных направлениях: укрепление государственного контроля над разработкой учебных пособий, а также их концептуальное обновление.

Прежде всего, стоит подчеркнуть, что после 2012 г. основной реорганизации подверглась практика составления и согласования образовательных материалов. Отметим, что, начиная с 1990-х гг., правительственные усилия были нацелены на ослабление прежнего централизованного регулирования и предоставление большей свободы регионам, вплоть до введения местных образовательных стандартов, как например в г. Шанхай или пров. Чжэцзян. В 2000–2010-х гг. подобные практики свернули, сохранив при этом возможность использовать региональные варианты учебных пособий при соблюдении требований единого образовательного стандарта (一纲多本) [11]. Такая политика «один план – много учебников» допускала применение нескольких региональных учебных пособий, выпускавшихся в крупных издательствах, таких как «Народное издательство» (人民社), «Издательство Юэлу» (岳麓社), пров. Хунань, и «Издательство Дасян» (大象社), пров. Хэнань. Однако ведущую роль среди них сохранял учебник пекинского издательства «Народное просвещение» (人教出版社), наиболее близкий к государственному стандарту.

Наметившееся уже в 2000-е гг. укрепление государственного и партийного контроля над редактированием школьных учебников заметно усилилось после 2012 г. с приходом к власти Си Цзиньпина. Тогда был запущен очередной этап реформы школьных пособий, главным звеном которой стала централизация всего процесса разработки, составления и издания учебников по основным предметам младшей средней школы.

Общие принципы этих нововведений изложены в документе «Мнения Министерства образования о всестороннем углублении реформы учебных программ и реализации основной задачи «укрепление морали и воспитание кадров» (立德树人)», опубликованном в 2014 г. [12] Согласно «Мнениям», образовательные программы и разработанные учебные пособия должны соответствовать провозглашенной на XVIII съезде КПК идейно-политической задаче «укреплять мораль и воспитывать кадры» и следовать руководящей идеологии КПК. В организационном отношении была выдвинута цель выстроить единую систему образовательных программ, которая обеспечила бы междисциплинарные связи между учебными курсами и согласованность между разными ступенями образования. При этом особое внимание уделялось централизованной разработке под руководством министерства образования учебных пособий по самым идеологически значимым предметам средней школы, таких как китайский язык, мораль / политика, история.

Радикальной новацией в этот период стала следующая практика: окончательное утверждение разрабатываемых министерством образования учебных пособий возлагается на Государственный комитет по учебным пособиям (国家教材委员会), специально учрежденный в 2017 г. Его создание было призвано закрепить централизованную разработку, рецензирование и распространение учебных пособий (国家统编、统审、统用) [13].

Вскоре после своего создания Комитет опубликовал «Национальный план по созданию учебников для начальной, средней и высшей школы на 2019–2022 гг.» – первый подобный документ, принятый после основания КНР в 1949 г. Его целью провозглашалось усиление партийного контроля над

разработкой учебных пособий для всех ступеней образования, выстраивание единого механизма утверждения образовательных материалов, закрепление единых принципов организации учебного материала и его оформления. Как и другие подобные документы, «План» провозглашал приоритет учебных пособий по предметам общественно-исторического и гуманитарного профиля, содержание которых должно в полной мере соответствовать основным положениям партийной идеологии [14; 15].

Требование идеологического регулирования учебных пособий на всех ступенях системы образования было закреплено в 2021 г., когда Государственный комитет по учебным пособиям обнародовал «Руководство для включения идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи в учебные пособия». Согласно тексту «Руководства», образовательные материалы на всех ступенях обучения должны учитывать особенности содержания преподаваемых дисциплин, чтобы комплексно и системно отразить в них идеи Си Цзиньпина и их исторический вклад в развитие теории китайского социализма. Помимо собственно идеологического курса «мораль и политика», принципиальная роль отводилась курсам по истории, литературе и искусству. Так, при разработке учебных пособий исторического и гуманитарного профиля следовало сосредоточиться на истории партии, развитии Китая после 1949 г., опыте социалистического строительства. Повествование должно опираться на идею Си Цзиньпина «уверенность в культуре» (文化自信). При этом подчеркивалась важность обучения на младшей ступени средней школы, поскольку именно в это время закладываются «идеологические основы политических убеждений и взглядов» [16].

Новая система разработки учебных пособий вскоре дала конкретные результаты, прежде всего в дисциплинах общественно-гуманитарного цикла, в частности, истории. Так, в 2012 г. министерство образования инициировало разработку комплекта новых учебных пособий по трем важнейшим предметам младшей средней школы: мораль / политика, китайский язык и история. Работа продолжалась до 2017 г., когда единые для всей страны учебники для 7–9 классов поступили в школы [17].

Постепенно принцип унификации распространился и на старшую среднюю школу. В 2019 г. был запущен единый комплект учебников, по содержанию согласованный с обновленными пособиями для младшей средней школы 2017 г. В 2022 г. он используется в ряде регионов Китая и в дальнейшем будет введен в преподавание повсеместно.

Помимо выстраивания нового механизма разработки учебных пособий, в течение 2010–2020-х гг. обновились образовательные стандарты для младшей и старшей ступеней средней школы. По сложившейся практике, школьные образовательные стандарты редактируются каждое десятилетие. Простые версии стандартов по истории были утверждены в 2000–2010-х гг.

Новый стандарт для младшей средней школы был опубликован в 2022 г., придя на смену стандарту 2011 г. [18, с. 1]. Аналогичная работа со стандартом для старшей средней школы несколько затянулась. Так, его предыдущий вариант утвердили в 2003 г. В 2013 г. министерство образования запустило процесс редактирования, а окончательная версия была опубликована только в 2017 г. Однако уже в 2020 г. министерство выпустило еще одну обновленную версию, включив туда программные высказывания Си Цзиньпина [19, с. 1–2].

Итак, как организован школьный курс по истории сегодня? Как мы отметили выше, начиная с 1990-х гг., он охватывает младшую и старшую ступени среднего образования. На протяжении трех лет в младшей средней школе преподается обязательный курс истории Китая (7–8 класс) и мировой истории (9 класс). В старшей средней школе курс истории включает обязательную часть – повторное изучение истории Китая и зарубежной истории с древности до новейшего времени на первом году обучения, а также факультативный раздел, охватывающий сквозные темы по политической, экономической и культурной истории Китая и зарубежного мира, в ходе следующих полутора лет.

Согласно распоряжению министерства образования, в 2022 учебном году для младшей средней школы допускается использование только единого учебника для 7–9 кл., созданного под редакцией крупнейшего историка, профессора Столичного педагогического университета Ци Шижуня (齐世荣). Именно этот контракт утвержден Государственным комитетом в 2017 г. как единственно разрешенный для всей страны.

В старшей средней школе ситуация остается более сложной. Несмотря на принятие нового стандарта по истории в 2017 г., прошедшего редактирование в 2020 г., разработка принципиально новых учебных пособий на его основе еще не завершена. Министерство допускает одновременное использование министерского учебного пособия под редакцией Чжан Хайпэна (张海鹏) и Сюй Лань (徐蓝), изданного в 2019 г. на основе нового стандарта 2017 г., а также прежних региональных версий учебников, опирающихся на стандарт 2003 г. [20].

Далее мы обратимся к обновлениям содержания в школьном курсе истории. Реформу учебных пособий по истории, развернувшуюся в период председательства Си Цзиньпина, следует рассматривать в связи с актуальными для этого десятилетия тенденциями политической и академической жизни Китая. Одной из характерных черт того времени можно назвать общественную дискуссию о так называемой «дискурсивной силе» (话语权) – активной субъектной позиции Китая в формировании и трансляции идеологических установок внутри страны и за ее пределами [21]. Развитие концепта «дискурсивной силы» свидетельствует об амбициозных попытках правительства выстроить и предложить собственную систему описания социально-политического мира и места Китая в нем. Немаловажно, что разработка подобной системы социально-гуманитарного знания расценивается как необходимый коррелят реального экономического и политического статуса страны в мировой системе и отчетливо направлена на то, чтобы выйти из фарватера «глобального» дискурса, активно предлагать и продвигать собственное видение социальной реальности и систему ее интерпретации.

Для нас принципиально значимо, что важнейшей составляющей всех рассуждений о «дискурсивной силе» выступают призывы к разработке собственной системы социально-гуманитарного знания с китайской спецификой (中国特色哲学社会科学). Формирование подобной системы знания предполагает создание системы профильных дисциплин (学科体系), методики научного исследования (学术体系) и терминологического языка (话语体系). При этом в основании всей системы оказываются именно исторические исследования, которые и призваны обеспечить «китайскую специфику». Так, изучение характерных особенностей китайской цивилизации,

экономического и политического устройства традиционного китайского общества, причин его отставания в новое время позволит китайским ученым разработать собственную теоретическую и терминологическую систему, отражающую историко-культурные особенности Китая. Такая работа даст возможность постепенно отойти от прямого заимствования западного теоретического инструментария, который оказывается ценностно не нейтральным и неизбежно привносит негативный тон в оценки китайских реалий [22].

Характерно, что важным звеном в реализации подобного амбициозного научного проекта выступает разработка учебных пособий (教材体系), которые и должны популяризовать новую систему знания [23]. Значимая роль учебников как инструмента трансляции новой дискурсивной системы неоднократно подчеркивалась Си Цзиньпином в выступлениях, посвященных научным проблемам [24]. Таким образом, инициированная им реформа учебных пособий на всех ступенях обучения может рассматриваться как составная часть масштабного проекта перестройки китайских социально-гуманитарных исследований, конечной целью которого станет создание собственного терминологического и концептуального языка. Именно эти новые наработки лягут в основу самостоятельного «рассказа о Китае» и транслирования «голоса Китая» (讲好中国故事、传播好中国声音) для аудитории как внутри страны, так и за ее пределами.

Ключевую роль в вышеозначенных рассуждениях о «дискурсивной силе» играет идеологема «уверенности в культуре» (文化自信), которую мы уже упомянули при рассмотрении идеологической роли учебных пособий. В многочисленных обсуждениях идейно-пропагандистской работы за рубежом «уверенность в культуре» рассматривается как основа для укрепления «мягкой силы» Китая, его авторитета на международной арене [25]. Вместе с тем идея «уверенности в культуре» важна и для понимания особенностей внутренней политики Китая в период руководства Си Цзиньпина, в том числе и в сфере образования.

В развернутом виде тезис «уверенности в культуре» Си Цзиньпин озвучил в выступлении 2016 г., посвященном 95-летию основания КПК. Развивая идею Ху Цзиньтао о «трех уверенностях» – уверенности в собственном пути, собственной теории и собственной системе социализма с китайской спецификой, – Си Цзиньпин дополнил эту триаду идеей «уверенности в культуре». По мысли председателя КПК, «уверенность в культуре» имеет основополагающее значение, закрепляя веру в путь, теорию и систему. Важно отметить, что «уверенность в культуре» включает три составляющих: уверенность в прекрасной традиционной культуре (中华优秀传统文化), сформировавшейся за 5000-летнюю историю китайской цивилизации, в революционной культуре (革命文化) и передовой социалистической культуре (社会主义先进文化), которые сложились в революционной борьбе КПК и воплощают самобытность Китая [1].

Столь подробное изложение идеи «уверенности в культуре» необходимо для того, чтобы обозначить концептуальную специфику реформы школьного исторического образования, предпринятой после 2012 г. Как мы продемонстрируем далее, содержательные изменения в школьном курсе истории были как раз нацелены на его смысловое сближение с этой основополагающей для Си Цзиньпина идеологемой.

Учебные пособия по истории для младшей и старшей ступеней средней школы, составленные после 2017 г., объединяет единая концептуальная схема. Можно обнаружить, что часть изменений была внесена при обновлении учебных пособий в 2017 г. Они в основном связаны с включением идеи «уверенности в культуре» и сосредоточили внимание на «прекрасной традиционной культуре» и «революционной культуре», то есть на исторической роли КПК и прославлении героического прошлого. Дальнейшие обновления произошли уже позднее, после XIX съезда КПК и утверждения «исторической резолюции» ЦК КПК 2021 г. Они опираются на идею Си Цзиньпина о «трех исторических скачках» (三次历史飞跃), характеризующую этапы развития китайской нации и китаизации марксизма. В наиболее полном виде все смысловые новации представлены пока в стандарте для младшей средней школы 2022 г. и, видимо, будут внесены в тексты учебных пособий в дальнейшем.

Итак, какие новшества и содержательные изменения были привнесены в школьный курс истории в период руководства Си Цзиньпина?

Прежде всего стоит отметить, что новые учебные пособия 2017 г. не предлагают радикального разрыва с прежней трактовкой исторического процесса, которая легла в основу учебников предыдущего десятилетия. В первую очередь на это указывает то, что в качестве главного редактора учебника для младшей ступени был приглашен историк Ци Шижун, один из ведущих специалистов по истории нового времени и апологет концепции «глобальной истории». Именно эта концепция послужила смысловым ядром прежнего образовательного стандарта для младшей средней школы, утвержденного в 2011 г. Согласно идее «глобальной истории», понимание исторического процесса возможно лишь при опоре на исторический материализм с характерным для него вниманием к последовательной смене общественных формаций. В то же время динамика исторического процесса задается постепенным преодолением региональной замкнутости. Начиная с эпохи великих географических открытий и зарождения капитализма, ведущей тенденцией мировой истории становится рост взаимозависимости и взаимодействия между регионами. Итогом этого процесса выступает формирование единой мировой капиталистической системы [5, p. 151–153]. В 2000-х гг. применение в учебных пособиях концепции глобальной истории в том виде, как ее интерпретировали китайские историки, позволило подчеркнуть включенность Китая в мировую историю, его открытость внешнему миру и заинтересованность в международных контактах.

Новые учебники 2017 г. и образовательный стандарт 2022 г. в целом сохраняют без изменений изложение китайской и мировой истории в той версии, как она была представлена в учебниках прошлого десятилетия. Однако они насыщают его новыми оттенками, отражающими идеологические новшества периода руководства Си Цзиньпина. Характерно, что основной редакции подвергся раздел, посвященный истории Китая, но не раздел зарубежной истории.

По разъяснениям редакционной комиссии, содержательные изменения нацелены на решение пяти задач, для чего в тексте расставляются новые смысловые акценты. Эти пять задач включают: знакомство с традиционной китайской культурой, демонстрацию особенностей революционной культуры, в том числе путь КПК к управлению страной, развитие идеи сплоченности

многонациональной китайской нации, укрепление понятия национального суверенитета и территориальной целостности Китая и, наконец, формирование интернационального мировоззрения, предполагающего признание мультиполярного мира, объединенного единой судьбой [26].

Прежде всего стоит отметить, что декларируемое внимание к китайской традиционной и революционной культуре, безусловно, связано с продвижением идеи Си Цзиньпина об «уверенности в культуре», которая как раз и апеллирует к традиционному наследию и революционному прошлому. Продвижение традиционной культуры и революционной истории стало одной из ведущих тенденций исторического образования в 2010–2020-х гг. [27; 28] Так, в 2017 г. Канцелярии ЦК КПК и Госсовета КНР опубликовали «Мнения о реализации проекта наследования и развития прекрасной традиционной культуры Китая» [29]. В 2022 г. Министерство образования выпустило соответствующую руководства по ознакомлению с традиционной и революционной культурой в учебных пособиях для начальной и средней школы [30]. Знакомство с традиционной культурой охватывает несколько аспектов: письменное философское, историческое и литературное наследие, культура повседневности, научные достижения и искусства. Так, в учебные пособия 2017 г. и в образовательный стандарт 2022 г. включены новые разделы, посвященные подробному изложению научных успехов традиционного Китая в области медицины и сельского хозяйства, истории традиционной праздничной культуры, общемирового значения практики государственных экзаменов кэцзюй [18, с. 14].

Продвижение революционной культуры предполагает детальное знакомство с «историей борьбы китайского народа за национальную независимость и национальное освобождение, начиная с периода Опиумных войн». Смысловым акцентом здесь выступает изложение ведущей роли КПК через биографии ее основных деятелей и исторические события, свидетельствующие о незаменимой роли партии в строительстве нового Китая.

Так, например, прежний стандарт для младшей средней школы 2011 г. характеризовал период нового времени в том числе как этап сопротивления китайской нации внешнему империализму и внутреннему феодальному господству, а также стремления к национальной независимости, народному освобождению и процветанию. В новой редакции эта фраза обрела несколько иное звучание, согласно которому новое время можно считать периодом сопротивления, но также и великой победы новой демократии, одержанной всеми народами Китая под руководством КПК [18, с. 17; 31, с. 16].

Следует особо подчеркнуть, что именно в этом контексте обнаруживается самое значительное нововведение образовательной реформы 2017 г. – изменение датировки войны с Японией 1937–1945 гг. Впервые официальные даты этих событий были скорректированы таким образом, что началом военных действий со стороны Японии признан Мукденский инцидент 18 сентября 1931 г. В этом случае инцидент на мосту Лугоуцяо 7 июля 1937 г. уже означал полномасштабное вторжение Японии в Китай. Таким образом, прежняя датировка войны 1937–1945 гг. была изменена на 1931–1945 гг.

Помимо продления срока военных действий до 14 лет, новая редакция учебных пособий ввела важное смысловое уточнение. Антияпонская война уже не рассматривалась как региональный конфликт, несколько

изолированный от мировых событий тех лет и имеющий значение преимущественно в контексте межпартийной борьбы между КПК и ГМД. Новые тексты учебников и образовательных стандартов уже в разделе по истории Китая оценивают антияпонскую войну в международном контексте как ключевой эпизод Второй мировой войны, называя ее «важным восточным фронтом мировой антифашистской борьбы» [18, с. 18–20].

Следует отметить, что подобное радикальное нововведение вызвало весьма неоднозначную реакцию как среди широкой общественности, так и в академических кругах. В частности, представлялось, что новая датировка войны с Японией противоречит словам культовой песни «Без КПК не было бы нового Китая» (没有共产党就没有新中国), где как раз восхваляется сопротивление японцам на протяжении восьми, а не четырнадцати лет (他坚持了抗战八年多) [32].

Вместе с тем, предложенные датировки 1931–1945 гг. и взгляд на антияпонскую войну как составную часть мирового антифашистского сопротивления сложно назвать принципиально новыми для китайской историографии. Начиная с 1980-х гг., китайские историки неоднократно обращались к вопросу хронологии антияпонской войны, высказываясь именно в пользу 1931 г. как даты, обозначающей начало военного конфликта [33; 34]. Подобным образом антияпонская война все чаще рассматривалась именно в контексте мировой истории тех лет. Сопротивление Японии расценивалось как вклад Китая во Вторую мировую войну, который не получил, по мнению китайской историографии, должного признания у западных ученых и политических лидеров. Уже упоминавшийся Ци Шижун, редактор школьных учебников по истории в 2010–2017-х гг., посвятил этой теме несколько работ еще в 1980-е гг. [35]. В дальнейшем, уже в 2000-е и 2010-е гг., вопрос о пересмотре роли Китая во Второй мировой войне стал отдельным предметом дискуссий и в западной историографии [36].

Обозначенные выше академические оценки антияпонской войны постепенно получали признание и в публичном пространстве страны, в частности в официальных выступлениях государственных лидеров, приуроченных к юбилейным датам окончания Второй мировой войны. Наконец, в 2015 г., когда Китай отмечал 70-летие окончания антияпонской и Второй мировой войн, Си Цзиньпин в поздравительной речи призвал исправить историографические ошибки и искажения прежних лет и признать весомый вклад Китая в разгром мирового фашизма в ходе антияпонской войны, длившейся 14 лет – с 1931 по 1945 г. [37].

Иными словами, новые датировки антияпонской войны в школьной программе официально закрепили уже давно звучавшие в китайской историографии оценки тех событий. В то же время такое нововведение давало возможность решить ключевые задачи новой редакции школьного курса истории – подчеркнуть ведущую роль КПК и обозначить территориальную целостность КНР. Внимание к периоду 1931–1937 гг., когда КПК вела партизанские действия против японского присутствия в Маньчжурии, как раз позволяло подтвердить вклад КПК в антияпонское сопротивление в пределах территориальных владений КНР. Примечательно, что новый образовательный стандарт 2022 г. не только в разделе зарубежной истории, но и в разделе по истории Китая помещает антияпонскую войну в контекст мировых

событий, подчеркивая вклад Китая в антифашистское сопротивление. В данном случае, на наш взгляд, можно обнаружить новую трактовку отношений между Китаем и внешним миром. Если прежний стандарт 2011 г. подчеркивал открытость Китая и его включенность в мировую историю, то в 2020-е гг. на передний план выносятся значимый вклад страны в мировую историю, который, с точки зрения китайских лидеров, зачастую принижается в западноричном мире.

Помимо вопросов традиционного наследия и революционного прошлого, реформа учебных пособий 2017 г. также подсвечивала более устоявшиеся темы территориальной целостности Китая и единства китайской нации. Эти сюжеты обозначены в новых учебных материалах 2017 г. и 2019 г. и в образовательном стандарте 2022 г. в виде тестовых уточнений. Так, раздел, посвященный истории Китая, в стандарте 2022 г. открывается новой преамбулой: при изложении древней истории Китая следует проявить особое внимание к развитию китайской цивилизации на протяжении 5000 лет. При этом вся история Китая с самых ранних времен интерпретируется как исторический процесс зарождения, становления, укрепления и развития единого многонационального государства.

В подтверждение этого тезиса провозглашение империи Цинь в 221 г до н.э. получает новую трактовку как создание первого единого многонационального феодального государства [18, с. 11]. В прежнем стандарте 2011 г. провозглашение Цинь обозначалось как установление первой единой династии (统一王朝), а собственно первым многонациональным государством (统一多民族国家) признавалась только Цинская империя [31, с. 9, 10]. В стандарте 2022 г. империя Цин названа сильным многонациональным государством с многочисленным населением и обширной территорией [18, с. 12]. При этом подчеркивается, что именно тогда сложились нынешние границы современной КНР. И если в стандарте 2011 г. при перечислении территориальных владений Китая указывались только Тибет, Синьцзян и Тайвань, то после обновления 2017 г. в учебнике также отдельно отмечены острова вблизи Тайваня, острова Дяоюйдао и архипелаги Южно-Китайского моря [18, с. 14; 31, с. 15].

Тема территориальной целостности дополнительно обозначена, например, в сюжете о вовлечении Западного края в орбиту китайского влияния при династии Хань, и далее при династии Цин – о вовлечении Синьцзяна и Тибета. Прежний более нейтральный термин «распоряжаться, управлять» (经营) был заменен на более категоричный «эффективно распространить юрисдикцию» (有效的管辖).

Еще одной главенствующей темой стал вопрос морских границ Китая и его необычайно активных контактов со странами ближнего и дальнего зарубежья. Согласно новой редакции, если в ханское время межкультурные и торговые связи шли по сухопутным путям, то уже при династии Сун открылся и «морской шелковый путь». В этот период количество торговых партнеров Китая значительно расширилось – до 140 стран Юго-Восточной Азии, Индийского субконтинента и Восточной Африки. Указывается, что в цинское время складывается морская граница Китая. При этом в учебном пособии 2017 г. вопрос формирования морской границы и перечисление всех входящих островов (весь Тайвань и прилегающие к нему острова, острова Дяоюйдао и острова Южно-Китайского моря, 台湾及附属岛屿, 钓鱼岛, 南海诸岛) вынесен из общего

текста в отдельную вставку с указанием, что все перечисленные территории издревле считаются неотъемлемой частью Китая [38, с. 98–101].

Очевидным образом эти уточнения обусловлены возросшими притязаниями Китая на пространства Южно-Китайского моря и популяризацией инициативы «Пояс и Путь», которая стартовала практически одновременно с началом работы над новой редакцией учебника в 2013 г. В том числе они нацелены на укрепление так называемого «океанического сознания» (海洋意识), подразумевающего признание островных территорий неотъемлемой частью Китая, который стремится теперь позиционировать себя как державу, открытую океану.

Наконец, еще один блок нововведений получил пока отражение только в образовательном стандарте для младшей средней школы 2022 г., поскольку фиксирует идеологические новации, введенные уже после обновления учебников в 2017 г. Их теоретическим источником послужили доклады XIX съезда КПК 2017 г. и «Резолюция ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии», так называемая «историческая резолюция», утвержденная 6-м пленумом ЦК КПК 19-го созыва в ноябре 2021 г. [39]. Из них были почерпнуты две взаимосвязанные идеи, которые ассоциируются с достижениями Си Цзиньпина по продвижению социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Речь идет о концепции «трех скачков» (三次飞跃), которая характеризует этапы в развитии КНР после 1949 г. и соответствующие им этапы китаизации марксизма.

Идея «трех скачков» была высказана во многих выступлениях Си Цзиньпина и получила закрепление в тексте «исторической резолюции». Она подразделяет историю Китая в XX в. на три значительных этапа, в ходе которых страна «встала на ноги» к 1949 г., «разбогатела» после 1978 г. и «усилилась» к 2018 г. (从站起来、富起来到强起来的历史性飞跃). При этом подчеркивается, что успешное прохождение этих этапов стало возможным благодаря руководящей роли КПК [8].

Схожие три этапа прошел и процесс китаизации марксизма. Начало ему положил Мао Цзэдун, который сумел учесть китайские реалии и применить на практике идеи марксизма-ленинизма. Следующим этапом считается период после 1978 г., отмеченный созданием теоретической системы социализма с китайской спецификой. Наконец, XVIII съезд КПК открывает третий период китаизации марксизма, связанный с идеями Си Цзиньпина о китайском социализме в новую эпоху [40].

Предложенная схема изложения новейшей истории КНР после 1949 г. была принята за основу при разработке образовательного стандарта 2022 г. [18, с. 18, 23]. Она стала центральной идеей, вокруг которой выстраивается изложение истории КНР после образования КПК, фиксируя внимание на трех этапах, связанных с Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином и Си Цзиньпином. Отметим, что в основном тексте стандарта, кратко излагающем содержание учебного материала, Дэн Сяопин не упоминается ни разу, а Си Цзиньпин – только один раз. При этом имя Мао Цзэдуна встречается дважды в контексте знакомства с темой китаизации марксизма. И этим новый стандарт значительно отличается от предыдущей версии 2011 г., в которой имя лидера новой демократии упоминалось лишь в комментариях, но не в основной части текста [31, с. 20].

Предпринятый нами разбор позволяет заключить, что в период руководства Си Цзиньпина историческое образование в китайских школах претерпело весьма решительные изменения. В значительной степени новации затронули младшую среднюю школу, поскольку образование этого уровня обязательно и охватывает всех без исключения школьников. И в этом смысле оно представляется наиболее перспективным инструментом для трансляции заданной идеи.

Ведущей тенденцией в 2010–2020-е гг. стало усиление идеологического контроля и государственного регулирования в области разработки и утверждения учебных пособий. В отличие от практики прошлых лет, допуская региональные версии учебников, после 2017 г. был взят курс на полную унификацию школьных учебных пособий по идеологически важным учебным дисциплинам, в том числе по истории. Значительное усиление государственного регулирования в сфере образования наиболее ярко подтверждается созданием специального Государственного комитета по учебным пособиям, который и призван утверждать тексты учебников и образовательных стандартов, разработанных Министерством образования.

По содержанию школьный курс истории в целом следует основным концептуальным установкам, заложенным в предшествующее десятилетие, то есть в 2000–2010-е гг. В рамках идеи «глобальной истории» подчеркивается постепенное включение Китая в общемировой исторический процесс. При этом смысловые нововведения как раз отражают динамику идеологических изменений современного китайского общества. С одной стороны, реформа учебных пособий была ориентирована на решение достаточно традиционных для китайской государственной идеологии задач: укрепление национального суверенитета и территориальной целостности, демонстрацию сплоченности китайской нации. В тексте учебников нашли отражение и актуальные для того времени политические инициативы, в частности «Пояс и Путь». Так, особое внимание уделяется истории внешних контактов Китая, совпадающих с географией современных политических проектов. Определенной новацией тут можно назвать укрепление «океанического сознания» и легитимацию притязаний на островные и морские пространства Южно-Китайского моря, обозначенные как «неотъемлемая часть Китая».

Новой идеологической задачей школьного курса истории выступает трансляция идеологем, введенных Си Цзиньпином, в частности, идея «уверенности в культуре» и «трех скачков» в истории китайской нации. В соответствии с ними изложение курса истории сосредоточилось на демонстрации традиционного культурного наследия, ключевой роли КПК и трех значимых периодов в новейшей истории Китая под руководством Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и самого Си Цзиньпина. В русле этой тенденции укладывается и самое известное нововведение – изменение датировки антияпонской войны на 1931–1945 гг.

Новые даты антияпонской войны и подчеркивание вклада Китая в общемировую историю позволяют взглянуть на реформу исторического образования, предпринятую Си Цзиньпином, в более широком политическом контексте. По сути, она оказывается частью инициированного им масштабного идеологического проекта, нацеленного на усиление «дискурсивной силы» Китая. Ядром проекта выступает оригинальная трактовка отечественной истории, в рамках которой вводятся новые датировки и оценки

исторических событий, а для их описания постепенно разрабатывается новый терминологический аппарат. Именно этот обновленный взгляд на собственную историю Китая транслирует внутренней аудитории через систему образования, а затем – и внешней аудитории через масс-медиа и академические контакты.

Литература

1. Си Цзиньпин. Выступление на праздновании 95-летия образования КПК. 01.07.2016. 习近平. 在庆祝中国共产党成立95周年大会上的讲话. 2016年7月1日. – <http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2021-04/15/c1127330615.htm> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).
2. Составить новую главу китайской историографии в новую эпоху. Жэньминь жибао. 04.01.2022. 谱写新时代中国史学新篇章. 人民日报, 2022年1月4日. – <http://hb.people.com.cn/n2/2022/0104/c194063-35080407.html> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).
3. Morris-Suzuki T., Low M., Petrov L., Tsu T. Y. *East Asia beyond the history wars: Confronting the ghosts of violence*. London, England: Routledge; 2015. 224 p.
4. Shin G.-W., Sneider D. C. (eds) *History textbooks and the wars in Asia: Divided memories*. Routledge; 2011. 312 p.
5. Rysakova P. The Images of Western Countries and Russia in History Textbooks for Secondary Schools in the PRC and Republic of China on Taiwan in 1990–2000-s. In: Muller G., Samoylov N. (eds) *Chinese Perceptions of Russia and the West. Changes, Continuities, and Contingencies during the Twentieth Century*. Berlin: CrossAsia-eBooks, 2020. 569 p. <https://doi.org/LS.LLdcc/xabooks.eeL>. P. 145–177.
6. Zhao S. A state-led nationalism: The patriotic education campaign in post-Tiananmen China. *Communist and Post-Communist Studies*. 1998; 31(3):287–302. [http://dx.doi.org/10.1016/s0967-067x\(98\)00009-9](http://dx.doi.org/10.1016/s0967-067x(98)00009-9)
7. Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. 17.11.2012. 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告. 2016年7月1日. <http://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content2268826.htm> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).
8. Си Цзиньпин. Одержатъ решительную победу в построении среднезажиточного общества и одержатъ великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху – Доклад на XIX съезде КПК. 18.10.2017. 习近平:决胜全面建成小康社会 夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利 – 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告. 2017年10月18日. – <http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content5234876.htm> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).
9. Xi calls on building China into education powerhouse. – <https://www.chinadaily.com.cn/a/201809/11/WS5b96c0eda31033b4f4655422.html> (дата обращения: 14.08.2022).
10. Lawrence L. *Mobilising morality: Moral education reform within China's 21st century 'New Era'* [Internet]. Apollo – University of Cambridge Repository; 2022. – <https://www.repository.cam.ac.uk/handle/1810/334159> (дата обращения: 14.08.2022).
11. Cui Y., Zhu Y. Curriculum reforms in China: history and the present day. *Revue internationale d'éducation de Sèvres. Colloque: L'éducation en Asie en 2014: Quels enjeux mondiaux?* 2014, Rev int d'éduc Sèvres [Internet]. 2014 (II). – <https://ries.revues.org/3846> (дата обращения: 14.08.2022).
12. Мнение Министерства образования о всестороннем углублении реформы образовательных программ и реализации основной задачи

«укрепление морали и воспитание кадров». 教育部关于全面深化课程改革落实立德树人根本任务的意见. – <http://www.moe.gov.cn/srcsite/A26/jckjcggh/201404/t20140408167226.html> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

13. Уведомление Главного управления Государственного совета о создании Государственного комитета по учебным пособиям. 国务院办公厅关于成立国家教材委员会的通知. – <http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/06/content5208390.htm> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

14. Руководитель Канцелярии Государственного комитета по учебным пособиям ответил на вопросы журналистов о «Плане по созданию учебных пособий для высших, средних и начальных образовательных учреждений (2019–2022 годы)». 国家教材委员会办公室负责人就《全国大中小学教材建设规划(2019–2022年)》答记者问. – <http://www.moe.gov.cn/jybxfwb/s271/202001/t20200107414566.html> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

15. Опубликован «План по созданию учебных пособий для высших, средних и начальных образовательных учреждений (2019–2022 годы)». 《全国大中小学教材建设规划(2019–2022年)》发布. – <http://www.moe.gov.cn/jybxfwb/xwzt/moe357/jyzt2020n/2020zt04/baodao/202004/t20200409441835.html> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

16. Уведомление Государственного комитета по учебным пособиям о публикации и распространении «Руководства по включению мыслей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры в учебные пособия». 国家教材委员会关于印发《习近平新时代中国特色社会主义思想进课程教材指南》的通知. – <http://www.moe.gov.cn/srcsite/A26/s8001/202107/t20210723546307.html> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

17. Руководитель Бюро учебных пособий Министерства образования отвечает на вопросы журналистов о разработке учебников по трем предметам всеобщего образования. 教育部教材局负责人就义务教育三科教材统编工作答记者问. – <http://www.moe.gov.cn/jybxfwb/s271/201708/t20170828312487.html> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

18. Образовательный стандарт по истории всеобщей образовательной программы: издание 2022 г. Разработано Министерством образования КНР. Пекин: Бейцзин шифань дасюэ чубаньше, 2022. 义务教育历史课程标准: 2022年版/中华人民共和国教育部制定. —北京:北京师范大学出版社, 2022. (На кит. яз.).

19. Образовательный стандарт по истории старшей ступени средней школы: издание 2017 г. в редакции 2020 г. Разработано Министерством образования КНР. Пекин: Жэньминьцзяоюй чубаньше, 2020. 普通高中历史课程标准: 2017年版2020年修订/中华人民共和国教育部制定. —北京:人民教育出版社, 2020. (На кит. яз.).

20. Уведомление Канцелярии Министерства образования об издании и распространении «Каталога учебных пособий для начальной и средней школы в 2022 г.». 教育部办公厅关于印发2022年中小学教学用书目录的通知. – <http://www.moe.gov.cn/srcsite/A26/s8001/202204/t20220425621597.html> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

21. Денисов И. Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине. *Сравнительная политика*. 2020;4:42–52. <http://dx.doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10047>.

22. Чжан Хайпэн. Содействовать построению системы дискурсивной силы китайской историографии. 张海鹏:推进中国历史学话语权体系建设

Электронный ресурс: <https://www.sohu.com/a/126228841488440> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

23. Академия социальных наук: содействовать созданию системы научных дисциплин с помощью отличных учебных материалов. 社科院:以优秀教材促进学科体系建设. - <http://www.gov.cn/xinwen/2016-07/18/content5092364.htm> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

24. Си Цзиньпин. Выступление на рабочей встрече по философии и социальным наукам. 17 мая 2016 г. 习近平在哲学社会科学工作座谈会上的讲话. 2016年5月17日. - <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0519/c64094-28361550.html> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

25. Чжан Сяоми, Ду Цзиньцин. Изучение важных комментариев Си Цзиньпина об уверенности в культуре. *Гуаньча юй сыкао*. 2019;11:55-63. 张晓明, 杜金. 习近平关于文化自信重要论述研究述评. 观察与思考 2019年第11期. (На кит. яз.).

26. Разъяснения к составлению учебников по истории для младшей ступени средней школы 初中历史统编教材编写情况介绍. - <http://www.moe.gov.cn/jybxxwfb/xwfbh/moe2069/xwfbh2017n/xwfbh20170828/sfcl20170828/201708/t20170828312491.html> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

27. Kubat A. Morality as legitimacy under xi Jinping: The political functionality of traditional culture for the Chinese Communist Party. *Journal of Current Chinese Affairs*. 2018;47(3):47-86. Available from: <http://dx.doi.org/10.1177/186810261804700303> (дата обращения: 14.08.2022).

28. Чжэн Линь. Как воплотить преподавание китайской превосходной традиционной культуры в курсе истории для средней школы. *Кэчэн. Цзяоцай. Цзяофа*. 2022;42(6):132-138. 郑林. 中学历史课程如何落实中华优秀传统文化教育. 课程.教材.教法, 2022;42(6):132-138. (На кит. яз.).

29. Канцелярии ЦК КПК и Госсовета опубликовали «Мнения о реализации проекта наследования и развития превосходной китайской традиционной культуры». 中共中央办公厅 国务院办公厅印发《关于实施中华优秀传统文化传承发展工程的意见》. - <http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content5171322.htm> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

30. Уведомление Министерства образования о печати и распространении «Руководства по материалам курса «Революционные традиции для начальной и средней школы» и «Руководства по материалам курса китайской отличной традиционной культуры для начальной и средней школы». 教育部关于印发《革命传统进中小学课程教材指南》《中华优秀传统文化进中小学课程教材指南》的通知. - <http://www.moe.gov.cn/srcsite/A26/s8001/202102/t20210203512359.html> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

31. Образовательный стандарт по истории программы всеобщего образования: издание 2011 г. Разработано Министерством образования КНР. Пекин: Бейцзин шифань дасюэ чубаньше, 2022. 义务教育历史课程标准: 2011年版/ 中华人民共和国教育部制定. - 北京:北京师范大学出版社, 2011. (На кит. яз.).

32. Историографическая дискуссия - «Четырнадцать лет антияпонской войны» или «Восемь лет антияпонской войны»? 史学界的讨论——“十四年抗战”还是“八年抗战”? - <https://www.sohu.com/a/127099871497828> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

33. Лю Сыму, Ван Чжэньдэ, Хоу Чэндэ, Ма Синьминь. Война сопротивления японской агрессии, ее значение и роль для Второй мировой войны. *Шуцзе лиши*, 1980;(4)9. 刘思慕, 王振德, 侯成德, 马新民. 中国抗日战争及其在第二次世界大战中的地位和作用. 世界历史, 1980;(4) 9. (На кит. яз.).

34. Оу Чжэнвэнь. Вторая мировая война должна начинаться с «инцидента 18 сентября». *Хэнань дасюэбао: шэхуйкэсюэбань*. 1982;(4), 7. 欧正文. 第二次世界大战应以“九·一八事变”为起点. *河南大学学报:社会科学版* 1982;(4), 7. (4), 7. (На кит. яз.).

35. Ци Шижун. Значение и роль антияпонской войны в Китае для Второй мировой войны. *Лиши яньцзю*. 1985;4(16). 齐世荣. 中国抗日战争在第二次世界大战中的地位和作用. *历史研究* 1985; 4(16). (На кит. яз.).

36. Mitter R. *Forgotten ally: China's world war II, 1937-1945*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt; 2014. 450 p. 37. *Выступление Си Цзиньпина на праздновании 70-летия Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии и мировой антифашистской войне*. 习近平在纪念中国人民抗日战争暨世界反法西斯战争胜利70周年大会上的讲话. - <http://www.xinhuanet.com//politics/2015-09/03/c1116456504.htm> (дата обращения: 14.08.2022). (На кит. яз.).

38. *Учебное пособие для всеобщего образования. История Китая. 7 кл. Том 2*. Пекин: Жэньминьцзяоюй чубаньшэ; 2016. С. 98-101. *义务教育教科书. 中国历史. 七年级下册*. 人民教育出版社, 2016. (На кит. яз.).

39. Габуев А., Денисов И. *Выше Мао: зачем Си Цзиньпин переписывает историю Компартии Китая*. - <https://carnegie.ru/commentary/85863> (дата обращения: 14.08.2022).

40. *Полный текст “Резолюции ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии”*. - <http://russian.news.cn/2021-11/16/c1310314781.htm> (дата обращения: 14.08.2022).

Информация об авторе

Рысакова Полина Игоревна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, ✉ p.rysakova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4774-7238>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 25.09.2022; принята к публикации 27.09.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. *Zài qìngzhù zhōngguó gòngchǎndǎng chénglì 95 zhōunián dàhuì shàng de jiǎnhuà* (Xi Jinping. *Speech at the Celebration of the 95th Anniversary of the Communist Party of China*. July 1, 2016) [cited 2022 Aug 14]. Available from: <http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2021-04/15/c1127330615.htm>. (In Chinese).
2. *Pǔxiě xīn shídài zhōngguó shǐxué xīn piānzhāng*. *Renmin ribao* (*Write a new chapter in Chinese historiography in the new era. People's Daily*) [cited 2022 Aug 17]. Available from: <http://hb.people.com.cn/n2/2022/0104/c194063-35080407.html>. (In Chinese).
3. Morris-Suzuki T., Low M., Petrov L., Tsu T. Y. *East Asia beyond the history wars: Confronting the ghosts of violence*. London, England: Routledge; 2015. 224 p.
4. Shin G.-W., Sneider D.C. (eds) *History textbooks and the wars in Asia: Divided memories*. Routledge; 2011. 312 p.
5. Rysakova P. The Images of Western Countries and Russia in History Textbooks for Secondary Schools in the PRC and Republic of China on Taiwan in 1990-2000-s. In: Muller G., Samoylov N. (eds) *Chinese Perceptions of Russia and the West. Changes, Continuities, and Contingencies during the Twentieth Century*. Berlin: CrossAsia-eBooks; 2020. 569 p. <https://doi.org/LS.LLdcc/xabooks.eeL>, pp. 145–177.
6. Zhao S. A state-led nationalism: The patriotic education campaign in post-Tiananmen China. *Communist and Post-Communist Studies*. 1998; 31(3):287–302. [http://dx.doi.org/10.1016/s0967-067x\(98\)00009-9](http://dx.doi.org/10.1016/s0967-067x(98)00009-9).
7. *Hújintāo zài zhōngguó gòngchǎndǎng dì shíbā cì quánguó dàibiāo dàhuì shàng de bàogào* (*Hu Jintao's report at the 18th National Congress of the Communist Party of China*) [cited 2022 Aug 14]. Available from: <http://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content2268826.htm> (In Chinese).
8. *Xìjìnpíng. Juéshèng quánmiàn jiànchéng xiǎokāng shèhuì duóqǔ xīn shídài zhōngguó tèshè shèhuì zhǔyì wéidà shènglì – zài zhōngguó gòngchǎndǎng dì shíjiǔ cì quánguó dàibiāo dàhuì shàng de bàogào* (Xi Jinping. *Complete the building of a moderately prosperous society in an all-round way and win the great victory of socialism with Chinese characteristics in the new era – Report at the 19th National Congress of the Communist Party of China*) [cited 2022 Aug 14]. Available from: <http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content5234876.html> (In Chinese).
9. *Xi calls on building China into education powerhouse* [cited 2022 Aug 14]. Available from: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201809/11/WS5b96c0eda31033b4f4655422.html> (In Chinese).
10. Lawrence L. *Mobilising morality: Moral education reform within China's 21st century 'New Era'* [Internet]. Apollo – University of Cambridge Repository; 2022 [cited 2022 Aug 14]. Available from: <https://www.repository.cam.ac.uk/handle/1810/334159> (In Chinese).
11. Cui Y, Zhu Y. Curriculum reforms in China: history and the present day. *Revue internationale d'éducation de Sèvres, Colloque: L'éducation en Asie en 2014: Quels enjeux mondiaux?* 2014, Rev int d'éduc Sèvres 2014 (II). <https://ries.revues.org/3846> (In Chinese).
12. *Jiàoyù bù guānyú quánmiàn shēnhuà kèchéng gǎigé luòshí lì dé shù rén gēnběn rènwù de yìjiàn* (*Opinions of the Ministry of Education on Comprehensively Deepening Curriculum Reform and Implementing the Fundamental Task of Lide Shuren*) [cited 2022 Aug 14]. Available from: <http://www.moe.gov.cn/srscite/A26/jcjkjcjgh/201404/t20140408167226.html> (In Chinese).

13. *Guówuyuàn bàngōng tīng guānyú chénglì guójiā jiàocái wěiyuánhùi de tōngzhī* (Notice of the General Office of the State Council on the Establishment of the National Textbook Committee) [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/06/content5208390.html> (In Chinese).

14. *Guójiā jiàocái wěiyuánhùi bàngōngshì fūzé rén jiù “quánguó dà zhōng xiǎoxué jiàocái jiànshè guīhuà (2019–2022 nián)” dá jìzhě wèn* (The person in charge of the Office of the National Textbook Committee answers reporters' questions on the “National Plan for the Construction of Teaching Materials for Universities, Middle and Primary Schools (2019–2022)”) [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://www.moe.gov.cn/jybxwfb/s271/202001/t20200107414566.html> (In Chinese).

15. “*Quánguó dà zhōng xiǎoxué jiàocái jiànshè guīhuà (2019–2022 nián)*” fābù. (“*National Universities, Primary and Secondary Schools Textbook Construction Plan (2019–2022)*”) released [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://www.moe.gov.cn/jybxwfb/xwzt/moe357/jyzt2020n/2020zt04/baodao/202004/t20200409441835.html> (In Chinese).

16. *Guójiā jiàocái wěiyuánhùi guānyú yìnfā “xìjìnpíng xīn shídài zhōngguó tèshè shèhuì zhūyì sīxiāng jìn kèchéng jiàocái zhīnán” de tōngzhī* (Notice of the National Textbook Committee on Printing and Distributing “*Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era into Curriculum Teaching Materials Guide*”) [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://www.moe.gov.cn/srcsite/A26/s8001/202107/t20210723546307.html> (In Chinese).

17. *Jiàoyù bù jiàocái jú fūzé rén jiù yìwù jiàoyù sān kē jiàocái tǒng biān gōngzuò dá jìzhě wèn* (The person in charge of the Textbook Bureau of the Ministry of Education answers reporters' questions on the compilation of textbooks for the three subjects of compulsory education) [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://www.moe.gov.cn/jybxwfb/s271/201708/t20170828312487.html> (In Chinese).

18. *Yìwù jiàoyù lìshǐ kèchéng biāozhǔn*. 2022 Niánbǎn (*Compulsory Education History Curriculum Standards*). 2022 Edition. Formulated by the Ministry of Education of the People's Republic of China. Běijīng: Běijīng shīfàn dàxué chūbǎn shè; 2022. (In Chinese).

19. *Pǔtōng gāozhōng lìshǐ kèchéng biāozhǔn: 2017 Niánbǎn 2020 nián xiūdìng* (*History Curriculum Standards for General Senior High Schools: 2017 Edition, revised in 2020*). Formulated by the Ministry of Education of the People's Republic of China. Běijīng: Rénmín jiàoyù chūbǎn shè; 2020. (In Chinese).

20. *Jiàoyù bù bàngōng tīng guānyú yìnfā 2022 nián zhōng xiǎoxué jiàoxué yòngshū mùlù de tōngzhī* (Notice of the General Office of the Ministry of Education on Printing and Distributing the Catalogue of Teaching Books for Primary and Secondary Schools in 2022) [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://www.moe.gov.cn/srcsite/A26/s8001/202204/t20220425621597.html> (In Chinese).

21. Denisov I. E. The concept of “discursive power” and the transformation of Chinese foreign policy under Xi Jinping. *Sravnitel'naya politika*. 2020;4:42–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10047>.

22. Zhānghǎipéng. *Tuījìn zhōngguó lìshǐ xué huàyuǎn quán tǐ xiànshè* (Zhang Haipeng: *Promoting the Construction of the System of Discourse Power in Chinese History*) [cited 2022 Aug 15]. Available from: <https://www.sohu.com/a/126228841488440> (In Chinese).

23. *Shè kē yuàn: Yī yōuxiù jiàocái cùjìn xuékē tǐxì jiànshè* (*Academy of Social Sciences: Promote the construction of discipline system with excellent teaching*

materials) [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://www.gov.cn/xinwen/2016-07/18/content5092364.html> (In Chinese).

24. *Xìjìnpíng zài zhéxué shèhuì kēxué gōngzuò zuòtán huì shàng de jiǎnghuà. 2016 Nián 5 yuè 17 rì (Xi Jinping's speech at the Symposium on Philosophy and Social Sciences. May 17, 2016)* [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0519/c64094-28361550.html> (In Chinese).

25. Zhāng Xiǎomíng, Dù Jīnjīn. *Xìjìnpíng guānyú wénhuà zìxìn zhòngyào lùnshù yánjiū shùpíng. A Review of Xi Jinping's Important Discourse on Cultural Confidence. Guānchá yǔ sīkǎo*. 2019;11:55–63. (In Chinese).

26. *Chūzhōng lǐshǐ tóng biān jiàocái biānxiě qíngkuàng jièshào (Introduction to the compilation of junior high school history textbooks)* 2017 [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://www.moe.gov.cn/jybxwfb/xwfbh/moe2069/xwfbh2017n/xwfb20170828/sfcl20170828/201708/t20170828312491.html> (In Chinese).

27. Kubat A. Morality as legitimacy under xi Jinping: The political functionality of traditional culture for the Chinese Communist Party. *Journal of Current Chinese Affairs*. 2018;47(3):47–86. Available from: <http://dx.doi.org/10.1177/186810261804700303>

28. Zhèng Lín. Zhōngxué lìshǐ kèchéng rúhé luòshí zhōnghuá yōuxiù chuántǒng wénhuà jiàoyù. How Middle School History Curriculum Implements Chinese Excellent Traditional Culture Education. *Kèchéng. Jiàocái. Jiào fǎ*. 2022; 42(6):132–138. (In Chinese).

29. *Zhōnggòng zhōngyāng bàngōng tīng guówùyuàn bàngōng tīng yìnfā "guānyú shíshì zhōnghuá yōuxiù chuántǒng wénhuà chuánchéng fāzhǎn gōngchéng de yìjiàn" (The General Office of the Central Committee of the Communist Party of China and the General Office of the State Council issued the "Opinions on Implementing the Project of Inheriting and Developing Chinese Excellent Traditional Culture")* [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content5171322.htm> (In Chinese).

30. *Jiàoyù bù guānyú yìnfā "gémìng chuántǒng jìn zhōng xiǎoxué kèchéng jiàocái zhǐnán" "zhōnghuá yōuxiù chuántǒng wénhuà jìn zhōng xiǎoxué kèchéng jiàocái zhǐnán" de tōngzhī (Notice of the Ministry of Education on Printing and Distributing the "Revolutionary Traditions Course Materials Guide for Primary and Secondary Schools" and "Chinese Excellent Traditional Culture Course Materials Guide for Primary and Secondary Schools")* [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://www.moe.gov.cn/srcsite/A26/s8001/202102/t20210203512359.html> (In Chinese).

31. *Yìwù jiàoyù lìshǐ kèchéng biāozhǔn: 2011 (Compulsory Education History Curriculum Standards)* Niánbǎn zhōnghuá rénmin gònghéguó jiàoyù bù zhìdìng. 2011 (Ed. Formulated by the Ministry of Education of the People's Republic of China). Běijīng: Běijīng shīfàn dàxué chūbǎn shè; 2011. (In Chinese).

32. *Shíxué jiè de tāolùn – "shísì nián kàngzhàn" háishì "bā nián kàngzhàn"? (Discussions in the field of historians – "Fourteen Years of Anti-Japanese War" or "Eight Years of Anti-Japanese War"?)* [cited 2022 Aug 15]. Available from: <https://www.sohu.com/a/127099871497828> (In Chinese).

33. Liú Sīmù, Wáng Zhèndé, Hóu Chéngdé, Mǎ Xīnmín. *Zhōngguó kàngri zhànzhēng jí qí zài dì èr cì shìjiè dàzhàn zhōng dì diwèi hé zuòyòng (China's War of Resistance Against Japanese Aggression and its Position and Role in World War II). Shìjiè lìshǐ* 1980;(4):9. (In Chinese).

34. Ōu Zhèngwén. Dì èr cì shìjiè dàzhàn yīng yǐ "jiǔ-yībā shìbiàn" wèi qǐdiǎn (The Second World War should start from the "September 18 Incident"). *Hénán dàxué xuébào: Shèhuì kēxué bǎn*. 1982;(4), 7. (In Chinese).

35. *Qí Shiróng. Zhōngguó kàngrì zhànzhēng zài dì èr cì shìjiè dàzhàn zhōng dì dīwèi hé zuòyòng (The Status and Role of China's Anti-Japanese War in World War II) Lìshǐ yánjiū* 1985;(4),16. (In Chinese).

36. Mitter R. *Forgotten ally: China's world war II, 1937–1945*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt; 2014. 450 p. 37. *Xìjìnpíng zài jìniàn zhōngguó rénmin kàngrì zhànzhēng jì shìjiè fān fǎxī sī zhànzhēng shènglì 70 zhōunián dàhuì shàng de jiǎnghuà (Xi Jinping's Speech at the Commemoration of the 70th Anniversary of the Victory of the Chinese People's War of Resistance against Japanese Aggression and the World Anti-Fascist War)* [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://www.xinhuanet.com/politics/2015-09/03/c1116456504.htm> (In Chinese).

38. *Yìwù jiàoyù jiàokēshū. Zhōngguó lìshǐ. Qī niánjí xià cè (Compulsory education textbook. Chinese history. 7th grade)*. Vol. 2. Rénmín jiàoyù chūbǎn shè, 2016. (In Chinese).

39. Gabuev A., Denisov I. *Above Mao: why Xi Jinping is rewriting the history of the Chinese Communist Party* [cited 2022 Aug 15]. Available from: <https://carnegie.ru/commentary/85863> (In Russ.).

40. *Full text of the "Resolution of the CPC Central Committee on the Main Achievements and Historical Experience of the Party's Hundred-Year Struggle"* [cited 2022 Aug 15]. Available from: <http://russian.news.cn/2021-11/16/c1310314781.htm> (In Russ.).

Information about the author

Polina I. Rysakova – Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, © p.rysakova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4774-7238>.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 25.09.2022; accepted for publication 27.09.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistika thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья

УДК 373.5.016:94(529)"19/20"

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-773-789>

Исторические науки

Проблемы исторического прошлого в тайваньских учебниках истории

Вера Александровна Перминова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

verger177@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6626-7395>

Аннотация. Тайвань, находившийся в течение полувека под властью Японской империи (1895–1945 гг.), до сих пор остается единственным регионом, где не принято акцентировать внимание на негативных сторонах колониального периода. В силу традиционно тесных связей между Токио и Тайбэем вопросы исторического прошлого никогда не стояли остро, а их актуализация в тайваньском обществе, как правило, связана с текущей внутривосточной ситуацией. В зависимости от конкретного политического курса, реализуемого в тот или иной период правления Китайской Республики (КР, Тайвань), меняются и трактовки отдельных исторических событий, что впоследствии отражается на содержании тайваньских учебников истории. Статья посвящена изучению подходов к оценке японского колониального правления на Тайване, роли образовательной политики КР в формировании исторической памяти у жителей острова и связи трактовок событий японского периода с оценкой правления Гоминьдана в 1950–1980-е гг. В работе рассмотрено несколько учебных программ по историческим дисциплинам, принятых на Тайване в 1990–2010-е гг., изучена специфика освещения в этих программах колониального периода и послевоенного правления Гоминьдана, роль местной истории Тайваня в контексте общей истории Китая.

Ключевые слова: Тайвань, Япония, колониальное управление, Гоминьдан, учебники по истории, проблемы исторического прошлого

Для цитирования: Перминова В. А. Проблемы исторического прошлого в тайваньских учебниках истории. *Ориенталистика*. 2022;5(4):773–789. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-773-789>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Перминова В. А. 2022

© *Ориенталистика*, 2022

Problems of the historical past in Taiwanese history textbooks

Vera A. Perminova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
verger177@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6626-7395>

Abstract. Taiwan, which was ruled by the Japanese Empire from 1895 to 1945, still remains one of the few regions whose inhabitants do not emphasize the negative aspects of the colonial period. Because of traditionally close relations between Tokyo and Taipei the problems of the historical past have never been on the agenda of bilateral relations, and actualization of these problems was most commonly related with current domestic policy. According to current policy conducted by authorities of the Republic of China (ROC, Taiwan) interpretation of some historical periods are also usually revised in Taiwanese history textbooks. The article studies the approaches to the interpretation of colonial period of Taiwan history, role of education policy in Taiwan in formation of historical memory about Japanese period and its relation with interpretation of Kuomintang ruling period in 1950–80s. The article analyzes several curriculums of history education accepted in Taiwan in 1990–2010s, studies specific of interpretation of historical past in these curriculums and role of Taiwan local history in the context of general history of China.

Keywords: Taiwan, Japan, colonial rule, Kuomintang, history textbooks, problems of the historical past

For citation: Perminova V. A. Problems of the historical past in Taiwanese history textbooks. *Orientalistica*. 2022;5(4):773–789. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-773-789>

Введение

На Тайване, который в течение полувека был колонией Японской империи (1895–1945 гг.), отношение к японцам на протяжении всего послевоенного периода и доньше остается положительным. Это заметно контрастирует с преимущественно отрицательным имиджем Японии в современной Корее, также японской колонии в прошлом (1910–1945 гг.), не говоря уже о явно негативном образе японцев в материковом Китае. На Тайване (в Китайской Республике – КР) в силу традиционно тесных связей с Японией не принято акцентировать внимание на проблемах исторического прошлого – негативных сторонах колониального правления, а также на проблеме «женщин для

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

утешения» 慰安婦¹ и на территориальном споре о принадлежности островов Дяюйдао 釣魚島 / Сэнкаку (尖閣諸島) (или Дяюйтай 釣魚臺, как их называют на Тайване)². Вместе с тем, указанные вопросы неразрывно связаны с самыми насущными проблемами внутренней и внешней политики КР, играют важную роль также в формировании такого феномена, как «тайваньская идентичность». При этом степень, в которой в тот или иной период проявляется у жителей острова «тайванецентричная» («некитайская») самоидентичность, также сказывается на оценке тайваньцами своего прошлого, на восприятии жителями острова современной Японии, материкового Китая и перспектив выстраивания отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.

Иными словами, трактовка событий прошлого на Тайване тесно связана с вопросом самоидентификации жителей острова и перспективами развития общества и государства на Тайване. На практике это обычно означает, что сторонники более тесных связей с КНР (в частности, Гоминьдан и другие партии «синей» коалиции³) чаще сосредотачивают внимание на отрицательных проявлениях колониального правления, тогда как сторонники независимого Тайваня (Демократическая прогрессивная партия (ДПП) и иные партии «зеленой» коалиции) обычно указывают на модернизацию острова под контролем японцев, противопоставляя ее «белому террору» китайских властей в послевоенное время. Дискуссии о проблемах исторического прошлого на Тайване имеют достаточно выраженный политизированный характер, поэтому трактовка колониального периода в учебниках истории, как правило, претерпевает изменения в зависимости от конкретного политического курса того или иного президента КР.

Статья посвящена изучению подходов к оценке японского колониального правления на Тайване, роли образовательной политики КР в формировании исторической памяти у жителей острова и связи трактовок событий японского периода с оценкой правления Гоминьдана в 1950–80-е гг. В работе рассмотрено несколько учебных программ по историческим дисциплинам, принятых на Тайване в 1990–2010-е гг., изучена специфика освещения в этих программах колониального периода и послевоенного правления Гоминьдана, роль местной истории Тайваня в контексте общей истории Китая.

Вплоть до конца 1980-х гг. японское правление трактовалось на Тайване исключительно как период угнетения местного населения, и учебники истории представляли его только в темных тонах. Особое внимание уделялось теме общей борьбы с японскими захватчиками, которая начиналась в 1894–1895 гг. (в период Первой японо-китайской войны), с приходом колониальных

¹ «Женщины для утешения» (*вэйаньфу* 慰安婦) – эвфемизм, которым принято обозначать женщин, которых в годы Второй мировой войны принудили обслуживать японских солдат в прифронтовых публичных домах. Общее число тайваньских *вэйаньфу* составляло примерно 2 тыс. человек.

² Острова Дяюйдао / Сэнкаку – группа из восьми островов в Восточно-Китайском море, право на которые оспаривают Япония и КНР. Тайвань также заявляет о своих претензиях в отношении этих территорий.

³ «Синяя» коалиция 蓝营 – группа политических партий на Тайване во главе с Гоминьданом, поддерживающая идею объединения Тайваня с материковым Китаем. Оппозиционная ей группа партий – «зеленая» коалиция 绿营 во главе с Демократической прогрессивной партией (ДПП), выступающая за независимость острова.

властей на Тайвань продолжалась на острове всю первую половину XX в., а начиная с 1930-х гг., параллельно велась и на материке (после оккупации Маньчжурии в 1931 г. и с началом полномасштабных наступательных действий Японии в Китае в 1937 г.). Акцентировалось внимание на том, что и китайцы, и тайваньцы одинаково пострадали от агрессивной политики Японской империи и в равной мере стремились к освобождению от японской власти [1, р. 214–216]. Спротивление тайваньцев колониальным властям в контексте общей борьбы китайского народа против японских агрессоров служило дополнительным подтверждением сплоченности материкового и островного Китая в борьбе против милитаристской Японии и, в более широком смысле, единства всего китайского народа, частью которого были и тайваньцы. Иными словами, антияпонская риторика играла важную роль в развитии «китайской идентичности» у жителей острова и осознании тайваньцами единства судьбы с жителями материка. Впрочем, политика «культивации» китайского самосознания нередко переходила в «перевоспитание» тайваньцев, «идеологически травмированных японским колониальным правлением»⁴. В образовательной сфере культивация китайского самосознания проявлялась также и в том, что местная история Тайваня, как правило, рассматривалась в контексте истории материка и не составляла отдельной темы для исследований [5, р. 238; 6, с. 48].

«Тайванизация» истории при президенте Ли Дэньхуэ

Принципиальное переосмысление истории Тайваня произошло в период демократических преобразований, предпринятых под руководством Ли Дэньхуэ 李登輝 в 1990-е гг. Курс на укрепление связей с США и Японией тесно переплетался с политикой «тайванизации», частью которого стал отказ от «про-китайского» понимания собственной истории. Такой подход проявлялся и в системе образования – в школьной программе значительное время стали уделять изучению местной истории, совершалось также и переосмысление колониального опыта. Культуру Тайваня теперь определяли как полиэтническую, поэтому особое внимание стало уделяться сохранению традиций и языка национальных меньшинств. Дополнительным подтверждением уникальности острова служил и опыт японского управления – привнесенные элементы японской традиции и новая система ценностей представлялись как обоснование того, что у жителей острова сформировалась новая, «некитайская» самоидентичность [7].

В 1994–1996 г. вся система образования была реформирована – произошла ее децентрализация, больше возможностей для развития предоставили частным школам и альтернативной системе обучения [8]. С 1999 г. издание учебников перестало быть монополией Министерства образования, так что теперь действовал принцип «одна программа – много учебников» 一綱多本. На практике это означало, что содержание учебников должно в целом соответствовать принятой Министерством программе, но сам текст можно изменять по рекомендации местных властей и больше учитывать мнение местных жителей, в частности, уроженцев Тайваня [9, р. 75].

⁴ О факте пренебрежительного отношения материковых китайцев к тайваньцам говорят многие ученые: [2, с. 119; 3, р. 316; 4, р. 310].

С началом либерализации системы образования дискуссии по проблемам исторического прошлого стали особенно актуальны. Первым поводом для активизации этих дискуссий стал выход в 1997 г. серии обновленных учебников для средней школы под названием «Знакомимся с Тайванем» “認識台灣” [10], включающих разделы по истории, географии и обществузнанию. Содержимое учебника истории строилось по принципу «концентрических окружностей» 同心圓, где центральное место занимал Тайвань. Это означало, что местная история имеет первостепенное значение (общее количество часов для изучения тайваньской истории было увеличено), следующий, второй круг занимал Китай, изучение его истории и культуры, и последний, внешний круг – всемирная история. В данной серии учебников вопрос о принадлежности Тайваня подробно не рассматривался, поэтому нельзя сказать, что в этих материалах продвигалась идея независимости КР, однако Тайвань рассматривался как отдельный, обособленный от материкового Китая регион – это проявлялось в том, что местная история «вышла из тени» общего курса истории Китая, большее внимание стали уделять региональным процессам и роли острова в международных отношениях АТР⁵. Более остро стоял вопрос об оценке колониального наследия – многие ученые и преподаватели вузов выступали против новых учебников, обвиняя их авторов в приукрашивании колониальной политики японских властей, намеренной «де-китаизации» тайваньской молодежи и преуменьшении значения истории, культуры и традиций материкового Китая в истории острова [7, 14].

В новых учебниках при описании колониального периода помимо негативных черт, которые всегда отмечались в предыдущие годы, появились упоминания о значительном вкладе японских властей в развитие Тайваня (экономическая модернизация, упорядочивание законодательства, санитарные меры и отмена устаревших китайских обычаев) [14]. Важно также отметить, что японское правление стали сопоставлять с авторитарным управлением Гоминьдана во второй половине XX в. Китайские власти, пришедшие на смену японской администрации после окончания Второй мировой войны, и чиновники, эвакуированные на Тайвань после образования КНР, представлялись в учебниках «иноземной властью» 外來政權, а весь период военного положения на острове (вплоть до 1987 г.) – «белым террором» 白色恐怖 [7]. Новую трактовку получило антиправительственное восстание 28 февраля 1947 г. («инцидент 228» 二二八事件)⁶, подробности которого предыдущие власти предпочитали замалчивать. Начиная с 1990-х гг., основное внимание в учебниках истории фокусировалось на этом инциденте, который стал символом угнетения тайваньцев представителями материкового Китая [5, p. 237].

Один из наиболее деликатных вопросов, касающихся японского наследия на Тайване и политики Японской империи в период Второй мировой войны, – это проблема «женщин для утешения», которая в последнее десятилетие XX в. вышла на уровень общественно-политической проблемы и существенно осложнила отношения Токио с азиатскими странами. На Тайване,

⁵ Подробнее о серии учебников «Знакомимся с Тайванем» см.: [11, 12, 13].

⁶ 28 февраля 1947 г. на Тайване вспыхнуло масштабное антиправительственное восстание («Инцидент 228» 二二八事件), ставшее ответом местных жителей на откровенно колонизаторские методы новых китайских властей. Восстание было жестоко подавлено Гоминьданом, число жертв по разным источникам варьируется от 10 до 30 тыс. чел.

в силу традиционно тесных связей между Токио и Тайбэем, вопрос компенсаций бывшим «женщинам для утешения» не стал актуальной проблемой. «Неудобные» для Японии вопросы, связанные с ее военным прошлым, были намеренно «приглушены» властями Тайваня на фоне активизации двустороннего сотрудничества в 1990-е гг.⁷ В учебниках истории эта тема освещалась без подробностей и эмоциональной окраски, о «женщинах для утешения» упоминалось лишь в контексте более общей темы – истории Второй мировой войны, тогда как одному только восстанию 28 февраля 1947 г. была посвящена целая глава [16].

Продолжение политики «декитаизации» в период правления Чэнь Шуйбяня

Подобная «тайванизация» истории стала еще интенсивнее после прихода к власти в 2000 г. представителя ДПП Чэнь Шуйбяня 陳水扁. В 2002 г. с назначением на должность министра образования Хуан Жунцуня 黃榮村 началась разработка обновленной программы, где центральное место заняли «декитаизация» 去中國化 и «мультикультурализм» 多元文化, а одной из основных целей программы было – позволить учащимся «понять современность» 了解現在 и «сформировать собственную идентичность» 建立自己的認同感 [17, p. 106]. Вместе с тем, несмотря на «тайванецентризм» программы, культура материкового Китая рассматривалась там как основной источник тайваньской культуры и традиции. Глава комитета по разработке новой учебной программы, профессор Государственного университета Цинхуа 國立清華大學 Чжан Юань 張元 был сторонником сохранения статус-кво в Тайваньском проливе и довольно сдержанно относился к идее «тайванизации» истории. В итоге из-за своей «центристской» позиции Чжан Юань подвергся критике со стороны как ДПП, так и Гоминьдана, а проект новой учебной программы был отклонен Законодательным юанем. Сторонников «зеленой» коалиции не устраивало, что изменения в программе оказались не столь радикальными и не в полной мере соответствовали курсу на «декитаизацию». Гоминьдан, наоборот, усмотрел в этой программе слишком навязчивую пропаганду идеи независимости Тайваня (в частности, там было прямо написано, что статус Тайваня остается до сих пор неопределенным), критиковал за излишнее подчеркивание авторитарности правления Чан Кайши и подробное рассмотрение «инцидента 228», а также за чрезмерное внимание к положительным сторонам японского колониального правления – при том, что о неприглядных сторонах японской администрации составители программы практически не упоминали [17, p. 106–108]. Несмотря на острую полемику, данная программа с незначительными изменениями все же была утверждена как Временная программа-95⁸, затем была принята Программа-98⁹, которую намечалось ис-

⁷ Подробнее о проблеме «женщин для утешения» на Тайване см.: [5, 15].

⁸ «Временная общая программа обучения для средней школы высшей ступени – 95» 九五綜合高中課程暫行綱要 (九五暫綱). «95» в названии программы обозначает год (со времени основания КР в 1911), когда принимаемую программу должны впервые использовать в учебном процессе, в данном случае – для начинающих обучение в сентябре 2006 г. [18]

⁹ «Общая программа обучения для средней школы высшей ступени – 98» 九八綜合高中課程綱要, впервые могла быть использована в сентябре 2009 г. [19]

пользовать в учебном процессе с 2009 г., но после поражения ДПП на выборах программы были вновь пересмотрены.

Обе программы («95» и «98») в полной мере отвечали курсу на «де-китаизацию», особенно подчеркивалась модернизирующая роль Японии в развитии Тайваня. В оценках японского колониализма были почти полностью исключены его отрицательные стороны, поэтому термины «угнетение» 壓迫, «дискриминация» 歧視, «оккупация» 占領 отсутствовали. Если раньше колониальное правление и восстановление китайской власти на острове определялись контрастно как «японская оккупация» 日據 и «славное возрождение [Тайваня]» 光復, то теперь эти термины заменили на менее эмоциональные – «японское правление» 日治 и «переход под контроль Гоминьдана» 國民黨的接收 [20].

Переосмысление роли колониальных властей в развитии острова происходило одновременно с пересмотром взаимоотношений между островной и материковой частями Китая, причем как в современности, так и в исторической перспективе. В правление Чэнь Шуйбяня разделение в школьной программе на историю Тайваня и историю Китая стало прослеживаться еще более четко. Раздел по китайской истории был сокращен, изменения коснулись и терминологии, в частности, термин «материковый Китай» 大陸 был заменен на «中國» (что предполагает обозначение материка как отдельного государства) [21]; «Учанское восстание» 武昌起義 было обозначено иным термином 武昌起事, который, помимо «восстания», может обозначать и «мятеж», что не позволяет трактовать события в г. Учане как «восстание за правое дело» / «справедливое восстание» 起義 [22]. Хотя вопрос о независимом статусе Тайваня не ставился, тем не менее предметы, связанные только с Тайванем, были отделены от дисциплин, относящихся к материковому Китаю. Таким образом более ранняя двухступенчатая система преподавания истории (отечественная история 本國史 – всемирная история 世界史) была заменена на трехступенчатую (история Тайваня 臺灣史 – история Китая 中國史 – всемирная история 世界史), что, по сути, отвечало принципу «концентрических окружностей», принятому во второй половине 1990-х гг., но с более четким делением на историю островного и материкового Китая. Как полагают некоторые ученые, дробление отечественной истории 本國史 на «две истории» – тайваньскую и китайскую – наглядно представляет собой дилемму двух «идентичностей» – «китайской» и «тайваньской», проявившуюся с началом демократизации Тайваня [23, p. 171].

Переосмысление исторического прошлого при президенте Ма Инцзю

Пришедший к власти в 2008 г. лидер партии Гоминьдан Ма Инцзю 馬英九 попытался сформировать в тайваньском обществе более взвешенный подход к пониманию собственной истории – периодам японского и китайского правления на острове, а также роли Японии в развитии современного Тайваня. Власти КР вновь подняли вопрос о сопротивлении тайваньцев колониальной администрации и о связи этого сопротивления с антияпонской борьбой всего китайского народа в период 1937–1945 гг.

С 2008 г. начала работу комиссия по пересмотру программ «95» и «98», но работа по внесению поправок шла тяжело – преподаватели ведущих вузов Тайваня долго не могли прийти к консенсусу по вопросу трактовки

колониального периода и оценки правления Гоминьдана в первые послевоенные десятилетия. Позднее создана новая комиссия, подготовившая проект «Программы 101» 101課綱 [24], которая была одобрена в 2011 г. и стала использоваться в учебном процессе с 2012 г.

В «Программе 101» японское правление в целом оценивалось достаточно нейтрально – хотя термин «оккупация» был возвращен в текст и вновь упоминалось об угнетении и дискриминации жителей острова, но уделялось значительное внимание успехам колониальной администрации, модернизации и просвещению Тайваня. Раздел о «женщинах для утешения» был возвращен в состав курса, при этом подчеркивалось, что работать на «станциях для утешения» женщин принуждали [16, 25] (в период правления Чэнь Шуйбяня это подвергалось сомнению¹⁰).

Очередной пересмотр школьной программы произошел после повторной победы Ма Инцзю на президентских выборах в 2012 г. С этого момента началась кампания по устранению «ошибочных трактовок» исторических событий в учебной программе и отход от «тайванецентричного» понимания собственной истории. В июле 2012 г. Ма Инцзю заявил, что считает нужным вновь объединить разделы по истории Тайваня и истории материкового Китая в единый блок под названием «Отечественная история» 本國史 [27]. Работа над обновлением «Программы 101» 101微調課綱 [28] велась в сжатые сроки – всего за три месяца все дополнения и исправления в программу были внесены, поправки одобрены в феврале 2014 г., с сентября 2015 г. программу планировали использовать в учебном процессе.

В обновленной «Программе 101» особое внимание уделялось репрессиям японских колониальных властей и сопротивлению местных жителей насаждаемой извне власти, при этом текст, посвященный модернизации, был существенно сокращен. Добавлен новый раздел – «Тайваньцы и война сопротивления против японских захватчиков», где подчеркивалась роль тайваньцев, воевавших на стороне Китая. Раздел о «мультикультурализме» был исключен, вместо него повествовалось о проявлениях традиционной китайской культуры на Тайване [20]. Вместе с тем, в программе присутствовало описание восстания 1947 г., упоминался и «белый террор». Более того, фактическую автономию от материка представляли как важнейший фактор успешной модернизации Тайваня.

Однако эта программа подверглась жесткой критике со стороны оппозиции, усмотревшей в ней возврат к авторитаризму, от которого Тайвань отказался в 1990-е гг. Противники новой программы считали неприемлемыми излишнюю привязку Тайваня к материковому Китаю и преуменьшение вклада японских колониальных властей в развитие острова, обвиняли действующие власти в непонимании реального положения дел. По сути, дискуссии о поправках в учебной программе свелись к противостоянию сторонников и противников независимого статуса Тайваня. ДПП официально осудили принятую программу [17, p. 114–115].

¹⁰ «Временная общая программа обучения для средней школы высшей ступени – 95» 九五綜合高中課程暫行綱要 (九五暫綱). «95» в названии программы обозначает год (со времени основания КР в 1911), когда принимаемую программу должны впервые использовать в учебном процессе, в данном случае – для начинающих обучение в сентябре 2006 г. [18]

Ситуация обострилась летом 2015 г. – в преддверии учебного года, когда обновленную «Программу 101» собирались использовать в школах. 23 июля противники новой программы попытались захватить здание Министерства образования, стремясь повторить успех штурма Законодательного юаня в марте 2014 г. участниками протестного «Движения подсолнухов», намеревавшимся помешать ратификации соглашения по торговле услугами с КНР. В 2015 г. власти предприняли более жесткие меры по отношению к нарушителям порядка, арестовав всех, кто смог проникнуть в здание Министерства образования (33 человека, из них 24 студента) [29]. Данный инцидент свидетельствовал о том, что проблема трактовки отдельных исторических событий в учебной программе превратилась в еще один аспект межпартийного противостояния на Тайване. Противоречия между сторонниками «тайванецентричного» и «китаецентричного» подходов в описании отдельных разделов истории теперь были напрямую связаны с их политическими предпочтениями, причем дискуссии охватили более широкий круг участников: помимо преподавателей и ученых, к числу несогласных с обновленной программой добавилась наиболее активная группа населения – студенты, активисты движения за права человека (в т.ч. Ассоциации содействия [защиты] прав человека 臺灣人權促進會). Практика принятия сложных для общественности решений «за закрытыми дверями», к которой стало часто прибегать руководство после повторного избрания Ма Инцзю президентом КР, еще сильнее обострила противоречия между обществом и властью. Одним из проявлений таких противоречий стало принятие властями заведомо непопулярной программы по историческим дисциплинам и активное общественное сопротивление внедрению этой программы в учебный процесс. Обновленная программа формально все же вступила в силу, но продержалась лишь один год, поскольку в 2016 г. победу на президентских выборах одержала кандидат от ДПП Цай Инвэнь.

Продолжение политики «декитаизации» под руководством Цай Инвэнь

Продолжение курса на демократизацию Тайваня под руководством Цай Инвэнь 蔡英文 вновь выдвинуло концепцию «тайваньской идентичности» на передний план. Политика «декитаизации», как и при Чэнь Шуйбяне, ориентирована не только на ослабление торгово-экономической зависимости от КНР, но и на популяризацию идеи о том, что тайваньское общество мультикультурно и потому существенно отличается от китайского общества на материке. Проявлениями такой политики стали акцент на модернизаторской и просветительской роли японского колониального правления, отказ от празднования памятных дат китайской истории, пересмотр школьных программ [30, p. 137; 31].

В частности, в «Программе 108» 108課綱 [32], принятой в 2018 г. и действующей с 2019 г. по настоящее время, дисциплины, относящиеся только к Тайваню, были отделены от предметов, имеющих отношение только к материковому Китаю, а «отечественная история» вновь разделена на тайваньскую и китайскую, при этом курс истории Китая (начиная с эпохи Цин) вошел в состав истории стран Восточной Азии. Таким образом для тайваньских школьников разделы по истории, начиная с XVII в., представляли собой следующую цепочку: история Тайваня 臺灣史 – история стран Восточной

Азии 東亞史 – всеобщая история 世界史 [33]. В новой редакции учебников события на Тайване гораздо меньше связываются с процессами на материке и в большей мере связаны с общемировыми и региональными процессами в Азии. Не случайно поэтому глава по истории Древнего и Средневекового Китая была существенно упрощена и сокращена, в частности, полностью исключили разделы, посвященные периоду Троецарствия 三国 и эпохе правления императрицы У Цзэтянь 武则天. Описание Синьхайской революции сокращено в 20 раз (с 6 тыс. до 300 знаков), зато более подробно стало рассматриваться Новейшее время и современность – период, когда Тайвань перестал быть частью Китайской империи, перейдя сначала под контроль Японии, а затем став самостоятельным регионом, утратившим тесную связь с материком [34, 35].

Активная «декитаизация» проявилась также и в том, что к числу внешних захватчиков («иноземной власти» 外來政權) стали относить не только колониальные власти (голландцев и японцев) и правление Гоминьдана 1950–80-х гг., но и власть клана Чжэнов (Чжэн Чэнгуна 鄭成功 и его потомков), а также цинские власти. Таким образом, получилось, что Тайвань с первой половины XVII в. до второй половины XX в. непрерывно жил под контролем «чужеземцев». Примечательно, что колониальный период, в частности, японское правление, рассматривается с позиции теории модернизации и представляется как наиболее эффективное управление островом при «иноземных властях» [25].

Вопрос о принадлежности островов Дяюйдао/Сэнкаку, равно как и проблема компенсаций бывшим «женщинам для утешения», с приходом к власти Цай Инвэнь практически полностью утратили свое «внешнеполитическое измерение», перейдя на уровень общественных дискуссий. Действующие власти до сих пор не озвучивали четкую позицию по вопросу «женщин для утешения», среди жителей Тайваня также не сложилось однозначного подхода к решению проблемы *вэйаньфу* – если часть общества стремится сохранять память о них, то другая считает это пережитком прошлого и намеренным осложнением отношений между Токио и Тайбэем.

Выводы

Дискуссии относительно оценки событий исторического прошлого на Тайване подвержены значительному влиянию внутривнутриполитической ситуации и в полной мере отражают текущие тенденции в развитии отношений КР с внешним миром (в первую очередь с материковым Китаем, Японией и западными странами). Трактовки различных периодов тайваньской истории, которые поддерживает правящая политическая элита, не только прямо зависят от текущей внешнеполитической и внутривнутриполитической повестки дня, но и, как правило, тесно связаны между собой. В частности, японское колониальное правление обычно противопоставляется управлению Гоминьдана в первые несколько десятилетий после Второй мировой войны. Оценка управления островом до началом Гоминьдана, в свою очередь, трактуется в зависимости от текущего состояния отношений между берегами Тайваньского пролива и перспективами углубления связей между Тайванем и материком.

В настоящее время, пока у власти находятся представители ДПП – сторонники усиления взаимодействия с Вашингтоном и Токио и противоборства

с материковым Китаем, вопросы исторического прошлого едва ли будут подробно рассматриваться в тайваньских учебниках истории. При продолжении политики «декитазации» в школьных программах будет сохраняться трактовка колониального периода с позиций теории модернизации, так что все отрицательные проявления японского правления будут «приглушены», а правление Гоминьдана во второй половине XX в. представлено как пример негативного опыта управления «иноземными властями».

Литература

1. Vickers E. Frontiers of memory: conflict, imperialism, and official histories in the formation of post-Cold war Taiwan identity. In: Jager S. M., Mitter R. (eds) *Ruptured Histories: war, memory, and the post-Cold war in Asia*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2007. P. 209–232.
2. 黄国昌. 中国意识与台湾意识 (*Китайская идентичность и тайваньская идентичность*). 台北: 台湾五南图书出版社; 1995. 281 с. (На кит. яз.).
3. Rigger S. Competing conceptions of Taiwan's identity: The irresolvable conflict in Cross-Strait relations. *Journal of Contemporary China*. 1997;6(15):307–317.
4. Huang Chih-huei. The transformation of Taiwanese attitudes toward Japan in the Post-colonial Period. In: Li Narangoa, Cribb R. (eds) *Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945*. London: Routledge Curzon; 2003. P. 296–314.
5. Suzuki Shogo. The competition to attain justice for past wrongs: the “comfort women” issue in Taiwan. *Pacific Affairs*. 2011; 84(2):223–244.
6. Rysakova P. I. Rethinking Japanese period in today's high school history textbooks in Taiwan. *XXX International Congress on historiography and source studies of Asia and Africa: On the occasion of the 150th anniversary of academician V. Bartold (1869–1930)*. Saint Petersburg: NP-Print Publishing; 2019. P. 47–49.
7. 蔣永敬. 反對竄改臺灣歷史教科書 ([Выступаем] против фальсификации тайваньских учебников истории). – <https://web.archive.org/web/20151121210624/http://www.haixiainfo.com.tw/80-3361.html> (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).
8. Chou C. P., Ching G. Historical overview of education in Taiwan. In: Jacob W. J., Neubauer D. (eds) *Taiwan Education at the Crossroad. International and Development Education*. N. Y.: Palgrave Macmillan; 2012. P. 21–46. – https://doi.org/10.1057/9780230120143_3
9. Law Wing-Wah. Educational reform in Taiwan: a research for a ‘national’ identity through democratisation and taiwanisation. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2002;32(1):61–81.
10. 國民中學“認識臺灣(歷史篇)” (*Учебник для средней школы «Знакомимся с Тайванем (история)»*). 臺北: 國立編譯館; 1997. (На кит. яз.).
11. Wang Fuchang. Why bother about school textbooks? An analysis of the origin of the disputes over “Renshi Taiwan” textbooks in 1997. In: Makeham J., A-chin Hsiao (eds) *Cultural, Ethnic and Political Nationalism in Contemporary Taiwan: Bentuhua*. New York: Palgrave; 2005. P. 55–99.
12. Amae Yoshihisa, Damm J. “Whither Taiwanization?” State, Society and Cultural Production in the New Era. *Journal of Current Chinese Affairs*. 2011;40(1):3–17.

13. Corcuff S. History textbooks, identity politics, and ethnic introspection in Taiwan: The June 1997 "Knowing Taiwan" textbooks controversy and the questions it raised on the various approaches to 'Han' identity. In: Vickers E., Jones A. (eds) *History education and national identity in East Asia*. New York – London: Routledge. Taylor & Francis Group; 2005. P. 133–169.

14. 吳瓊恩. 反對竄改臺灣歷史教科書 ([Выступаем] против фальсификации тайваньских учебников истории). – <https://web.archive.org/web/20151121231121/http://www.haixiainfo.com.tw/80-3368.html> (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

15. Перминова В. А. Историческая память на Тайване и ее влияние на японо-тайваньские связи во второй половине XX в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021;3:86–101. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2021-3-86-101>.

16. 台湾近二十年来的三次课纲修订 (Троекратное внесение поправок в учебную программу на Тайване за последние 20 лет). 23.12.2015. – http://www.zhongguotongcuhui.org.cn/tylt/201506/201602/t20160216_11387307.html (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

17. Stolojan V. Curriculum reform and the teaching of history in high schools during the Ma Ying-jeou presidency. *Journal of Current Chinese Affairs*. 2017;46(1):101–130.

18. 普通高級中學課程暫行綱要目次(95學年度起實施) (Содержание временной программы обучения для средней школы высшей ступени (начало реализации программы в 95 г.)). – https://www.cnsh.mlc.edu.tw/ischool/publish_page/3/?cid=80 (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

19. 综合高级中学课程纲要总纲 (Основные положения общей программы обучения для средней школы высшей ступени). 23.02.2012. – <https://www.doc88.com/p-008904885452.html?r=1> (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

20. 这些年,台湾的历史课纲都经历了哪些变动? (Как изменились за последние несколько лет учебные программы по истории на Тайване?). 23.06.2017. – https://www.sohu.com/a/151520931_267719 (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

21. 台历史教科书“独”害岛内下一代 ([Идея] «независимости» [Тайваня, которая прослеживается] в тайваньских учебниках по истории, наносит вред будущим поколениям, [проживающим] на острове). 15.09.2020. – <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677849466227672784&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

22. 台湾教科书“武昌起义”变成“起事” (В тайваньских учебниках «Учанское восстание» переименовали в «мятеж»). 10.10.2017. – https://www.sohu.com/a/197357825_99965026 (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

23. Schneider C. “National history” in mainland Chinese and Taiwanese history education: its current role, existing challenges and alternative frameworks. *Presentation given at an international symposium “Constructing regional histories – from historiography toward history education in the Balkans and East Asia”*. Tokyo, November 2007. – <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/versions?doi=10.1.1.463.6693> (accessed: 28.09.2022).

24. 课纲核心篇目 (Основные положения 101-й программы). 15.04.2014. – <https://www.doc88.com/p-1681944104123.html> (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

25. 周珂. 台湾中学历史课程纲要变化管窥 (Подробный анализ изменений в тайваньских учебных программах по истории для средней школы высшей ступени). 27.06.2019. – https://www.sohu.com/a/323205051_629818 (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

26. Перминова В. А. Вопросы исторического прошлого в японо-тайваньских отношениях при администрации Чэнь Шуйбяня (2000–2008). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2021;13(2):293–307. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.211>.

27. 马英九明确宣示:教材应删皇民化“台独”化内容 (Ма Инцзю четко заявил: из [содержания] учебных материалов должна быть устранена [идея] независимости Тайваня). 12.07.2012. – http://www.taiwan.cn/taiwan/tw_PoliticsNews/201207/t20120712_2824928.htm (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

28. 101年新課綱時間分配与教材綱要 (Основные учебные материалы и планирование времени [занятий] по новой учебной программе 101 года). – https://www.sssh.tp.edu.tw/ischool/publish_page/53/?cid=2390 (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

29. 課綱微調爭議 到底在吵什麼? (В чем же заключается спор по поводу обновленной учебной программы?). 24.07.2015. – <https://web.archive.org/web/20220121132100/https://theme.udn.com/theme/story/7491/1076685> (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

30. Chou Chih-Chieh. Contending notions of the Cross-Strait status quo in Taiwan and across the Strait: impacts on U.S.-Taiwan relations. *The China Review*. 2018;18(3):121–148.

31. Hoppens R. Contemporary Japan-Taiwan relations in historical context. *Asia Dialogue*. University of Nottingham Asia Research Institute. July 13, 2018. – <https://theasiadialogue.com/2018/07/13/contemporary-japan-taiwan-relations-in-historical-context/> (accessed 07.11.2020).

32. 十二年國教課程綱要 (Программа двенадцатилетнего государственного образования). – <https://12basic.edu.tw/12about-3-1.php> (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

33. 朱汉国. 简析台湾地区高中历史课程的设置与教材编写 (Разработка программы обучения и составление учебных материалов по истории для средней школы высшей ступени на Тайване. Краткий анализ). *Чжунго лиши яньцзю*. 2022. № 2. – http://hrc.cass.cn/xsdt/sxpy/202206/t20220621_5413454.shtml (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

34. 台湾新版历史教科书删到连“三国”都没有 (В результате сокращения [материала] в новом издании тайваньского учебника по истории исчез даже [раздел] «Троецарствие»). 08.09.2020. – <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677279909781686119&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

35. 国台办:民进党当局中学历史“新课纲”荼毒台湾年轻一代 (Канцелярия по делам Тайваня при Госсовете КНР: новая учебная программа по истории, принятая властями ДПП, пагубно влияет на молодое поколение тайваньцев). 13.10.2021. – <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1713491810887221107&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 28.09.2022). (На кит. яз.).

Информация об авторе

Перминова Вера Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Китая, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, © verger177@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6626-7395>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена рецензентами 06.10.2022; принята к публикации 10.10.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Vickers E. Frontiers of memory: conflict, imperialism, and official histories in the formation of post-Cold war Taiwan identity. In: Jager S. M., Mitter R. (eds) *Ruptured Histories: war, memory, and the post-Cold war in Asia*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2007, pp. 209–232.
2. Huang Guochang 黄国昌. *Zhongguoyishiyu Taiwanyishi* 中国意识与台湾意识 (*Chinese identity and Taiwanese identity*). Taipei: Taiwan wunan tushu chubanshe 台北:台湾五南图书出版社; 1995. 281 p. (In Chinese).
3. Rigger S. Competing conceptions of Taiwan's identity: The irresolvable conflict in Cross-Strait relations. *Journal of Contemporary China*. 1997; 6(15):307–317.
4. Huang Chih-huei. The transformation of Taiwanese attitudes toward Japan in the Post-colonial Period. In: Li Narangoa, Cribb R. (eds) *Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945*. London: Routledge Curzon; 2003. P. 296–314.
5. Suzuki Shogo. The competition to attain justice for past wrongs: the “comfort women” issue in Taiwan. *Pacific Affairs*. 2011; 84(2):223–244.
6. Rysakova P. I. Rethinking Japanese period in today's high school history textbooks in Taiwan. *XXX International Congress on historiography and source studies of Asia and Africa: On the occasion of the 150th anniversary of academician V. Bartold (1869–1930)*. Saint Petersburg: NP-Print Publishing; 2019, pp. 47–49.
7. Jiang Yongjing 蒋永敬. *Fandui cuangai Taiwan lishi jiaokeshu* 反对篡改台湾历史教科书 (*Oppose rewriting of Taiwanese history textbooks*). – <https://web>.

archive.org/web/20151121210624/http://www.haixiainfo.com.tw/80-3361.html (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

8. Chou C. P., Ching G. Historical overview of education in Taiwan. In: Jacob W. J., Neubauer D. (eds) *Taiwan Education at the Crossroad. International and Development Education*. New York: Palgrave Macmillan; 2012, pp. 21-46. – https://doi.org/10.1057/9780230120143_3

9. Law Wing-Wah. Educational reform in Taiwan: a research for a 'national' identity through democratisation and taiwanisation. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2002;32(1):61-81.

10. *Guomin zhongxue "Renshi Taiwan (lishi pian)" 國民中學「認識臺灣(歷史篇)」(Textbook for senior high school "Meeting with Taiwan (history)")*. Taipei: Guoli bi-an-yiguan, 臺北: 國立編譯館; 1997. (In Chinese).

11. Wang Fuchang. Why bother about school textbooks? An analysis of the origin of the disputes over "Renshi Taiwan" textbooks in 1997. In: Makeham J., A-chin Hsiao (eds) *Cultural, Ethnic and Political Nationalism in Contemporary Taiwan: Bentuhua*. New York: Palgrave; 2005, pp. 55-99.

12. Amae Yoshihisa, Damm J. "Whither Taiwanization?" State, Society and Cultural Production in the New Era. *Journal of Current Chinese Affairs*. 2011;40(1):3-17.

13. Corcuff S. History textbooks, identity politics, and ethnic introspection in Taiwan: The June 1997 "Knowing Taiwan" textbooks controversy and the questions it raised on the various approaches to 'Han' identity. In: Vickers E., Jones A. (eds) *History education and national identity in East Asia*. New York - London: Routledge. Taylor & Francis Group; 2005, pp. 133-169.

14. Wu Qiong'en 吳瓊恩. *Fandui cuangai Taiwan lishi jiaokeshu 反對竄改臺灣歷史教科書 (Oppose rewriting of Taiwanese history textbooks)*. – <https://web.archive.org/web/20151121231121/http://www.haixiainfo.com.tw/80-3368.html> (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

15. Perminova V. A. Historical memory in Taiwan and its influence on the relations between Tokyo and Taipei in the second half of the 20th century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021; 3:86-101. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2021-3-86-101>. (In Russ.).

16. *Taiwan jin er shi nian lai de san ci kegang xiuding 台湾近二十年来的三次课纲修订 (Three-times revising of Taiwanese curriculum for the last 20 years)*. 23.12.2015. – http://www.zhongguotongcuhui.org.cn/tylt/201506/201602/t20160216_11387307.html (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

17. Stolojan V. Curriculum reform and the teaching of history in high schools during the Ma Ying-jeou presidency. *Journal of Current Chinese Affairs*. 2017;46(1):101-130.

18. *Putong gaoji zhongxue kecheng zanxing gangyao mucì (95 xue niandu qi shishi) 普通高級中學課程暫行綱要目次(95學年度起實施) (Main principles of curriculum-95 in senior high school)*. – https://www.cnsh.mlc.edu.tw/ischool/publish_page/3/?cid=80 (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

19. *Zonghe gaoji zhongxue kecheng gangyao zonggang 综合高级中学课程纲要总纲 (Main principles of curriculum in senior high school)*. 23.02.2012. – <https://www.doc88.com/p-008904885452.html?r=1> (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

20. *Zhe xie nian. Taiwan de lishi kegang dou jingli le na xie biandong? 这些年,台湾的历史课纲都经历了哪些变动? (What are the changes in teaching*

of history in Taiwan for the last few years?). 23.06.2017. – https://www.sohu.com/a/151520931_267719 (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

21. *Tai lishi jiaokeshu “du” hai dao nei xia yi dai* 台历史教科书“独”害岛内下一代 (*The [concept of Taiwan] “independence” in Taiwanese textbooks cause harm to next generations living in Taiwan*). 15.09.2020. – <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677849466227672784&wfr=spider&for=pc> (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

22. *Taiwan jiaokeshu “Wuchang qiye” biancheng “qishi”* 台湾教科书“武昌起义”变成“起事” (*“Wuchang uprising” in Taiwanese textbooks was renamed into “rebellion”*). 10.10.2017. – https://www.sohu.com/a/197357825_99965026 (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

23. Schneider C. “National history” in mainland Chinese and Taiwanese history education: its current role, existing challenges and alternative frameworks. *Presentations given at an international symposium “Constructing regional histories – from historiography toward history education in the Balkans and East Asia”*. Tokyo, November 2007. – <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/versions?doi=10.1.1.463.6693> (accessed: 28.09.2022).

24. *101 kegang hexin pianmu 101 课纲核心篇目* (*Main principles of curriculum-101*). 15.04.2014. – <https://www.doc88.com/p-1681944104123.html> (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

25. Zhou Ke 周珂. *Taiwan zhongxue lishi kecheng gangyao bianhua guankui* 台湾中学历史课程纲要变化管窥 (*Analysis of changes in Taiwanese history curriculum for senior high school*). 27.06.2019. – https://www.sohu.com/a/323205051_629818 (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

26. Perminova V. A. Problems of the historical past in Japanese-Taiwanese relations during the Chen Shui-bian administration (2000–2008). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2021;13(2):293–307. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.211> (In Russ.).

27. *Ma Yingjiu mingque xuanshi: jiaocai ying shan huangminhua “tai du” hua nei-rong* 马英九明确宣示:教材应删皇民化“台独”化内容 (*Ma Ying-jeou claimed: [we] must take out [concept] of “Taiwan independence” from textbooks*). 12.07.2012. – http://www.taiwan.cn/taiwan/tw_PoliticsNews/201207/t20120712_2824928.htm (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

28. *101 nian xin kegang shijian fenpei yu jiaocai gangyao 101年新课纲时间分配与教材纲要* (*Textbooks and time-planning for new curriculum-101*). – https://www.sssh.tp.edu.tw/ischool/publish_page/53/?cid=2390 (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

29. *Kegang weitiao zhengyi daodi zai chao shenme?* 课纲微调争议到底在吵什麼? (*What is the dispute over new curriculum?*). 24.07.2015. – <https://web.archive.org/web/20220121132100/https://theme.udn.com/theme/story/7491/1076685> (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

30. Chou Chih-Chieh. Contending notions of the Cross-Strait status quo in Taiwan and across the Strait: impacts on U.S.–Taiwan relations. *The China Review*. 2018;18(3):121–148.

31. Hoppens R. Contemporary Japan-Taiwan relations in historical context. *Asia Dialogue*. University of Nottingham Asia Research Institute. July 13, 2018. – <https://theasiadialogue.com/2018/07/13/contemporary-japan-taiwan-relations-in-historical-context/> (accessed: 07.11.2020).

32. *Shi er nian guojiao kecheng gangyao* 十二年國教課程綱要 (*Curriculum of twelve-years national education*). – URL: <https://12basic.edu.tw/12about-3-1.php> (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

33. Zhu Hanguo 朱汉国. Jianxi Taiwan diqu gaozhong lishi kecheng de shezhi yu jiaocai bianxie 简析台湾地区高中历史课程的设置与教材编写 (Development of history curriculum and textbooks for Taiwanese senior high school. Brief analysis). *Zhongguo lishi yanjiu*. 2022. No. 2. – http://hrc.cass.cn/xsdt/sxpy/202206/t20220621_5413454.shtml (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

34. *Taiwan xin ban lishi jiaokeshu shandao lian “san guo” dou mei you* 台湾新版历史教科书删到连“三国”都没有 (*Even “San guo [Three Kingdoms period]” was taken out of new Taiwanese history textbooks*). 08.09.2020. – <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677279909781686119&wfr=spider&for=pc> (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

35. *Guotaiban: minjindang dangju zhongxue lishi “xin kegang” tudu Taiwan nianqing yi dai* 国台办:民进党当局中学历史“新课纲”荼毒台湾年轻一代 (*Taiwan Affairs Office of the State Council: new history curriculum, accepted by Democratic Progressive Party, causes harm to Taiwanese younger generation*). 13.10.2021. – <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1713491810887221107&wfr=spider&for=pc> (accessed: 28.09.2022). (In Chinese).

Information about the author

Vera A. Perminova – Cand. Sci. (Hist.), Research Fellow, Department of China, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ✉ verger177@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6626-7395>.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 20.09.2022; approved after peer reviewing 06.10.2022; accepted for publication 10.10.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 94(510)"382/383"
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-790-804>

Исторические науки

«Золотые недели»: новые подходы к отдыху в Китае в начале XXI в.

Алла Леонидовна Верченко

*Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия,
veailan@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-8718-8338>*

Аннотация. В последние десятилетия Китай демонстрирует устойчивые темпы экономического роста, что отразилось на повышении личных доходов и уровня материального благосостояния населения. В 2021 г., в год столетия Коммунистической партии Китая, председатель Китайской Народной Республики, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин заявил о преодолении в Китае абсолютной бедности и создании общества среднего достатка. Представляется актуальным на этом фоне рассмотреть изменения отношения государства и населения к качеству жизни, в частности, к проведению свободного времени, к досугу и рекреации, их содержанию. В качестве объекта исследования, осуществленного на основе публикаций в китайских научных изданиях и периодической печати, автор выбрал т.н. «золотые недели» – семидневные каникулы в китайский новый год, в майские и октябрьские праздники. Проанализированы изменения, произошедшие с этими выходными на протяжении почти четверти века. Автор приходит к заключению, что государственные органы разного уровня систематически отслеживают влияние «золотых недель» на все стороны жизни общества, в своих решениях комплексно учитывают экономические, политические, культурно-образовательные факторы, что вписывается в общую стратегию государственного развития, направленную на продвижение к более высоким стандартам жизни. «Золотые недели» выявили общую тенденцию к переходу китайцев от удовлетворения основных жизненных потребностей к стремлению обогащать свою духовную жизнь.

Ключевые слова: Китай, история, культура, золотые недели, досуг, рекреация, туризм

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Для цитирования: Верченко А. Л. «Золотые недели»: новые подходы к отдыху в Китае в начале XXI в. *Orientalistica*. 2022;5(4):790-804. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-790-804>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-790-804>

"Golden Weeks": New concepts of leisure in China at the beginning of the 21st Century

Alla L. Verchenko

Institute of China and Contemporary Asia of the RAS, Moscow, Russia,
veailan@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-8718-8338>

Abstract. In recent decades, China has demonstrated steady economic growth, which has affected the increase in personal income and the level of material well-being of the population. In 2021, the year of the centenary of the Chinese Communist Party, Chairman of the People's Republic of China, CCP General Secretary Xi Jinping announced the overcoming of absolute poverty and the creation of the moderately prosperous society in China. It seems relevant against this background to consider changes in the attitude of the state and the population to the quality of life, in particular, to spending free time, leisure and recreation, and their content. As an object of research carried out on the basis of publications in Chinese scientific publications and periodicals, the author chose the so-called "golden weeks" – holidays of seven days in the Chinese New Year, May and October holidays. The changes that have occurred with respect to the people and their holidays during almost a quarter of a century were subject of the analysis. The author comes to the conclusion that state bodies of various levels systematically monitor the impact of the "golden weeks" on all aspects of the society, in their decisions comprehensively take into account economic, political, cultural and educational factors. The above fits into the overall strategy of the state development aimed at advancing to higher standards of the people's lives. The "golden weeks" have revealed the overall trend for the Chinese to move from satisfying the basic needs of life to striving for the enrichment of spiritual life.

Keywords: China, history, culture, golden weeks, leisure, recreation, tourism

For citation: Verchenko A. L. "Golden Weeks": New concepts of leisure in China at the beginning of the 21st Century. *Orientalistica*. 2022;5(4):790-804. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-790-804>.

Введение

Понятие «золотые недели» (黄金周) вошло в лексикон китайцев в 1999 г., когда по решению Госсовета КНР было принято решение о введении двух новых общекайтайских семидневных каникул, приуроченных к Дню

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

труда 1 мая и Государственному празднику 1 октября. До того в Китае длинные выходные предоставлялись только для празднования нового года по традиционному лунному календарю. Нововведение нашло горячий отклик у населения, повлекло изменения в отношении китайцев к отдыху, рекреации, а также увеличение личных расходов на досуг. Анализ научных публикаций и информации в периодической печати позволил проследить мотивы трансформации политики государства в отношении длинных выходных за более чем 20 лет, значение фактора «золотых недель» для сферы обслуживания и смежных отраслей, пути решения возникавших проблем, а также выявить новые форматы отдыха и их роль в подъеме культурного уровня и обогащении духовной жизни современных китайцев.

Система выходных дней в КНР

Принятый Политическим административным советом КНР 23 декабря 1949 г. «Порядок проведения общенациональных праздников и памятных дат» устанавливал семь праздников: новый год по Григорианскому календарю, китайский новый год Чуньцзе, День труда 1 мая, Государственный праздник 1 октября, День молодежи 4 мая, День детей 1 июня, День армии 1 июля¹. Общекайтайскими днями отдыха были первые четыре. Самые длинные выходные предоставлялись в Чуньцзе – три дня. Система выходных дней неоднократно реформировалась Государственным советом по мере изменения социально-экономической ситуации в стране. До 1994 г. выходным днем, помимо установленных правительством праздников, было только воскресенье. Набор однодневных развлечений не отличался большим разнообразием и ограничивался прогулками в парках, походом в кино, ресторан и в гости. Одним из популярных видов проведения вечернего досуга в 1990-е гг. стала развлекательная программа, запущенная Центральным телевидением и труппой Чжэнда. 1 мая 1995 г. в стране была официально введена 5-дневная рабочая неделя. Двухдневный отдых в конце недели пришел на смену чередованию «красных» и «черных» суббот и очень скоро продемонстрировал экономическую эффективность. Китайцы стали учиться тратить накопления на досуг, а индустрия культуры и туризма стремилась обеспечить разнообразие форм отдыха. Туристические компании сначала в экономически развитых районах, а позже и других частях страны начали предлагать так называемые пакеты отдыха на двухдневные выходные. Становилось очевидным, что новая система способствует развитию сферы услуг (торговли, транспорта, туризма, гостиничного бизнеса и др.). Следующий шаг по увеличению количества дней отдыха делается в 1999 г.: вводятся общенациональные семидневные выходные по случаю Чуньцзе, 1 октября и 1 мая, получившие в народе название «золотые недели». Они должны были дать новый импульс для обеспечения досуга граждан и роста потребительских расходов населения. Это было большое событие для страны, население которой не имело отпусков, не знало продолжительного отдыха и не имело опыта расходования средств на развлечения. Длительные каникулы раньше предоставлялись лишь в период

¹全国年节及纪念日放假办法 (The procedure for holding national holidays and memorable dates). Available from: http://www.gov.cn/zhengce/2020-12/25/content_5574202.htm (accessed: 24.07.2022). (In Chin.).

Чуныцзе, который по традиции был семейным торжеством и не подразумевал поездок с туристическими и познавательными целями². Нововведение оказало серьезное влияние на отношение населения к рекреации, распределению и содержанию свободного времени, структуре личных расходов и др.

История «золотых недель»

Рассмотрим, как возникли и развивались «золотые недели», как государство, постоянно отслеживая ситуацию, оперативно реагирует и в соответствии с требованиями времени гибко изменяет календарь выходных дат, порядок и содержание проведения длинных выходных в течение новых (майской и октябрьской) «золотых недель».

История «золотых недель» уходит корнями в далекое прошлое. Китайские исследователи напоминают, что семидневные каникулы по случаю зимнего солнцестояния, традиционных праздников Чуныцзе и Цинмин существовали еще во времена династий Тан и Сун (VII–X вв.), однако официальный отпуск разрешался только чиновникам. Абсолютное большинство населения Китая не знало отдыха, а понятие «досуг» относилось лишь к высшим слоям общества. При танском императоре Сюань-цзуне (685–762), например, чрезвычайно популярны стали петушиные бои, которые регулярно устраивались в столице страны Чанъане (长安). В «Полном собрании Танских стихов» они упоминаются более 50 раз³. Пребывание на природе вдохновляло на чтение и сочинение стихов, чем занимались и поэты, и императоры, и придворные. Известно популярное развлечение, когда участники наливали вино в крошечные глиняные или фарфоровые пиалки и отправляли их по водному лабиринту, сопровождая декламацией стихов. Получатель должен был сочинить строки в ответ либо выпить вино. Пышные угощения с вином и яствами, выступления музыкантов, танцоров, актеров традиционного театра всегда сопровождали развлечения элиты. В хорошую погоду запускали воздушных змеев, играли в поло. Традиционно это происходило в весеннюю «золотую неделю», в праздник Цинмин. Самый известный стиль игры в поло был у жителей Дуньхуана (敦煌). В старом Китае проведение досуга состояло как в активном отдыхе, так и в созерцании, любовании природой, стихотворном выражении эмоций и философских размышлениях.

В КНР длительные семидневные выходные в добавление к прежнему продолжительному отдыху Чуныцзе вернулись в 1999 г. Их утвердил Государственный совет в постановлении «Порядок проведения общенациональных праздников и памятных дат»⁴. Три выходных дня были объединены с двумя

² В данной статье содержание «золотой недели» в период празднования Чуныцзе не освещается, т. к. оно многократно исследовалось ранее российскими учеными. См.: [1; 2; 3; 4; 5; 6].

³ 唐宋清明七天“黄金周”: 斗鸡 踏青 马球 戴柳 (Tang, Song Qing Ming seven-days “Golden Week”: cockfighting, outing, polo, wearing willow branches on a head). Available from: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-04/02/c_1120744410.htm (accessed: 24.07.2022). (In Chin.).

⁴ 全国年节及纪念日放假办法 (1999年9月18日) (The procedure for holding national holidays and memorable dates. 18.04.1999). Available from: <http://news.enorth.com.cn/system/2007/11/09/002302247.shtml> (accessed: 24.07.2022). (In Chin.).

субботами и воскресеньями до и после праздников. Новые выходные получили красивое название «золотая неделя», по аналогии с японской «золотой неделей» (ゴールドенウィーク) [3]. В начале мая японцы по традиции посещают места, связанные с историей и культурой страны, наслаждаются природой, созерцанием цветущих сакуры, азалий и гортензий.

В начале XXI в. Китай демонстрировал стабильный рост ВВП и доходов на душу населения. Темпы роста последних нередко опережали темпы роста ВВП [6, с. 88]. В стране формировался средний класс, что способствовало превращению Китая в страну-потребителя номер один в мире. Если в 2000 г. средний класс в Китае составлял всего 3% населения, то в 2021 г. этот показатель достиг 1,07 млрд чел., т. е. более 70% населения⁵. Экономика откликнулась на необходимость удовлетворения внутреннего спроса, в том числе в сфере услуг. Началось стремительное развитие таких отраслей, как транспорт, связь, торговля, туризм, здравоохранение. Введение «золотых недель» было ответом на совокупность всех этих факторов и соответствовало проводимой в то время корректировке макроэкономической структуры Китая. Важнейшей причиной эволюции системы выходных дней стало повышение эффективности труда в стране, определяемое прогрессом науки и техники.

С одной стороны, увеличение расходов населения на длительные поездки, как показал опыт двухдневных выходных, стимулировало потребление, которое в условиях новой экономической нормальности играет фундаментальную роль в экономическом развитии [7, с. 88]. Оно дало значительные прибыли сфере услуг, чем внесло вклад в подъем экономики, способствовало расцвету так называемой праздничной экономики [8, с. 79]. С другой стороны, нельзя забывать о провозглашенном государством курсе на повышении культурно-образовательного уровня населения, чему могли способствовать и внутренний, и выездной туризм, знакомство с историей и культурой своей страны и мира. С самого начала введения «золотых недель» Министерство культуры и туризма и его органы на местах уделяли большое внимание содержанию культурной и образовательной составляющей досуга.

Китайские авторы по-разному оценивают причины введения «золотых недель». Одни ставят на первое место стремление властей дать народу полноценный отдых, другие видят причину в политике государства по оживлению экономики за счет роста внутреннего потребления. Примечательно, что в большинстве китайских исследований на эту тему первое место отводится культурному наполнению досуга, что соответствует «концепции развития, в которой народ занимает центральное место», и стратегическому курсу КПК, ориентированному на заботу о людях, «переход к более высоким стандартам жизни и реализацию мечты народа о прекрасной жизни»⁶. Си Цзиньпин еще в бытность губернатором провинции Фуцзянь накануне «золотых недель» лично проводил смотр готовности объектов сферы обслуживания и культуры

⁵ 中国有1.09亿的中产阶级,居全球最多,有多少钱才能成为中产? (China has a middle class of 1.09 billion, the largest in the world. How much money does it take to become a middle class?). Available from: <https://www.163.com/dy/article/G0029QRV05372GNU.html> (accessed: 29.06.2022). (In Chinese).

⁶ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения 15.06.2022).

к приему повышенного потока туристов, показывая пример местным администрациям. Теперь этот опыт распространился на всю страну.

Первая «золотая неделя» пришлось на государственный праздник КНР 1 октября 1999 г. Туристический бум мгновенно охватил страну, в первую очередь жителей больших городов – Пекина, Шанхая, Гуанчжоу и более развитую экономически восточную часть страны. За семь дней количество туристов достигло 28 млн чел., совокупный доход от туризма составил 14,1 млрд юаней. Статистика демонстрировала стабильный рост этих показателей в течение 20 лет. Максимальные значения были достигнуты в октябрьскую неделю 2019 г. (перед пандемией COVID-19): 782 млн туристов и 649,71 млрд ю. дохода⁷.

Государственное управление туризма указывало, что «золотые недели» – неординарный новаторский шаг, предпринятый правительством во имя народа⁸. Между тем, в обществе шли дебаты по поводу плюсов и минусов введения продолжительных выходных. Приводились многочисленные примеры снижения качества обслуживания в этот период, нарушений правил безопасности, нанесения ущерба природе [11, с. 78]. Результатом дискуссий стала официальная отмена с 2008 г. майской «золотой недели». Ее три выходных дня добавили по одному к Цинмин (Дню поминовения усопших), Дуаню (Празднику лодок-драконов) и Чжунцю (Празднику середины осени). Перераспределение выходных дней свидетельствует о том, что на официальном уровне стали больше обращать внимание на многовековую культуру и народные традиции, содержание которых неразрывно связано с памятью о предшествующих поколениях и почитанием национальных ценностей. Во время народных праздников по всей стране проводятся разнообразные фольклорные фестивали, что помогает китайцам, особенно молодежи, не забывать о своих корнях.

Новые изменения принесла октябрьская «золотая неделя» 2015 г. По прогнозам, основанным на данных по бронированию гостиниц и покупке билетов, ожидался максимальный с 1999 г. поток туристов, поэтому некоторые самые популярные туристические объекты ввели ограничения на посещение. Это касалось количества проданных билетов и времени пребывания на туристическом объекте. В ряде мест билеты продавали предварительно и только через сайты. В список вошли такие объекты, как Запретный город и Олимпийский парк в Пекине, храм Конфуция в Нанкине, природные заповедники Цзючжайго, Эмэйшань (пров. Сычуань), Лаошань (пров. Шаньдун), Байюнь (пров. Гуанчжоу), Гуланьюй (пров. Фуцзянь). Практика показала, что максимальная пропускная способность туристических мест мало расходится с притоком людей в пиковый период «золотых недель». Зато упорядочение посещений делало их безопаснее за счет равномерного распределения посетителей в течение дня.

⁷ 十一黄金周国内旅游收入超6400亿超7 亿人次出游 (More than 700 million tourists traveled in China in October's Golden week, generating more than 640 billion in revenue). Available from: <http://travel.people.com.cn/n1/2019/1007/c41570-31386062.html> (accessed: 30.05.2022). (In Chinese).

⁸ 吴丰. 黄金周, 废还是留? (Golden Week: to Abandon or to Keep?) – 四川省情 (Sichuan province statistic journal). 2007(5):49.

Отмененная официально в 2008 г. майская «золотая неделя» постепенно трансформировалась в пятидневные каникулы за счет объявления рабочими днями по одному выходному в конце апреля и начале мая. Такими стали майские выходные в 2019–2022 гг. Это соответствует предложениям некоторых ученых о сохранении третьих длинных каникул либо в мае, либо в другое время года, чтобы оптимизировать туристические потоки и не перегружать осеннюю «золотую неделю» [10, с. 81]. Хотя майские каникулы сократились с 7 до 5 дней, они по-прежнему дают возможность для продолжительного содержательного отдыха. «Золотые недели» предоставляют дополнительные дни отдыха всем гражданам, включая тех, кому официально отпуск не положен.

На протяжении последних десятилетий индустрия туризма переживала бурное развитие не в последнюю очередь за счет введения «золотых недель». До эпидемии КОВИД-19 Китай был крупнейшим в мире рынком внутреннего и выездного туризма. Пандемия коронавируса отрицательно сказалась на праздничном туризме. Под влиянием эпидемии изменились направления туризма – в последние два года китайцы совершали поездки только внутри страны, причем чаще всего на короткие расстояния и в пределах своей провинции, ориентируясь главным образом на посещение природных заповедников, т. е. на нахождение в открытом пространстве.

Проблема «золотых недель» неизменно остается предметом изучения и дискуссий китайских ученых, темой для обсуждения общественности. Наука анализирует отношение граждан к длительным каникулам, количественные показатели (число туристов и их расходы, доходы туристической отрасли, прибыль розничной торговли и др.), качественные показатели (содержание отдыха, культурно-образовательная составляющая, уровень обслуживания, состояние окружающей среды), территориальные показатели (направления внутреннего и выездного туризма). Граждане обсуждают отдых в «золотые недели» на сайтах туристических компаний, в социальных сетях и прессе, указывают на его плюсы и минусы. Государственные органы принимают во внимание все мнения для координации порядка проведения «золотых недель».

Проблемы «золотых недель» и возможности их решения

К 2006–2007 гг., когда отдых в «золотые недели» приобрел устойчивую популярность среди населения страны, выявились многочисленные проблемы, связанные с приобретением авиа- и железнодорожных билетов, движением по дорогам, бронированием мест в гостиницах, получением качественного туристического обслуживания, доступностью исторических достопримечательностей, культурных объектов, природных заповедников и др. В сетях появились жалобы на то, что на фотографиях, без которых китайцы не мыслят ни одной поездки, невозможно увидеть природные красоты, видны только толпы туристов, закрывающие объект съемки. Поступали жалобы на уровень сервиса в гостиницах и объектах общепита. В музеях посетители с трудом пробирались к экспонатам. Природные зоны отдыха долго не могли восстановиться после огромного семидневного потока организованных и индивидуальных туристов. Многие автотуристы застревали в пробках, несмотря на разрешение бесплатного проезда по скоростным трассам, не могли найти

место на парковках. В майскую «золотую неделю» 2006 г. в Нанкинском храме Конфуция, например, число туристов за один день намного превысило максимально допустимое количество посетителей в 500 тыс. чел., что вынудило администрацию ввести ограничения. Аналогичная картина наблюдалась практически во всех излюбленных местах отдыха китайцев. С самого начала майские недели были временем наибольшей концентрации туристов и напряжения досугового рынка. Причина упомянутой выше отмены с 2008 г. майской «золотой недели» была в том, что правительство старалось снять повышенную нагрузку на отдельные объекты туризма⁹. Однако меры не дали ожидаемого результата. Проблемы остаются, и при населении страны в 1,4 млрд решить их крайне сложно. Финансовые возможности китайцев, их интерес к туризму и посещению всевозможных культурных и исторических мест, как в стране, так и за рубежом, непрерывно растут.

Пути решения проблем повышенной нагрузки на объекты культуры демонстрирует Пекин. Главным местом посещения в столице считается дворцовый комплекс Запретного города и его музеи. Число желающих осмотреть их нередко превышает максимально возможные 80 тыс., что вызывает озбоченность дирекции. Превышение допустимого числа туристов стало самой большой головной болью музейного комплекса Гугун, тем более что в октябрьскую «золотую неделю» погода стоит, как правило, хорошая и посетители с удовольствием подолгу остаются на его территории. Самая большая нагрузка ложится на три главных павильона, осмотреть которые предпочитают 90% всех гостей. В Гугуне, как и в других музеях Китая, возможности преодоления трудностей видят в расширении площадей экспозиций, открытии ранее недоступных помещений, ограничении времени сеансов, внедрении новейших технологий (цифровые музеи, выставки). Повсеместно вводится система бронирования (预约旅游), позволяющая спланировать часы работы объектов культуры, упорядочить потоки туристов, чтобы избежать скопления людей, снизить угрозы их безопасности и риск для здоровья, что стало особенно актуально в период пандемии COVID-19¹⁰.

Ежегодно во время «золотых недель» возникают пробки на дорогах. С ростом благосостояния населения количество личного автотранспорта увеличивается, и многие семьи предпочитают теперь самостоятельные поездки на своих машинах, а не на автобусе в группе, что увеличивает загруженность дорог. Повышенная нагрузка на самые популярные места посещения привела к снижению уровня экскурсионного обслуживания. Возникла также проблема защиты природы и культурных реликвий. Уханьский университет, например, был вынужден ввести ограничения входа на территорию во время цветения сакуры. Любование природой – излюбленный вид отдыха китайцев, и в майскую «золотую неделю» парк переполняли желающие прогуляться среди цветущих деревьев. В будни число посетителей доходило до 20 тыс. чел., в выходные превышало 40 тыс., что и привело к введению ограничений как единственно эффективной мере для защиты природы. Любые

⁹ «我们的假» 这样变迁 (Our Holidays are changing like this) – 解放日报 (Liberation Newspaper). 27.04.2020.

¹⁰ Ibid.

ограничения вызывают недовольство, но разъяснительная работа органов власти и общественных организаций находит понимание среди населения.

В то же время органы надзора предпринимают меры для улучшения работы сферы обслуживания, усиливают контроль как в гостиничном бизнесе, так и в сфере общественного питания и розничной торговли, чтобы помочь гражданам лучше отдохнуть в отпуск.

Культурная составляющая «золотых недель»

Цель «золотых недель» состоит в том, чтобы обеспечить населению достойный отдых. Культура, туризм, спорт – это те виды досуга, которые улучшают качество жизни. Китайские власти в центре и на местах серьезно занимаются досуговым образованием населения и пропагандой здорового образа жизни. Развитие досуга включается в планы социально-экономического развития территорий для решения таких стратегических задач, как комплексное развитие и распространение культуры и туризма, культурный обмен и повышение качества жизни. Современные китайцы предъявляют высокие требования к досугу, обращают внимание не только на цены, но еще больше – на качество и разнообразие предоставляемых услуг. Изменения рыночного спроса и доходов населения привели к появлению и развитию новых туристических специализаций. Наряду с по-прежнему популярными видами – осмотром достопримечательностей и посещением природных зон, прогулками на природе – приобрели популярность такие виды туризма, как промышленный, сельскохозяйственный, «красный», спортивный, оздоровительный, экотуризм.

Промышленный туризм (工业旅游) знакомит с предприятиями, производственным процессом и жизнью рабочих, сочетается с посещением культурно-исторических объектов. Управления туризма на местах разрабатывают специальные маршруты, куда входят экскурсии в компании, производящие продукцию известных брендов, на предприятия «производственных маяков»¹¹. Туристическими объектами становятся не только современные действующие предприятия, но и старые объекты, превращенные в музеи. Среди них есть предприятия, построенные с помощью СССР в 1950-е гг.: Фэнманьская ГЭС, рабочие поселки с уникальной архитектурой в т.н. стиле «су» (советской), выработанные рудники и др. Промышленный туризм давно существует в развитых странах Европы и Америки, теперь он получил развитие и в Китае.

Агротуризм или агроэкологический туризм (农业旅游) включает посещение сельской местности, участие в производственной деятельности, проживание в местных семьях, в том числе ночлег на традиционном кане, знакомство с особенностями деревенской жизни. Приобретает популярность «чайный» туризм. Гости могут сами собирать чайные листья, наблюдать за процессом ферментации, участвовать в чайной церемонии. Подобные программы имеют двойную направленность. С одной стороны, они содействуют экономическому подъему села и повышению благосостояния местных крестьян, с другой – знакомят с жизнью деревни и ее продукцией.

¹¹ Производственный маяк (生产标兵) – предприятие, соответствующее самым высоким мировым критериям современного интеллектуального цифрового производства, сбережения ресурсов и охраны окружающей среды.

«Красный туризм» (红色旅游) направлен на изучение революционной истории Китая, сохранение памяти о героическом прошлом страны, укрепление чувства патриотизма. Он поддерживается на самом высоком уровне. Си Цзиньпин в поездках по стране обязательно посещает места, связанные с освободительной борьбой китайского народа под руководством КПК, напоминает массам о первоначальном замысле и великом походе (不忘初心 伟大征程). Например, провинция Фуцзянь, где китайский лидер работал продолжительное время, по его словам, «имеет уникальные преимущества для изучения истории партии и страны» и включена во многие туристические маршруты. «Красный туризм» переживал бум в 2021 г., в год празднования 100-летия КПК. Места, связанные с историей партии (Шанхай, Нанкин, Гуанчжоу, Ухань), пользовались особой популярностью¹².

Спортивный и оздоровительный туризм (体育健身旅游) только начинает приобретать популярность в Китае и наполняет «золотые недели» новым содержанием. В 2018 г. всего 10% респондентов имели опыт оздоровительного отдыха, больше половины опрошенных лишь выражали интерес к этому виду туризма. Он больше привлекает людей среднего и старшего возраста и включает лечебно-оздоровительные и медицинские процедуры, отдых в горячих источниках и др.¹³.

Китайский рынок спортивного туризма растет с огромной скоростью – 30–40% в год, что намного выше средних темпов роста мирового рынка спортивного туризма. Его развитие переходит от экстенсивного количественного роста к внутреннему качественному. Туркомпании предлагают занятия спортом на открытом воздухе, пешие и велосипедные прогулки, спортивное ориентирование, восхождение в горы, участие в спортивных соревнованиях. Государственное управление по делам спорта совместно с Министерством культуры и туризма в целях поддержки общей государственной стратегии «Здоровый Китай» выработали в 2017 г. конкретные рекомендации по ее реализации и постоянно предлагают новые маршруты здорового отдыха и рекреационного туризма¹⁴.

Экотуризм (生态旅游) включает путешествия в места с относительно нетронутой природой для ознакомления с их уникальными ландшафтами и культурно-этнографическими особенностями. В Китае популярны природные заповедники провинций Гуандун, Сычуань, Чжэцзян, Цзянсу, Гуйчжоу и др. В осенние каникулы 2021 г. приоритетными стали новые направления: Даньчжоу на Хайнане, Шаньвэй в Гуандуне, Чунцзо в Гуанси и Учжун в Нинся. Число туристов в этих местах удвоилось по сравнению с предыдущим

¹² 黄金周达数据 (Golden Week's Dig Data). Available from: http://news.xhby.net/zt/qzzhmrghgclqsezn/sj/202110/t20211003_7256465.shtml (accessed: 14.07.2022). (In Chinese).

¹³ 究竟称么是健康旅游? 体育健身旅游, 抱紧, 养生旅游 和医疗旅游! What exactly is the health tourism? Sports and fitness tourism, hugging, health tourism and medical tourism! Available from: https://www.sohu.com/a/221174599_545092 (accessed: 04.07.2022). (In Chinese).

¹⁴ 国家体育总局文化和旅游 部关于发布2019 十一黄金周 体育旅游 精品线路 [Announcement of the General Administration of Sports of the People's Republic of China and the Ministry of Culture and Tourism on the 2019 October Golden Week sports tourism's best routes]. Available from: www.mct.gov.cn/whzx/ggtz/201909/t20190926_847064.htm (accessed: 04.08.2022). (In Chinese).

годом, что свидетельствует о росте популярности экотуризма и расширении его географии.

Социологические обследования показывают рост интереса населения к новым форматам отдыха, основным содержанием которого становятся туризм, развлечения, спорт, посещение музеев и выставок, тематических парков, просмотр кинофильмов [9].

Очень популярным видом отдыха в «золотые недели» стал выездной туризм. Его направление расширилось с традиционных стран Тихого и Индийского океанов (Новая Зеландия и Австралия, Япония, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Таиланд) до Европы. После 2004 г. страны Старого света прочно заняли место в предложениях китайских турфирм. Европа быстро перестроилась на потребности китайских гостей, предоставляя услуги разного ценового и культурного уровня [12, с. 84].

Китайские туристы долгое время вызвали негативную реакцию за рубежом, что отражалось на имидже страны в целом. В связи с этим Комитет по духовной культуре Отдела пропаганды ЦК КПК и Государственное управление по делам туризма в 2012 г. разработали правила поведения китайских туристов за рубежом¹⁵.

Консульский департамент МИД предлагает всем выезжающим в турпоездки за границу гражданам ознакомиться с этими правилами и строго их выполнять. Примечательны пункты, предписывающие уделять внимание санитарным нормам и одежде; туристам рекомендовано не шуметь, не разговаривать громко, пропускать женщин вперед, соблюдать порядок в очереди, не допускать порчи гостиничного имущества, не фотографироваться с иностранцами против их воли.

На сайтах китайских загранучреждений правила еще больше конкретизированы: не плевать и не бросать где попало жевательную резинку, не курить в местах для некурящих, не ходить по газонам, не ходить голыми до пояса и др. В «золотые недели» в поездки отправляется около половины населения страны, поэтому аналогичные правила поведения были разработаны и для внутренних туристов¹⁶.

Пандемия внесла коррективы в проведение «золотых недель». В октябрьскую неделю 2020 г. туристические поездки совершили 637 млн. чел. (на 29% меньше, чем в 2019 г.), в 2021 г. – всего 515 млн чел.¹⁷ Доходы экономики упали в 2020 и 2021 гг. соответственно на 30% и 40% по сравнению с предыдущим годом¹⁸. Зато сборы кинотеатров в 2020–2021 гг. побили рекорды

¹⁵ 中国公民出境 旅游文明行为指南 (Guide to Civilized Behavior for the Chinese Citizens in Outbound Travel). Available from: http://www.gov.cn/govweb/fwxx/content_2268014.htm (accessed: 01.07.2022). (In Chinese).

¹⁶ 李瑾. 文明出游, 从学会玩开始 (Li Jin. *Civilized tourism starts with learning how to rest*) – 工人日报 Gongren ribao (Workers' Newspaper). 02.10.2012. (In Chinese).

¹⁷ 专家解读“十一”大数据:黄金周揭示经济发展基本面 [Experts Interpret the Big Data of the October Week: Golden Week Reveals the Fundamentals of the Economic Development] – <https://www.chinanews.com.cn/cj/2021/10-08/9581356.shtml> (Available 01.07.2022). (In Chinese).

¹⁸ 17张图表揭秘, 国内旅游业全面恢复至少还要3年! (17 charts reveal that it will take at least 3 years for the domestic tourism industry for full recovery). Available from: <http://www.tripvivid.com/deep/36679.html> (accessed: 05.06.2022). (In Chinese).

предыдущих лет. В год 100-летия КПК самым успешным в прокате в октябрьскую «золотую неделю» оказался патриотический фильм о Корейской войне «Битва при Чосинском водохранилище» (长津湖). По прогнозам, восстановление отрасли и «золотых недель» может произойти не ранее чем через три года и будет во многом зависеть от экономической и политической ситуации в Китае и сопредельных странах.

Выводы

Введение «золотых недель» в 1999 г. обосновывалось необходимостью стимулировать внутренний спрос и обеспечить населению полноценный отдых, повысить стандарты жизни населения. Статистика показала, что нововведение быстро дало экономический и социально-культурный результат, повлияло на поведенческие стереотипы китайцев. Традиционно бережливые китайцы, привыкшие копить деньги, стали тратить их на досуг и рекреацию. Потребительские расходы граждан, в том числе в «золотые недели», увеличились с 2000 по 2020 г. больше чем в 7 раз. На образование, культуру и развлечения в 2020 г. каждый китаец в среднем тратил 9,6% своих потребительских расходов (2591,7 ю)¹⁹. Изменилось отношение к незабываемой ранее традиции отмечать Чуньцзе дома – не менее популярным стало встречать его за рубежом, знакомясь одновременно с мировой культурой.

Наряду с позитивными результатами «золотые недели» вскрыли ряд негативных последствий: перегруженность транспорта и дорог, снижение качества работы сферы обслуживания, перенапряжение природной среды, что привело к официальной отмене в 2008 г. майской «золотой недели» и последующим ограничениям на посещение туристических объектов. Публикации в китайских научных журналах и СМИ позволяют сделать вывод, что правительство стремится не только получить экономическую выгоду от увеличения потребления в длительные выходные, но и использовать их для повышения культурно-образовательного уровня населения и улучшения работы сферы обслуживания. Введение «золотых недель» привело к изменению взглядов населения на рекреацию, демонстрирует изменение структуры личных расходов, большее внимание к содержанию досуга и увеличение трат на досуг. Благодаря продолжительным каникулам в «золотые недели» расширилась география как внутреннего, так и выездного туризма. Налицо устойчивая тенденция к переходу китайцев от удовлетворения основных жизненных потребностей к стремлению обогащать свою духовную жизнь и повышать качество жизни.

Литература

1. Джарылгасинова Р. Ш, Крюков М. В. (ред.) *Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл*. М.: Наука; 1985. 264 с.
2. Верченко А. Л. *Китайские народные праздники*. М.: Ленком; 2002. 96 с.
3. Маслов А. А. *Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения*. М.: Рипол-Классик; 2010, 288 с.

¹⁹ 中国统计年鉴 [China Statistic Yearbook 2021]. Электронный ресурс: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsjs/2021/indexch.htm> (accessed: 10.07.2022) (In Chinese).

4. Верченко А. Л. Китайский Новый год в исторической ретроспективе (XX – начало XXI века). *Проблемы Дальнего Востока*. 2015;50(1):145–153.

5. Иляхин Ю. М. Китай кусочками. СПб: Петербургское востоковедение; 2016. 688 с.

6. Исаева Л. И. *Страна уехала на праздник (Очерки по истории возникновения китайских народных праздников и их описание)*. М.: ИДВ РАН; Изд-во МБА; 2017. 376 с.

7. Веселова Л. С. Формирование среднего класса в Китае. *Россия-Китай: история и культура. Сборник статей и докладов участников XI Международной научно-практической конференции*. Казань: Изд-во АН ТР. 2018:86–90.

8. Ван Минь. Цяньтань хуанцзинь чжоу дэ тяочжэн дуй сюсянь люйю дэ инсян (О влиянии корректировки «золотых недель» на досуговый туризм). *Чжунго синь гао цзишу цие (Китайские высокотехнологичные предприятия)*. 2010;144(9):78–80. (На кит. яз.). <https://doi.org/10.13535/j.cnki.11-4406/n.2010.09.093>.

9. Лю Чжэнь, Ян Юн. Хулянь ван шиюн юй цзятин вэнь люй фэйюн (Использование Интернета и семейные расходы на культуру и туризм). *Люйю сюэкань (Туристический научный журнал)*. 2022;37(2):75–93. (На кит. яз.). <https://doi.org/10.19765/j.cnki.1002-5006.2022.02.012>.

10. Ван Мэйлин. Хуанцзинь чжоу цуньфэй вэньти юй вого сюсянь фачжань (Проблема существования или отмены «золотых недель» и развитие отдыха в Китае). *Ханьдань сюэюань сюэбао (Вестник Ханьданьского колледжа)*. 2011;21(3):80–82. (На кит. яз.).

11. Ли Синьцзянь. Чжунго чуцзин люйю шичан фачжань бяньхуа юй цюйши (Изменения и тенденции развития китайского выездного туристического рынка). *Жэньвэнь дили (Антропогеография)*. 2006(3):83–87. (На кит. яз.). <https://doi.org/10.13959/j.issn.1003-2398.2006.03.018>.

Информация об авторе

Верченко Алла Леонидовна – старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, ✉ veailan@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-8718-8338>

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; одобрена рецензентами 25.09.2022; принята к публикации 27.09.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Dzharlygasinova R. SH., Kryukov M. V. (ed.). Calendar customs and rites of the peoples of East Asia. Year Cycle. Moscow: Nauka; 1985. 264 p. (In Russ.).
2. Verchenko A. L. Chinese Folk Festivals. Moscow: Lenom; 2002. 96 p. (In Russ.).
3. Maslov A. A. Watching the Chinese. Hidden Rules of Behaviour. Moscow: Ripol-Klassic; 2010. 288 p. (In Russ.).
4. Verchenko A. L. Chinese New Year in Historical Perspective (XX – the beginning of the XXI Century). *Problemy Dalnego Vostoka* (Problems of the Far East). 2015;50(1):145–153. (In Russ.).
5. Ilyakhin Yu. M. China in pieces. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye; 2016. 688 p. (In Russ.).
6. Isaeva L. I. The Country Left for the Holiday (Essays on the History of the Emergence of Chinese Folk Holidays and their Description). Moscow: Izd-vo MBA; IFES RAS; 2017. 376 p. (In Russ.).
7. Veselova L. S. Emergence of the Middle Class in China. *Russia–China: History and Culture. Collection of Articles and Reports of the Participants of the 11th International Scientific-Practical Conference*. Kazan: Academy of Science of the Tatar Republic; 2018. С. 86–90. (In Russ.).
8. Wang Min. Qian tan huangjin zhou de tiaozheng dui xiuxian lvyou de yingxiang (On the impact of the Golden Week regulation on leisure tourism). *Zhongguo xin gao jishu* (China Hi-Tech Enterprises). 2010;144(9):78–80. (In Chinese). <https://doi.org/10.13535/j.cnki.11-4406/n.2010.09.093>.
9. Liu Zhen, Yang Yong. Hulan wang shiyong yu jiating wen lv xiaofei (Internet Usage and Family's Culture and Tourism Consumption). *Lvyou xuekan* (Tourist Tribune). 2022;37(2):75–93 (In Chinese). <https://doi.org/10.19765/j.cnki.1002-5006-2022.02.012>.
10. Wang Meiling. Huangjin zhou cun fei wenti yu woguo xiuxian fazhan (The Golden Week Survival and Abandonment Problem and China's Leisure Development). *Handan xueyuan xuebao* (Journal of Handan College). 2011;21(3):80–82. (In Chinese).
11. Li Xianjian. Zhongguo chujing lvyou shichang fazhan bianhua yu qushi (Development changes and trends of China's outbound tourism market). *Renwen dili* (Anthropogeography). 2006;21(3):83–87. (In Chinese). <https://orcid.org/10.13959/j.issn.1003-2398.2006.03.018>.

Information about the author

Alla L. Verchenko – Senior Researcher, Center for Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ✉ veilan@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-8718-8338>

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 09.08.2022; approved after reviewing 25.09.2022; accepted for publication 27.09.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья
УДК 94(510):(330.3+330.5)"20"
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-805-821>

Исторические науки

Долгосрочные цели Китая: исторический скачок к экономической мощи и обществу всеобщей зажиточности

Андрей Владимирович Островский^{1, 2}

¹ Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
ostrovskii.ifes@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9248-4222>

² Московский государственный педагогический университет, Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируются итоги выполнения 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития Китайской Народной Республики (2016–2020), прогнозируемые показатели социально-экономического развития 14-й пятилетки (2021–2025) и ориентировочные планы на 2035 г. Несмотря на охватившую КНР, как и весь мир, пандемию коронавируса в 2020 г., стране удалось в 2022 г. добиться заметных экономических успехов. Показатель валового внутреннего продукта (ВВП) Китая составил 101,6 трлн юаней, что на 20 трлн юаней превышает намеченный в 2000 г. соответствующий показатель в 2020 г. К 100-летию Коммунистической партии Китая в 2001 г. в стране ликвидирована бедность – на 10 лет раньше срока, запланированного Организацией Объединенных наций для всего мира, построено общество *сяокан* (малого благоденствия). В 2021 г. благодаря темпам прироста ВВП, составившим 8,3% годовых, основной макроэкономический показатель развития страны составил 114,4 трлн юаней. В статье отмечается, что в случае выполнения намеченных планов развития к 2035 г. темпов прироста ВВП 5,5–6% в год, Китай в состоянии догнать США по этому показателю в пересчете по курсу долл. США к китайскому юаню. Достижения Китая в первом году 14-й пятилетки свидетельствуют, что он вполне способен достичь поставленных целей социально-экономического развития, как и ранее в 2000 и 2020 гг.

Ключевые слова: КНР, США, общество *сяокан* (малого благоденствия), жизненный уровень населения, двойная циркуляция, научно-техническое развитие, ВВП на душу населения

Для цитирования: Островский А. В. Долгосрочные цели Китая: исторический скачок к экономической мощи и обществу всеобщей зажиточности. *Ориенталистика*. 2022;5(4):805–821. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-805-821>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

China's long-term goals: a historic leap towards the economic power and a society of universal prosperity

Andrei V. Ostrovskii

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
State Normal University, Moscow, Russia
ostrovskii.ifes@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9248-4222>

Abstract. The article analyses results of the 13th Five Year Plan of the PRC social and economic development (2016–2020), forecasted indices of the 14th Five Year Plan and approximated indices for 2035. In spite of COVID-19 epidemic in 2020 China managed to reach evident economic successes. The GDP volume was 101.6 trillion yuan in 2020 and exceeded the target of 2020 in comparison with 2000, which should have been four times more. By 2021 – the centenary of the CPC Chinese leadership eliminated poverty 10 years earlier than the UN planned for the whole world – 2030 and built society of small prosperity. In 2021 – the first year of the 14th Five Year Plan thr GDP growth rates was 8,1% per year and the GDP was 114.6 trillion yuan in 2021. The author of the article came to the conclusion, that if China fulfill its programs for the 14th Five Year Plan and keep the GDP growth rates 5,5–6,0% per annum by 2035, it would be possible for China to chase the USA by the GDP volume in US dollars by exchange rate. The results of the first year of the 14th Five Year Plan prove us, that the PRC could fulfill its goals of social and economic development as earlier by 2000 and 2020.

Keywords: PRC, USA, Xiaokang society (small prosperity), living standards of the population, dual circulation, scientific and technological development, GDP per capita

For citation: Ostrovskii A. V. China's long-term goals: a historic leap towards the economic power and a society of universal prosperity. *Orientalistica*. 2022;5(4):805–821. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-805-821>.

Введение

В октябре 2022 года в КНР состоится XX съезд КПК, на котором будут подведены итоги 100-летия существования Коммунистической партии Китая (далее КПК), одной из крупнейших политических партий в мире, насчитывающей свыше 95 млн. человек. Одним из важнейших вопросов для обсуждения на высшем партийном форуме является вопрос о социально-экономических перспективах китайского общества. Сможет ли Китай и дальше столь успешно проводить экономическую реформу, начатую в конце 1970-х гг. после смерти многолетнего партийного и государственного лидера Мао Цзэдуна. После смерти Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г. и ареста «четверки» власть

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

в стране постепенно перешла к Дэн Сяопину, который и начал экономические реформы, борьбу с бедностью и повышение роли Китая в мире.

О целях и задачах экономической реформы Дэн Сяопин в свое время заявил в ходе беседы с китайскими и иностранными представителями – участниками совещания по вопросам экономического сотрудничества Китая и зарубежных стран 6 октября 1984 г. В своем выступлении он сказал: «Политика оживления экономики внутри страны и расширения экономических отношений с внешним миром не кратковременная, а долговременная. Она не изменится, по крайней мере, в течение ближайших 50–70 лет. Почему? Да потому что для нашего первого шага – для увеличения валового национального продукта в четыре раза – требуется 20 лет (до 2000 года. – *А. О.*), для второго шага – для приближения к уровню развитых стран – 30–50 лет (до 2010–2030 гг. – *А. О.*), но скорее всего 50 лет, а для обоих шагов вместе – от 50 до 70 лет (до 2050 г. к 100-летию образования КНР. – *А. О.*). К тому времени наша политика тем более не изменится. Если даже и изменится, то только в сторону большего расширения внешних связей» [1, с. 248].

Свое заявление Дэн Сяопин сделал сразу после 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва осенью 1984 г., принявшего решение о проведении нового этапа экономической реформы. На смену многолетнему лозунгу «плановая экономика – основа, рыночное регулирование – дополнение» пришли иные приоритеты, поставившие во главу угла «плановую товарную экономику» [2, с. 22]. Китайские реформаторы впервые определили задачу учетверения (翻两番) к 2000 г. валовой продукции промышленности и сельского хозяйства КНР, по сравнению с 1980 г., с 700 до 2800 млрд юаней. Мало кто в мире готов был поверить, что Китаю удастся выполнить столь грандиозную задачу. Однако уже в 1994 г. страна превзошла установленные на 2000 г. экономические показатели и в дальнейшем только ускоряла темпы своего развития. По показателю объема ВВП и паритету покупательной способности КНР в 2022 г. уже занимает первое место в мире, а по текущему валютному курсу юаня к доллару США – второе, опережая другие мировые державы. В преддверии XX съезда КПК перед партийцами стоял вопрос: сможет ли Китай и далее сохранять высокие темпы социально-экономического развития, повышать объем ВВП на душу населения и не только ликвидировать бедность в стране, но построить общество «всеобщей зажиточности» (共同富裕).

Программа социально-экономического развития КНР в годы 14-й пятилетки и до 2035 г.

Основные изменения в системе подготовки государственных планов развития народного хозяйства КНР произошли в начале XXI в. при составлении 10-го пятилетнего плана (2001–2005 гг.). В Китае для вступления во Всемирную Торговую Организацию (ВТО) в 2001 г. во многом отказались от методов директивного планирования, и все прогнозные показатели развития экономики стали носить индикативный характер. С тех пор на многие годы главным стал показатель среднегодовых темпов прироста валового внутреннего продукта (ВВП). Показатель ВВП был предложен Центром развития Госсовета КНР, который отвечает за прогнозирование социально-экономического развития страны и устанавливает основные задачи развития народного хозяйства на ближайшую и дальнейшую перспективу. В частности, «в планах развития народного хозяйства в начале века была определена лишь единственная конкретная цифра – четырехкратное увеличение показателя ВВП

с 2000 до 2020 гг. Все прочие показатели было трудно выразить в цифрах или не было необходимости это делать из-за изменившихся условий» [3, с. 3].

В 2000 г. объем ВВП Китая составлял примерно 10 трлн юаней [4, 8]. Следовательно, в 2020 г. он должен был составить 40 трлн юаней или около 6,5 трлн долл., однако на практике составил 101,6 трлн долл., то есть в 2,5 раза больше планируемого показателя¹. Безусловно, по показателям на душу населения Китай пока существенно уступает передовым экономически развитым странам, таким как США, Япония, Германия, Великобритания. Показатель ВВП на душу населения в КНР в 2021 г. составил 80 796 юаней или 12 554 долл. (при курсе 1 долл. = 6,45 юаней), и Китай уже входит в группу развитых стран по старым критериям ООН (свыше 12 000 долл. на душу населения) и приближается к этой группе по обновленным критериям – свыше 14 000 долл. на душу населения. По этому показателю КНР уже обогнал РФ – 10 127 долл., сравнялся с Румынией – 12 896 долл., опередил все страны БРИКС, а также Тайвань – 8231 долл., Мексику – 8329 долл., но пока еще заметно отстает от США и развитых стран Европы: США – 63 414 долл., Германия – 46 208 долл., Норвегия – 52 397 долл. (табл. 1).

Таблица 1

Tabl. 1

Сравнительные показатели ВВП на душу населения в разных странах мира
(2020–2021 гг.)

Comparative indicators of GDP per capita in different countries of the world
(2020–2021)

Страна	Год	ВВП на душу населения, долл. США
Китай	2021	12 554
США	2021	63 414
Бразилия	2020	6797
Канада	2020	43 258
Германия	2020	46 208
Гонконг	2020	46 324
Россия	2020	10 127
Мексика	2020	8329
Норвегия	2021	67 390
Румыния	2020	12 896
Тайвань	2021	8231
Япония	2020	40 193
Индия	2020	1928
Испания	2020	27 063
Весь мир	2020	10 910

Источник: <https://worldmeters/info>; <https://knoema.com/atlas/> (дата обращения: 27.03.2022).

¹ 中华人民共和国2020年国民经济和社会发展统计报告 (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2020 г.), ГСУ КНР, 28 февраля 2021 г.). – http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (дата обращения: 15 марта 2021).

В марте 2021 г. Центр развития Госсовета КНР опубликовал документ под названием «Долгосрочные целевые основные положения программы социально-экономического развития КНР на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.) и на 2035 г.». В этом многостраничном документе, состоявшем из 19 разделов, зафиксированы основные достижения социально-экономического развития КНР на 2020 г. по итогам 13-й пятилетки и намечены основные ориентиры социально-экономического развития страны на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.) и далее до 2035 г. В документе отмечались не только действительно грандиозные успехи, достигнутые за годы реформ, но и многочисленные проблемы в области развития страны. В частности, отмечалось, что «в развитии страны по-прежнему проявляются неравномерность и недостаточность, по-прежнему на ключевых направлениях реформы проявляются трудности, инновационный потенциал не соответствует требованиям высококачественного развития, база сельского хозяйства неустойчива, по-прежнему сохраняется большой разрыв между городом и деревней и в распределении доходов, велика ответственность за окружающую среду, гарантий народного благосостояния недостаточно, общественное управление слабое» [7, с. 3–4].

В этом документе поставлены долгосрочные задачи на 2035 г., такие как индустриализация нового типа, информатизация, урбанизация, модернизация сельского хозяйства, создание модернизированной экономической системы. В ходе выполнения этих задач в Китае показатель ВВП на душу населения должен выйти на уровень развитых стран мира, заметно должна увеличиться социальная группа со средними доходами, основные общественные услуги должны быть доступны всем, разрыв между городом и деревней и по жизненному уровню между жителями – постепенно уменьшаться» [7, с. 7].

В материалах 14-й пятилетки указаны основные целевые показатели, которых должна достичь страна к 2025 г. Все целевые показатели разделены на пять групп: 1) экономическое развитие; 2) инновационные драйверы; 3) благосостояние населения; 4) экологические показатели; 5) гарантии безопасности. По первой группе дан только ориентировочный показатель уровня урбанизации – 65%. По показателям прироста ВВП и производительности труда из-за неопределенности в связи с пандемией COVID-19 поставлены только самые общие цели – сохранять рациональный уровень прироста для ВВП, а для производительности труда – выше темпов прироста ВВП. По затратам на научно-технические инновации установлен показатель более 7% по сравнению с периодом 13-й пятилетки, к 2025 г. – иметь 12 патентов и изобретений на каждые 10000 чел., а доля цифровой экономики в 14-й пятилетке должна составить 10% по сравнению с 7,5% в 13-й пятилетке. Духовные доходы должны расти такими же темпами, как ВВП, безработица – не превышать 5,5%, средняя продолжительность обучения – увеличиться с 10,8 лет до 11,3 лет, базовое социальное обеспечение в старости должно охватить 95% населения в 2025 г. по сравнению с 91% в 2020 г. Расход энергоресурсов на единицу произведенной продукции должен уменьшиться на 13,5%, выбросы двуоксида углерода – на 18%. Особое внимание уделено вопросам гарантии ресурсной безопасности для населения, которые запланированы на 2025 г. Производство зерновых должно быть не ниже показателя 650 млн т в год, а производство энергоресурсов – не ниже 4600 млн т условного топлива [7, с. 10; 8].

Китайская экономика: перспективы 14-й пятилетки (2021–2025 гг.)

Возможности для достижения поставленных целевых показателей можно проанализировать по итогам исполнения показателей социально-экономического развития 13-й пятилетки (2106–2020 гг.) и первого года 14-й пятилетки. В настоящее время Китай – едва ли не единственная страна мира, в которой происходил рост ВВП. В 2020 г. Китай занял первое место в мире по темпам прироста ВВП в условиях пандемии COVID-19. По данным ГСУ КНР, в 2020 г. прирост валового внутреннего продукта составил 2,2%, объем ВВП Китая – 101,6 трлн юаней, а в 2021 г. – 8,1% и 114,4 трлн юаней [6, с. 2]. В марте 2022 г. итоги первого года 14-й пятилетки были подведены на состоявшейся в Пекине сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) – высшего органа государственной власти Китая. В результате оказалось, что ВВП на душу населения в КНР в 2021 г. составил 80 976 юаней или 12 554 долл. в год (табл. 2).

Таблица 2
Tabl. 2

Основные показатели экономического развития КНР (2016–2021 гг.)
Main Indicators of Economic Development of the People's Republic of China (2016–2021)

Показатель	Годы					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ВВП, трлн ¥	74,4	82,7	90,0	99,1	101,6 (плановый показатель – 80,0**)	114,4
Численность населения, млрд чел.*	1,382	1,390	1,395	1,400	1,406 (плановый показатель – 1,420***)	1,412
ВВП на душу населения, ¥	53 835	59 496	64 516	70 892	72 261 (плановый показатель – 60 000**)	80 976

Примечание: ¥ (юань) – символный знак валюты КНР.

* – по материалам Всекитайской переписи населения 2020 г.

** – согласно решению XVIII съезда КПК, 2012 г.

*** – согласно решению сессии ВСНП, 2016 г.

Источник: 1) Чжунго тунцзи чжайяо – 2019 中国统计摘要– 2019 (Статистический справочник Китая – 2019), Пекин, ГСУ КНР, 2019, с. 8, 17; Чжунго тунцзи нянь цзянь – 2011 中国统计年鉴–2011, Пекин, ГСУ КНР, 2011, с. 247; 2) Чжунхуа жэньминь гунхэго 2021-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань тунцзи гунбао 中华人民共和国2021年国民经济和社会发展统计公报 (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2021 г.), ГСУ КНР, 28 февраля 2022 г.) – http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202202/t20220228_1827960.html

По итогам 13-й пятилетки (2016–2020 гг.), несмотря на потери в 2020 г. в результате пандемии коронавируса, Китай смог добиться важных результатов в социально-экономической сфере. Во-первых, Китай по показателю

валового внутреннего продукта смог выйти за пределы 100 трлн юаней – 101,6 трлн юаней, во-вторых, объявил об окончательной победе над бедностью. Если в 1978 г. на рубеже экономической реформы в Китае свыше 250 млн чел. (30,7% населения) относились к категории «бедного населения» и годовой доход на чел. был менее 2100 юаней в год, то в 2010 г. бедных насчитывалось только 26,88 млн чел. (2,8% населения) по показателю «линии бедности» менее 2100 юаней год. Но в том же 2010 г. показатель линии бедности был повышен до 2300 юаней на чел., и общая численность бедного населения уже составила 165,7 млн чел. (17,2% населения) [4, с. 66–67], В 2018 г. общая численность бедного населения уменьшилась до 16,6 млн чел., а по итогам 2020 г., несмотря на коронавирус, было объявлено о том, что в Китае полностью покончено с бедностью, и Китай одной из первых стран мира выполнил поставленную ООН задачу на 2030 г. «покончить с бедностью». Следует отметить, что по итогам 2021 г., распределяемый доход в среднем по стране составил 35 128 юаней на чел. в год, в городе – 43504 юаня, в деревне – 18 931 юань на чел., то есть в несколько раз выше установленной в КНР так называемой «линии бедности» [6, с. 26–27].

В настоящее время Китай остается одним из мировых лидеров по темпам экономического роста. В марте 2022 г. состоялась сессия ВСНП, где были подведены итоги 2021 г. – первого года 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) – и поставлены задачи на 14-ю пятилетку до 2025 г. По состоявшейся сессии ВСНП уже можно сделать предварительные выводы о возможных результатах социально-экономического развития страны по итогам развития 14-й пятилетки в 2025 г.

Следует отметить, что по итогам 2021 г., распределяемый доход в среднем по стране составил 35 128 юаней на чел. в год, что в разы превышает «линию бедности» [6, с. 27]. В 2021 г. в КНР произведено 682 млн т зерна, что превышает установленный в стране уровень продовольственной безопасности – 650 млн т зерна в год, о чем заявил Си Цзиньпин в беседе с депутатами на сессии ВСНП 2022 г. Также за 2021 г. сделан заметный рывок в производстве высокотехнологичной продукции: компьютерных плат и микрочипов (на 37,5%), мобильных телефонов и смартфонов – на 13,1%, компьютеров – на 23,5% и роботов – на 67%. При этом темпы производства электроэнергии в Китае (9,7%) опережали темпы прироста ВВП (8,1% в год), что обеспечивалось не только ростом добычи энергоресурсов (нефть, природный газ, каменный уголь), но и их импортом, а также ростом производства экологически чистых видов энергии – ГЭС, АЭС, ветровая и солнечная энергия [6, с. 6–11].

На сессии ВСНП не поставлено каких-то официальных директивных показателей на период 14-й пятилетки (2021–2025 гг.). Было только установлено, что в ближайшие годы – до 2035 г. – среднегодовые темпы прироста ВВП должны быть на уровне примерно 6% годовых. Иными словами, по нашим оценкам, в 2025 г. при среднегодовых темпах прироста в 6% объем ВВП в 2025 г. должен будет составить 136 трлн юаней, в 2030 г. 185,3 трлн юаней, в 2032 г. превысит показатель в 200 трлн юаней, а в 2035 г. достигнуть 247,8 трлн юаней, и по текущему курсу долл. к юаню это должно составить примерно 35,4 трлн долл. По нашим оценкам, в случае прироста ВВП на 6% годовых и при сохраняющихся средневзвешенных показателях прироста ВВП США в ближайшие 10 лет Китай сможет догнать США по этому показателю.

Развитие научно-технического прогресса

На сессии ВСНП в марте 2021 г. обозначены три основные задачи на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.): 1) заметно увеличить научно-технический потенциал страны и выйти на лидирующие позиции в мире, чтобы уйти от иностранной зависимости по высокотехнологичной продукции; 2) всемерно осуществлять политику «двух циркуляций» – одновременное развитие на внутреннем и внешнем рынках; 3) обеспечить неуклонное повышение доходов населения.

В декабре 2020 г. в Пекине состоялось Центральное рабочее совещание по проблемам экономики, где утверждены восемь ключевых задач на 2021 г., из которых на первое место была выдвинута *задача укрепления национального стратегического научно-технического потенциала*. В ходе 13-й пятилетки был выдвинут лозунг «Сделано в Китае – 2025». Однако выяснилось, что для реализации этой задачи необходимо обеспечить импорт высокотехнологичных чипов, которые по большей части импортировались из развитых стран мира, а значительная часть – из Тайваня, где ранее было создано совместное производство с США. В частности, по данным на 2021 г., Китай импортировал 635,5 млрд единиц интегральных схем на сумму 2793 млрд юаней (433,1 млрд долл. – рост на 16,9%, что составляет 16,1% объема всего импорта по сравнению с предыдущим годом), и это существенно (почти в 2 раза) превысило затраты на закупки сырой нефти – 1661,8 млрд долл. (257,6 млрд долл. – падение на 5,5% из-за снижения натурального объема импорта и падения мировых цен на нефть) в объеме 513 млн т (542 млн т в 2020 г.) при собственной добыче нефти на уровне 200 млн т в год [6, с. 42–43].

Тем не менее доля высокотехнологичного экспорта из КНР росла. В 2021 г. объем такого экспорта составил 255,6 млрд долл. (7,6% объема всего экспорта). По ряду оценок, в настоящее время Китай обеспечивает чипами собственного производства менее 50% своих потребностей, однако к 2025 г. этот показатель должен уже составить 70%. Не случайно в Китае выдвинули новый лозунг: «Спроектировано в Китае – 2030», в соответствии с которым страна должна к этому времени решать все проблемы развития высокотехнологичных отраслей промышленности самостоятельно, опираясь на собственные силы, и не зависеть от импорта высокотехнологичных компонентов из-за рубежа. Для дальнейшего укрепления научно-технического и инновационного потенциала предполагается разработка 10-летнего плана развития фундаментальных исследований и расширения сети научно-исследовательских учреждений в 2021–2030 гг.

Для достижения этой цели принято стратегически важное для будущего развития экономики решение – активно развивать в Китае науку и технику. Одной из главных задач 14-й пятилетки стало укрепление национального стратегического научно-технического потенциала страны. С этой целью было принято решение о резком увеличении инвестиций в научно-исследовательские и опытные конструкторские разработки (НИОКР) до 3% объема ВВП. Для сравнения с периодом 13-й пятилетки стоит отметить, что хотя за период с 2016 по 2020 гг. заметно возросли расходы на НИОКР с 1,567 трлн юаней в 2016 г. до 2,443 трлн юаней или с 1,71% до 2,42% ВВП, тем не менее на 14-ю пятилетку запланировано заметное увеличение доли расходов на НИОКР – до 3% ВВП. В 2021 г. доля затрат на НИОКР выросла на 14,2% и составила 2,8 трлн юаней или 2,44% ВВП КНР [6, с. 43; 9, с. 20]. Несложно предположить, что в ходе реализации программы развития науки и техники за

14-ю пятилетку такими темпами будет происходить постепенная замена импортируемой продукции с высокой долей добавленной стоимости на продукцию отечественного производства.

Для внедрения научно-технических инноваций на производстве приняты важные решения о предоставлении предприятиям больших возможностей доступа к кредитам для развития инноваций. На следующую пятилетку предусмотрены значительные дополнительные налоговые вычеты по расходам предприятий на НИОКР – на 75%, а для предприятий обрабатывающей промышленности – на 100%. Заявлено, что в будущем Китаю надлежит развивать свои институциональные преимущества, организовывать собственное производство высокотехнологичной продукции и контролировать все процессы разработки, дизайна, производства и модернизации продукции.

«Двойная циркуляция» китайской экономики

В планах 14-й пятилетки второй *основной задачей стало определение необходимости так называемой «двойной циркуляции» (双循环) экономики – дальнейшее развитие одновременно на внутреннем и внешнем рынках.* До мирового финансового кризиса 2008 г. Китай в основном ориентировался не столько на развитие внутреннего рынка, сколько на внешний рынок, причем преимущественно на экономические развитые страны – США, страны ЕС, Японию, Республику Корея, а также Гонконг и Тайвань. При этом доля внешней торговли КНР составила 57,3%, а экспортная квота – 32% объема ВВП в 2008 г. Однако к концу 10-х гг. XXI в. эти показатели заметно снизились и приблизились к показателям экономически развитых стран мира. В 2021 г. доля объема внешней торговли составила 34,2%, а экспортная квота – 19,0%. [2, с. 314–315; 6, с. 20–21].

В настоящее время Китай перестал быть экспортно-ориентированной экономикой, опирающейся на собственные рынки. За истекшие 10 с лишним лет Китай заметно увеличил вклад внутреннего потребления в рост ВВП. В связи с этим одной из главных задач на ближайший год и на весь пятилетний план стала необходимость развивать совершенную систему независимых и контролируемых промышленных единиц и цепочек снабжения. Это позволит поэтапно заменять импортную продукцию с высокой добавленной стоимостью на собственную и ускорить модернизацию промышленности.

Следует отметить, что с 2013 г., после того как Китай стал развивать инициативу «Один пояс – один путь», в сферу внешнеэкономической деятельности Китая вошел ряд стран, с которыми уровень внешнеэкономического сотрудничества ранее был невысоким. После вступления КНР в ВТО в 2001 г. Китай активно развивал торгово-экономические связи с экономически развитыми странами мира – США, Япония, Республика Корея, такие страны Евросоюза как Германия, Франция, Италия, плюс Тайвань и Гонконг в силу того, что там хорошо развита инфраструктура для ведения внешней торговли, а в приморских районах Китая есть достаточное количество портов, через которые можно проводить большой объем грузооборота. Инициатива «Один пояс – один путь» создала новые возможности развития инфраструктуры для ведения внешней торговли в странах, которые не могли развивать активные торгово-экономические связи с Китаем как из-за слабой инфраструктуры для ведения внешней торговли, так и из-за невысокого потенциала собственной экономики.

Стоит отметить также, что в период 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) Китай будет проводить стратегию расширения зон свободной торговли, активно расширять сеть таких зон, активно регулировать экспортные и импортные рынки. Министерство коммерции КНР определило 2021 г. как год инновационного развития внешней торговли, когда будет продвигаться инновационное развитие торговых технологий. Реализация китайской инициативы «Один пояс, один путь» стала важным фактором развития внешней торговли Китая и усиления его конкурентоспособности на мировом рынке (сведения о внешнеторговом обороте КНР в 2016–2021 гг. приводятся в табл. 3). В результате продвижения этой инициативы в 2020 г. расширено сотрудничество со странами АТР; в частности, в результате многосторонних переговоров для КНР была расширена зона АСЕАН и создана зона Всеобъемлющего Регионального экономического партнерства (ВРЭП), куда входят АСЕАН плюс 5 стран. Во ВРЭП добавились Япония и Республика Корея, с которыми удалось, наконец, решить вопросы их подключения к АСЕАН, а также Австралия и Новая Зеландия. США оказались в стороне от этого процесса, поскольку президент США Д. Трамп отказался входить в организацию Транс-Тихоокеанского партнерства, и страна оказалась за пределами организованной Китаем новой торгово-экономической структуры, которая, судя по всему, в ближайшее десятилетие сможет заменить АТЭС. В Европе Китай активно старается заполнить своими товарами и услугами территорию Восточной Европы, от бывших республик СССР на западе до стран Средиземноморья, включая Грецию (16+1).

Таблица 3
Tabl. 3

Внешнеторговый оборот КНР в 2016–2021 гг. (млрд долл. / %)
China's foreign trade turnover in 2016–2021 (billion dollars / %)

Страна, территория	Годы					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
КНР	3685/100	4107/100	4623/100	4640/100	4667/100	6050/100
США	519,7/14,2	583,7/14,2	633,5/13,7	548,8/11,8	588,3/12,6	757,0/12,5
Евросоюз	547,4/14,9	617,0/15,0	682,2/14,8	715,1/15,4	651,6/14,0*	835,2/13,8*
АСЕАН	452,4/12,3	515,5/12,6	587,9/12,7	650,8/14,0	686,3/14,7	879,8/14,5
Россия	69,6/1,9	84,2/2,0	111,2/2,4	112,4/2,4	107,4/2,3	147,1/2,4
Гонконг	304,0/8,2	286,5/7,0	310,6/6,7	292,2/6,3	279,9/6,0	360,7/5,96
Тайвань	179,1/4,9	199,8/4,9	226,2/4,9	231,4/5,0	261,4/5,6	328,8/5,4
Япония	275,1/7,5	303,1/7,4	327,7/7,1	319,2/6,9	318,4/6,8	366,4/6,1
Корея	252,7/6,9	280,3/6,8	313,4/6,8	288,3/6,2	286,1/6,1	362,9/6,0
Страны вдоль «Пояса и пути»	941,5/25,7	1092,5/26,5	1236,8/26,7	1363,0/29,4	1357,9/29,1	1798,4/29,7
Индия	69,7/1,9	84,4/2,1	93,9/2,0	92,8/2,0	87,8/1,9	125,9/2,1

Примечание: * Без учета Великобритании, которая вышла из Брексита.
Рассчитано по: Чжунго тунци чжайяо – 2019. Пекин, 2019, с. 101; Чжунхуа жэньминь гунхэго 2020-нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2020 г), ГСУ КНР, 28 февраля 2021 г.). – http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html; Чжунхуа жэньминь гунхэго 2021-нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци баогао 2021年国民经济和社会发展统计报告 (Статистические данные социально-экономического развития КНР за 2021 г.). – http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202202/t20210227_1827960.html (дата обращения: 04.05.2022).

В результате реализации китайской инициативы «Пояс и путь», базирующейся на привлечении ресурсов Азиатского Банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути, заметно вырос объем внешней торговли Китая с Южной и Центральной Азией, Восточной Африкой и Южной Европой. Если в 2015 г. на начальном этапе развития китайской инициативы «Пояс и путь» объем внешней торговли КНР со странами «Пояса и пути» составлял всего 936,7 млрд долл. (23,7% всего товарооборота), то в 2021 г. эта доля заметно увеличилась – почти до 30% за счет роста китайских инвестиций в инфраструктуру этих стран. В частности, в 2021 г. объем инвестиций из КНР составил 113,6 млрд долл., из которых в страны «Пояса и пути» – 20,3 млрд долл. (17,9% всех инвестиций за рубежом) [6, с. 43].

Таблица 4

Tabl. 4

Динамика ВВП, прироста денежной массы и объема инвестиций в КНР (2000–2021 гг.)

Dynamics of GDP, Money Supply Growth and Investment in China (2000–2021)

	Годы							
	2000	2010	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ВВП, млрд ¥	9921,5	39798,3	74 400	82 712	90 000	99 100	101 600	114 370
Денежная масса (M2), млрд ¥	13 461,0	72 600	155 000	167 700	182 674	198 600	218 700	238 300
Доля M2 в ВВП, %	135,7	182,4	209,0	202,8	203,0	200,4	215,3	208,3
Денежная масса (M1)	5314,7	26 700	48 700	54 400	55 169	57 600	62 600	64 700
Доля M1 в ВВП, %	53,6	67,0	65,4	65,8	61,3	58,1	61,6	56,6
Наличная денежная масса в обращении (M0), млрд ¥	1465,3	4462	6800	7100	7321	7700	8400	9100
Доля M0 в ВВП, %	14,8	11,2	9,1	8,6	8,1	7,8	8,3	7,95
Расходы госбюджета, млрд ¥	1588,6	8987	18 755	20309	22 091	23 900	24 600	24 600
Доля расходов госбюджета в ВВП, %	16,0	22,6	25,2	24,6	24,5	24,1	24,2	21,5
Объем инвестиций в основные производственные фонды, млрд ¥	3291,8	25 168	60 600	64 123	64 568	56 100	52 700	55 300
Доля инвестиций в ВВП, %	33,2	63,2	80,0	77,5	71,7	56,6	51,9	48,3

Примечание: ¥ (юань) – символичный знак валюты КНР.

Составлено по: Чжунго тунци чжайяо – 2019 (Статистический справочник Китая – 2019), Пекин, 2019, с. 22, 101, 137, 69, 156; Чжунхуа жэньминь гунхэго Чжунхуа жэньминь гунхэго 2020-нянь гоминь цзинци хэ шэжуэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2020 г.), ГСУ КНР, 28 февраля 2021 г.). – http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html; Чжунхуа жэньминь гунхэго 2021-нянь гоминь цзинци хэ шэжуэй фачжань тунци баогао 2021年国民经济和社会发展统计报告(Статистические данные социально-экономического развития КНР за 2021 г.). – http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202202/t20210227_1827960.html), с. 16, (дата обращения: 04.05.2022).

На решение задач социально-экономического развития страны направлено и развитие банковской и финансовой системы страны. В отличие от России, основная задача Народного Банка Китая, исполняющего функции Центрального банка, – обеспечивать устойчивость китайской денежной единицы, юаня, а не заниматься таргетированием инфляции. Также перед НБК поставлена задача увеличивать долю юаня во внешнеторговых сделках по всему миру, постепенно вытеснять доллар из мирового товарооборота и повышать долю юаня в торговых сделках. Для этого в Китае продолжают сохранять курс на увеличение денежной массы M2 и ее доли в объеме ВВП, которая составила 238 трлн юаней (208,3% объема ВВП в 2021 г.) и, судя по всему, будет расти при сохранении доли M1 в ВВП на уровне 56,6%, а доли M0 – на уровне 7–8% ВВП (табл. 4).

Одновременно Китай еще активнее стал развивать финансовую и банковскую деятельность. В последнее время заметно повысилась в мире роль таких финансовых центров как Шанхай, Пекин и Шэньчжэнь, входящие в первую десятку мировых финансовых центров. В то же время резко снизилась роль Гонконга, который еще 20 лет назад был ключевым финансовым центром для КНР, а в настоящее время служит своего рода «прачечной» для незаконных финансовых операций и вывода активов из Китая. По-прежнему сохраняются диспропорции в региональном экономическом развитии. Большая часть ВВП создается в трех основных регионах – дельта реки Янцзы (Шанхай, север Чжэцзяна и юг Цзянсу) – 53 трлн юаней, дельта реки Чжуцзян на юге Китая – 27,6 трлн юаней и зона Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй – 9,6 трлн юаней [6, 7]. Иными словами, большая часть производства, как и раньше, сосредоточена в приморских районах, и потребуются огромные усилия, чтобы изменить такие тенденции развития китайской экономики.

Повышение жизненного уровня населения

Еще одной важной задачей развития в 14-ю пятилетку стал курс руководства КНР на повышение народного благосостояния, в значительной мере связанный с развитием внутреннего рынка и внутреннего потребления. Рост внутреннего потребления должен будет расти за счет повышения благосостояния населения, и располагаемые доходы населения будут расти темпами, сопоставимыми с ростом ВВП, то есть не менее чем на 5–6% в год. При этом приоритет будет отдан повышению благосостояния населения с низкими доходами и расширению численности среднего класса. В 2021 г. после полной ликвидации бедности Китай продолжит борьбу с относительной бедностью, особенно в деревне. Фонд борьбы с бедностью будет преобразован в фонд возрождения села, и в него будет выделено 156 млрд юаней.

Также продолжится борьба с безработицей, которая не должна превышать показатель 5,5%. Планируется увеличивать долю городского населения с 60 до 65% общей численности населения к 2025 г., то есть ежегодно увеличивать численность городского населения на 12 млн чел. При этом предполагается ежегодно создавать не менее 11 млн новых рабочих мест (см.: [1, 8]). По данным на 2021 г., средний доход в КНР составил 35128 юаней, медианный доход – 29975 юаней. При этом средний доход в городах составил 47412 юаней, в сельской местности – 18931 юань, а разрыв между доходами в городе и деревне – 1:2,5. А еще несколько лет назад этот показатель составлял

1:3,5. При анализе доходов на душу населения в год ГСУ КНР подразделяет всех жителей на пять групп: 1) низкие доходы (*дишоу*) – 8333 юаней на чел. в год; 2) ниже среднего – 18445 юаней (*чжунцзянь пнянься*) – 18445 юаней; 3) средние доходы (*чжунцзянь*) – 29053 юаня; 4) выше среднего (*чжунцзянь пняньшан*) – 44949 юаней; 5) высокие (*гаошоу*) – 85836 юаней [6, 26].

Значительную часть населения составляют сельские мигранты. В 2021 г. по данным ГСУ КНР их насчитывалось 292,5 млн чел. (примерно 1/5 населения страны). Из них 171,7 млн чел. работали в городах, оставляя в деревне свое жилье, а 120,8 млн чел. работали, проживая в деревне, но выезжая на работу вне сферы сельского хозяйства за пределами своей деревни. Их средняя зарплата была достаточно высока – 4432 юаня в месяц (или 53184 юаня в год), то есть выше среднего дохода в КНР – 35128 юаней [6, 4].

Общий объем денежных сбережений населения Китая составил 103,3 трлн юаней, в среднем 806 юаней на чел. (примерно 17732 рубля на чел.). Доход населения в 2021 г. повышался не только за счет номинальных доходов населения, но и за счет низкой инфляции. Потребительская инфляция составляла всего 0,9% в 2021 г., хотя рост отпускных цен с предприятия составлял 8%, оптовых цен – 11%, но цены на сельскохозяйственную продукцию снизились на 2,2% за год [6, 6,25]. Также сохранялся разрыв в доходах между регионами. Если в Пекине доходы в среднем составляли 57000 юаней в год, в Шанхае – 58000 юаней в год, то в бедных провинциях они были в 4–5 раз ниже: в Ганьсу – 16000 юаней, в Тибете – 15400 юаней, в Гуйчжоу – 16700 юаней. Такой же разрыв между регионами сохранялся и по размерам месячной пенсии – в Пекине она составляла 4500 юаней, в Цзилине 2600 юаней. По статистическим данным на 2021 г. объем розничного товарооборота составил 44,1 трлн юаней (38,5% ВВП) – прирост на 12,5% по сравнению с предыдущим годом. При этом значительная часть розничного товарооборота по-прежнему приходилась на городское население – 38,2 трлн юаней (86,6%), а на село – лишь 5,9 трлн юаней (13,4%) при том, что доля городского населения составляет 64%, а сельского – 36% [6, 4,16]. Очевидно, ключ к росту внутреннего потребительского рынка лежит в развитии села и увеличении покупательной способности сельских жителей Китая.

В настоящее время рост среднего класса в Китае – от 400 до 500 млн чел. – и победа над бедностью будет способствовать росту экономики, расширению внутреннего рынка. Взятый руководством КНР курс на «двойную циркуляцию» сможет обеспечить не только расширение внутреннего рынка и дальнейший рост производства, но и возможность активно развивать внешнюю торговлю, увеличивать как объем экспорта, так и импорта.

Заключение

Анализ структуры производства ВВП в 2020 г. показывает, какие резервы может использовать Китай для развития внутреннего потребительского рынка. Еще в 2017 г. правительство КНР ввело в действие «Классификацию отраслей национальной экономики», по которой предприятия подразделялись на четыре вида: крупные, средние, малые и микропредприятия. При этом учитывается численность персонала, размер доходов от хозяйственной деятельности, стоимостный объем основных производственных фондов и некоторые другие показатели. Роль частного бизнеса в китайской экономике

описывается по формуле «5–6–7–8–9», что означает: на частный сектор приходится более 50% налогов, 60% ВВП Китая, 70% технических инноваций, 80% занятых в городе и селе и 90% общего количества предприятий.

Судя по показателям тенденций развития экономики КНР и мировой экономики в 2021 г., Китай вполне сможет к 2035 г. догнать Соединенные Штаты. Как в свое время отмечал профессор Гарвардского университета, автор термина «Чимерика» Н. Фергюсон, «к 2027 г. ВВП КНР превзойдет ВВП США не из-за американской стагнации, а из-за неумолимого роста китайской экономики, и это никак не зависит от Америки, а зависит от Китая, который действует и разговаривает, исходя из своих собственных представлений» [10]. Еще более пессимистичный для США прогноз принадлежит Нобелевскому лауреату по экономике Р. Фогелю, предрежнему на страницах журнала *Foreign Policy* трехкратное превышение экономики Китая над американской уже к 2040 г.

Итоги 13-й пятилетки и первого года 14-й пятилетки показывают, что Китай по объему ВВП в пересчете на долл. США, по показателю ВВП на душу населения вполне может выйти на уровень развитых стран мира – свыше 14 000 долл. на чел. – и за счет инициативы «Один пояс, один путь» обеспечить себе новые рынки снабжения и сбыта. Стоит ожидать, что XX съезд КПК наметит новые, не менее ошеломляющие планы социально-экономического развития страны, которые китайцы вновь будут стремиться выполнить раньше намеченных сроков.

Литература

1. Дэн Сяопин. *Строительство социализма с китайской спецификой. Статьи и выступления*. М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами; 2002. 527 с.

2. Островский А. В. *Китай становится экономической сверхдержавой*. М.: МБА; 2020. 496 с.

3. 王梦奎 关于“十一五”规划和2020年远景目标的若干问题/中国中长期发展的重要问题2006–2020 (*Некоторые вопросы относительно 11-го пятилетнего плана и долгосрочных целей на 2020 г. Основные вопросы среднесрочного и долгосрочного развития Китая 2006–2020*). Гл. ред. Ван Мэнкуй. Пекин: Чжунго фачжань; 2005. (На кит. яз.).

4. *中国统计摘要– 2019* (Китайский статистический справочник – 2019). Пекин, ГСУ; 2019. (На кит. яз.).

5. *中华人民共和国2020年国民经济和社会发展统计报告 (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2020 г.)*, ГСУ КНР, 28 февраля 2021 г.). – http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (дата обращения: 15.03.2021). (На кит. яз.).

6. *中华人民共和国2021年国民经济和社会发展统计报告 (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2021 г.)*, ГСУ КНР, 28 февраля 2022 г.). – http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202202/t20210227_1827960.html (дата обращения: 04.05.2022). (На кит. яз.).

7. *中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 (Долгосрочные целевые основные положения программы социально-экономического развития КНР на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.) и на 2035 г.* – <https://www.ndrc.gov.cn> (дата обращения: 05.03.2022). (На кит. яз.).

8. “十四五”规划“纲要”文章至2035年远景目标和“十四五”时期经济社会发展主要目标指标 (*Долгосрочные цели на 2035 г. статей «Программы» 14-й пятилетки и основные целевые показатели социально-экономического развития в период 14-й пятилетки*). – https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/202112/t20211225_1309692.html?code=&state=123 (дата обращения: 05.03.2022). (На кит. яз.).

9. Дай Сяохэ, Чун Яту. Новая движущая сила развития. *Китай*. 2021;4(185):18–20.

10. Интервью профессора Н. Фергюсона в российском обзоре мировой прессы. – http://www.rusrep.ru/2019/09/karta_budushey_voynu (дата обращения: 05.03.2022).

11. *中国社会发展战略– 走向现代化的构成 (1996–2050) (Стратегия социально-экономического развития – концепция пути к модернизации)*. Под ред. Ли Чэнсюня. Пекин: China Statistics Press; 1997. 80 p. (На кит. яз.).

12. Lu Yongxiang (ed.-chef) *Science and Technology in China: A Roadmap to 2050. Strategic General Report of the Chinese Academy of Sciences*. Verlag – Berlin – Heidelberg: Science Press Beijing and Springer; 2010. 138 p.

Информация об авторе

Андрей Владимирович Островский – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела Китая, Институт востоковедения РАН, профессор кафедры новой и новейшей истории Азии и Африки Института истории и политики, Московский государственный педагогический университет, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», Москва, Россия, ✉ ostrovskii.ifes@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9248-4222>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена рецензентами 18.10.2022; принята к публикации 10.11.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Deng Xiaoping. *Stroitel'stvo sozializma s kitaiskoi specifikoi. Stat'yi i vystupleniya* (To build socialism with Chinese characteristics. Articles and Speeches). Moscow: Society for Friendship and Cooperation with Foreign Countries; 2002. 527 p.
2. Ostrovskii A. V. *Kitai stanovitsya ekonomicheskoi sverkhderzhavoi* (China on its path to economic superpower). Moscow: MBA; 2020. 496 p.
3. 王梦奎 关于“十一五”规划和2020年远景目标的若干问题/中国中长期发展的重要问题 2006–2020 Wang Mengkui (chef-ed.). *Guanyu "shiyiwu" guihua he 2020 nian yuanjing mubiao de ruogan wenti. Zhongguo zhongchangqi fazhande zhongyao wenti* (Several questions about the 11th Five Year Plan and long-term goals by 2020. Basic questions of middle-term and long-term development of China 2006–2020). Beijing: Zhongguo Fazhan; 2005. 404 p. (In Chinese).
4. 中国统计摘要 – 2019. *China Statistical Abstract – 2019*. Beijing: China Statistics Press; 2019. 206 p. (In Chinese).
5. 中华人民共和国2020年国民经济和社会发展统计报告 *Zhonghua renmin gongheguo 2020 nian guomin jingji he shehui fazhan tongji baogao* (Statistical Communiqué on Social and Economic Development of the PRC in 2020). – http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (дата обращения: 15.03.2021). (In Chinese).
6. 中华人民共和国2021年国民经济和社会发展统计报告 *Zhonghua renmin gongheguo 2021 nian guomin jingji he shehui fazhan tongji baogao* (Statistical Communiqué on Social and Economic Development of the PRC in 2021) – http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202202/t20210227_1827960.html (дата обращения: 04.05.2022). (In Chinese).
7. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 *Zhonghua renmin gongheguo guomin jingji he shehui fazhan dishisige guihua he 2035nian yuanjing mubiao gangyao* (Long-term basic goals of social and economic program of the PRC for the 14th Five Year Plan and for 2035). – <https://www.ndrc.gov.cn> (дата обращения: 05.03.2022). (In Chinese).
8. “十四五”规划“纲要”文章至2035年远景目标和“十四五”时期经济社会发展主要目标指标 *Long-term basic goals for 2035 of clauses "Program of the 14th Five Year Plan" and basic goals for social and economic program of the PRC in the period of the 14th Five Year Plan* – https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fztlgh/202112/t20211225_1309692.html?code=&state=123 (дата обращения: 05.03.2022). (In Chinese).
9. Dai Xiaohe, Chong Yatu. *Novaya dvizhushchaya sila kitaya* (New Motive Force for development). *Kitai (China)*. 2021;4(185):18–20.
10. Interview of Professor N.Fergusson in Russian Digest of the World Press. – http://www.rusrep.ru/2019/09/karta_buduschey_voyny (дата обращения: 05.03.2022).
11. 中国社会发展战略– 走向现代化的构成 (1996–2050) Li Chengxun (chef-ed.) *Zhongguo shehui fazhan zhanlue – zouxiang xiandai huade goucheng* (The Strategy of Social and economic Development in China – the concept of the way for modernization). Běijīng: China Statistics Press; 1997. 80 p. (In Chinese).
12. Lu Yongxiang (chef-ed.) *Science and Technology in China: A Roadmap to 2050. Strategic General Report of the Chinese Academy of Sciences*. Verlag – Berlin – Heidelberg: Science Press Beijing and Springer; 2010. 138 p.

Information about the author

Andrei V. Ostrovskii – Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Researcher of the China Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Professor at the Departments of Modern and Contemporary History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics, Moscow State Normal University, ✉ ostrovskii.ifes@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9248-4222>.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 29.09.2022; approved after peer reviewing 18.10.2022; accepted for publication 10.11.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья

УДК 351(510)"19/20"

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-822-838>

Исторические науки

Влияние идеологии и экономических задач на практику государственного строительства КНР

Александр Валерьевич Ершов

ИКСА РАН, Москва, Россия,

alexandre.ershov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5043-5991>

Аннотация. На протяжении своего существования государственный аппарат КНР прошел через значительные трансформации; государственное строительство в КНР в 1950–2010-е гг. находилось в постоянной взаимосвязи как с экономическими, так и с идеологическими факторами. В первые три десятилетия после образования КНР страну регулярно сотрясали идейно-политические кампании. С конца 1970-х гг. Китаю удалось, сохранив политический строй, начать новоепреобразование экономики. В практике государственного строительства КНР в 1980–2010-е гг. экономические и идеологические факторы взаимодополняли друг друга. Результатом явилось создание использующей лучшие зарубежные наработки, соответствующей традициям политической культуры Китая системы государственного управления. Изучение опыта Китая в данной области крайне полезно для понимания особенностей развития КНР в рассматриваемый период.

Ключевые слова: КНР, государственное строительство, государственный аппарат, экономическое строительство, экономические реформы, реформирование системы управления, идеологические новации, кадровая реформа, электронное правительство

Для цитирования: Ершов А. В. Влияние идеологии и экономических задач на практику государственного строительства КНР. *Ориенталистика*. 2022;5(4):822–838. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-822-838>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

The Influence of Ideology and Economic Tasks on the Practice of PRC State Building

Alexander V. Ershov

Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
alexandre.ershov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5043-5991>

Abstract. Over time, the People's Republic of China's Government has undergone significant transformations. From the 1950s – up to the 2010s the PRC's state-building was significantly influenced by both economic and ideological factors. After the establishment of the republic until the 1970s China was frequently shaken by ideological and political campaigns. Since the late 1970s, China has managed while maintaining the political system to start the transformation of its economy. Economic and ideological factors complemented each other during the State building in the 1980s – 2010s. These practices resulted in creating a public administrative system, which although using the best foreign practices, still did not contradict the traditional Chinese cultural values. Studying China's experience and positive results provides useful and important data, which help to understand the specific way of China's development during this period.

Keywords: PRC, state building, state apparatus, economic building, economic reforms, management system reform, ideological innovations, personnel reform, e-government

For citation: Ershov A. V. The Influence of Ideology and Economic Tasks on the Practice of PRC State Building. *Orientalistica*. 2022;5(4):822–838. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-822-838>

Введение

На протяжении своего существования государственный аппарат КНР прошел через значительные трансформации; государственное строительство в КНР в 1950–2010-е гг. находилось в постоянной взаимосвязи как с экономическими, так и с идеологическими факторами. Обеспечение задач государственного управления и осуществления государственной власти неразрывно связано с хозяйственной жизнью страны, и по мере смены экономических задач, перехода к новым технологическим укладам изменяются системы власти и управления. В то же время любой аппарат управления строится под влиянием существующих в обществе идей и ценностей; он представляет собой инструмент для достижения не только экономических,

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

но и идеологических задач (возникающих из необходимости целеполагания существующего строя и обеспечения его длительного существования).

В КНР, несмотря на все пертурбации второй половины XX в., марксизм сохранился в качестве официальной идеологии, при этом само понятие «идеология» (термины «сысянтиси», «ишисинтай») не получило негативной окраски; марксизм продолжал оказывать воздействие на принципы работы государственного аппарата. С другой стороны, на эти принципы очень значимо влияла реформа экономической системы, проводившаяся с 1978 года.

Представляется, что практика государственного строительства КНР дает интересные ответы на вопросы о влиянии и сопряжении экономических и идеологических факторов. Попробуем рассмотреть подробнее этапы государственного строительства, а заодно разобраться, как экономика и идеология влияли на государственный аппарат управления.

Протогосударственное строительство (1931–1948)

В 1931 г. создается Китайская Советская Республика (КСР); при формировании органов государственной власти и государственного управления активно применялся советский опыт государственного строительства, который в том числе подразумевал создание партийного государства с доминированием идеологии марксизма [1, с. 19–22]. КСР просуществовала недолго, а трудности, связанные с передислокацией коммунистов на северо-запад Китая (Великий поход), последующая борьба с гоминьдановским правительством и японскими милитаристами, вызванная блокадой политическая и экономическая изоляция привели к тому, что в советских районах не сложилось единой системы государственных органов. Практический управленческий опыт был впоследствии использован при создании системы низовых административных органов [2, с. 232–248]. Вместе с тем, уже в этот период возникает практика использования партийной идеологии для политической борьбы, достигшая апогея в период 1958–1959 и 1965–1969 гг. В ходе кампании «за исправление стиля работы («чжэнфэн»), проведенной в 1943–1945 гг., был обкатан механизм устранения неугодных лиц и опробованы инструменты установления единоличного контроля как за государственным аппаратом, так и за отдельными работниками аппарата [3].

Экономическое строительство (1949–1958)

После установления военного и политического контроля над большей частью территории Китая руководство КПК очевидным образом столкнулось с необходимостью строительства государственного аппарата уже в масштабах всей страны. Здесь возникало несколько трудностей: отсутствие опыта государственного строительства, отсутствие необходимого количества лояльных сотрудников. В этих условиях армия выступала и как организатор новой структуры власти, и как основной поставщик кадров для этих органов [4, с. 619].

По мере дальнейшей трансформации экономики КНР в 1950-х гг., после выбора советской плановой экономической модели, сначала первой пятилетки происходит естественный отход от практики управления, сложившейся в ходе вооруженных конфликтов и гражданских войн. Приоритетом развития на этом этапе стал скорейший сплав отдельных частей Китая в единый хозяйственный организм, создание экономической базы для превращения

Китая в мощную, промышленно развитую страну. На этом этапе экономические задачи преобладают над идеологическими, обуславливая активное создание хозяйственных ведомств в аппарате управления.

Начало кризиса (1958–1966)

С 1958 г. нормальный процесс экономического развития и государственного строительства оказался грубо прерван. В мае 1958 г. на 2-й сессии VII съезда КПК была принята новая программа экономико-политического развития, получившая название курса «Трех красных знамен», что самым непосредственным образом сказалось на всех планах дальнейшего развития. В частности, был провален второй пятилетний план (планировалось удвоение промышленного производства, намечался рост сельского хозяйства). Возникает концепция «народной коммуны» как формы не только экономической, но и низовой административной организации, что наносит сильный удар по системе местных административных органов, не успевшей окончательно сформироваться [4, с. 660]. Волостные народные правительства фактически стали придатком коммун; тем самым был положен конец формированию системы низовых административных и представительных органов. Произошло не только сращивание хозяйственных и административных органов и потеря последними независимости, но укрупнение административных единиц (две волости и более), отрицательно сказавшееся на качестве управления на местном волостно-поселковом уровне; идеология отодвинула экономические задачи на задний план.

Результатом политики «Большого скачка» стал политический и экономический кризис, что повлекло за собой переоценку курса «Трех красных знамен» прагматической частью партийно-государственной элиты и его фактическое сворачивание с начала 1960-х годов. Тем не менее, открытого осуждения инициатора кампании Мао Цзэдуна и ее конкретных исполнителей не произошло, что сделало возможным эксцесс «культурной революции».

Реформа системы органов государственного управления, задуманная в 1957 г. и начавшая воплощаться с 1958 г., не могла пройти успешно на фоне развернувшейся идейно-политической кампании «Большого скачка» и курса «Трех красных знамен». По причине деформации органов государственного управления вся экономическая система КНР понесла тяжелейший ущерб; правительство бросило все силы на разрешение текущих острых экономических вопросов в ущерб решению задач по устранению сверхцентрализации и передаче части полномочий местным властям.

Курс «Трех красных знамен», несбалансированная экономическая политика, усиление авторитарно-бюрократического начала, излишняя идеологизированность государственного управления окончательно оформили систему, где произошло полное сращивание хозяйственных и административных функций. Одним из прямых следствий периода 1958–1965 гг. стал откат в политическом и экономическом развитии страны [5].

Большой хаос (1966–1971)

События «культурной революции» 1966–1976 гг. сказались на государственном строительстве и экономическом развитии самым негативным образом. Фактически в 1966–1968 гг. произошло полное уничтожение

сложившихся в предшествующий этап аппаратов партийного и государственного управления, органов суда и прокуратуры, что сопровождалось отстранением оппозиционных сил и ключевых фигур от власти и управления, а также экономическим и социально-политическим хаосом, охватившим всю страну. Происходит создание и оформление антиконституционной структуры – Группы по делам «культурной революции» (ГКР), которая фактически установила режим личной власти, когда все партийно-государственные решения проходили обсуждение на совещаниях ГКР. Возникает *антиконституционный* низовой административный орган – «ревком», объединяющий военные, партийные, административные и хозяйственные полномочия [6, с. 31]. Образование «ревкомов» началось в 1967 г. и завершилось на провинциальном уровне к осени 1968 г., то есть после *уничтожения* прежней системы государственных органов. Партийные органы начнут восстанавливать только с 1971 года. Впрочем, в условиях фактического слияния партийной и государственной власти «ревкомы», по сути, выполняли *военно-контрольные* функции, а государственная власть осуществлялась в форме *военногоруководства*, усиливалась бюрократическая централизация власти [7, с. 24–29].

С конца 1967 г. усиливается влияние НОАК на процессы государственного управления, при этом с осени 1968 г. начинается активное отстранение от политической жизни хунвэйбинов и цзаофаней, что еще более повышает роль и значение армии в органах государственной власти и управления. При этом, в отличие от событий конца 1940-х – начала 1950-х гг., когда на основе армейских кадров *под контролем КПК* формировалась гражданская администрация, в этот период, в отсутствие партийного контроля, происходит военизация партийных и административных структур, постепенно воссоздаваемых с конца 1960-х по начало 1970-х гг. После смещения Линь Бяо произошло частичное ослабление роли армии, при этом возросла роль органов общественной безопасности, что в условиях отсутствия органов суда и прокуратуры приводило к росту насилия и беззакония в обществе. В этот период крайне вульгаризированные идеологические установки активно влияют и на процессы государственного управления, и на экономику, приводя к фактическому параличу административно-хозяйственной деятельности в масштабах всей страны.

Начало восстановления (1971–1978)

Частичное восстановление партийно-государственных структур в течение первой половины 1970-х гг. было вызвано необходимостью обеспечить повседневную управленческую и хозяйственную деятельность; следует особо отметить, что *возврата* к прежней системе управления *не произошло*. В целом же в период 1969–1972 гг. уровень организационно-хозяйственных связей между центральным и местным органами был недостаточно высок, чтобы обеспечить нормальное функционирование экономики. Госсовет утратил свою централизованную роль в организации экономического планирования и государственного управления после многочисленных грубых вмешательств в его структуру и после упразднения целого ряда важных экономических ведомств; часть полномочий в области экономического развития отошла к местным административным органам.

Новую политическую модель легализовала Конституция 1975 г., закрепившая практику и результаты «культурной революции». Над

государственными, экономическими и общественными процессами довле- ла идеология маоизма, фактически подменившая собой марксизм. Только со смертью Мао Цзэдуна, разгромом «банды четырех» и фактическим оконча- нием «культурной революции» происходит изменение политического курса, что отчетливо проявилось в принятии новой Конституции 1978 г., которая позволила перейти к восстановлению правовых основ, воссозданию прежней политической модели, что соответствовало текущим задачам государствен- ного строительства и экономического развития КНР.

Реформы и либерализация (1978–1989)

С 1978 г. руководство КНР начинает реализовать стратегию поэтапного перехода к рыночной экономической модели, чему активно способствова- ли реформы органов государственного управления. Их целью было формиро- вание единой вертикали управления (от Госсовета до уездного уровня) и оп- тимизация всего аппарата управления. Основные цели: завершение реформы органов местного государственного управления, окончательное освобожде- ние аппарата управления от последствий «культурной революции» и повы- шение эффективности его работы для содействия реформе экономической системы. На рубеже 1970–1980-х гг. административному аппарату КНР пред- стояло не только решить оставшиеся от прошлого задачи; требовались ка- чественно новые, радикальные решения проблемы эффективности государ- ственного управления для *обеспечения экономического рывка*.

Одним из ключевых достижений реформы 1982–1984 гг. явилось форми- рование *единой системы* государственного управления на уездном и волост- ном-поселковом уровне. Этот процесс так и не был завершен из-за следовав- ших чередой с конца 1950-х гг. идейно-политических кампаний. Разделение политических, административных и экономических функций способствова- ло преодолению негативных последствий политики «Трех красных знамен» и «культурной революции» в административной сфере и заложило основу эффективного развития экономики.

В этот период происходит окончательное смещение соотношения идео- логических и экономических факторов: на первое место встают экономиче- ские задачи развития («четыре модернизации»); за идеологической сферой остается задача подбора лояльных кадров для системы государственного управления, формирование и поддержание базовых ценностей социализма в обществе. Экономические постулаты стали превалировать над абстракт- ными догмами, критерий эффективности сделался определяющим, и даже идеология должна была стать прагматичной и обсуживать интересы эко- номики. Дэн Сяопин закладывает основы нового мировоззрения в широком кругу важных проблем, таких как этапы развития страны, основные страте- гические задачи на разных этапах, движущие силы развития, политические гарантии. Отрыв экономики от прямого влияния идеологии, прекращение идейно-политических кампаний стали значимым явлением [8, с. 329].

На XIII съезде КПК в 1987 г. была поставлена задача очередной реформы органов государственного управления. В качестве целевых ориентиров был намечен пересмотр функций и полномочий правительства, а также измене- ние формы управления госпредприятиями (акционирование с госучасти- ем, независимость предприятий от управленческого аппарата), что связано

с углублением экономической реформы и необходимостью большей автономии хозяйственных ведомств в экономических вопросах.

9 апреля 1988 г. на 1-й сессии ВСНП VII созыва был принят проект реформы Госсовета. Первоочередные меры предусматривали передачу некоторой части функций управления нижестоящим органам исполнительной власти; усиление функций макрорегулирования; реформирование ведомств с низкой производительностью. К декабрю 1988 г. начальный этап реформы Госсовета был завершён. В 1988 г. принят «Закон о предприятиях». По этому закону партия сокращала вмешательство на предприятиях, предоставив им полноту ответственности за производство и управление.

В 1989 г. намечалось реформирование аппарата государственного управления на провинциальном уровне. На уездном и городском уровнях реформа должна была проходить в течение 3–4 лет. Усиленно подчёркивалось, что административная реформа проводится комплексно с экономическими и политическими реформами. Реформа декларировалась как «разделение функций» – между партией и правительством, центром и органами местной власти. Целью было чёткое разграничение полномочий по вертикали.

Представляется, что в этот период определенная часть высшего руководства КНР находилась под сильным впечатлением событий в СССР и Восточной Европе и, видимо, пыталась направить ситуацию в сходное русло. Власти предприняли конкретные меры в данном направлении, в частности, на провинциальном и уездном уровне сократили должности секретарей и партийных работников, которые участвовали в управленческой деятельности. В большинстве министерств и ведомств Госсовета партийные органы были упразднены [9, с. 360–368]. Судя по всему, предпринимаемые мероприятия служили прологом к ограничению влияния КПК и ее возможному последующему роспуску. Как показал советский опыт, в перспективе это привело бы к демонтажу всей политической системы КНР.

Стабилизация положения (1989–1992)

В первой половине 1989 г. реформы государственного управления были приостановлены, по официальной формулировке, «для упорядочения в системе управления». На состоявшейся в марте 1989 г. 2-й сессии ВСНП VII созыва было озвучено решение приостановить все проходящие преобразования, а впредь проводить их только «в опытном порядке». Причиной тому были как внешние, так и внутривнутриполитические факторы. Внутривнутриполитическими факторами стали: инфляция, экономическая нестабильность, неконтролируемый процесс создания коммерческих структур (членами партии и их родственниками), повышение уровня коррупции среди чиновников, политические волнения. Из внешнеполитических факторов следует назвать распад мировой социалистической системы, смену режимов в Восточной Европе, процессы «перестройки» в СССР, приведшие к значительной социально-экономической нестабильности. В таких условиях продолжение реформ грозило потерей политической стабильности, утратой контроля за ходом реформы экономической системы и социальными волнениями [10, с. 429–430]. После событий апреля-июня 1989 г. упраздненные партийные органы были восстановлены.

Нельзя говорить о полной остановке реформ, как это порой утверждают. В 1989 г. Госсовет санкционировал *продолжение эксперимента* по

реформированию местных правительств в одной провинции, четырёх городах, девяти уездах. Уже в 1991 г. накопленный в ходе эксперимента опыт распространили на провинцию Хубэй, Шэньси, автономный район Внутренняя Монголия, на 30 городов и уездов. С точки зрения планов средне- и долгосрочного развития позиция китайского руководства по приоритету политической стабильности над процессом углубления реформ представляется вполне обоснованной и разумной.

Реформы аппарата государственного управления КНР вызваны к жизни необходимостью тех экономических преобразований, что проходили в КНР в 80-е гг. XX века. Успешное обновление аппарата управления во многом определяло успех всех экономических преобразований в стране. В 1980-е гг. в ходе первых двух реформ госаппарата управления были сформулированы и выработаны ключевые принципы его работы (конкуренция при приеме на работу, установление строгих рамок должностной компетенции, формирование законодательных норм для всех видов административной деятельности и их регламентация). Претворение этих принципов в жизнь растянулось на несколько десятилетий.

Поступательное развитие (1992–2012)

На прошедшем в 1992 г. XIV съезде КПК была поставлена цель построения «социалистической рыночной экономики». Предполагалось переориентировать деятельность комплексных экономических ведомств правительства с *производственного планирования* на *макрэкономическое регулирование*, упразднить некоторые специализированные экономические ведомства.

В марте 1993 г. 2-й пленум ЦК КПК XIV созыва принял «Проект реформы партийных и правительственных аппаратов» [11, с. 104]. Задачи реформы системы государственного управления в первую очередь были продиктованы *экономическими потребностями*, необходимостью дальнейшей трансформации плановой экономической модели.

Реформа проходила с 1993 по 1996 гг.; длительность и наибольшая трудность низового этапа реформы была обусловлена в первую очередь значительным количеством правительств уездного уровня. Следует отметить, что сокращения аппарата не коснулось структур, связанных с идеологией, политикой и безопасностью, что было вызвано событиями 1989 г. – сворачиванием всех запланированных преобразований политической системы (значительным ослаблением политической роли КПК, по образцу Гоминьдана на Тайване) и жесткими мерами по сохранению руководящей роли партии.

Реформа органов государственного управления 1993–1996 гг. способствовала ликвидации пересечения и дублирования функций ряда министерств и ведомств Госсовета, позволила сократить аппараты местных администраций. Слабость рыночных отношений и сохранение значительного количества элементов планового хозяйствования не позволили реализовать целый ряд прогрессивных экономических инициатив.

На XV съезде КПК в 1997 г. по результатам прошедшей реформы был поставлен вопрос о новом этапе реформы органов государственного управления. В качестве конкретных мероприятий было названо: преобразование и упорядочение комплексных экономических министерств и ведомств в органы, осуществляющие макрэкономическое регулирование, сокращение их

численности; укрепление министерств и ведомств, ведущих надзор за исполнением законов; создание и развитие так называемых «посреднических организаций», не занятых непосредственно управленческой деятельностью (акционерные и фондовые биржи, биржи труда, отраслевые ассоциации предприятий, юридические и бухгалтерские конторы, организации по оценке имущества, по контролю качества продукции и т.п.).

Главная особенность реформы органов государственного управления в 1998–2001 гг. – *изменение функций правительства*. Концепция была предложена Дэн Сяопином еще в начале 1980-х гг., когда он выдвинул идею о передаче партийно-правительственными органами нехарактерных для них полномочий и функций общественным организациям [12, с. 45–60]. Для повышения эффективности органов управления требовалась их большая специализация.

Изменения в экономике КНР вызвали резкое увеличение количества служащих в Государственном комитете по экономике и торговле, Государственном комитете по реформе экономической системы и Министерстве труда (ключевые организации в области экономических преобразований в данный период). Госплан по мере углубления реформы экономической системы был преобразован в Государственный плановый комитет развития, что стало еще одним важным шагом по адаптации этого значимого экономического института к реалиям рыночной экономики. При этом в процессе кадровых изменений на должности руководителей ведущих министерств и ведомств назначались люди, которые были экспертами в избранной сфере деятельности, хорошо проявили себя в условиях складывающихся рыночных отношений и сумели поднять экономически слабые предприятия на уровень прибыльных [13, с. 278].

Адаптация к новым экономическим реалиям диктовала КПК и новые идеологические решения. На XVI съезде КПК (ноябрь 2002) в докладе Цзян Цзэминя была подробно сформулирована ранее отдельно упоминаемая концепция «трех представительств», позволившая средней и крупной буржуазии легально вступать в партию. К началу 2000-х гг. слой разбогатевших в ходе реформ «новых капиталистов» значительно усилился; исключение этого слоя из политического процесса привело бы к маргинализации предпринимателей, чем могли воспользоваться внешние силы. Позволив предпринимателям вступать в свои ряды, КПК одновременно взяло их под интенсивную опеку, расширило свою социальную базу, продемонстрировав большую идеологическую гибкость.

В марте 2003 г. на 1-й сессии ВСНП X созыва было принято решение об очередной реформе органов государственного управления. Для реализации задачи консолидации управления всеми государственными активами в рамках одного органа был создан Комитет по контролю и управлению государственной собственностью (Комитет по госсобственности). Функции, ранее разделенные между 9 ведомствами, отошли к комитету. Государственный комитет по планированию развития (Госплан) был преобразован в Государственный комитет по развитию и реформам (ГКРР), тем самым завершено преобразование бывшего Госплана в новую структуру, занимающуюся стратегическим планированием всей экономики страны. В задачи ГКРР входила *координация реформ в различных отраслях экономики, то есть выработка экономических и производственных планов и контроль* на макроэкономическом уровне: разработка стратегии народно-хозяйственного и социального развития, составление долгосрочных и годовых планов, разработка промышленной и ценовой

политики и другое. ГКРР, по поручению Госсовета, должен докладывать ВСНП о планах экономического и социального развития.

В финансовой политике также произошел ряд изменений. Был создан Комитет по контролю и регулированию банковской деятельности. Он получил функции работы с финансовыми учреждениями, контроля и регулирования деятельности всех банков, компаний, управляющих госсобственностью, трастовых и инвестиционных компаний и иных финансовых учреждений. Комитет должен выявлять противозаконные финансовые операции, включая отмывание денег. Народный банк Китая (НБК) был освобожден от контрольных функций, его задачи сосредоточились на определении и проведении монетарной политики, макрорегулировании в финансовой сфере. При этом НБК и Комитет должны были работать в тесном взаимодействии. В Комитет перешло около 200 человек из контрольных подразделений Народного банка Китая и 120 человек из Комиссии по работе с финансовыми учреждениями ЦК КПК. Создано Министерство торговли, в чьи обязанности входила торговая деятельность на внутреннем и внешнем рынках. На базе специального органа Госсовета, ведавшего безопасностью фармацевтических препаратов, создано Государственное управление по контролю за пищевыми продуктами и лекарствами.

Таким образом, очередная реформа органов государственного управления в 2003–2005 гг. проводилась в рамках логики предыдущих реформ, осуществляемых с начала 1980-х гг.; ключевой задачей, как и ранее, была адаптация органов государственного управления к новым экономическим реалиям, а также содействие углублению и расширению реформы экономической системы.

В области госслужбы также произошли немаловажные изменения. «Временное положение о государственных служащих» от 1993 г. было заменено «Законом о государственных служащих» (действует с 2006 г.). Наличие в законе отсылок к партийным идеям и постулатам, внесенным каждым из генеральных секретарей (начиная с Дэна Сяопина), показывает, какое значение партия придает выработке правильной идеологической линии в сознании госслужащего. Формирование корпуса руководящих работников и иного управленческого персонала, обладающего высокой профессиональной квалификацией, лояльного КПК, разделяющего партийные идеологические установки и в то же время свободного от клановых, местных и иных влияний, было основной целью создания системы государственной службы КНР. В законе особо подчеркивалось, что система государственных служащих решительно отстаивает принцип *партийного руководства* кадрами: после событий 1989 г. фактор политической лояльности и курс на сохранение КПК как ядра всей политической системы остается неизменным.

По мере развития и внедрения электронных технологий во всем мире для усовершенствования процесса управления, для достижения более высокой эффективности органов государственного управления, с начала 2000-х гг. власти КНР приступили к реализации концепции «электронного правительства», предусматривающей предоставление государственных сетевых услуг населению на новой технологической основе. Также в 2000–2005 гг. принят ряд документов для обеспечения открытости деятельности государственных органов. Все правительства провинций, городов, автономных округов создали свои, локальные правительственные сети и страницы. Создание электронного архива значительно ускорило процесс переписки между

ведомствами и оформление различного рода административных процедур, что положительно повлияло на углубление экономических реформ.

Главными тенденциями в ходе реформы 2003–2005 гг. стали: изменение функций и количества правительственных ведомств, придание им новых полномочий сообразно с текущими экономическими задачами, совершенствование системы госслужбы. Усилилась законодательная регламентация, была сделана ставка на использование электронных и сетевых технологий для ускорения управленческих процессов, повышения их эффективности и противодействия коррупции. Здесь власти КНР шли вместе с общемировыми тенденциями, наличие собственной технологической базы помогало и упрощало внедрение новых технологических решений.

В идеологической плоскости были внедрены следующие новации: в 2003–2004 гг. оформляется концепция «научного развития», которая провозгласила интересы большинства населения приоритетом, подчеркнула важность сбалансированного развития экономики на пользу общества, охраны здоровья всех его членов и обеспечения их благополучия. Также был традиционно подчеркнут приоритет КПК в управлении страной. Важно, что концепция в очередной раз выделила *социальную роль* китайского государства, обозначила приоритеты его развития.

В 2008 г. в КНР началась очередная административная реформа, инициированная XVII съездом КПК. Главными задачами этой реформы стали: изменение должностных полномочий между ведомствами правительства с целью создания системы больших министерств «дабучжи» (каждое министерство решает комплексный ряд вопросов). Произошло усиление энергетического ведомства (энергетика – базис развития любой экономической системы) и ведомства охраны окружающей среды (усугубление экологических проблем – следствие ускоренной модернизации промышленности). Планировалось завершение информатизации госуслуг (сохранилась установка на создание системы электронного правительства), дальнейшее повышение роли ведомств социального регулирования и социальных услуг (что было связано, во-первых, с возросшими финансовыми возможностями государства, и во-вторых, с необходимостью сбалансированной политики в силу увеличения социальной дифференциации). После завершения первого этапа реформы в составе Госсовета осталось 27 ведомств (за исключением канцелярии Госсовета).

Вызовы настоящего (2012–2022)

Реформа Госсовета 2013 г. была направлена на дальнейшее совершенствование системы «больших министерств». К 2013 г. внимание Госсовета было сосредоточено не только на дублировании ведомственных функций, разрозненных полномочиях министерств и ведомств и повышении эффективности их работы, но и в более широком аспекте – на оптимизации новой структуры правительства, возникшей в ходе прошлой реформы («дабучжи»). С целью улучшения инвестиционного климата планировалось уменьшить влияние правительства на экономику, упразднить ряд административных процедур по согласованию и одобрению инвестиционных вопросов, часть таких процедур передать на уровень местных правительств (для более эффективного решения). Для стимулирования производственной и торговой деятельности предполагалось уменьшение количества необходимых

разрешений, упрощение регистрации торгово-промышленных предприятий и общественных организаций, снижение их финансового бремени, усиление и улучшение системы макроконтроля в экономике, дальнейшее продвижение системы государственного управления, основанной на законе. В рамках этой реформы количество ведомств Госсовета министерского уровня уменьшилось на 4 единицы, количество ведомств после реформы Госсовета составило 25 единиц (не считая канцелярии).

В марте 2018 г. на 1-м заседании ВСНП XIII созыва премьер-министр Ли Кэцян представил новый проект реформы аппарата Госсовета. После реформы количество ведомств Госсовета министерского уровня было сокращено на 8 единиц. Произошла дальнейшая оптимизация банковской сферы (создан Комитет по регулированию банковской и страховой деятельности); образован Государственный комитет по контролю (по антикоррупционной борьбе, действует совместно с центральной комиссией ЦК по проверке дисциплины). Изменена система взимания региональных и государственных налогов – произошло их слияние, результатом стал *двойной контроль* над системой со стороны Главного государственного налогового управления и местных (провинциальных, городских) народных администраций.

В ходе последней реформы Госсовета КНР с 2018 г. следует отметить усиление социальной направленности преобразований. По мере усиления экономических возможностей Китая задачей реформ становится также создание специализированных механизмов для реализации экономической экспансии.

События второго десятилетия XXI в. наглядно показали, что существующая мировая экономическая модель впадает в глубокий кризис. Политика «количественного смягчения» (QE) вместо структурных реформ после финансового кризиса 2007–2008 гг., импортированная инфляция, вызванная бесконтрольной работой эмиссионных центров, – все это демонстрировало нежелание ответственных за мировую экономику организаций и лиц предпринимать необходимые (и непопулярные) решения для кардинального реформирования экономической модели. Стало очевидным, что в ближайшем будущем неизбежны крупные потрясения и трансформации¹. Рассмотрев приход к власти Си Цзиньпина и его команды, его последующие мероприятия, можно увидеть взаимосвязь с сохранением и развитием существующего экономического потенциала и производственных мощностей КНР².

«Левая» идеологическая риторика Си Цзиньпина вызвана необходимостью сохранить сплоченность КПК в текущих непростых условиях, не допустить коррумпированности и разложения партии. За прошедшее десятилетие стало видно, что действия Си Цзиньпина направлены на укрепление партийной дисциплины, на возвращение партии к первоначальным

¹ Здесь следует заметить следующее. Китай является крайне важной составной частью мировой экономической системы. В ходе проведения политики реформ и открытости сложились определенные отношения взаимозависимости между КНР и США: основной экспортный рынок для КНР с 1980-х гг. – это США, тогда как многие товары для внутреннего рынка США производятся в Китае. Очевидно, что все трудности, переживаемые американской (западной) экономикой, окажут (и оказывают) самое прямое воздействие на Китай.

² Поэтапная диверсификация экспорта по мере постепенной утери рынка США в рамках инициативы «Пояса и пути».

принципам. С другой стороны, в новых кризисных обстоятельствах КПК необходимо адаптироваться к новым реалиям управления в условиях развившихся информационных технологий. Вызовы эпохи диктуют необходимость корректировки политического курса.

В последнее десятилетие часто можно услышать упреки по адресу Си Цзиньпина (конечно, в основном из-за рубежа). Его обвиняют чуть ли не в возврате к маоизму, в создании культа личности. Сбалансированная, сдержанная позиция в высказываниях и действиях Си Цзиньпина, отсутствие идейно-политических кампаний показывают несостоятельность данной точки зрения.

Заключение

Многие исторические события надлежит оценивать только по прошествии значительного времени, когда замысел становится яснее, а покровы тайн спадают. Но автор хотел бы отметить следующее: текущая политическая модель Китая строится вокруг партии. Само же здание партии покоится на фундаменте марксизма. Если партия прекратит постоянные теоретические поиски, то окажется неспособной обосновать свои претензии на правящую роль в стране, после чего последует ее разложение и, как итог, развал всей политической системы. Именно поэтому так важно проводить теоретическую работу по теории социализма, давать ответы на многие назревшие за годы реформ вопросы (зачем Китаю социализм, зачем КПК, какую роль партия играет в настоящем и будущем страны, в какую сторону нужно развивать экономическую и социальную системы страны и другие). Си Цзиньпин (со своей командой) провел значительную работу по осмыслению пройденного Китаем с 1949 г. пути³. В то же время это и *суммирование* богатейшего многотысячелетнего опыта и наследия китайской цивилизации в области государственного строительства и государственного управления [14, с. 178]. Опора на марксизм, с одной стороны, и на традиционные идеи, концепции (в первую очередь конфуцианство), с другой, делает такие изыскания намного более органичными для китайского общества [15]. Теория Дэн Сяопина, концепция «трех представительств» Цзян Цзэминя, «научное мировоззрение» Ху Цзиньтао и идеи Си Цзиньпина отражают постоянные теоретические поиски КПК. Как правило, этому фактору не придают важного значения, тогда как именно *постоянное* развитие теории позволяет КПК не терять *связи с реальностью*, оставаться отзывчивой к духу времени и новым веяниям. В важности идеологических разработок мы можем убедиться, посмотрев на историю СССР (КПСС) второй половины XX века.⁴ Советский опыт очень вниматель-

³Разумеется, мы должны понимать, что большинство многочисленных работ Си Цзиньпина по крайне широкому кругу вопросов написаны не столько лично им (глава государства просто не имеет времени на написание столь большого количества работ), сколько его командой, что совершенно не умаляет огромной важности сформулированных и высказанных Си Цзиньпином идей.

⁴ После смерти И. В. Сталина, который в последние годы жизни пытался провести партийную реформу, руководство КПСС декларировало догматический социализм, категорически отказываясь что-либо менять в идеологических конструктах и привносить новые идеи. Результатом стал застой в разработках современной теории социализма и, как следствие, отказ от собственной идеологии, утрата КПСС роли ядра системы государственной власти и государственного управления и разрушение государства.

но изучен и разобран в Китае, и потому, при всех объективно существующих социально-экономических сложностях, которые испытывает Китай, мы не видим идеологического застоя в деле партийного и государственного строительства. Напротив, наблюдаются постоянные попытки обнаружить новое в старом (опора на культуру и историю), стремление оставаться в постоянном контакте с изменениями эпохи и отвечать на новые вызовы.

В целом ряде стран отношение к понятию «идеология» в большинстве случаев крайне отрицательное; связано это во многом со сложившимся негативным толкованием термина. По некоторым представлениям, идеология – это навязывание широким массам некоего абсолютно чуждого им мировоззрения и системы ценностей. Однако идеология – это общая система ценностей и представлений, по сути, система координат для социума, его самоопределение и целеполагание. По мере развития общества перед ним могут возникать новые задачи, и цели могут в чем-то меняться. Таким образом, по-настоящему живая идеологическая система никогда не застывает, а, напротив, продолжает развиваться и гибко видоизменяться. На протяжении нескольких последних десятилетий мы можем наблюдать в Китае непрекращающуюся работу по развитию марксизма.

Влияние идеологии может быть разрушительным, если идеология подменяет собой экономику и любые прагматические соображения – это хорошо видно на примере первых 30 лет существования КНР. Но поставленная на службу государственному строительству, она может принести большую пользу, поскольку поддерживает базовые ценности общества, придает экономической работе системность, формирует целеполагание, и здесь Китай на протяжении последних сорока с лишним лет тоже показывает нам хороший пример. В первые три десятилетия после образования КНР страну регулярно сотрясали идейно-политические кампании, на фоне которых терялись и искажались социальные и экономические задачи, цели государственного строительства. С конца 1970-х гг. Китаю удалось, сохранив политический строй, начать преобразование экономики; идеологические концепты не позволили разрушить существующий строй, при этом задали *социальный* вектор экономического развития. В практике государственного строительства КНР в 1980–2010-е гг. экономические и идеологические факторы дополняли друг друга. Результатом явилось создание системы государственного управления, использующей лучшие зарубежные наработки и притом соответствующей традициям политической культуры Китая. Опыт Китая по прагматичному сочетанию экономики и идеологии в силу своей уникальности не может быть механически скопирован и повторен в другой стране, но его изучение, безусловно, представляет интерес для понимания особенностей развития и государственного строительства КНР в рассмотренный период.

Литература

1. Фань Сяочунь. Чжунго да синчжэнцзюй 1949–1954 нянь (Большие административные районы КНР: 1949–1954 гг.) Шанхай: Дунфан чубаньшэчжунсинь; 2011. 383 с. (На кит. яз.).
2. Ершов А. В. История формирования системы органов государственного управления КНР в период 1949–1957 гг. *Проблемы новой и новейшей истории Китая*. Отв. ред. Д. А. Смирнов. М.: ИДВ РАН; 2018. С. 232–248.

3. Владимиров П. П. *Особый район Китая. 1942–1945*. М.: Новости; 1977. 544 с.
4. *История Китая*. Под ред. А. В. Меликсетова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ; Оникс 21 век; 2004. 736 с.
5. Ершов А. В. Трансформация системы органов государственного управления КНР в период 1958–1965 гг. // *Исторические события в жизни Китая и современность*. Материалы V Всероссийской научной конференции. Москва, 30–31 октября 2019 г. М.: ИДВ РАН; 2019. С. 328–339.
6. Мамаева Н. Л. *Партия и власть: Компартия Китая и проблемы реформы политической системы*. М.: Русская Панорама; 2007. 232 с.
7. Егоров К. А. *Государственный аппарат КНР 1967–1981*. М.: Наука; 1982. 190 с.
8. Дэн Сяопин. Текущая обстановка и наши задачи (16 января 1980 года). Речь на созванном ЦК совещании кадровых работников. В: Дэн Сяопин. *Избранное*. Т. 2:1975–1982. 2-е изд. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках; 1995. С. 329.
9. *Дандай Чжунго дэ жэньшигуанли (Управление кадрами в современном Китае)*. В 2 тт. Гл. ред. Дэн Лицзюнь и др. Пекин: Дандай Чжунго чубаньше; 1994. 625 с. (На кит. яз.).
10. Гудошников Л. М., Кокарев К. А. Реформа государственного аппарата. *Китай на пути модернизации и реформ: 1949–1999*. М.: Восточная литература, 1999. С. 429–444.
11. Тао Сюэжун, Тао Жуй. *Чжунго синчжэн тичжи гайгэ яньцзю (Исследование реформы административной системы Китая)*. Пекин: Жэньминьчубаньшэ; 2006. 271 с. (На кит. яз.).
12. Гудошников, Л. М., Ершов А. В. Реформирование системы государственного управления. *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: к 60-летию КНР*. М.: ФОРУМ; 2009. С. 45–60.
13. Кокарев К. А. *Политический режим и модернизация Китая*. М.: ИДВ РАН, 2004. 319 с.
14. Си Цзиньпин. *О государственном управлении*. Т. III. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках; 2021. 838 с.

Информация об авторе

Ершов Александр Валерьевич – научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, © alexandre.ershov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5043-5991>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 04.10.2022; одобрена рецензентами 21.10.2022; принята к публикации 25.10.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Fan Xiaochun. *Zhongguo Da Xingzhengqu 1949–1954 nian (Large administrative regions of the PRC: 1949–1954)* Shanghai: Dongfang chubanshe zhongxin; 2011. 383 p. (In Chinese).
2. Ershov A. V. The history of the PRC's system public administration formation in the period 1949–1957. In: Smirnov D. A. (chef-ed.) *Problems of new and recent history of China*. Moscow: IFES RAS; 2018, pp. 232–248. (In Russ.).
3. Vladimirov P. P. *A special region of China. 1942–1945*. Moscow: Novosti; 1977. 544 p. (In Russ.).
4. Meliksetov A. V. (ed.) *Istoriya Kitaya (History of China)*. Moscow: Izd-vo MGU; Onix-21 s.; 2004. 736 p. (In Russ.).
5. Ershov A. V. Transformation of the PRC's public administration system in the period 1958–1965. *Historical events in the life of China and the present. Materials of the V All-Russian scientific conference. Moscow, October 30–31, 2019*. Moscow: IFES RAS, 2019, pp. 328–339 (In Russ.).
6. Mamayeva N. L. *Partiya i vlast': Kompartiya Kitaya i problemy reformy politicheskoy sistemy (Party and government: the Chinese Communist Party and the political system reform problems)*. Moscow: Russkaya Panorama; 2007. 232 p. (In Russ.).
7. Yegorov K. A. *Gosudarstvennyy apparat KNR 1967–1981 (State apparatus of the PRC 1967–1981)*. Moscow, 1982. 190 p. (In Russ.).
8. Deng Xiaoping. Current equipment and our tasks (January 16, 1980). Speech at the convening of the Central Committee of the meeting of cadre workers. In: Deng Xiaoping. *Chosen*. Vol. 2: 1975–1982. Second ed. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages; 1995, p. 329. (In Russ.).
9. Deng Lijun (ch. ed.) *Dangdai Zhongguo renshi guanli (Human resources management in modern China)*. In 2 vols. Beijing: Dangdai Zhongguo chubanshe; 1994. 625 p. (In Chinese).
10. Gudoshnikov L. M., Kokarev K. A. Reforma gosudarstvennogo apparata (Reform of the state apparatus). *Kitay na puti modernizatsii i reform: 1949–1999 (China on the path of modernization and reforms: 1949–1999)*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1999, pp. 429–444. (In Russ.).
11. Tao Xuerong, Tao Rui. *Zhongguo xingzheng tizhi gaige yanjiu (Study of the Chinese administrative system reform)*. Beijing: Renmin chubanshe; 2006. 271 p. (In Chinese).
12. Gudoshnikov L. M., Yershov A. V. Reformirovaniye sistemy gosudarstvennogo upravleniya (Reforming the system of public administration). In: *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. K 60-letiyu KNR [People's Re-*

public of China: politics, economics, culture. To the 60th anniversary of the PRC]. Moscow: FOPUM; 2009, pp. 45–60. (In Russ.).

13. Kokarev K. A. *Politicheskiy rezhim I modernizatsiya Kitaya* [Political regime and modernization of China]. Moscow: IFES RAS; 2004. 319 p. (In Russ.).

14. Xi Jinping. *O gosudarstvennom upravlenii* (On public administration). Vol. III. Beijing: Foreign Language Literature Publishing House; 2021. 838 p. (In Russ.).

Information about the author

Alexander V. Ershov – Research Fellow, Center for Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ✉ alexandre.ershov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5043-5991>.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 04.10.2022; approved after peer reviewing 21.10.2022; accepted for publication: 25.10.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья
УДК 327(510)"20"

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-839-856>

Исторические науки

Период стратегических возможностей: опыт китайского форсайта и перспективы внешней политики Пекина

Дарья Львовна Адамова¹, Игорь Евгеньевич Денисов²✉

¹ МГИМО МИД России, Москва, Россия

² ИКСа РАН, Москва, Россия

¹ daradamova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2250-8457>

² iedenisov@yahoo.com ✉, <https://orcid.org/0000-0001-5447-1164>

Аннотация. В статье рассматривается одна из устойчивых идеологием пост-эпохальной эпохи – «период важных стратегических возможностей». Делается вывод, что эта концепция находится в центре современной китайской стратегической культуры, поскольку касается постановки средне- и долгосрочных задач руководством КНР. Концепция рассматривается в исторической ретроспективе с момента ее выдвижения в 2002 г. до сегодняшнего дня, анализируются факторы, определяющие эволюцию данной концепции при Си Цзиньпине. В начале XXI в. существовали два источника уверенности Китая в том, что предстоящее двадцатилетие пройдет для страны без потрясений – во-первых, состояние собственной экономики, рост которой будет обеспечиваться динамизмом реформ и более тесной интеграцией страны в глобальную экономику, и, во-вторых, долгосрочная стабильность внешней среды, благодаря чему на длительный срок откладывается необходимость для Китая «выйти из тени». При Си Цзиньпине «период стратегических возможностей» теснейшим образом увязывается с идеей «великого возрождения китайской нации». Созданная в традиционной для китайских «высочайших указаний» абстрактной манере концепция приобретает черты сценарного подхода, где наихудший для нации вариант не исключается и обязательно принимается во внимание. Современный Китай испытывает несравнимо большее давление со стороны конкурентов, а число факторов неопределенности, воздействующих на подъем Китая, неизмеримо выросло. Этим продиктован сдвиг в стратегическом мышлении китайской элиты, который, наряду с большим акцентом на идеологию, будет определять внешнюю политику КНР.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, период стратегических возможностей, стратегическая культура

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Для цитирования: Адамова Д. Л., Денисов И. Е. Период стратегических возможностей: опыт китайского форсайта и перспективы внешней политики Пекина. *Ориенталистика*. 2022;5(4):839–856. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-839-856>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-839-856>

History studies

"Period of Strategic Opportunities": the Chinese Foresight Experience and Beijing's Foreign Policy Perspectives

Daria L. Adamova¹, Igor E. Denisov²

¹ MGIMO University, Moscow, Russia

² ICCA RAS, Moscow, Russia

¹ daradamova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2250-8457>

² idenisov@yahoo.com , <https://orcid.org/0000-0001-5447-1164>

Abstract. This article examines one of the established ideologemes of the post-Deng era, the "period of important strategic opportunities." It is concluded that this concept is at the center of contemporary Chinese strategic culture, as it is related to the PRC leadership's medium- and long-term goal-setting. The concept is analyzed in the historical retrospective from the moment of its introduction in 2002 to the present day, and the factors determining the evolution of this concept under Xi Jinping are scrutinized. At the beginning of the twenty-first century, there were two sources of China's confidence that the coming twenty years would pass without turmoil for China – first, the state of its own economy, whose growth would be ensured by the dynamism of reforms and deeper integration into the global economy, and second, the long-term stability of its external environment, postponing for a long period the need for China to "come out of the shadows." Under Xi Jinping, the "period of strategic opportunities" is closely aligned with the core idea – "great rejuvenation of the Chinese nation." Created in the traditional abstract manner of Chinese "highest instructions," the concept acquires the features of a scenario approach, where the worst-case scenario for the nation is not excluded and is definitely taken into account. Today's China faces incomparably greater pressure from its competitors, and the number of uncertainties affecting China's rise has grown immeasurably. This determines the shift in the strategic thinking of the Chinese elite, which, along with a greater emphasis on ideology, will shape Chinese foreign policy.

Keywords: China, foreign policy, period of strategic opportunities, strategic culture

For citation: Adamova D. L., Denisov I. E. "Period of Strategic Opportunities": the Chinese Foresight Experience and Beijing's Foreign Policy Perspectives. *Orientalistica*. 2022;5(4):839–856. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-839-856>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Введение (постановка проблемы)

Историю современного Китая вполне можно представить как череду сменяющих друг друга лозунгов, стратагем или концепций. В 2022 г. отмечается двадцатилетие одного из ключевых терминов в политическом лексиконе постдэнзовского Китая. Концепция «важного периода стратегических возможностей» (重要战略机遇期)¹, о которой идет речь в этой статье, отличается особой устойчивостью в системе партийных идеологем, касающихся политических оценок внутренней и международной ситуации. Кроме того, концепция находится в центре современной китайской стратегической культуры, поскольку касается постановки средне- и долгосрочных задач, описывает фундаментальные характеристики той среды, которая определяет подъем Китая; следовательно, эта концепция не может не влиять на ключевые политические, дипломатические и военные решения.

Впервые вывод о том, что развитие Китая находится и будет длительное время находиться в периоде важных стратегических возможностей, был сделан в 2002 г. еще при Цзян Цзэмине. Хотя идейно-теоретический багаж при каждом новом руководителе обычно существенно пересматривается, с «периодом стратегических возможностей» этого не происходит. Содержательная часть понятия со временем уточняется, однако центральное место данной концепции в системе стратегического планирования остается неизменным. Термином активно оперируют китайские обществоведы², он включается в важнейшие партийные документы. В докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК термин встречается в первой (вводной) части, то есть ему по-прежнему придается первостепенное значение [1]. Мониторинг изменений, связанных с трактовкой «периода стратегической возможности», таким образом, имеет не только актуальное научное, но и практическое и прогностическое значение.

Данная задача предполагает рассмотрение концепции в исторической ретроспективе, а также анализ факторов, определяющих эволюцию данной концепции при Си Цзиньпине. В первой части статьи дан обзор наиболее значимых научных публикаций по теме исследования. Во второй части анализируются мотивы выдвижения концепции. При этом основное внимание будет уделено вопросам, довольно слабо исследованным в литературе, они касаются влияния политического транзита Цзян—Ху и американского фактора на формирование концепции.

В третьей части статьи обсуждается, как оценки «периода стратегических возможностей» вписываются в современный контекст идеологии «возрождения китайской нации». В заключительной части делаются выводы о влиянии растущей неустойчивости миропорядка на китайские оценки периода стратегических возможностей. Кроме того, важно понять, насколько успешным был опыт коммунистического форсайта в начале 2000-х и оправдала ли

¹ В официальном и академическом дискурсе КНР термины «важный период стратегических возможностей» и «период стратегических возможностей» взаимозаменяемы. Этой практике мы следуем и в настоящей статье.

² По состоянию на конец 2021 г. в научных изданиях, учитываемых базой China National Knowledge Infrastructure (CNKI), была опубликована 7621 статья с ключевым словом 战略机遇期 (период стратегических возможностей). В 76 706 публикациях словосочетание употреблено минимум один раз (подсчитано авторами на основании базы CNKI <https://www.cnki.net/>).

себя ставка на относительно бесконфликтный период, когда возможности Китая на мировой арене будут значительно перевешивать вызовы.

Обзор литературы

Несмотря на центральное место концепции «периода стратегических возможностей», она незаслуженно редко становилась предметом самостоятельного и углубленного анализа в мировом китаеведении. Большинство западных исследователей, похоже, не придавали значения этому понятию, считая выражение «период стратегических возможностей» либо слишком общей риторической формулой, либо неким аналогом или развитием установки Дэн Сяопина «скрывать свои возможности, держаться в тени» (韬光养晦), согласно которой Китай в первую очередь должен сосредоточиться на экономическом развитии [2, с. 26]. Тем не менее, в ряде работ делались попытки выйти за рамки поверхностного анализа и установить связь между выдвиганием формулы «период стратегических возможностей» и изменением взглядов китайского руководства на современный миропорядок и место Китая в мире.

По мнению Э. Голдштейна [3], китайские руководители, говоря о периоде стратегических возможностей, изначально исходили из того, что цель внешней политики КНР состоит в адаптации к существующему международному порядку, а не в его оспаривании. Однако затем, по оценке исследователя, китайское руководство стало постепенно отходить от политики «успокоения» (reassuring). Одно из объяснений – следующее: в Пекине сделали вывод, что мировой баланс сил смещается в пользу Китая быстрее, чем ожидалось, и это позволило более активно отстаивать интересы страны [3, с. 175–176].

Со сходных позиций смены парадигмы рассматривает период стратегических возможностей Ф. Шортген, который выделяет в эволюции концепции два этапа. Изначально акцент делался на внутреннем развитии, и стратегические возможности касались в первую очередь программы внутренних реформ. Однако затем в Пекине разработали идею «международного периода» стратегических возможностей. Речь идет о возникновении благоприятной геополитической, геостратегической и геоэкономической обстановки, позволяющей Китаю добиваться расширения и укрепления статуса великой державы [4, с. 21].

В большинстве трудов отечественных авторов данное понятие лишь кратко упоминается [5, с. 8; 6]. Е.Н. Грачиков полагает, что в 2003–2012 гг. на основе стремительного экономического роста и укрепления дипломатических отношений Китай в полной мере использовал «период стратегических возможностей» [7, с. 86]. Анализируя итоги XIX съезда КПК, А.А. Киреева сделала вывод, что текущий период стратегических возможностей связан с реализацией концепции китайской мечты о возрождении нации [8].

На особенности современного понимания периода стратегических возможностей один из авторов настоящей статьи обращал внимание ранее [9], отмечая, что данная трактовка отражает важные изменения в стратегическом мышлении правящей элиты после прихода к власти Си Цзиньпина. При этом, на наш взгляд, если раньше относительно благоприятный с точки зрения внешней среды период воспринимался несколько механистически – как данность, то теперь он становится предметом внимательного анализа, с оценкой как положительных тенденций, так и возможных рисков. Этот вывод сохраняет актуальность и сегодня, хотя с момента написания указанной

статьи (начало весны 2018 г.) и в КНР, и в мире произошли события, которые прямо касаются возможностей и рисков подъема Китая. Именно поэтому мы попытались зафиксировать наиболее актуальное понимание периода стратегических возможностей и установить, сохранится ли эта концепция в будущем, и если сохранится, то в каком виде.

Мотивы выдвижения концепции: внутриполитический транзит и сдвиги в международной обстановке

Впервые упоминание о «периоде стратегических возможностей» прозвучало зимой и весной 2002 г., когда в партийных организациях полным ходом шла подготовка к XVI съезду КПК. Цзян Цзэминь, планируя передачу власти четвертому поколению руководителей, явно стремился выступить с основополагающими теоретическими положениями, которые бы зафиксировали его личный вклад в определение пути дальнейшего глобального возвышения Китая. «Большая идея» о длительном периоде стратегических возможностей как нельзя лучше подходила для этой цели. О том, что сохранение рычагов влияния на формирование политической повестки было для Цзян Цзэминя одним из приоритетов, говорят и последующие события – в частности, то, что он передал Ху Цзиньтао пост председателя Военного совета ЦК КПК лишь в сентябре 2004 г., и в целом можно согласиться с прозвучавшими по горячим следам оценками половинчатости транзита на XVI съезде [10]. Хотя затем Ху Цзиньтао стал более самостоятельной фигурой, необходимость сохранения политического авторитета Цзян Цзэминя во многом объясняет то, что основательная ревизия концепции «стратегических возможностей» произошла лишь с началом «эпохи Си».

Фактически этот сценарий начал реализовываться за несколько месяцев до съезда. С упоминания «периода стратегических возможностей» Цзян Цзэминь начал выступление на заседании группы по подготовке доклада ЦК съезду. Эта речь не была обнародована сразу и увидела свет лишь при публикации третьего тома «Избранных сочинений Цзян Цзэминя» в 2006 г., и то в сокращенном виде [11]. Зато другое выступление было адресовано широкому кругу партийных чиновников и направлено на вывод этой концепции в сферу внимания общественности. 31 мая 2002 г. в Партийной школе при ЦК КПК (中共中央党校) генсек отметил: «Если рассматривать ситуацию в целом, то первые одно-два десятилетия 21-го века представляют для нашей страны важный период стратегических возможностей, которого необходимо крепко держаться и в котором есть большие возможности проявить себя» [12].

В докладе на XVI съезде КПК (8–15 ноября 2002 г.) Цзян Цзэминь повторил оценки периода стратегических возможностей, «обкатанные» в Партийной школе, с одним уточнением – более определенно прозвучала продолжительность периода, не 10–20 лет, а ровно 20 лет [13]. Важно помнить, что двадцать лет – это, согласно принятой Дэн Сяопином модели смены поколений, ровно два политических цикла (10+10). Таким образом, личные заслуги Цзян Цзэминя в стратегическом планировании распространяют его авторитет сразу на два поколения руководителей – четвертое и пятое.

Сразу же после посещения Цзян Цзэминем Партийной школы в КПК развернулась широкая кампания пропаганды «важной речи 31 мая» ("5.31" 重要讲话), в середине июня был даже издан специальный учебник на эту тему. Сложно не заметить, что вывод о периоде стратегических возможностей по

стилистике, риторическому оформлению и масштабной пропагандистской поддержке напоминает «важные указания», с которыми обычно выступает новый лидер. Как верно замечает Цзэн Цзинхань, когда китайский высший руководитель выдвигает критически важный лозунг, он не только выражает свои взгляды, но и рассчитывает утвердить личный авторитет. Цзэн Цзинхань подчеркивает, что особое значение имеют первые несколько лет после прихода к власти, когда новые лозунги, фиксирующие видение лидера, представляют собой «жест выхода из тени предшественников» и тем самым направлены на утверждение власти [14, с. 2]. В рассматриваемом случае мы видим политическое высказывание, очень схожее по форме, но с иным целеполаганием – перехват инициативы у «сменщика» и его команды.

Видимо, излишне обсуждать, была ли в 2002 г. концепция «периода стратегических возможностей» детально проработана и наполнена практическим содержанием. В китайском политикуме многие «большие идеи» в начальной точке редко представляют собой что-то конкретное, а скорее говорят в общем плане о намерениях и задают концептуальные рамки для последующей аналитической проработки (которая может занять годы). Согласно Я. Джонсону, «содержание всегда приходит в китайские проекты медленно» [15, 79]. В этом проявляются глубокие национальные традиции китайской стратегической культуры, когда на самом вершине пирамиды власти транслируется взгляд на мир, который отличается высокой степенью абстракции и стремится вместить разнонаправленные тенденции, при этом делая основным фокусом внимания Китай и его интересы. Уместно привести вывод С.Н. Гончарова о дипломатической концепции династии Хань, которая позволяла «идеологически «переваривать» все разнообразие ситуаций, возникавших на международной арене» [16, с. 180].

Для нашего анализа «периода стратегических возможностей» принципиально важно учитывать, что «большие идеи» в китайской традиции намеренно формулируются в чрезвычайно абстрактном виде, чтобы не попасть в зависимость от однажды предложенной четкой сценарной проекции или неверной текущей оценки.

По этой причине не вполне обоснованной выглядит версия ряда исследователей о том, что концепция «периода стратегических возможностей» родилась в ответ на события 11 сентября 2001 г. [17], поскольку Китай увидел в произошедших после 911 переменах возможность переломить ситуацию в свою пользу. Близость момента теракта в Нью-Йорке и первых упоминаний о периоде стратегических возможностей – не аргумент. Вряд ли сосредоточение США на контртеррористической повестке и военной операции в Афганистане открывало для Китая окно возможностей продолжительностью в два десятилетия. Впоследствии США лишь ужесточили свой подход к оценке ситуации в Синьцзяне и создали проблемы для Пекина в регионах китайской периферии.

«Большие идеи», надо сказать, никогда не оказываются результатом сжатого по времени прикладного анализа – как в силу обозначенных выше причин крайне осторожной генерализации, так и в силу консервативного характера системы принятия решений в Китае. Выступая 31 октября 2001 г. на одном из военных совещаний, Цзян Цзэминь призвал провести углубленное исследование инцидента 11 сентября [18]. Примечательно, что задача была поставлена не с точки зрения оценки смещения фокуса американской политики и снижения стратегического давления на Китай. Высшее руководство

КНР интересовалось, каким образом США используют национальные стратегические возможности для реагирования на серьезные чрезвычайные ситуации. По всем признакам видно, что в конце 2001 – начале 2002 г. китайские руководители вовсе не были одержимы идеями глобального реванша, а скорее воспринимали процессы на мировой арене настроенно и с позиции стороннего наблюдателя. Недаром в том же выступлении перед военными Цзян вспомнил известную стратегию Дэн Сяопина (часть курса из 28 иероглифов): 冷静观察 (хладнокровно наблюдать).

Существовали два источника уверенности Китая в том, что предстоящее двадцатилетие пройдет для страны без потрясений – (1) состояние собственной экономики, рост которой будет обеспечиваться динамизмом реформ и более тесной интеграцией страны в глобальную экономику, и (2) долгосрочная стабильность внешней среды, откладывающаяся на длительный срок необходимости для Китая «выйти из тени».

При Ху Цзиньтао уверенность в выгодном «периоде стратегических возможностей» была воплощена в широко пропагандируемой за рубежом концепции мирного подъема (和平崛起), которая, чтобы снять опасения по поводу возможной угрозы растущей державы мировому порядку, была достаточно быстро переименована в концепцию мирного развития (和平发展). В докладе на XVII съезде КПК (октябрь 2007 г.) Ху Цзиньтао, подчеркнул, что «возможности беспрецедентны, как и вызовы, но возможности перевешивают вызовы». При этом партии был адресован традиционный призыв «использовать важный период стратегических возможностей» [19]. Гораздо подробнее генсек коснулся этой темы через пять лет на XVIII съезде КПК, когда концепция отмечала свое десятилетие. В качестве значимого промежуточного итога отмечалось, что за прошедшие десять лет партия воспользовалась важным периодом стратегических возможностей для развития Китая и преодолела ряд серьезных трудностей.

В докладе прозвучал призыв «точно оценить изменения в содержании и условиях важного периода стратегических возможностей» [20]. Ожидалось, что второе десятилетие может принести большую неопределенность и новые сложности, прежде всего связанные с исчерпанием преимуществ модели экстенсивного развития, однако уверенность в «выигрыше инициативы» и «выигрыше будущего» по-прежнему звучала с партийных трибун.

Интерпретация «стратегических возможностей» при Си Цзиньпине

Многие исследователи отмечают, что позиция Пекина относительно «периода стратегических возможностей» сегодня стала более активной и наступательной [21]. Однако фундаментальная новизна оценок «стратегических возможностей» после прихода к власти Си Цзиньпина, на наш взгляд, заключается не в количественных показателях активности, а в изменении самого взгляда на себя и на мир, в качественном сдвиге стратегического мышления.

«Период стратегических возможностей» теперь теснейшим образом увязывается с идеей «китайской мечты» или «великого возрождения китайской нации». В важнейшем политическом документе «эпохи Си Цзиньпина» – «Решении ЦК КПК по основным достижениям и историческому опыту столетней борьбы партии» – квинтэссенция этой борьбы видится в том, что «КПК открыла правильный путь к великому возрождению китайской нации» [22].

Парадоксально, что уверенность в неперенном торжестве «великого возрождения» сопровождается растущей секьюритизацией как внутренней, так и внешнеполитической повестки. По сути, любой вопрос, даже прямо не связанный с угрозой суверенитету и территориальной целостности, рассматривается сегодня в Китае как вопрос безопасности. Образно говоря, если раньше — в формуле «периода стратегических возможностей» были две переменных — экономический рост Китая и реакция внешней среды (враждебность/дружелюбность) — и они имели примерно равный вес, то при Си Цзиньпине «внутренний компонент» серьезно переосмыслен. Сегодня он, похоже, не только перевешивает внешний, но и связан уже не исключительно с темпами роста ВВП, а с гораздо более общим и многогранным понятием «безопасности».

Центральной для стратегического планирования при Си Цзиньпине «всеобъемлющая концепция национальной безопасности» (总体国家安全观) ставит на первое место обеспечение «политической безопасности», под которой подразумевается устойчивость социально-политической ситуации в стране и сохранение власти партии. При этом по мере продвижения к поставленным партии целям риски увеличиваются, равно как возрастает цена ошибок, в том числе цена просчетов на международной арене. Недаром с легкой руки Си Цзиньпина в рассуждениях о стратегии развития страны утвердилось понятие «мышление, исходящее из нижней границы» (底线思维), что предполагает рассмотрение и учет наихудших вариантов развития ситуации. Созданная в традиционной для китайских «высочайших указаний» абстрактной манере концепция периода стратегических возможностей приобретает черты сценарного подхода, где наихудший для нации вариант не исключается и обязательно принимается во внимание. Ранее о таком подходе даже не говорилось вслух, а период стратегических возможностей рассматривался линейно, причем исключительно в виде восходящего тренда.

Показателен в этом отношении вывод, сделанный в теоретическом партийном журнале «Цюши» (求是): «Придерживаясь общей концепции национальной безопасности, можно лучше сохранить и продлить важный период стратегических возможностей для развития Китая и обеспечить, чтобы процесс великого возрождения китайской нации не застыл и не прервался» [23]. Здесь ясно установлена «нижняя граница», которая определяет подходы к стратегическому планированию, и она прямо связана с утратой возможностей национального возрождения. Настолько драматично и остро вопрос не ставился до Си Цзиньпина, и именно в этом, на наш взгляд, и заключается суть современной интерпретации «периода стратегических возможностей». Еще одна ее важная особенность — «наслоение» концепций, которые не противоречат друг другу, но стремятся охватить разные аспекты позиционирования Китая (гораздо более сложного по сравнению с началом XXI века) и используют для этого разную оптику.

Известный китайский международник Юань Пэн попытался суммировать китайский взгляд на мир, выделив три тесно связанных ключевых концепции [24]. На первое место ученый ставит «концепцию столетних перемен». Образное выражение, что мир переживает невиданные за сто лет перемены, Си Цзиньпин впервые использовал в июне 2018 года на Центральном совещании по вопросам внешней политики. Концепция «столетних перемен»

соотносит два процесса — беспрецедентные изменения миропорядка и продвижение Китая на пути великого национального возрождения. Это оптика глобальная – Китай рассматривает себя и процесс собственных реформ на фоне мира, вступившего в эпоху глубоких трансформаций.

Вторым компонентом китайского взгляда на мир ученый называет концепцию исторических возможностей. Это оптика, обращенная на себя, вовнутрь. Как указывает Юань Пэн, Китай, сравнивая себя с другими странами или с прежними этапами своего развития, исходит из того, что все еще находится в периоде стратегических возможностей и будет долгое время пребывать в нем или даже в более продолжительном периоде исторических возможностей.

Третий компонент можно назвать оптикой риск-менеджмента. В терминологии Юань Пэна это «концепция рисков развития», которая означает, что чем дольше Китай находится в периоде стратегических возможностей, тем будет больше различных рисков, и текущий этап — это как раз этап с максимально высоким фактором риска.

Принципиально важно для нашего анализа появление термина «период исторических возможностей» (历史机遇期). По всей видимости, его введение в официальный политический лексикон связано с поисками ответа на вопрос, закончился ли период стратегических возможностей. Для многих, в том числе для части китайского политического истеблишмента, сигналом о том, что высшее руководство считает благоприятный для Китая период завершившимся, стало выступление Си Цзиньпина 5 января 2018 г. в Партийной школе при ЦК КПК [25].

В этой речи Си Цзиньпин как раз употребил термин «период исторических возможностей» и достаточно много говорил о том, что прогресс Китая напоминает движение по тонкому льду, что необходимо быть осторожным, видеть риски и вызовы, не совершать стратегических и подрывных ошибок. Введение в оборот формулировки «исторический период» было продиктовано уже упоминавшейся «оптикой, обращенной на себя». Генсек много рассуждал об истории, подчеркнув, что важно понимать, «откуда мы пришли и куда направляемся». Из контекста понятно, что «период исторических возможностей» совпадает с процессом великого возрождения китайской нации.

С другой стороны, в речи Си Цзиньпина не было никаких сигналов о том, что самоограничения, введенные концепцией «периода стратегических возможностей», снимаются, и тем более о том, что Китай намерен немедленно перейти в наступление. Однако такие воинственные взгляды были в то время достаточно распространены в партийной среде, впоследствии они лишь усилились на фоне унилатерализма и меркантилизма Трампа.

Об остроте дискуссии косвенно свидетельствует статья бывшего президента Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) Цуй Лижу. Как подчеркивает ученый, формулировка «период стратегических возможностей» уже не отражает современную обстановку, для которой характерно стратегическое соперничество между КНР и США. Цуй Лижу, безусловный «человек системы», выступил с поразительной критикой ни больше ни меньше как доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК, считая, что включение в текст формулировки «период стратегических

возможностей» говорит о «недостатке исторической наблюдательности и стратегической проницательности». Наоборот, Цуй Лижу приветствует новую формулировку об «историческом периоде», считая, что она обоснованно подводит черту под прежней концепцией и свидетельствует об исчерпании ее «срока годности» [26].

О том, что черту подводит рано, дал знак сам Си на 5-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва. Речь генсека была опубликована в открытой печати лишь 1 сентября 2022 г. в журнале «Цюши». Эта публикация, вышедшая за полтора месяца до XX съезда КПК, по всей видимости, означает, что в ходе дискуссий в руководстве было признано: концепция «периода стратегических возможностей» по-прежнему остается релевантной, и не только сейчас, но и в среднесрочной перспективе. «Комплексный анализ ситуации в стране и за рубежом показывает, что в настоящее время и в предстоящий период развитие нашей страны все еще находится в периоде важных стратегических возможностей, но есть новые изменения как в возможностях, так и в вызовах», — так сформулировал итог дискуссий Си Цзиньпин [27].

Сегодня мы наблюдаем заметный контраст с прежним технократическим или экономоцентричным подходом, когда оценки возможностей подкреплялись в первую очередь уверенностью в преимуществах экономической модели и умением встраиваться в глобальную экономику. Нынешний подход уместно назвать политико-идеологическим, в его основе лежит приоритет стабильности китайской политической системы и китайской модели управления. Си Цзиньпин выделил пять «стратегических выгодных условий» (五个战略性有利条件), к которым отнес «твердое руководство КПК, выдающиеся преимущества социалистического строя с китайской спецификой, прочный фундамент, накопленный в ходе непрерывного и быстрого развития, долгосрочную стабильную социальную среду и духовную силу уверенности в себе и самосовершенствования» [28]. Новая версия «периода стратегических возможностей» все больше строится вокруг нарратива о контрасте между основанным на идеологии «новой эпохи» «китайским управлением» (中国之治) и «западным хаосом» (西方之乱).

Вместо заключения: опыт китайского форсайта

Решающим фактором, который в начале XXI века заставил партийное руководство поверить в стратегические возможности роста Китая, стали выводы китайских экономистов. Правительственные эксперты склонялись к тому, что действующая модель реформ далеко не исчерпана и придаст еще большую динамику экономике после вступления КНР в ВТО. Что касается американского фактора, то он, безусловно, учитывался при построении концепции. Однако вряд ли атака на «Башни-близнецы» что-то кардинально изменила в китайских взглядах на перспективы американского лидерства. На наш взгляд, эти оценки сформировались под сильным влиянием американского стратегического документа 1997 г. The Quadrennial Defense Review (Четырехлетний обзор оборонной политики), опубликованного за несколько лет до трагического сентября [29]. Поразительное дело: в этом докладе было введено понятие периода стратегических возможностей (причем примерно той же продолжительностью, что впоследствии было у китайцев), но применительно к политике США. В Вашингтоне считали, что до 2015 г.

международная обстановка будет благоприятствовать сохранению американской позиции единственной сверхдержавы.

Ключевым для Китая был вывод доклада о том, что обстановка в период до 2015 г. будет характеризоваться отсутствием «глобального равного конкурента» (*global peer competitor*) США. С одной стороны, это было воспринято в Пекине как свидетельство низкой вероятности глобального конфликта, следовательно, дальнейший подъем Китая будет проходить в условиях относительной стабильности мировой системы (пусть и с гегемонистским лидерством США). С другой стороны, то, что Соединенные Штаты не видели в КНР равного конкурента, также было выгодно Пекину, поскольку позволяло значительную часть ресурсов посвятить экономическому строительству, а наращивание оборонного потенциала проводить, не повышая уровень конфликтности в китайско-американских отношениях. В американском докладе 1997 г. признавалось, что лишь в период после 2015 г. существует вероятность появления региональной великой державы или глобального равного конкурента.

Этот сигнал был адекватно воспринят в Пекине, и в ответ родилась концепция периода стратегических возможностей, которая одновременно была и стратегическим форсайтом, и конструированием желательного для страны будущего, и посланием, адресованным единственной сверхдержаве. Логику такого поведения хорошо описал Д. Эдельштейн: «...чем более провокационно ведут себя растущие державы в краткосрочной перспективе, тем больше вопросов возникает об их долгосрочных намерениях, что превращает неопределенность в количественно измеримый риск, на который существующие державы могут и будут реагировать. Неопределенность по поводу их намерений хорошо служит восходящим державам» [30, с. 24]. С этой точки зрения концепция стратегических возможностей, несомненно, была оправданной и обеспечила длительный период относительно бесконфликтного роста Китая.

Нынешнее руководство КНР, несмотря на заметное падение влияния США, не одержимо идеей немедленного глобального трансфера власти, но, разумеется, подходит к формулированию внешнеполитических целей и диалогу с миром иначе, с большей наступательностью, чем два десятилетия назад. Сокращение стратегических горизонтов, в рамках которых США могли бы сохранять уверенность в своих позициях, а также повышение американской чувствительности к краткосрочным угрозам приводит к нарастанию конфронтации между КНР и США. Трансформация мирового порядка и хаотизация системы международных отношений уже не позволяют точно определить продолжительность благоприятного для Китая периода. Заявляя, что страна по-прежнему находится в периоде стратегических возможностей, китайские руководители сегодня воздерживаются от указания временных рамок или определения условий, при которых эта оценка останется релевантной.

Китайский политический класс, тем не менее, по-прежнему придерживается тезиса о том, что современная обстановка в целом благоприятствует дальнейшему возвышению Китая, а накопленная в результате реформ комплексная государственная мощь способна демпфировать любые внешние удары, в том числе связанные с усилением американо-китайской конфронтации. В последнее время в качестве примера эффективности китайской

политической системы приводится успешный опыт борьбы с пандемией коронавируса.

Несмотря на то, что успехи Китая действительно ощутимы и реальны, они иногда становятся поводом для излишних обобщений и преувеличения собственных преимуществ. Тем не менее, триумфализм пока не стал преобладающей составной частью китайских представлений о себе и мире. Подход к оценке дальнейшего подъема Китая более нюансирован, он сочетает, с одной стороны, уверенность в своих позициях на глобальной сцене, постоянно усиливающуюся идеологией «китайской мечты», а с другой стороны, более осторожную и взвешенную линию поведения, настойчиво возвращающую к приоритету внутренних вопросов и внутреннего развития.

Перекося в оптике, обращенной на себя, равно как и сдвиг приоритетов в сторону идеологии, могут приводить к конфликту между трезвыми прагматичными интересами и жесткими консервативными рамками, в которых нередко приходится действовать китайским дипломатам в силу доминирующей политической повестки в КНР. Идеология может подсказывать слишком прямолинейные или, наоборот, запоздалые решения, а идеологически окрашенная «мягкая сила» будет вызывать непонимание или подозрения у зарубежных партнеров. Однако полная смена парадигмы и снятие любых самоограничений возможны лишь в том случае, если возникнет экзистенциальная и труднопреодолимая угроза существованию китайского государства в его нынешнем виде и, соответственно, идее возрождения китайской нации – идее, на основе которой партия строит свою легитимность.

Литература

1. 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 (Доклад Си Цзиньпина на Девятнадцатом Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая). – <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660.html> (дата обращения 05.08.2022). (На кит. яз.).
2. Glosny M. Heading toward a win-win future? Recent developments in China's policy toward Southeast Asia. *Asian security*. 2006;2(1):24–57. <https://doi.org/10.1080/14799850600575199>.
3. Goldstein A. China's grand strategy under Xi Jinping: Reassurance, reform, and resistance. *International Security*. 2020;45(1):164–201. https://doi.org/10.1162/isec_a_00383.
4. Schortgen F. China and the twenty-first-century silk roads: A New Era of global economic leadership? *China's Belt and Road Initiative*. Cham: Springer International Publishing; 2018. P. 17–33. https://doi.org/10.1007/978-3-319-75435-2_2
5. Лузянин С. Г., Мамонов М. В. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «Возвышения». *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2011;16(16):5–31. <https://doi.org/10.24411/9785-0324-2011-00011>.
6. Портяков В. Возвышение Китая: что дальше? – <https://globalaffairs.ru/articles/vozvyshenie-kitaya-chno-dalshe/> (дата обращения 05.08.2022).
7. Грачиков Е. Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018). *Мировая экономика и международные отношения*. 2019;63(3):83–93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93>.

8. Киреева А. А. Круглый стол по итогам XIX съезда Коммунистической партии Китая, Москва. *Сравнительная политика*. 2018;9(1):157-159.

9. Денисов И. Е. Механизм принятия внешнеполитических решений в Китае: особенности реформирования в период после XVIII съезда КПК. *Международная аналитика*. 2018;(2):28-36. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2018-0-2-28-36>.

10. Fewsmith J. The Sixteenth National Party Congress: The Succession that Didn't Happen. *The China Quarterly*. Cambridge University Press; 2003;173:1-16.

11. 江泽民. 明确提出全面建设小康社会的目标. (Цзян Цзэминь. Четко сформулировать цель всестороннего строительства общества средней зажиточности) В: 江泽民文选 第三卷. (Избранные сочинения Цзян Цзэминя. Т. 3) 北京: 人民出版社 Пекин: Жэньминь чубаньшэ; 2006. С. 413-417. (На кит. яз.).

12. 江泽民同志在中央党校省部级干部进修班毕业典礼上的讲话. (Речь товарища Цзян Цзэминя в Партийной школе при ЦК КПК на выпускной церемонии курсов переподготовки кадровых работников провинциального и министерского уровней). 人民日报 Жэньминь жибао. 01.06.2002. (На кит. яз.).

13. 全面建设小康社会, 开创中国特色社会主义事业新局面. 江泽民总书记在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告 (Всесторонне вести строительство общества средней зажиточности и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой. Доклад генерального секретаря Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая). 人民日报 Жэньминь жибао. 09.11.2002. (На кит. яз.).

14. Zeng Jinghan. *Slogan politics: Understanding Chinese foreign policy concepts*. 1st ed. Singapore: Springer; 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-6683-7>.

15. Johnson I. *The souls of China: The return of religion after Mao*. New York: Pantheon; 2017. 455 p.

16. Гончаров С. Н. Две традиции в дипломатии. *Духовная культура Китая*. Т. 4: *Историческая мысль, политическая и правовая культура*. М.: Восточная литература; 2009. С. 169-186.

17. Wang Yuan-Kang. *China's Grand Strategy and US Primacy: Is China Balancing American Power?* - <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/wang2006.pdf> (дата обращения 05.08.2022).

18. 江泽民. 营造有利战略态势, 增强国家战略能力 (Цзян Цзэминь. Создать благоприятные стратегические позиции, укрепить национальный стратегический потенциал). В: 江泽民文选 第三卷. (Избранные сочинения Цзян Цзэминя. Т. 3) 北京: 人民出版社 Пекин: Жэньминь чубаньшэ; 2006. С. 352-365. (На кит. яз.).

19. 胡锦涛在党的十七大上的报告 (全文) (Доклад Ху Цзиньтао на Семнадцатом съезде партии (Полный текст)). - <http://www.scio.gov.cn/37231/Document/1566887/1566887.htm> (дата обращения 09.08.2022). (На кит. яз.).

20. 胡锦涛十八大报告 (全文) (Доклад Ху Цзиньтао на Восемнадцатом съезде (Полный текст)). - <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceam/chn/xwtd/t1001268.htm> (дата обращения 09.08.2022). (На кит. яз.).

21. Huotari M., Gaspers J., Eder T., Legarda H., Mokry S. *China's Emergence as a Global Security Actor. Strategies for Europe*. - URL: <https://merics.org/sites/default/files/2020-04/China%27s%20Emergence%20as%20a%20Global%20Security%20Actor.pdf> (дата обращения 10.08.2022).

22. 中共中央关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议 (全文) (Решение ЦК КПК по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии (Полный текст)). - URL: http://www.gov.cn/zhengce/2021-11/16/content_5651269.htm (дата обращения 09.08.2022). (На кит. яз.).

23. 钟国安. 以习近平总书记总体国家安全观为指引 谱写国家安全新篇章 (Чжун Гоань. *Руководствуясь всеобъемлющей концепцией национальной безопасности генерального секретаря Си Цзиньпина, написать новую главу национальной безопасности*). – <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0415/c1001-29212933.html> (дата обращения 10.08.2022). (На кит. яз.).

24. 袁鹏: 中国为什么不接受美国“从实力地位出发”的对话? (Юань Пэн: *Почему Китай не принимает американский диалог “с позиции силы”?*) – URL:<https://www.chinanews.com.cn/gn/2021/10-21/9591520.shtml> (дата обращения 10.08.2022). (На кит. яз.).

25. 习近平在学习贯彻党的十九大精神研讨班开班式上发表重要讲话 (Си Цзиньпин *выступил с важной речью на открытии семинара по изучению и реализации духа 19-го съезда партии*). – http://www.gov.cn/xinwen/2018-01/05/content_5253681.htm (дата обращения 10.08.2022). (На кит. яз.).

26. Cui Liru. *China's 'Period of Historic Opportunities'*. – <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/chinas-period-of-historic-opportunities> (дата обращения 11.08.2022).

27. 习近平. 新发展阶段贯彻新发展理念必然要求构建新发展格局 (Си Цзиньпин. *Реализация новой концепции развития на новом этапе развития неизбежно требует создания новой модели развития*). – http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2022-08/31/c_1128960034.htm (дата обращения 02.09.2022). (На кит. яз.).

28. 习近平看望参加政协会议的农业界社会福利和社会保障界委员 (Си Цзиньпин *посетил представителей сельского хозяйства, социального обеспечения и социальной защиты, участвующих в работе сессии ВК НПККК*). http://www.gov.cn/xinwen/2022-03/06/content_5677564.htm (дата обращения 10.08.2022). (На кит. яз.).

29. *Report of the Quadrennial Defense Review*. – <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR1997.pdf> (дата обращения 10.08.2022).

30. Edelstein D. *Over the horizon: Time, uncertainty, and the rise of great powers*. Ithaca – New York: Cornell University Press; 2017. 220 с.

Информация об авторах

Ссылки на авторов

Адамова Дарья Львовна – преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, © daradamova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2250-8457>.

Денисов Игорь Евгеньевич – старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, © iedenisov@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-5447-1164>.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена рецензентами 18.10.2022; принята к публикации 22.10.2022; опубликована 20.12.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. *Xi Jinping's report at the 19th National Congress of the Communist Party of China*. Available from: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660.html> (accessed: 05.08.2022). (In Chinese).

2. Glosny M. Heading toward a win-win future? Recent developments in China's policy toward Southeast Asia. *Asian security*. 2006;2(1):24–57. <https://doi.org/10.1080/14799850600575199>.

3. Goldstein A. China's grand strategy under Xi Jinping: Reassurance, reform, and resistance. *International Security*. 2020;45(1):164–201. https://doi.org/10.1162/isec_a_00383.

4. Schortgen F. China and the twenty-first-century silk roads: A New Era of global economic leadership? *China's Belt and Road Initiative*. Cham: Springer International Publishing; 2018, pp. 17–33. https://doi.org/10.1007/978-3-319-75435-2_2

5. Luzyanin S. G., Mamonov M. V. China in Global and Regional Dimensions. Resources and Routes of the Rise. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*. 2011;16(16):5–31. <https://doi.org/10.24411/9785-0324-2011-00011> (In Russ.).

6. Portiakov V. The Rise of China: What's Next? Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/vozvyschenie-kitaya-cto-dalshe/> (accessed: 05.08.2022). (In Russ.).

7. Grachikov E. N. Chinese Partnership Strategy: Practice and its Conceptualisation (1993–2018). *World Economy and International Relations*. 2019;63(3):83–93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93> (In Russ.).

8. Kireeva A. A. Round table on the results of the XIX Congress of the Communist Party of China, Moscow. *Comparative Politics*. 2018;9(1):157–159. (In Russ.).

9. Denisov I. E. Foreign Policy Decision-Making in China: Key Features of the Reforms since the 18th National Congress of the CPC. *Journal of International Analytics*. 2018;(2):28–36. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2018-0-2-28-36> (In Russ.).

10. Fewsmith J. The Sixteenth National Party Congress: The Succession that Didn't Happen. *The China Quarterly*. Cambridge University Press; 2003;173:1–16.

11. Jiāng Zémín. Míngquè tíchū quánmiàn jiànshè xiǎokāng shèhuì de mùbiāo (Clearly put forward the goal of building a moderately prosperous society in all aspects). *Jiāng Zémín wénxuǎn Dì sān juàn*. Běijīng: Rénmín chūbǎnshè; 2006, pp. 413–417. (In Chinese).

12. Jiāng Zémín tóngzhì zài zhōngyāng dǎngxiào shèngbù jí gānbù jìnxiū bān biè yè diǎnlǐ shàng de jiǎnghuà (Comrade Jiang Zemin's speech at the graduation ceremony of the training course for provincial and ministerial-level cadres at the Central Party School). *Rénmín rìbào*. 01.06.2002. (In Chinese).

13. Quánmiàn jiànshè xiǎokāng shèhuì, kāichuàng zhōngguó tèsè shèhuìzhǔyì shìyè xīn júmiàn . Jiāng Zémín zǒngshūjì zài zhōngguó gòngcǎnhǎndǎng dì shíliù cì quánguó dàibǎo dàhuì shàng de bàogào (Build a Moderately Prosperous Society in an All-Round Way and Create a New Situation in Building Socialism with Chinese Characteristics. General secretary Jiang Zemin's report at the 16th National Congress of the Communist Party of China). *Rénmín rìbào*. 09.11.2002. (In Chinese).

14. Zeng Jinghan. *Slogan politics: Understanding Chinese foreign policy concepts*. 1st ed. Singapore: Springer; 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-6683-7>.

15. Johnson I. *The souls of China: The return of religion after Mao*. New York: Pantheon; 2017. 455 p.

16. Goncharov S. N. Two Traditions in Diplomacy. *Duhovnaja kul'tura Kitaja*. T. 4: *Istoricheskaja mysl', politicheskaja i pravovaja kul'tura (Spiritual culture of China. Vol. 4: Historical thought, political and legal culture)*. Moscow: Vostochnaja literatura; 2009, pp. 169–186. (In Russ.).

17. Wang Yuan-Kang. *China's Grand Strategy and US Primacy: Is China Balancing American Power?* Available from: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/wang2006.pdf> (accessed: 05.08.2022).

18. Jiāng Zémín. Yíngzào yǒulì zhànlüè tàishì zēngqiáng guójiā zhànlüè nénglì (Jiang Zemin. Creating a favorable strategic posture and enhancing national strategic capability). *Jiāng Zémín wénxuǎn Dì sān juàn*. Běijīng: Rénmín chūbǎnshè; 2006, pp. 352–365. (In Chinese).

19. Hú Jìntāo zài dǎng de shíqī dà shǎng de bàogào (quánwén) (*Hu Jintao's report at the 17th Party Congress (full text)*). Available from: <http://www.scio.gov.cn/37231/Document/1566887/1566887.htm> (accessed: 09.08.2022). (In Chinese).

20. Hú Jìntāo shíbā dà bàogào (quánwén) (*Hu Jintao's report on the 18th National Congress (full text)*). Available from: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceam/chn/xwdt/t1001268.htm> (accessed: 09.08.2022). (In Chinese).

21. Huotari M., Gaspers J., Eder T., Legarda H., Mokry S. *China's Emergence as a Global Security Actor. Strategies for Europe*. Available from: <https://merics.org/sites/default/files/2020-04/China%27s%20Emergence%20as%20a%20Global%20Security%20Actor.pdf> (accessed: 10.08.2022).

22. Zhōnggòng zhōngyāng guānyú dǎng de bǎinián fèndǒu zhòngdà chéngjiù hé lǐshǐ jīngyàn de juéyì (quánwén) (*Resolution of the CPC Central Committee on the Major Achievements and Historical Experience of the Party over the Past Century (full text)*). Available from: http://www.gov.cn/zhengce/2021-11/16/content_5651269.htm (accessed: 09.08.2022). (In Chinese).

23. Zhōng Guóān. Yǐ Xí Jìnpíng zǒngshūjì zǒngtǐ guójiā ānquán guān wéi zhǐyǐn pǔxiě guójiā ānquán xīn piānzhāng (*Zhong Guoan. Guided by General Secretary Xi Jinping's comprehensive national security concept to write a new chapter of national security*). Available from: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0415/c1001-29212933.html> (accessed: 10.08.2022). (In Chinese).

24. Yuán Pēng. Zhōngguó wéishénme bù jiēshòu měiguó "cóng shíli dìwèi chūfā" de duìhuà? (Yuan Peng. *Why doesn't China accept the U.S. dialogue "from a position of strength"?*). Available from: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2021/10-21/9591520.shtml> (accessed: 10.08.2022). (In Chinese).

25. Xí Jìnpíng zài xuéxí guānchè dǎng de shíjiǔ dà jīngshén yántǎobān kāibānshì shàng fābiǎo zhòngyào jiǎnghuà (*Xi Jinping delivered an important speech at the opening ceremony of the seminar on studying and implementing the spirit of the 19th Party Congress*). Available from: http://www.gov.cn/xinwen/2018-01/05/content_5253681.htm (accessed: 10.08.2022). (In Chinese).

26. Cui Liru. China's 'Period of Historic Opportunities'. Available from: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/chinas-period-of-historic-opportunities> (accessed: 11.08.2022).

27. Xí Jìnpíng. Xīn fāzhǎn jiēduàn guānchè xīn fāzhǎn lǐniàn bìrán yàoqiú gòujiàn xīn fāzhǎn géjú (*Xi Jinping. The implementation of the new development concept in the new development stage will inevitably require the construction of a new development pattern*). Available from: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2022-08/31/c_1128960034.htm (accessed: 02.09.2022). (In Chinese).

28. Xí Jìnpíng kànwàng cānjiā zhèngxié huìyì de nóngyè jiè shèhuì fúli hé shèhuì bǎozhàng jiè wěiyuán (*Xi Jinping visits members of the the agriculture sector , social welfare and social security sector who attended the CPPCC meeting*). Available from: http://www.gov.cn/xinwen/2022-03/06/content_5677564.htm (accessed: 10.08.2022). (In Chinese).

29. *Report of the Quadrennial Defense Review*. Available from: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR1997.pdf> (accessed: 10.08.2022).

30. Edelstein D. *Over the horizon: Time, uncertainty, and the rise of great powers*. Ithaca – New York: Cornell University Press; 2017. 220 p.

Information about the authors

Daria L. Adamova – Lecturer, Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Lao languages, MGIMO University, Moscow, Russia, daradamova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2250-8457>.

Igor E. Denisov – Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, iedenisov@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-5447-1164>.

Author's Links

Authors' Contributions

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

The article was submitted 23.09.2022; approved after peer reviewing 18.10.2022; accepted for publication 22.10.2022; published 20.12.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

General history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья
УДК 94(510)+37:63
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-857-866>

Исторические науки

Развитие образования в сельских регионах Китая как важный фактор социально-экономического развития в период 14-й пятилетки

Гулева Мария Александровна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
guleva.m@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9226-6011>

Аннотация. На фоне масштабных реформ в развитии образования в XXI в. в преддверии принятия нового 14-го пятилетнего плана национально-экономического и социального развития КНР (далее – «14-я пятилетка») снова можно все больше услышать о планах развития образования в сельских регионах Китая. Однако речь идет уже не только об обеспечении качественного базового обучения, но и о развитии других сегментов образования как важнейшей составляющей дальнейшего экономического роста страны. В настоящий момент власти более комплексно подходят к решению вопросов развития сельских регионов страны, поэтому в повестку включаются наиболее актуальные в этом отношении вопросы: обеспечение качественного уровня образования, подготовка кадров на селе, создание условий для повышения квалификации лиц, занятых в сельском хозяйстве, а также связанные с социальными особенностями развития регионов вопросы создания благоприятных условий для жизни, труда и соцобеспечения пожилого населения, численность которого с каждым годом растёт. Подобный комплексный подход к решению задач социально-экономического развития сельских регионов станет одним из важнейших пунктов в реализации нового пятилетнего плана.

Ключевые слова: Китай, 14-я пятилетка, образование, сельское хозяйство, повышение квалификации, цифровизация, пожилое население, старение населения

Для цитирования: Гулева М. А. Развитие образования в сельских регионах Китая как важный фактор социально-экономического развития в период 14-й пятилетки. *Ориенталистика*. 2022;5(4):857–866. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-857-866>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Education development in rural China as an important factor for socio-economic development in the 14th Five-Year Plan period

Maria A. Guleva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
guleva.m@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9226-6011>

Abstract. Against the backdrop of major reforms in education development in the 21st century, in the run-up to the adoption of China's new 14th Five-Year National Economic and Social Development Plan (*the 14th Five-Year Plan*), plans for education development in rural China have been announced again and again. However, it is no longer just a question of ensuring quality basic education, but also of developing other segments of education as an essential component of the country's continued economic growth. The authorities are now taking a more comprehensive approach to the development of the country's rural areas, so the most pressing issues in this regard are included in the agenda: ensuring the quality of education, training personnel in rural areas, creating conditions for improving the skills of those employed in agriculture, as well as issues related to the social features of regional development, creating favorable living, working and social security conditions for the elderly, whose numbers are increasing every year. Such a comprehensive approach to solving the problems of socio-economic development of rural regions will be one of the most important points in the implementation of the new five-year plan.

Keywords: China, 14th Five-Year Plan, education, agriculture, skills development, digitalization, elderly population, aging population

For citation: Maria A. Guleva. Education development in rural China as an important factor for socio-economic development in the 14th Five-Year Plan period. *Orientalistica*. 2022;5(4):857-866. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-857-866>.

Введение

Вопросы развития образования в сельских регионах страны уже не первое десятилетие стоят в центре внимания китайских властей. С начала 2000-х гг., когда в ходе реализации реформ и открытости удалось достичь ощутимых результатов в социально-экономическом развитии страны, обеспечение доступа к образованию как городских, так и сельских жителей стало одной из важнейших задач для властей.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Китаю удалось достичь внушительных результатов в таких важнейших показателях, как снижение уровня неграмотности (до 2,67%), обязательное девятилетнее образование (95,4%), стремительное развитие сектора высшего образования (охват 51,6%)¹. В последние годы на фоне уже объявленных успехов правительство стало также уделять все больше внимания тем отраслям образования, которые длительное время оставались в тени реформ. Это и сегмент дошкольного обучения, среднее и высшее профессиональное образование, а также обучение для взрослых и пожилых людей. Тем самым все более четко стала прослеживаться тенденция к обучению на протяжении всей жизни, которое не должно ограничиваться лишь образовательным процессом в рамках базовых образовательных учреждений.

При подготовке нового плана экономического развития власти снова все чаще стали говорить о планах развития образования в сельских регионах Китая.

Так, в феврале 2022 г. Госсовет КНР издал «Циркуляр о содействии модернизации сельского хозяйства и деревни в рамках 14-го пятилетнего плана» (далее – «Циркуляр»), включающий предложения по развитию сельского образования, подготовке кадров и пенсионному обеспечению.

Базовое образование

В Циркуляре говорится о необходимости сохранения небольших сельских школ, а также о значении строительства более крупных общеобразовательных и средних профессиональных учебных заведений в уездных городах.

Это весьма примечательно, поскольку с начала 2000-х гг. в Китае проводилась политика «Закрытия и слияния школ», целью которой была оптимизация имеющихся образовательных ресурсов, закрытие малоэффективных учебных заведений в отдаленных регионах и создание более крупных уездных учебных центров. Однако данные меры не принесли планируемых результатов, так как закрытие школ опережало создание новых центров и не соотносилось с демографическими изменениями. Например, численность учеников деревенских начальных школ сократилась с 85 млн в 2000 г. до 24,5 млн в 2020 г., а количество начальных школ – с 440 тыс. до 157 тыс., то есть сокращалось значительно более быстрыми темпами, и в итоге жители небольших деревень и поселков вынуждены были проделывать большие расстояния, чтобы попасть на учебу, что значительно осложнило доступ к образованию в этих регионах [1].

В новом Циркуляре говорится о важности развития дошкольного образования в регионах и строительстве общедоступных детских садов, сохранении имеющихся на местах обычных школ и школ-интернатов и совершенствовании образовательной инфраструктуры. Кроме того, к 2025 г. в сельских общеобразовательных школах планируется увеличить долю штатных учителей со степенью бакалавра и выше с 60,4% до 62%².

¹ 2021年全国教育事业统计主要结果. http://www.gov.cn/shuju/2022-03/01/content_5676225.htm (дата обращения: 21.08.2022). (На кит. яз.).

² 国务院关于印发“十四五”推进农业农村现代化规划的通知. http://www.gov.cn/zhengce/content/2022-02/11/content_5673082.htm (дата обращения: 21.08.2022). (На кит. яз.).

Несмотря на достигнутые за годы реформ результаты, в развитии образования в городе и на селе до сих пор остается немало дисбалансов, и вопросы неравных возможностей в доступе к образованию, нехватки образовательных ресурсов и более низкого качества обучения в деревнях до сих пор остаются актуальными и требуют дальнейшего разрешения [2].

Образование для взрослого населения

Помимо необходимости дальнейшего развития общеобразовательных школ на селе, планируется создание целостной системы образования для взрослых, включающей краткосрочное обучение, профессиональную подготовку и академическое образование.

Министерство сельского хозяйства издало «Национальный план развития науки и технологий в сфере сельхозпроизводства на 14-ю пятилетку» (далее – «План»), цель которого – увеличение к 2025 г. вклада сельскохозяйственной науки и техники в общий прогресс государства до 64% [2].

Регионам необходимы предприниматели в сфере сельхозпроизводства, и для их подготовки планируется углублять реформу сельскохозяйственного профессионального образования и расширять набор фермеров в средние и высшие сельскохозяйственные профессиональные учебные заведения. Это позволит наладить процесс подготовки кадров и вывести сельхозпроизводство на качественно новый уровень [3].

В Плате отмечается необходимость постепенного совершенствования модели подготовки высококвалифицированных фермеров через каналы краткосрочного обучения, профессионального и академического образования, а также популяризации науки. Планируется ввести в эксплуатацию около сотни учебных заведений для подготовки более пяти млн квалифицированных специалистов в сельских регионах. В уездных городах и поселках в соответствии с региональными отраслевыми потребностями будут открыты средние профессиональные учебные заведения, позволяющие местным жителям проходить необходимое обучение и повышение квалификации по естественным и сельскохозяйственным специальностям. При этом важно наладить в подобных учебных заведениях обмен кадрами и управленческим персоналом, стимулировать молодых специалистов-педагогов отправляться на работу в регионы. Для этого в период новой пятилетки планируется усилить подготовку сельских учителей, содействовать обмену директоров и учителей общеобразовательных школ в пределах уездов, поддерживать создание городских и сельских школьных сообществ.

Реализация проектов по научным исследованиям в области сельского хозяйства должна способствовать популяризации науки, созданию исследовательских баз и наращиванию публикационной деятельности в отдаленных регионах страны. В подобных центрах должны создаваться профессиональные команды специалистов по популяризации сельскохозяйственной науки, а также демонстрации новейших достижений в развитии отрасли.

Повышение квалификации должно проходить на всех этапах и уровнях сельскохозяйственных и промышленных цепочек. Целью подобного обучения станет не только качественная подготовка специалистов на местах, но

и усиление управленческого звена, расширение онлайн-образования и популяризация образования на протяжении всей жизни.

В то же время важно содействовать профессиональным колледжам в увеличении количества специальностей, связанных с сельским хозяйством, расширять набор фермеров-стажеров, принимать такие меры, как освобождение от платы за обучение, предоставление гибких программ обучения и стажировок в близлежащих районах [4].

После двух лет пандемии коронавируса, когда значительная часть населения была ограничена в своей мобильности, стали очевидны проблемы и вызовы, связанные с распространением Интернета и возможностями онлайн-обучения в отдаленных регионах страны. Сегодня власти заявляют о важности ускорения развития онлайн-образования в сельских районах, для чего потребуются улучшить соответствующую инфраструктуру, повысить уровень покрытия Интернетом (сегодня этот показатель составляет 57,6%) и способствовать использованию различных онлайн-ресурсов для обучения всех категорий граждан³.

Образование и помощь пожилым людям

В мае 2021 г. были опубликованы результаты седьмой национальной переписи, согласно которым население страны составило 1,41 млрд чел., из них 264 млн в возрасте 60 лет и старше и 190 млн (или 13,5%) – в возрасте 65 лет и старше⁴. Это означает, что Китай уже сейчас стоит на пороге умеренного старения общества, и дальше этот процесс будет только набирать обороты.

В связи с нарастающим процессом старения населения в Китае власти уделяют все больше внимания вопросам ухода за пожилыми людьми и обеспечения им качественного уровня жизни. В связи с распространением новых технологий и связанными с этим новыми вызовами, официальные документы говорят о значении помощи пожилым людям в адаптации к новым условиям и создания комфортной жизни независимо от места проживания.

Планируется повысить уровень охвата многопрофильными учреждениями по обслуживанию пожилых людей с 54% до 60%. В новых многопрофильных центрах по уходу и помощи пенсионерам будут проводиться не только консультации по состоянию здоровья и решению жилищных и пенсионных вопросов, но и организация досуга и образования. За период новой пятилетки доля потребительских расходов сельских жителей на образование, культуру и досуг должны будут увеличиться с 9,5% до 11,5% [5].

Вопрос обеспечения условий для образования пожилых людей вставал уже в период прошедшей 13-й пятилетки, однако к более активным действиям власти стали приходить с 2020 г., когда опубликовали несколько документов о планах развития образования именно для населения старше 60 лет. В ближайшие годы в стране будут активно проводиться мероприятия, посвященные обучению на протяжении всей жизни, создаваться система

³ 我国网民规模达10.32亿. http://www.gov.cn/xinwen/2022-02/25/content_5675643.htm (дата обращения: 21.08.2022). (На кит. яз.).

⁴ 第七次全国人口普查主要数据情况. http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817176.html (дата обращения: 21.08.2022). (На кит. яз.).

открытых оффлайн и онлайн университетов для пожилых людей, будет осуществляться поддержка учреждений в налаживании работы служб помощи пенсионерам и поощрение участия различных общественных организаций в подобной деятельности.⁵

Распространение новых технологий в сельских регионах

Управление по вопросам киберпространства ЦК КПК, Министерство сельского хозяйства и сельских дел, Национальный комитет реформ и развития, Министерство промышленности и информатизации КНР и Национальное бюро возрождения сельских районов совместно выпустили «Основные положения развития цифровой сельской местности в 2022 г.» (далее «Положения»), где изложены 30 основополагающих задач в 10 различных областях.⁶

В частности, там отмечается, что обучение навыкам использования мобильных телефонов для лиц, занятых в сельском хозяйстве, должно проводиться на регулярной основе, также необходимо организовать занятия по Интернет-безопасности, повышению уровня цифровой грамотности и осведомленности сельского населения о защите личных данных. Кроме того, важно по-прежнему направлять в сельские районы партийных представителей и специалистов для обучения информационным технологиям и подготовки членов партии на местах.

Развитие цифровой экономики в сельской местности неуклонно растет вместе с информатизацией сельхозпроизводства, а розничная торговля сельскохозяйственной продукцией в Интернете достигла отметки в 430 млрд юаней. Система цифрового управления в деревнях непрерывно совершенствуется, что требует развития соответствующих навыков у местных жителей, только так можно будет достичь новых результатов в развитии отрасли.

В «Положениях» упоминается важность развития сети Интернет вместе с системой образования. Для этого необходимо ускорить создание новой инфраструктуры для образовательных учебных заведений, совершенствовать строительство начальных и средних сельских школ, повышать пропускную способность сети Интернет и качество технического обслуживания в начальных и средних школах. Спутниковое телевидение и широкополосные сети должны активнее использоваться для предоставления качественных образовательных ресурсов в более слабые сельские школы и учебные центры.⁷

Власти планируют еще активнее содействовать цифровому сотрудничеству между Востоком и Западом страны, расширять возможности и доступ к национальной образовательной платформе для начальных и средних школ,

⁵ 教育部办公厅关于广泛开展老年人运用智能技术教育培训的通知. http://www.moe.gov.cn/srcsite/A07/zcs_cxsh/202107/t20210728_547422.html (дата обращения: 21.08.2022). (На кит. яз.).

⁶ 中共中央 国务院关于加强新时代老龄工作的意见. <http://wsjkw.hebei.gov.cn/html/zwyw/20211125/384169.html> (дата обращения: 21.08.2022). (На кит. яз.).

⁷ 2022年数字乡村发展工作要点. http://www.cac.gov.cn/2022-04/20/c_1652064650228287.htm (дата обращения: 21.08.2022). (На кит. яз.).

повышать цифровую грамотность как учителей, так и учащихся в сельской местности. При этом отдельно подчеркивается важность дальнейших исследований и разработки цифровых ресурсов для изучения и сохранения национальных этнических языков.

Новые цифровые технологии играют основополагающую роль в будущем развитии сельскохозяйственной отрасли, поэтому подготовка высококачественных специалистов в деревнях остается одной из важнейших задач. Это позволит усилить информационный мониторинг сельхозпроизводства, цифрового надзора в сфере закупок, продажи и поставок продукции. Создание системы мониторинга и раннего предупреждения позволит усилить регулирование и защиту от чрезвычайных ситуаций, создать «единую карту» сельскохозяйственных земель по всей стране. Использование спутниковых снимков и информационных технологий позволит усилить мониторинг «несельскохозяйственной» и «непродовольственной» динамики пахотных земель и постоянных основных сельскохозяйственных угодий по всей стране.

Цифровые технологии оказывают мощную поддержку сельскому хозяйству и еще больше способствуют окончательному искоренению бедности. Строительство цифровой инфраструктуры в сельской местности будет активно продолжаться в период новой пятилетки, сети 5G в некоторых ключевых административных центрах должны достигнуть такого же уровня охвата, как в крупных городах.

Новые технологии активно развиваются и на благо пожилого населения страны, в том числе в сельских районах. На рынке онлайн-образования появляются все новые специальные программы и продукты для обучения лиц, занятых в сельском хозяйстве [6]. Так, например, созданная в 2017 г. онлайн-платформа для профессиональных фермеров Tiantian Xuenong уже сегодня насчитывает более 200 курсов, включающих обучение сельскохозяйственным технологиям, занятия по сертификации сельскохозяйственной продукции, посадке растений, коммуникации с другими регионами и др. Компания сотрудничает более чем с 1500 экспертами, ведущими занятия и помогающими в создании курсов. Трансляции видеозаписей платформы уже были запущены более 1 млрд раз, а охват превышает 5 млн фермеров из более чем 200 городов и населенных пунктов. Привлеченные недавно инвестиции будут направлены на обогащение линейки продуктов, от существующего сектора сельского хозяйства до лесного хозяйства, животноводства и рыболовства и др.⁸

Вышеназванный пример говорит о существующем спросе на рынке подготовки и повышения квалификации среди жителей сельских районов. Создание подобных платформ в сотрудничестве с научно-исследовательскими институтами и университетами будет способствовать продвижению «новой сельскохозяйственной науки», интеграции промышленности, сельского хозяйства, образования и новых технологий, а также позволит готовить высококвалифицированные сельскохозяйственные кадры.

⁸ 农民职业教育平台天天学农宣布完成C轮融资,将继续丰富在线培训课程. URL: https://www.jiemodui.com/N/130219.html?from=A_130978 (дата обращения: 21.08.2022). (На кит. яз.).

Вместо заключения

В декабре 2021 г. Министерство образования провело совещание по расширению достижений образования в борьбе с бедностью и возрождении сельских районов. На заседании отмечалась важность объединения достижений в области образования с развитием сельского хозяйства, что в свою очередь способствует искоренению бедности и возрождению села⁹.

Дальнейшее развитие и совершенствование работы системы обязательного образования, ее интеграция с инициативами по развитию отрасли сельского хозяйства, привлечение фермеров к процессу обучения и ориентация обучения на нужды и спрос, имеющиеся на рынке – все это было названо важнейшими направлениями работы в период нового пятилетнего плана. Предстоит активно развивать не только базовое, но и профессиональное и высшее образование в сельских районах, создавать инновационные программы обучения для воспитания квалифицированного научно-технического персонала.

Кроме того, сельские учебные заведения должны будут стать центрами не только образования, но также культуры и помощи для пожилого населения. Обеспечение комфортных условий и помощи сельским пенсионерам будет способствовать более устойчивому социально-экономическому развитию страны. В свою очередь процессы информатизации и цифровизации образования на всех этапах обучения и дальше будут непременно играть ключевую роль в реализации стратегии возрождения села и достижении цели всеобщего процветания.

Литература

1. *Статистический ежегодник Китая 2021* (中国统计年鉴 2021). URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/> (дата обращения: 21.08.2022). (На кит. яз.).

2. *Отчет о развитии сельского образования в Китае* (中国农村教育发展报告2010–2020). Пекин: Изд-во Кэсюэ Чубаньшэ; 2021. (На кит. яз.).

3. *Новая дискуссия о развитии профессионального образования в сельской местности* (农村职业教育发展新论). Пекин: Изд-во Чжиши Чаньцюань Чубань шэ; 2019. (На кит. яз.).

4. *Образование для взрослых* (成人教育学). Пекин: Изд-во Хайся Чубань Фасин Цзитуань; 2020. (На кит. яз.).

5. *План развития национальной сельскохозяйственной и сельской науки и техники в период 14-й пятилетки* (“十四五”全国农业农村科技发展规划). <http://www.moa.gov.cn/govpublic/KJJYS/202112/P020220106615353271383.pdf> (дата обращения: 21.08.2022). (На кит. яз.).

6. *Руководства по экспериментальной деятельности в рамках специальности «Сельское хозяйство»* (农学专业实验指导普通高等十四五规划教材). Пекин: Изд-во Чжунго Нунъе Дасюэ Чубаньшэ; 2021. (На кит. яз.).

⁹ 教育部召开乡村振兴工作领导小组会议暨巩固拓展教育脱贫攻坚成果同乡村振兴有效衔接工作推进会. http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/moe_1485/202112/t20211223_589795.html (дата обращения: 21.08.2022). (На кит. яз.).

Информация об авторе

Гулева Мария Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры медиалингвистики факультета журналистики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
© guleva.m@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9226-6011>

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена рецензентами 29.09.2022; принята к публикации 01.10.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. *China Statistical Yearbook* (中国统计年鉴 2021). Available from: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/j/> (accessed: 21.08.2022). (In Chinese).
2. *China Rural Education Development Report* (中国农村教育发展报告 2010–2020). Běijīng: Science Press; 2021. (In Chinese).
3. *A New Discussion on the Development of Vocational Education in Rural Areas* (农村职业教育发展新论). Běijīng: Intellectual Property Press; 2019. (In Chinese).
4. *Adult Education* (成人教育学). Běijīng: Haixia Publishing Group; 2020. (In Chinese).
5. *The 14th Five-Year Plan for National Agricultural and Rural Science and Technology Development* (“十四五”全国农业农村科技发展规划). Available from: <http://www.moa.gov.cn/govpublic/KJJYS/202112/P020220106615353271383.pdf> (accessed: 21.08.2022). (In Chinese).
6. *The 14th Five-Year Plan Textbook for the Experiment Guidance of the Specialty in Agriculture* (农学专业实验指导普通高等十四五规划教材). Běijīng: China Agricultural University Press; 2021. (In Chinese).

Information about the author

Maria A. Guleva – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Media Linguistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, © guleva.m@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9226-6011>

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 22.08.2022; Approved after peer reviewing 29.09.2022; Accepted for publication 01.10.2022; Published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья
УДК 94:338(510)"1949/2022"
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-867-881>

Исторические науки

О политике привлечения интеллектуальных ресурсов китайской диаспоры в КНР

Алина Владиславовна Афонасьева

ИКСА РАН, Москва, Россия,

alina-afonasyeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3573-287X>

Аннотация. В статье рассмотрен опыт Китая в привлечении талантов из-за рубежа. Цель работы – ответить на вопрос, как КНР удалось обеспечить наполнение программ для зарубежных специалистов преимущественно квалифицированными китайскими эмигрантами (*хуацяо*) и этническими китайцами с иностранным гражданством (*хуажэнь*). В статье дана историческая справка о работе руководства КНР с зарубежными китайскими специалистами в 1949–1977 гг. и проанализирована нормативно-правовая база политики привлечения зарубежных талантов в годы реформ и открытости (с 1978 г. по настоящее время). Автор делает вывод, что нормативно-правовая база политики привлечения зарубежных кадров изначально создана с учетом приоритета *хуацяо* и *хуажэнь* перед иностранными специалистами аналогичной квалификации. Программы по привлечению в КНР китайских выпускников зарубежных вузов фактически ориентированы на *хуацяо*.

Ключевые слова: КНР, привлечение зарубежных талантов, китайские эмигранты (*хуацяо*), этнические китайцы с иностранным гражданством (*хуажэнь*)

Благодарность: Автор выражает благодарность кандидату филологических наук Александру Георгиевичу Ларину за рекомендации, которые помогли улучшить текст статьи.

Для цитирования: Афонасьева А. В. О политике привлечения интеллектуальных ресурсов китайской диаспоры в КНР. *Ориенталистика*. 2022;5(4):867–881. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-867-881>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

On the Policy of Attracting the Intellectual Resources of the Chinese Diaspora to the PRC

Alina V. Afonaseva

ICCA RAS, Moscow, Russia,

alina-afonaseva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3573-287X>

Abstract. The article analyzes the Chinese experience in attracting talented people from abroad. The author focuses on the question of how the foreign specialists' programs enabled the People's Republic of China (PRC) to attract back mainly Chinese emigrants (华侨 *huaqiao*) as well as ethnic Chinese who held foreign passports (华人 *huaren*) rather than foreign nationals. The article offers historical background for the work of the PRC leaders who dealt with foreign Chinese specialists between 1949–1977. It also deals with the regulatory framework of the policy of attracting talented foreigners during the years of reform and opening up (from 1978 until the present). The author concludes: the legal framework, which underlied the policy of attracting talented people from abroad, in the first instance was oriented on *huaqiao* and *huaren* as opposed to foreign specialists of similar qualifications. Programs of attracting Chinese graduates of foreign universities to the PRC are also focused on *huaqiao*.

Keywords: The PRC; foreigners, talented, attraction of; Chinese emigrants (*huaqiao*); ethnic Chinese with foreign citizenship (*huaren*)

Acknowledgements: The author is grateful to Alexander Georgievich Larin, Cand. Sci. (Philol.), for his recommendations, which helped to improve the text of the article.

For citation: Afonaseva A. V. On the Policy of Attracting the Intellectual Resources of the Chinese Diaspora to the PRC. *Orientalistica*. 2022;5(4):867–881. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-867-881>.

Введение

Задача восполнения дефицита квалифицированных трудовых ресурсов за счет талантов из-за рубежа занимает одно из ключевых мест в политике современного Китая. Острая нехватка кадров возникла еще в годы «культурной революции (1966–1976 гг.)» в результате репрессий в отношении китайской интеллигенции, и усилилась с 1978 г. после объявления Дэн Сяопином о политике реформ и открытости и курсе на подготовку специалистов за рубежом [1, с. 23], когда у талантливой китайской молодежи появилась возможность выезжать на учебу за границу.

Практически одновременно с объявлением курса на подготовку кадров в зарубежных вузах правительство КНР поставило задачу разработать комплекс мер по привлечению (возвращению) специалистов

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

с зарубежными дипломами в КНР. И уже в 1985 г. была запущена первая программа, направленная на выборочную материальную поддержку научно-технических проектов обучавшихся за рубежом специалистов [2, с. 9].

В настоящее время в КНР насчитывается более десяти программ по привлечению специалистов из-за рубежа, инициированных центральными властями и более 60 программ регионального уровня. Большая часть программ была запущена в 1990–2000-е гг. За их организацию отвечают Министерство образования, Министерство науки и техники, Министерство человеческих ресурсов и социального страхования, Академия наук Китая и Китайская ассоциация по науке и технике. Наиболее популярной и крупной программой стала, запущенная ЦК КПК в 2008 г. государственная «Программа 1000 талантов». В конце 2017 г. на общегосударственном уровне программа была завершена, однако, в отдельных провинциях и городах центрального подчинения она продолжается до сих пор. За 2008–2017 гг. по ней было привлечено 7018 высококвалифицированных специалистов из-за рубежа, причем, более 94% привлеченных талантов – это зарубежные китайцы (китайские эмигранты и этнические китайцы с иностранным гражданством, по китайский: *хуацяо-хуажэнь*) [3, с. 3].

Столь высокая доля представителей китайской диаспоры среди стипендиатов «Программы 1000 талантов» ставит вопрос о том, как именно китайскому руководству удалось добиться такого результата по данной программе. Поскольку условия самой «Программы 1000 талантов», как и других подобных программ, не дают каких-либо предпочтений *хуацяо-хуажэнь*, автор полагает, что ответ на данный вопрос лежит в плоскости нормативно-правовой базы китайской политики привлечения специалистов из-за рубежа. Изучение этой базы является актуальным для российского и зарубежного китаеведения, так как позволит раскрыть одно из важнейших составляющих успеха современного Китая в экономической и научно-технической сферах – работу по развитию кадрового потенциала.

Исторические предпосылки

Сотрудничество КНР с ведущими зарубежными китайскими учеными началось еще при Мао Цзэдуне во второй половине «культурной революции» (1966–1976), после прекращения преследований реэмигрантов и родственников эмигрантов в КНР, и с началом восстановления связей между КНР и США в начале 1970-х гг.

В США по состоянию на 1970 г. работало 48 тыс. китайских специалистов высшей квалификации, абсолютное большинство из них было занято в области точных и естественных наук. В начале 1970-х гг. не без содействия американских властей КНР посетили с визитом известные американские физики-лауреаты Нобелевской премии китайского происхождения – Ли Чжэньдао и Ян Чжэньнин. Оба они были приняты на высшем уровне, и с 1971 г. ежегодно приезжали в КНР на преподавательскую работу и для проведения совместных исследований с китайскими учеными в Пекине и Шанхае. В КНР приезжали делегации и группы ученых и инженеров китайского происхождения из США, в частности делегация инженерных и научных сообществ во главе с Цзэн Аньшэном, группа ученых во главе с Жэнь Чжигуном, группа китайских научных работников штата Калифорния во главе с Юй

Юаньчжэнем. В 1973 г. КНР посетило в общей сложности 65 американских ученых китайского происхождения, а уже при Дэн Сяопине в 1978 г. КНР посетило 400 ученых [4, с. 231–252]. Нельзя не согласиться с мнением советского ученого-китаеведа Т. М. Котовой, о том, что американские ученые китайского происхождения в то время фактически стали источником получения научно-технической информации для Китая, и Пекин был заинтересован в том, чтобы они на постоянной основе работали в США и периодически приезжали в КНР [4, с. 251–252].

Активная деятельность в области привлечения иностранных ученых китайского происхождения, начатая в 1970-х гг., поставила вопрос о проведении конкретной политики в данной сфере, максимально эффективной для КНР, с одной стороны, и не компрометирующей зарубежных китайских ученых и специалистов в странах пребывания, с другой стороны.

Создание нормативно-правовой базы

В годы правления Дэн Сяопина (1977–1992) ЦК КПК и Госсовет КНР приступили к разработке политики привлечения иностранных интеллектуальных ресурсов в КНР в целях экономического развития страны. В августе 1983 г. было принято «Постановление о привлечении зарубежных интеллектуальных ресурсов для содействия строительству четырех модернизаций» [5]. Документ отмечал необходимость наряду с привлечением иностранных инвестиций и передовых технологий, активно приглашать зарубежные таланты, особенно находящиеся за рубежом китайских эмигрантов и их потомков (*хуацяо-хуаи*). Данная мера должна была существенно сократить время на поиск направлений экономического развития и на преодоление технологического отставания КНР от развитых стран.

Фокус на специалистах *хуацяо-хуаи* обусловлен рядом факторов, прежде всего, их родством с китайской нацией, патриотическими чувствами к исторической родине, единством языка, относительно правильным пониманием китайских реалий, что было очень удобно для проведения научно-технических обменов.

К 1983 г. число специалистов *хуацяо-хуаи* в мире, по данным китайского руководства, составляло примерно 100 тыс. человек. Многие из этих специалистов владели современными научными технологиями и знаниями в области управления, имели богатый опыт практической работы и высокий уровень квалификации [5].

Приоритет специалистам *хуацяо-хуаи* формально действовал лишь на этапе отбора иностранных кандидатов для работы в КНР. Разницы в льготах, предпочтениях или оплате труда по принципу национальной принадлежности для уже приглашенных на работу специалистов не было.

Основными задачами в привлечении иностранных талантов КНР ставила создание благоприятного делового климата, условий труда и быта с целью стимулировать долгосрочное пребывание специалистов в КНР, а в идеале переезд на постоянное место жительства (ПМЖ).

На основе вышеизложенных приоритетов и задач в сентябре 1983 г. Госсовет КНР принял «Временное положение о работе по привлечению зарубежных талантов» [6]. Документ разрешил использовать труд иностранных специалистов практически во всех отраслях промышленности, в строительстве,

науке, образовании, культуре, коммерции, в финансовой сфере, в торговле, а также в области политики и права. Допускалась возможность найма специалистов с постоянным местом работы за рубежом, а также работоспособных и высококвалифицированных пенсионеров. От кандидатов требовался высокий уровень квалификации, хорошее здоровье и дружественное отношение к Китаю. При равных профессиональных характеристиках приоритет оставался за *хуацяо-хуажэнь*.

За счет *хуацяо-хуажэнь* и прочих иностранных специалистов правительство рассчитывало в кратчайшие сроки повысить уровень технологий и менеджмента в стране. Реализация данной цели потребовала объединения усилий заграничных учреждений КНР за рубежом, всех ведомств Госсовета КНР (включая Канцелярию по делам эмигрантов), Китайской ассоциации по науке и технике и иных компетентных организаций. Работа планировалась на центральном уровне, а также на уровне всех провинций, автономных районов и городов центрального подчинения.

Вся полученная информация от заграничных учреждений КНР, ведомств Госсовета, провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, ассоциаций и иных организаций должна была стекаться в единый централизованный постоянно обновляемый государственный банк данных по зарубежным кадровым ресурсам, которые можно привлечь в КНР.

Документ 1983 г. предусмотрел ряд условий, повышающих конкурентоспособность КНР на международном рынке талантов:

- повышение уровня толерантности китайских сотрудников к иностранцам;
- возможность приезда в КНР для родственников специалистов;
- места в детском саду и школе для детей иностранных специалистов;
- упрощение процедуры получения виз и въезда в КНР [6].

Вернувшимся в КНР на ПМЖ специалистам гарантировалось трудоустройство в соответствии с уровнем квалификации после прохождения аттестации, а также могла быть предоставлена финансовая поддержка, обеспечивающая условия жизни в КНР равноценные прежнему уровню жизни за рубежом.

Была дана установка не допускать действий, способных нанести вред интересам иностранных специалистов в их странах. Запрещалось разглашать информацию о программах привлечения зарубежных талантов, планах работы, каналах привлечения кадров и потенциальных кадровых ресурсах. В первую очередь это имеет значение для *хуацяо-хуажэнь*, которых во многих зарубежных научно-исследовательских организациях рассматривали как потенциальных шпионов, опасаясь возможной утечки стратегически важной научно-технической информации в КНР.

«Временное положение Госсовета КНР о работе по привлечению зарубежных талантов (1983)» не утратило силу и в 2022 г.

В декабре 1984 г. Госсовет принял разработанное Госкомитетом по науке и технике «Временное положение о льготах и некоторых других вопросах, касающихся работы специалистов, прибывших на постоянное место жительства в КНР» [7]. Первое же предложение этого документа указывает на приоритетное отношение к прибывшим на работу и ПМЖ в КНР специалистам и ученым из числа *хуацяо-хуажэнь*. Документ устанавливает уровни государственных стандартов временной заработной платы, дотаций и, следовательно, общего месячного дохода специалистов, прибывших в КНР на работу

и ПМЖ, в зависимости от уровня образования и стажа работы. По состоянию на 1985 г. уровень минимального дохода приехавшего в КНР бакалавра составлял 136 юаней в месяц, что в 3,4 раза превышало уровень реально располагаемого подушевого дохода населения КНР. А максимальный доход специалиста со степенью Ph. D. мог быть 507,5 юаней в месяц, что в 12,7 раз превышало указанный выше показатель [рассчитано по: 7; 8].

В январе 1988 г. Госсовет КНР принял новый документ, разработанный Госкомитетом по науке и технике, Министерством финансов и Госуправлением валютного контроля – «Положение о льготах и некоторых других вопросах, касающихся работы специалистов, прибывших на постоянное место жительства в КНР (1988)», а в августе 1988 г. было принято дополнение к нему. Документ касался *хуажэнь* и других иностранных научно-технических специалистов и ученых, приехавших на ПМЖ в КНР после обнародования «Временного положения Госсовета КНР о работе по привлечению зарубежных талантов (1983)». Он действовал и в отношении научно-технических специалистов из числа *хуацяо* [9].

Положение 1988 г. и дополнение к нему несколько повысили стандарты оплаты труда для приехавших в КНР на работу и ПМЖ специалистов и ввели дополнительные ежемесячные денежные выплаты к установленным ранее суммам дотаций в зависимости от занимаемой должности. Таким образом, с 1988 г. минимальный стандарт денежного довольствия специалиста, прибывшего в КНР на работу и ПМЖ, составлял 200 юаней, а максимальный – 620 юаней, что в 2,8 и 8,6 раза соответственно было выше реально располагаемого подушевого дохода населения страны в 1988 г. [рассчитано по: 9; 10]. В отношении специалистов с мировым именем, и высококвалифицированных профессионалов и ученых, необходимых для проведения «четырёх модернизаций» в КНР размер денежного довольствия не ограничивался вышеприведенными цифрами. Специалисты, имеющие иждивенцев за рубежом (родители, супруги, несовершеннолетние дети), могли получать в иностранной валюте до 50% заработной платы и дотаций. Специалистов, достигших возраста, превысившего официальный пенсионный возраст в КНР, или вышедших на пенсию за рубежом, но имеющих хорошее здоровье, можно было принимать на работу без заработной платы, выплачивая лишь дотации. Специалистам, оставшимся в КНР на ПМЖ, были предоставлены особые условия по выезду за рубеж, организации труда, компенсации расходов на переезд в КНР, отпуску, пенсионному обеспечению, и иные преференции [9]. Эти льготы и преференции не распространялись на тех, кто после 1966 г. выехал за рубеж на учебу, для визита к родственникам или в туристических целях, и позже какое-то время за границей вернулся в КНР.

При Цзян Цзэмине (1993–2002) политика привлечения в страну иностранных специалистов (включая *хуацяо-хуажэнь*) была скорректирована, и несмотря на появление ряда дополнительных льгот, в целом стала несколько жестче, чем во времена Дэн Сяопина.

В 1994 г. Госсовет КНР одобрил принятое Министерством кадров и Министерством финансов «Положение об организации работы прибывших в КНР на работу и ПМЖ специалистов, льготах и иных вопросах» [11]. С 1 января 1995 г. этот документ вступил в силу, заменив собой утративший силу документ 1988 г.

Действие нового документа так же распространялось на специалистов-хуажэнь и других иностранных специалистов, прибывших на работу и ПМЖ в КНР после обнародования «Временного положения Госсовета КНР о работе по привлечению зарубежных талантов (1983)». Оно касалось и тех, кто приехал на работу и ПМЖ в КНР с 1966 г., а также на специалистов-хуацяо, и выходцев из Гонконга, Макао и Тайваня, вернувшихся на работу и ПМЖ.

Положение 1994 г. скорректировало и стандарты временной оплаты труда. Уровень заработной платы формально более не был связан с количеством отработанных по специальности лет, а зависел только от уровня образования и квалификации. Минимальный совокупный доход, на который могли рассчитывать специалисты в зависимости от уровня образования и квалификации составлял 495 юаней, а максимальный – 946 юаней. Разрыв между доходами прибывших на работу и ПМЖ в КНР специалистов и реально располагаемым душевым доходом населения страны стал заметен меньше. Если в 1988 г. максимальные и минимальные доходы этих специалистов в КНР были в 2,8 и 8,6 раза соответственно выше реально располагаемого душевого дохода населения страны, то в 1995 г. превышение указанного показателя составило 2,5 и 4,8 раза соответственно [рассчитано по: 8; 9; 10; 11]. То есть, запущенная в 1988 г. тенденция на постепенное выравнивание уровней доходов иностранных специалистов и местных специалистов была продолжена в 1995 г. Причем это выравнивание происходило не за счет снижения доходов, прибывших на работу и ПМЖ в КНР специалистов, а за счет роста доходов местных жителей КНР. 50% своего дохода специалисты по-прежнему могли получить в иностранной валюте при наличии иждивенцев за рубежом. Новые правила более не включали возможность привлечения в КНР специалистов пенсионного возраста. Денежное довольствие специалистов с мировым именем по-прежнему не ограничивалось прописанными стандартами.

Для специалистов, приехавших на работу и ПМЖ в КНР, остались неизменными все предусмотренные положением 1988 г. льготы в части выезда за рубеж. Были сокращены сроки на адаптацию специалистов к условиям труда с одного года до полугода, увеличен объем субсидий на обустройство в КНР, дорожные расходы на научные мероприятия во время отпуска компенсировались лишь в том случае, если мероприятия проходили в КНР.

В положении 1994 г. не прописаны ограничения для специалистов, выехавших с 1966 г. за рубеж на учебу, для встречи с родственниками или в туристическую поездку, и затем через какое-то время вернувшихся в КНР. То есть, новые правила могли применяться и к этим кадрам.

В 1995 г. Министерство кадров выпустило официальное уведомление для аккредитованных за рубежом посольств, консульств, комсомольских организаций и иных учреждений КНР. Документ пояснил некоторые вопросы по организации работы вернувшихся / прибывших в КНР на ПМЖ специалистов, в частности:

- указал, что возвращение (приезд) на работу и ПМЖ в КНР научно-технических специалистов из числа хуацяо, хуажэнь и соотечественников из Гонконга, Макао и Тайваня возможно с разрешения Министерства кадров;
- пояснил, что КНР планирует привлекать мэтров и талантливую научно-техническую молодежь;

– дал четкую установку бороться за привлечение (возвращение) остро необходимых КНР выдающихся научно-технических специалистов, из числа тех, кто после образования КНР (1949 г.) и особенно после начала в 1966 г. «культурной революции» выехал за рубеж на учебу и остался за границей, получив вид на жительство или приняв иностранное гражданство;

– установил порядок рассмотрения заявок и работы с кандидатами, желающими приехать (вернуться) на работу и ПМЖ в КНР [12].

В 2002 г. власти КНР ввели режим благоприятствования при въезде и проживании в стране для иностранных высококвалифицированных специалистов, а также инвесторов.

В зависимости от условий работы или ведения бизнеса иностранные специалисты и инвесторы могли рассчитывать на получение:

– многократной деловой визы категории «F» на 2–5 лет со сроком непрерывного проживания в КНР не более 1 года после каждого въезда;

– многократной рабочей визы категории «Z» на 2–5 лет с неограниченным сроком непрерывного проживания в КНР после каждого въезда на период действия визы или вида на жительство для иностранцев на 2–5 лет.

Рассмотренные выше преференции распространялись на следующие категории специалистов и инвесторов:

– высококвалифицированные консультанты, приглашенные государственными учреждениями провинциального/ведомственного уровня;

– высококвалифицированные управленцы в сфере высоких технологий, реализующие межправительственные проекты;

– специалисты, вносящие значительный или выдающийся вклад в развитие государства и общества;

– ведущие ученые и исследователи, приглашенные в НИИ государственного или провинциального (ведомственного) уровней или в ведущие вузы КНР;

– инвесторы, вложившие более 1 млн долл. США в государственные проекты по развитию западных и центральных районов страны и помощи бедному населению этих территорий, или более 3 млн долл. в другие регионы страны;

– *хуажэнь*, получившие престижные международные премии, и другие выдающиеся специалисты-*хуажэнь*;

– супруги и несовершеннолетние (до 18 лет) дети вышеуказанных категорий специалистов и инвесторов [13].

Кроме того, режим благоприятствования при въезде и пребывании распространялся и на главных ответственных лиц дружественных КНР сообществ этнических китайцев.

При Ху Цзиньтао (2003–2012 гг.) правительство КНР подтвердило преемственность курса на приоритетную ориентацию на зарубежных специалистов китайского происхождения в рамках политики привлечения иностранных кадров. Это подтверждает опубликованный в 2006 г. на сайте Госсовета КНР документ «О политике, касающейся вернувшихся на родину (прибывших в КНР) на работу и ПМЖ специалистов» [14], который практически полностью повторил основное содержание рассмотренных выше документов 1994 г. и 1995 г.

При этом отдельное внимание китайские власти стали уделять привлечению молодых ученых-*хуажэнь*. Об этом говорят опубликованные в данный период материалы официальных организаций и китайского правительства.

В марте 2005 г. Комитет Государственного естественно-научного фонда опубликовал «Объявление о приеме к рассмотрению заявок на участие в проектах Государственного научного фонда талантливой молодежи (с иностранным гражданством)». Проекты рассчитаны на перспективных молодых ученых со степенью Ph.D. из числа *хуажэнь* в возрасте менее 45 лет, готовых проводить фундаментальные исследования в области естественных наук на территории КНР (кроме Гонконга, Макао и Тайваня) на условиях полной занятости. По условиям конкурса заявитель уже должен был работать на полной ставке в вузе или НИИ в должности профессора или занимать аналогичную позицию на территории КНР, при этом иметь постоянное место работы за рубежом ему запрещалось. От претендентов требовался опыт научно-исследовательской работы в зарубежных вузах или НИИ, в том числе опыт руководства несколькими серьезными проектами или темами, а также наличие значимых научных результатов, признанных в КНР и за рубежом. Кандидаты должны быть способны руководить научными направлениями и готовить кадры в своей области знаний. Максимальный срок реализации проектов фонда составляет 4 года, а объем финансирования – 700 тыс. юаней на человека для специальностей «математика» и «теория управления» и 1 млн юаней на человека для других научных направлений [15].

В августе 2005 г. были обнародованы «Временные меры по управлению Государственным научным фондом талантливой молодежи (с иностранным гражданством)» [16]. Согласно документу целью работы фонда является привлечение и закрепление в КНР (кроме Гонконга, Макао и Тайваня) уже зарекомендовавших себя перспективных молодых ученых из числа *хуажэнь* для проведения фундаментальных исследований в области естественных наук. Квалификационные требования к молодым иностранным китайским ученым и основные условия предоставления финансовой поддержки фонда идентичны требованиям и условиям, указанным в мартовском документе 2005 г.

1 января 2010 г. вступили в силу «Методы управления проектами Государственного научного фонда талантливой молодежи» [17], согласно которым участвовать в конкурсе на получение финансовой поддержки фонда могут не только молодые ученые с гражданством КНР (то есть *де-юре* и *хуацяо*), но и молодые ученые-*хуажэнь*, не имеющие гражданства КНР. Все участники должны быть моложе 45 лет, иметь хорошую научную репутацию, работать в должности старших специалистов технического профиля или иметь степень Ph.D., руководить темой в области фундаментальных исследований или иметь иной опыт проведения фундаментальных исследований. Претенденты не имеют права состоять в официальных трудовых отношениях с зарубежными организациями. Кроме того, они должны гарантировать возможность проводить фундаментальные исследования в принимающей организации более 9 месяцев в год. Таким образом, начиная с 2010 г. можно наблюдать постепенный отход властей КНР от индивидуальной кадровой политики в отношении молодых ученых-*хуажэнь* и уравнивание их в правах с местной китайской научной молодежью, а также с *хуацяо* на конкурсное финансирование фундаментальных научных проектов.

При Си Цзиньпине (с 2013 г.) произошло усиление роли КПК в работе с китайской диаспорой в целом, в том числе в политике, касающейся высококвалифицированных специалистов из числа китайских эмигрантов. Так,

с мая 2015 г. в числе главных задач работы Единого фронта КПК за рубежом указаны: концентрация интеллектуальных ресурсов эмигрантов и их вовлечение в проведение модернизации в КНР [18]. В декабре 2020 г. были существенно расширены задачи работы Единого фронта с китайскими эмигрантами. Поставленные ранее задачи были дополнены установкой на усиление патриотических чувств у *хуацяо* к КНР с тем, что бы они одобряли политику КПК, социализм с китайской спецификой, объединились вокруг китайской мечты о великом возрождении китайской нации и внесли свой вклад в модернизацию на родине [19]. О продолжении правительством Си Цзиньпина курса на приоритетное привлечение высококвалифицированных специалистов китайского происхождения говорят принятые в 2017 г. и 2018 г. документы, касающиеся международного научно-технического сотрудничества, развития инноваций и предпринимательства [20; 21]. В 2017 г. в качестве одного из решений задачи по ускорению подготовки кадров, отвечающих требованиям новых форм научно-технического инновационного сотрудничества, предлагалось привлекать для работы в КНР выдающихся ученых из числа этнических китайцев с иностранным гражданством наряду с китайскими выпускниками зарубежных вузов и иностранными учеными. А в 2018 г. в качестве одной из мер по стимулированию как можно большего числа групп людей заниматься инновационным бизнесом предлагалось активно мотивировать капитал и интеллектуальные ресурсы китайских эмигрантов на участие в инновационном предпринимательстве, поддерживать строительство баз инновационного предпринимательства *хуацяо-хуажэнь*, а также центров больших данных *хуацяо*.

Заключение

Правительство КНР во все времена рассматривало зарубежных китайцев как наиболее приоритетный для страны источник высококвалифицированных кадров. Исходя из этого была создана нормативно-правовая база, позволяющая реализовывать программы привлечения зарубежных талантов, приглашая преимущественно специалистов из числа *хуацяо-хуажэнь*, что подтверждается на примере крупнейшей «Программы 1000 талантов».

Нормативно-правовая база по привлечению талантов из-за рубежа с момента своего создания постоянно совершенствовалась в соответствии с текущими реалиями в КНР и в мире. Это гибкая система, способная оперативно реагировать на изменения мирового рынка талантов.

Действующая нормативно-правовая база и постепенно нарастающая информационная закрытость КНР от иностранцев, позволяют предполагать, что практически все программы для иностранных специалистов ориентированы прежде всего на *хуажэнь*. Программы адресованы иностранцам безотносительно их происхождения, так как это, как нам представляется, делает конкурсы на стипендию более представительными и престижными. Фактически же иностранных специалистов не китайского происхождения примут в данные программы только при отсутствии подходящей по квалификации кандидатуры из числа этнических китайцев.

Специализированные программы для китайских выпускников зарубежных вузов фактически ориентированы на китайских эмигрантов (*хуацяо*), так как помимо зарубежного диплома о высшем образовании от кандидатов

требуется опыт работы за границей и чем выше данный опыт, тем больше шансов стать стипендиатом программы. Как известно, китайские студенты во время учебы за рубежом не рассматриваются как *хуацяо*. Однако, если по окончании обучения они останутся легально работать за рубежом на пять и более лет и проживут там не менее 30 месяцев в течение этого срока, то они уже получают статус китайского эмигранта. Таким образом, при подаче заявки на стипендию данных программ у специалистов-*хуацяо* с зарубежными дипломами есть весомые преимущества перед китайскими выпускниками зарубежных вузов без опыта или с малым опытом работы за границей.

Литература

1. Ларин А. Г. *Китай и зарубежные китайцы*. М.: ИДВ РАН; 2008. 94 с.
2. *Чжунго люсюе жэньюань чуангэ няньцзянь 2020 中国留学人员创业年鉴 2020 (Ежегодник по открытию предприятий китайскими специалистами, открывшимися за рубежом 2020)*. Пекин: Чжунго чжигун чубаньшэ 北京:中国致公出版社; 2020. 481 с. (На кит. яз.).
3. Ван Хуэйяо, Кан Жунпин 王辉耀, 康荣平 (ред.) *Шицзе хуашан фачжань баогао (2017) 世界华商发展报告 (2017) (Доклад по развитию китайских предпринимателей в мире (2017))*. Пекин: Чжунго хуацяо чубаньшэ 北京:中国华侨出版社; 2017. 234 с. (На кит. яз.).
4. Котова Т. М. *Китайцы за рубежом и их роль в политике Китая*. М.: АН СССР; 1983. 280 с.
5. *Чжунгун чжунгян, гоюань гуаньюй иньцзинь говай чжили или сыхуа цзяньшэ дэ цзюедин, 1983 中共中央、国务院关于引进国外智力以利四化建设的决定, 1983 (Постановление ЦК КПК и Госсовета о привлечении зарубежных интеллектуальных ресурсов для содействия строительству четырех модернизаций, 1983)*. – <https://www.cbi360.net/gov/a189047.html> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).
6. *Гоюань гуаньюй иньцзинь говай жэньцай гунцзо дэ цзаньсин гуйдин, 1983 国务院关于引进国外人才工作的暂行规定, 1983 (Временное положение Госсовета КНР о работе по привлечению зарубежных талантов, 1983)*. – <https://law.lawtime.cn/d545245550339.html> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).
7. *Гуаньюй лайхуа динцзюй чжуаньцзя гунцзо дайюй дэн жогань вэньти дэ цзаньсин гуйдин, 1984 关于来华定居专家工作待遇等若干问题的暂行规定, 1984 (Временное положение о льготах и некоторых других вопросах, касающихся работы специалистов, прибывших на постоянное место жительства в КНР, 1984)*. – <http://law1.law-star.com> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).
8. *Чжунго тунци няньцзянь 2020 中国统计年鉴2020 (Китайский статистический ежегодник 2020)*. Табл. 6–16. – <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).
9. *Гуаньюй лайхуа динцзюй чжуаньцзя гунцзо дайюй дэн жогань вэньти гуйдин, 1988 关于来华定居专家工作待遇等若干问题规定, 1988 (Положение о льготах и некоторых других вопросах, касающихся работы специалистов, прибывших на постоянное место жительства в КНР, 1988)*. – <http://law1.law-star.com> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).
10. *Чжунго тунци няньцзянь 2001 中国统计年鉴2001 (Китайский статистический ежегодник 2001)*. Табл. 10–3. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2001c/j1003c.htm> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).

11. Гуаньюй лайхуа динцзюй гуңцо чжуаньцзя гуңцо аньпай цзи дайюй дэн вэньти гуйдин, 1994 关于来华定居工作专家工作安排及待遇等问题规定, 1994 (Положение об организации работы прибывших в КНР на работу и ПМЖ специалистов, льготах и иных вопросах, 1994). <http://law1.law-star.com> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).

12. Жэньшибу гуаньюй хуэйго (лайхуа) динцзюй чжуаньцзя гуңцо югуань вэньти дэ тунчжи, 1995 人事部关于回国(来华)定居专家工作有关问题的通知, 1995 (Уведомление Министерства кадров по вопросам, касающимся работы специалистов, вернувшихся (прибывших) на работу и ПМЖ в КНР, 1995). <http://law1.law-star.com> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).

13. Гуаньюй вэй вайци гаоцэнци жэньцэй хэ тоуцзычжэ тигун жуцзин цзи цзюлю бяньли дэ гуйдин, 2002 关于为外国籍高层次人才和投资者提供入境及居留便利的规定, 2002 (Положение о предоставлении иностранным высококвалифицированным специалистам и инвесторам режима благоприятствования при въезде и проживании в КНР, 2002). <http://law1.law-star.com> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).

14. Гуаньюй хуэйго (лайхуа) динцзюй гуңцо чжуаньцзя дэ югуань чжэнцэ 关于回国(来华)定居工作专家的有关政策 (О политике, касающейся вернувшихся на родину (прибывших в КНР) на работу и ПМЖ специалистов). http://www.gov.cn/fuwu/2006-06/06/content_2611980.htm (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).

15. Гоцзя цзыжань кэсюе цзицзинь вэйюаньхуэй гуаньюй шоули гоцзя цзечу циннянь кэсюе цзицзинь (вайци) шэньцин сяньму дэ тунгао, 2005 国家自然科学基金委员会关于受理国家杰出青年科学基金(外籍)申请项目的通告, 2005 (Объявление Комитета Государственного естественно-научного фонда о приеме к рассмотрению заявок на участие в проектах Государственного научного фонда выдающихся молодых ученых (иностранцев), 2005). <http://law1.law-star.com> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).

16. Гоцзя цзечу циннянь кэсюе цзицзинь (вайци) шиши гуаньли цзаньсин баньфа, 2005 国家杰出青年科学基金(外籍)实施管理暂行办法, 2005 (Временные меры по управлению Государственным научным фондом талантливой молодежи (с иностранным гражданством), 2005). http://m.law-lib.com/law/law_view.asp?id=278328&page= (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).

17. Гоцзя цзечу циннянь кэсюе цзицзинь сяньму гуаньли баньфа, 2009 国家杰出青年科学基金项目管理办法, 2009 (Методы управления проектами Государственного научного фонда талантливой молодежи, 2009). <http://law1.law-star.com> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).

18. Чжунго гунчаньдан туньги чжаньсянь гуңцо тяоли (шисин), 2015 中国共产党统一战线工作条例(试行), 2015 (Положение о работе Единого фронта КПК (в порядке эксперимента), 2015). <http://law1.law-star.com> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).

19. Чжунго гунчаньдан туньги чжаньсянь гуңцо тяоли, 2020 нянь сюдин 中国共产党统一战线工作条例, 2020年修订 (Положение о работе Единого фронта КПК, с поправками 2020 г.). <http://law1.law-star.com> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).

20. "Шисань" гоцзи кэци чуансинь хэцзо чжуаньсянь гуйхуа, 2017 "十三五" 国际科技创新合作专项规划, 2017 (Специальный план международного научно-технического инновационного сотрудничества на 13-ю пятилетку, 2017). <http://law1.law-star.com> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).

21. Гоюань гуаньюй туйдун чуансинь чуаньге гаочжилян фачжань дацзао «шуанчуан» шэньцибань дэ ицзянь, 2018 国务院关于推动创新创业高质量发展打造“

双创”升级版的意见, 2018 (*Предложения Госсовета КНР по созданию обновленной версии «массового предпринимательства и массовых инноваций» для стимулирования высококачественного развития инновационного предпринимательства, 2018*). <http://law1.law-star.com> (дата обращения: 15.10.2022). (На кит. яз.).

Информация об авторе

Афонасьева Алина Владиславовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия, ✉ alina-afonasyeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3573-287X>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 30.08.2022; одобрена рецензентами 25.09.2022; принята к публикации 28.09.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Larin A.G. *China and Overseas Chinese*. Moscow: IDV RAN; 2008. 94 p. (In Russ.).
2. *Zhongguo liuxue renyuan chuanye nianjian 2020* 中国留学人员创业年鉴 2020 (*Returned Chinese Scholars Pioneer Yearbook 2020*). Beijing: Zhongguo zhigong chubanshe 北京: 中国致公出版社; 2020. 481 p. (In Chinese).
3. Wang Huiyao, Kang Rongping 王辉耀, 康荣平 (ed.) *Shijie huashang fazhan baogao* (2017) 世界华商发展报告 (2017) (*Report on Development of Overseas Chinese Entrepreneurs 2017*). Beijing: Zhongguo huaqiao chubanshe 北京: 中国华侨出版社; 2017. 234 p. (In Chinese).
4. Kotova T. M. *Chinese Abroad and their Role in the China's Policy*. Moscow: AN SSSR; 1983. 280 p. (In Russ.).
5. *Zhonggong Zhongyang, guowuyuan, guanyu yinjin guowai zhili yili sihua jianshe de jue ding, 1983* 中共中央、国务院关于引进国外智力以利四化建设的决定, 1983 (*Decision of the CCP Central Committee and the State Council on Attracting Foreign Intellectual Resources to Benefit the Construction of the Four Modernizations, 1983*). Available from: <https://www.cbi360.net/gov/a189047.html> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

6. *Guowuyuan guanyu yinjin guowai rencai gongzuo de zanxing guiding, 1983* 国务院关于引进国外人才工作的暂行规定, 1983 (*Interim Provisions of the State Council on Attracting Foreign Talents, 1983*). Available from: <https://law.lawtime.cn/d545245550339.html> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

7. *Guanyu laihua dingju zhuanjia gongzuo daiyu deng ruogan wenti de zanxing guiding, 1984* 关于来华定居专家工作待遇等若干问题的暂行规定, 1984 (*Interim Regulations on Benefits and Several Other Issues Concerning the Work of Specialists who Arrived for Permanent Residence in the PRC, 1984*). Available from: <http://law1.law-star.com> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

8. *Zhongguo tongji nianjian 2020* 中国统计年鉴2020 (*China Statistical Yearbook 2020*). Table 6–16. Available from: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

9. *Guanyu laihua dingju zhuanjia gongzuo daiyu deng ruogan wenti guiding, 1988* 关于来华定居专家工作待遇等若干问题规定, 1988 (*Regulations on Benefits and Several Other Issues Concerning the Work of Specialists who have Arrived for Permanent Residence in the PRC, 1988*). Available from: <http://law1.law-star.com> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

10. *Zhongguo tongji nianjian 2001* 中国统计年鉴 2001 (*China Statistical Yearbook 2001*). Table 10–3. Available from: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2001c/j1003c.htm> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

11. *Guanyu laihua dingju gongzuo zhuanjia gongzuo anpai ji daiyu deng wenti guiding, 1994* 关于来华定居工作专家工作安排及待遇等问题规定, 1994 (*Regulations on the Work Arrangement of Specialists who come to the PRC for Work and Permanent Residence, on Benefits and Other Issues, 1994*). Available from: <http://law1.law-star.com> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

12. *Renshibu guanyu huiguo (laihua) dingju zhuanjia gongzuo youguan wenti de tongzhi, 1995* 人事部关于回国(来华)定居专家工作有关问题的通知, 1995 (*Notice of the Ministry of Personnel on Issues Concerning the Work of Specialists Returning to China (Coming to China) for Work and Permanent Residence, 1995*). Available from: <http://law1.law-star.com> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

13. *Guanyu wei waiji gaocengci rencai he touzizhe tigong rujing ji juliu bianli de guiding, 2002* 关于为外国籍高层次人才和投资者提供入境及居留便利的规定, 2002 (*Provisions on Entry and Residence Convenience for Foreign High-level Talents and Investors, 2002*). Available from: <http://law1.law-star.com> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

14. *Guanyu huiguo (laihua) dingju gongzuo zhuanjia de youguan zhengce* 关于回国(来华)定居工作专家的有关政策 (*On the Relevant Policy for Specialists Returning to China (Coming to China) for Work and Permanent Residence*). Available from: http://www.gov.cn/fuwu/2006-06/06/content_2611980.htm (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

15. *Guojia ziran kexue jijin weiyuanhui guanyu shouli guojia jiechu qingnian kexue jijin (waiji) shenqing xiangmu de tonggao, 2005* 国家自然科学基金委员会关于受理国家杰出青年科学基金(外籍)申请项目的通告, 2005 (*Announcement of the National Natural Science Foundation of China on Accepting National Science Fund for Distinguished Young Scholars (Foreign) Application Projects, 2005*). Available from: <http://law1.law-star.com> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

16. *Guojia jiechu qingnian kexue jijin (waiji) shishi guanli zanxing banfa, 2005* 国家杰出青年科学基金(外籍)实施管理暂行办法, 2005 (*Interim Measures for the Implementation and Administration of the National Science Fund for Distinguished Young Scholars (Foreigners), 2005*). Available from: http://m.law-lib.com/law/law_view.asp?id=278328&page= (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

17. *Guojia jiechu qingnian kexue jijin xiangmu guanli banfa, 2009* 国家杰出青年科学基金项目管理办法, 2009 (*The Project Management Measures of the National Science Fund for Distinguished Young Scholars, 2009*). Available from: <http://law1.law-star.com> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

18. *Zhongguo gongchandang tongyi zhanxian gongzuo tiaoli (shixing), 2015* 中国共产党统一战线工作条例(试行), 2015 (*Regulations on the Work of the United Front of the CCP (for trial implementation), 2015*). Available from: <http://law1.law-star.com> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

19. *Zhongguo gongchandang tongyi zhanxian gongzuo tiaoli, 2020 nian xiuding* 中国共产党统一战线工作条例, 2020年修订 (*Regulations on the Work of the United Front of the CCP, amended in 2020*). Available from: <http://law1.law-star.com> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

20. *“Shisanwu” guoji keji chuangxin hezuo zhuanxiang guihua, 2017 “十三五”* 国际科技创新合作专项规划, 2017 (*The International Science and Technology Innovation Cooperation Special Plan for the “13th Five-Year Plan”, 2017*). Available from: <http://law1.law-star.com> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

21. *Guowuyuan guanyu tuidong chuangxin chuangye gaozhiliang fazhan dazao “shuang chuang” shengjiban de yijian, 2018* 国务院关于推动创新创业高质量发展打造“双创”升级版的意见, 2018 (*Proposals of the State Council on Promoting the High-quality Development of Innovation and Entrepreneurship by Creating an Upgraded Version of “Mass Entrepreneurship and Mass Innovation”, 2018*). Available from: <http://law1.law-star.com> (accessed: 15.10.2022). (In Chinese).

Information about the author

Alina V. Afonaseva – Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Fellow, Center for Chinese Economy and Social Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, alina-afonasyeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3573-287X>.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 25.09.2022; accepted for publication 28.08.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья
УДК 329.8(510)КПК(091)"19/20"
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-882-897>

Исторические науки

Права человека в современной идеологии Коммунистической партии Китая

Александр Владимирович Ломанов

ИМЭМО РАН, Москва, Россия

a_lomanov@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2676-4271>

Аннотация. За десятилетие руководства Си Цзиньпина в китайской трактовке прав человека усилился акцент на практических и правовых аспектах. Вместе с тем провозглашение руководящего статуса «идей Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой» стимулировало процесс теоретической систематизации взглядов партийно-государственного лидера на развитие прав человека. Ключевое значение обрел тезис «счастливая жизнь народа есть величайшее право человека». Китайские исследователи исходят из чередования «поколений» в понимании прав человека, на смену западной приверженности гражданским и политическим правам пришел приоритет социальных и экономических прав. Китай претендует на разработку современной комплексной трактовки прав человека как условия продвижения всего народа к лучшей жизни и всестороннего развития людей. Официальная трактовка «китайского пути развития прав человека» настаивает на соединении марксистской концепции прав человека, китайской реальности, традиционной китайской культуры и общих достижений человеческой цивилизации. Основополагающая внешнеполитическая концепция «сообщества судьбы человечества» выступает как обоснование действий Китая в сфере прав человека по отношению к внешнему миру.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, правление по закону, права всего народа, развитие человека, марксизм, китайская традиция, Коммунистическая партия Китая

Для цитирования: Ломанов А. В. Права человека в современной идеологии Коммунистической партии Китая. *Ориенталистика*. 2022;5(4):882–897. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-882-897>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Human rights in modern ideology of the Communist Party of China

Alexander V. Lomanov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
a_lomanov@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2676-4271>

Abstract. Over the decade of Xi Jinping’s leadership the Chinese interpretation of human rights emphasized practical and legal aspects of the issue. At the same time, the elevation to normative status of “Xi Jinping’s ideas of a new era of socialism with Chinese characteristics” stimulated the process of theoretical systematization of the views of the party leader on the development of human rights. The notion that “happy life of the people is the greatest human right” gained key prominence. Chinese researchers underline the change of “generations” in the understanding of human rights, according to which the primary Western commitment to civil and political rights has been replaced by the priority of social and economic rights. China claims the authorship of modern comprehensive interpretation of human rights that facilitates better life for all population and all-embracing human development. Official interpretation of “China’s path of developing human rights” insists on connecting together the Marxist concept of human rights, Chinese reality, traditional Chinese culture and the achievements of human civilization. The key modern Chinese foreign policy concept of the “community of destiny of mankind” acts as a rationale for China’s human rights actions in the outside world.

Keywords: Xi Jinping, rule by law, rights of all people, human development, Marxism, Chinese tradition, Communist Party of China

For citation: Lomanov A. V. Human rights in modern ideology of the Communist Party of China. *Orientalistica*. 2022;5(4):882–897. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-882-897>.

Введение

Эволюция китайской трактовки прав человека отражает развитие идеологии и политики КПК. Исследователи уделяют большое внимание специфике китайской концепции прав человека, ее теоретическим компонентам и влиянию на отношения Китая с внешним миром [1; 2]. В статье поставлена задача выявить и проанализировать новые аспекты китайского понимания прав человека, сформировавшиеся после прихода к власти руководства во главе с Си Цзиньпином.

До начала политики реформ и открытости понятие «права человека» отсутствовало в официальном лексиконе КПК. В 1980-е гг. главные опасения

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

властей были связаны с использованием Западом концепции прав человека в качестве инструмента вмешательства и подрыва суверенитета Китая. Лишь в начале 1990-х гг. китайское руководство публично заявило о приверженности соблюдению прав человека при сохранении курса на защиту независимости и суверенитета.

После политической трансформации в Восточной Европе и распада СССР Китай столкнулся с сильным международным давлением в сфере прав человека. Китайские исследователи отмечают, что в качестве противовеса власти использовали тезисы о специфике «азиатской модели» и «относительности прав человека», призывая учитывать различия в уровнях развития, культурных традициях, социальных условиях разных стран при оценке ситуации в сфере прав человека. В 1990-е гг. Пекин перестал настаивать на «абсолютном суверенитете» и утверждать, что «права человека – исключительно внутреннее дело». Китай сумел адаптироваться к господствующим настроениям мирового сообщества, в котором почти не осталось сторонников «абсолютного суверенитета» в вестфальском духе, трактующем права человека как исключительно внутреннюю проблему государства [3, р. 44].

Тезис о недопустимости вмешательства во внутренние дела под предлогом защиты прав человека переместился из политической сферы в область культуры и традиционных ценностей. Обретение уверенности в способности обеспечить долгосрочное стабильное экономическое развитие убедило власти в том, что противоречие между защитой суверенитета и соблюдением прав человека со временем сгладится. Чем богаче и могущественнее становится Китай, тем меньше ему придется опасаться разрушительных последствий внешнего давления, тем больше международных обязательств в сфере прав человека можно будет исполнить.

Китай расширил участие в международной деятельности по правам человека в рамках ООН. С 2009 г. китайские власти публикуют «государственные планы действий по правам человека» во исполнение Венской декларации и Программы действий, принятой в 1993 г. на Всемирной конференции по правам человека. Китайская сторона признала общепринятые концепции прав человека и присоединилась к международным соглашениям об их защите. Однако это признание не стало безоговорочным. Китай неизменно подчеркивает свою национальную специфику и настаивает на том, что трактовка прав человека зависит от исторического наследия, общественной системы, культурной традиции и уровня экономического развития страны.

В конце 1990-х гг. концепция прав человека получила официальное признание внутри Китая, что лишило ее прежней политической уязвимости в условиях однопартийной системы. В 1997 г. в отчетном докладе ЦК КПК на XV съезде КПК впервые было сказано об «уважении и защите прав человека». В 2004 г. внесена поправка в Конституцию КНР, согласно которой «государство уважает и защищает права человека». По итогам XVII съезда КПК эта формулировка вошла в Устав КПК [4, р. 14].

Права человека «новой эпохи»

После прихода к власти в 2012 г. партийного руководства во главе с Си Цзиньпином стал заметным акцент на практических и правовых аспектах соблюдения государством прав человека. В 2014 г. на 4-м пленуме ЦК КПК

18-го созыва указано на «усиление судебной защиты прав человека» и «укрепление сознания всего общества в отношении уважения и защиты прав человека». В 2017 г. в докладе ЦК на XIX съезде КПК появился тезис об «усилении гарантий правления по закону для прав человека». В 2020 г. на 5-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва в контексте лозунга «всестороннего развития человека» было указано на «содействие всестороннему развитию дела прав человека» [4, p. 14].

Провозглашение на XIX съезде КПК в 2017 г. руководящего статуса «идей Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой» стало стимулом для теоретического обобщения взглядов партийно-государственного лидера. Свидетельством включения в эту сферу проблематики прав человека стало издание в конце 2021 г. тематической подборки высказываний Си Цзиньпина [5]. В составленную Институтом истории партии и документации ЦК КПК книгу вошли 335 цитат из устных выступлений и письменных текстов китайского лидера за период с ноября 2012 по октябрь 2021 г.

Девять тематических разделов отражают нормативный подход к структуризации высказываний Си Цзиньпина о правах человека: «КПК и китайское правительство от начала и до конца уважают и защищают права человека», «Идти по соответствующему китайской специфике пути развития прав человека», «Следовать идее прав человека, в центре которой находится народ» (以人民为中心的人权理念), «Придерживаться права на существование (生存权) и права на развитие (发展权) как первостепенных основных прав человека (首要的基本人权), постепенно добиваться общего процветания всего народа», «Ставить безопасность жизни и физическое здоровье народных масс на первое место», «Скоординированно продвигать экономические, политические, социальные, культурные и экологические права всего народа, способствовать всестороннему развитию человека», «Обеспечить защиту прав этнических меньшинств, женщин и детей, пожилых людей, инвалидов и прочих особых групп», «Укреплять защиту прав человека правлением по закону, гарантировать народу на основании закона использование широких прав и свобод», «Вносить еще больший вклад в обогащение разнообразия человеческой цивилизации, продвижение и развитие всемирного дела прав человека».

Подборка высказываний Си Цзиньпина соединила сформированный в конце прошлого столетия нормативный подход КПК к трактовке прав человека со взглядами нынешнего китайского лидера. Были унаследованы вошедшие в официальный лексикон в начале 1990-х гг. концепции «права на существование» и «права на развитие». Социальные и экономические права сохранили приоритетное положение по отношению к политическим и гражданским правам. Отражением современных тенденций стали тезисы о «центральной позиции народа», о связи прав человека с курсом властей на «правление по закону» (法治), о защите жизни и здоровья населения в контексте успехов в борьбе с эпидемией коронавируса, включение в социально-экономическую проблематику прав человека курса на «общее процветание» (共同富裕), занявшего в 2021 г. заметное место в политике КПК. Трактовка соотношения китайской и мировой практики опирается на признание участия Китая во «всемирном деле прав человека» с указанием на необходимость «обогатить разнообразием человеческую цивилизацию» путем проекции китайского опыта во внешний мир.

Некоторые вошедшие в сборник высказывания Си Цзиньпина опубликованы впервые. Директор Института права КАОН Мо Цзихун в нескольких научных статьях [6; 7] процитировал слова Си Цзиньпина, произнесенные 17 февраля 2014 г. на семинаре для руководящих кадров провинциального и министерского уровня по изучению и реализации духа всестороннего углубления реформ 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва: «Западные лидеры поднимали передо мной вопросы прав человека, я сказал одну фразу: в правах человека нет наилучшего, они могут лишь становиться лучше (在人权问题上没有最好, 只有更好). Я имел в виду, что дело прав человека в Китае, разумеется, еще нуждается в развитии, но у вас тоже очень много проблем в сфере прав человека. Тут я еще раз поясню, что мы развиваем дело прав человека, но не принимаем за образец предложенный Западом стандарт. Вне зависимости от этапа развития, наше дело прав человека должно развиваться в соответствии с национальной спецификой нашей страны и потребностями народа. Достигли установленных нами целей и уровня – вот и хорошо, не нужно равняться на Запад, не требуется, чтобы Запад о нас судил! Словам и действиям западных стран, которые дают указания по вопросу прав человека в нашей стране, мы должны решительно дать отпор!» [5, p. 13; цит. по: 6, p. 8].

Китайские ученые подчеркивают новизну формулировки в обращении Си Цзиньпина к конференции по поводу 70-летия Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 2018 г.: «Счастливая жизнь народа есть величайшее право человека» (人民幸福生活是最大的人权) [6, p. 9]. Эта формулировка расширила и дополнила прежний приоритет «права на существование». Все более заметно, что идея «права на существование» не полностью соответствует запросам китайского населения, увеличивающимся на фоне стабильного экономического роста. Новая формулировка согласуется с ключевым политическим лозунгом КПК о неизменной приверженности партии «борьбе за народное счастье».

Мо Цзихун указал на необходимость развивать концепцию прав человека вслед за происходящими в мире изменениями, адаптировать общие принципы к национальной специфике, не забывать о глобальном измерении прав человека. «Демократия и права человека – общее стремление человечества. Китай, неуклонно следуя по пути развития прав человека с китайской спецификой, не может оставаться в одиночестве. Он должен участвовать в глобальном управлении и органично интегрировать внутреннее развитие дела прав человека с международными механизмами защиты прав человека, ставить целью построение сообщества судьбы человечества, укреплять международные обмены и сотрудничество по правам человека в глобальном масштабе» [6, p. 9].

Китайские исследователи указывают на несколько аспектов теоретического вклада Си Цзиньпина в современное развитие прав человека в Китае. Прежде всего, право на существование и развитие остаются главнейшими базовыми правами человека, без которых невозможно говорить о любых других правах. Во-вторых, права человека воплощают единство всеобщего и особенного, их соблюдение соответствует общим законам развития человеческого общества. В-третьих, счастливая жизнь народа провозглашена величайшим правом человека. В-четвертых, взят курс на развитие прав человека путем правления по закону (法治化) [8, p. 31–34].

В китайской научной литературе часто используют концепцию «поколений» прав человека. «Первое поколение» олицетворяют классические гражданские и политические права, которые отстаивает Запад. «Второе поколение» экономических, социальных и культурных прав возникло благодаря социалистическому движению. «Третье поколение» коллективных прав человека появилось на волне деколонизации после Второй мировой войны. Динамика развития прав человека не означает полного отказа от прошлого - в частности, социальные права не отрицают политических прав человека. Вместе с тем эта схема направлена против попыток Запада преподнести права человека «первого поколения» как абсолютное универсальное требование. Китайская трактовка подчеркивает комплексный всесторонний подход к развитию прав человека.

Права человека «первого поколения» сосредоточены на естественных правах человека на свободу, жизнь, собственность и безопасность. Это неотъемлемые права, которые государство не должно нарушать. «Второе поколение» прав человека было воплощено в 1919 г. в конституции Веймарской Германии, оно включает экономические, социальные и культурные права, их реализация опирается на активные действия правительства. Возложение на государство миссии защиты прав человека исправило недостаток пассивных прав «первого поколения». Права «третьего поколения» ставят во главу угла существование и развитие людей, они направлены на сокращение имущественного разрыва между богатыми и бедными внутри общества, на сближение уровней благосостояния развивающихся и развитых стран для обеспечения оптимальных условий реализации прав человека [7, p. 19–20].

Можно видеть, что в этой трактовке «третье поколение» прав человека фактически тождественно их современному китайскому пониманию. Китайские авторы утверждают, что теория прав человека Си Цзиньпина «указывает путь прав человека для китайского народа в создании лучшей жизни, рисует светлые перспективы для людей всего мира в их стремлении к лучшему миру». С этой точки зрения специфика китайского подхода к правам человека отражает глобальные исторические изменения, ее отличие от классических западных стандартов не свидетельствует об ущербности. Права человека «первого поколения» воплощают свободу и политические права, «второго поколения» — экономические, социальные и культурные права, третьего поколения — право на развитие, которое в итоге ведет к правам человека новой эпохи на счастливую и прекрасную жизнь. В сфере международных отношений эта трансформация указывает на переход от конкуренции и соперничества к общему развитию всех стран и их сотрудничеству ради «общей судьбы» [9, p. 108].

Китайские авторы полагают, что предложенный Си Цзиньпином взгляд на права человека с точки зрения «центрального положения народа» задает новое направление развития прав человека в мировом масштабе. Предполагается, что этот подход уже обрел международное значение, расширил путь к развитию прав человека в других странах, предоставил «китайскую мудрость» и «китайский план» для решения глобальных проблем прав человека [10, p. 9].

Китайский путь развития прав человека

26 февраля 2022 г. состоялась 37-я коллективная учеба Политбюро ЦК КПК, посвященная «китайскому пути развития прав человека» (中国人权发展道路). Выступление Си Цзиньпина на этом мероприятии

в сконцентрированном виде обобщило современную позицию правящей партии [11].

Партийный лидер обозначил источники китайского взгляда на права человека: «В практике содействия развитию дела прав человека в Китае мы объединили марксистский взгляд на права человека с конкретной реальностью Китая и лучшей традиционной китайской культурой» [11, р. 6]. Китайский подход также опирается на обобщение успешного опыта КПК и учитывает лучшие достижения человеческой цивилизации. Марксизм и китайская традиция вышли на более высокий уровень по сравнению с зарубежными подходами к правам человека. Подобная расстановка акцентов отражает стремление руководства КПК к реидеологизации политики и рекитаизации теоретических исследований.

Тенденцию рекитаизации подтверждают цитаты из древнекитайской классики в выступлении Си Цзиньпина, демонстрирующие традицию уважения к человеку и заботы о нем в китайской культуре. Партийный лидер процитировал ранних конфуцианцев: слова Конфуция «в древнем правлении самой большой была любовь к людям» (古之为政, 爱人为大), суждение Мэн-цзы «обретение людей для Поднебесной называется гуманностью» (为天下得人者谓之仁) и мысль Сюнь-цзы о том, что человек - «самое драгоценное в Поднебесной» (最为天下贵), упомянув также учение Мо-цзы о «взаимной любви» (兼相爱). По мнению Си Цзиньпина, все эти доциньские мыслители «подчеркивали собственную ценность человека». Китайский лидер также напомнил высказывания древних: «среди десяти тысяч вещей драгоценен человек» (万物之中, 以人为贵), «вершащие большие дела в Поднебесной должны брать людей за основу» (济大事者, 必以人为本), «управляющие Поднебесной берут людей за основу» (理天下者, 以人为本) [11, р. 4]. Обращение к истокам культурной традиции позволило подчеркнуть древность и самобытность китайского понимания места человека в государственной политике и общественных отношениях, обосновать цивилизационную легитимность китайской трактовки прав человека.

Обратившись к современности, Си Цзиньпин перечислил шесть особенностей китайского пути прав человека [11, р. 6–7]. Первое место занимает приверженность руководству КПК и социалистической природе дела прав человека в Китае. Он отметил, что централизованное руководство позволяет «с помощью системного мышления планировать строительство прав человека, продвигать всестороннее развитие всех видов прав человека».

Вторая особенность - «уважение статуса народа как субъекта». Си Цзиньпин указал, что «народный характер» (人民性) стал самой заметной характеристикой китайского пути развития прав человека. Он подчеркнул, что в Китае права человека выступают не как привилегия части людей или меньшинства, ими пользуются широкие народные массы, народ предстает «главным участником, двигателем и бенефициаром развития дела прав человека».

На третьем месте - требование исходить из китайской реальности. Си Цзиньпин подтвердил приверженность КПК соединению принципа всеобщности прав человека с реальностью Китая, призвал исходить из национальной специфики и чаяний китайского народа.

Четвертое требование провозглашает права на существование и развитие первостепенными основными правами человека. Существование

образует фундамент для всех прав человека, а «счастливая жизнь народа — это величайшее право человека». Си Цзиньпин указал, что в Китае идея развития связана с интересами народа, власть стремится сделать развитие более качественным, эффективным и справедливым.

Пятое место занимает призыв защищать права человека с опорой на закон, поскольку «правление по закону» и есть наиболее действенная гарантия прав человека. Си Цзиньпин указал на необходимость обеспечить равенство всех людей перед законом, создать более эффективную правовую систему, защищать личные и имущественные права граждан. Лишь после этого было сказано про обеспечение участия граждан в демократических выборах, политических консультациях и принятии решений. Для китайского руководства политические и гражданские права по-прежнему менее значимы по сравнению с экономическими и социальными правами.

Шестая особенность сводится к требованию активного участия Китая в глобальном управлении правами человека (全球人权治理). Си Цзиньпин пояснил, что Китай «продвигает общие ценности человечества, практикует подлинную многосторонность, активно участвует в реформировании и построении системы глобального управления, включающей в себя права человека, продвигает строительство общей судьбы человечества».

Критику в адрес Запада предваряло замечание о том, что демократия и права человека – не «украшение» (装饰品) и их нельзя использовать «для показухи» (做摆). Си Цзиньпин заявил, что в последние годы в некоторых западных странах развернулась ожесточенная борьба между политическими партиями, утрачено доверие к правительству, утрачен порядок в обществе, контроль над эпидемией. Китайский лидер указал, что в этих странах постоянно возрастают политическая поляризация, расслоение бедности и богатства, противостояние этнических групп, там широко распространились расизм, популизм и ксенофобия, проблема прав человека с каждым днем встает все острее. На этом фоне видно, как несостоятельны попытки Запада учить правам человека другие страны. Си Цзиньпин отметил, что сталкивающиеся с большими внутренними проблемами западные страны под флагами «универсальных прав человека» (普世人权) и «права человека выше суверенитета» насильственно продвигают в мире «концепцию и строй прав человека западной демократии», используют тему прав человека для бесцеремонного вмешательства во внутренние дела других государств. По мнению китайского лидера, из-за подобных действий в некоторых странах возникают войны и беспорядки, длительные социальные волнения, миграция населения [11, р. 8]. На основании этих критических высказываний можно предположить, что напряженность между Китаем и Западом по вопросам прав человека сохранится и даже усилится в обозримом будущем.

В выступлении на коллективной учебе ПБ ЦК КПК Си Цзиньпин выделил приоритетные направления дальнейшей работы по правам человека в Китае. Он призвал способствовать всестороннему развитию прав человека, поставив эти усилия в контекст реализации китайской мечты о великом возрождении нации и достижения социальной справедливости, удовлетворения растущих потребностей населения. Китайский лидер заявил о необходимости укреплять правовую защиту прав человека, избавляться от недостатков в этой сфере, углублять реформы в области правления по закону, учитывая

реакцию масс на проявления судебной несправедливости, нарушения прав и интересов людей.

Си Цзиньпин призвал продвигать в китайском обществе «правильный взгляд на права человека» (正确人权观). Речь идет о расширении пропаганды нормативного подхода к правам человека, популяризации знаний о правах человека, прежде всего среди молодежи и государственных служащих низшего звена. Было сказано о необходимости включить марксистский взгляд на права человека и современный китайский подход к правам человека в систему образования.

Партийный лидер заявил о важности китайского опыта прав человека для создания «творческих концепций» (创性概念), а также китайской системы научной дисциплины (学科体系), академической системы (学术体系) и дискурсивной системы (话语体系) прав человека. Выдвинутый Си Цзиньпином в 2016 г. лозунг развития «трех систем» философии и общественных наук с китайской спецификой оказывает значительное влияние на работу китайского академического сообщества. Китайские исследователи отозвались на это и обратились к обсуждению перспектив формирования «трех систем» изучения прав человека в правоведении [12]. Си Цзиньпин также упомянул о необходимости создания авторитетных исследовательских центров по правам человека, по подготовке высококлассных экспертов с солидными теоретическими знаниями и международным кругозором, способных «рассказывать о правах человека в Китае» (讲中国人权故事).

Несомненный интерес для внешнего мира представляют обрисованные Си Цзиньпином планы международной деятельности по правам человека. Призывая активно продвигать глобальное управление в сфере прав человека, китайский лидер использовал формулировки, окрашенные духом конфуцианской морали: «Где находится добродетель, туда возвращается Поднебесная» (德之所在, 天下归之), «Где находится справедливость, туда стремится Поднебесная» (义之所在, 天下赴之) [11, p. 9]. Китай надеется стать центром глобального притяжения в сфере прав человека, для этого он намерен отстаивать общие ценности человечества, продвигать развитие глобального управления правами человека в более справедливом, разумном и инклюзивном направлении. Речь идет как об активном участии в деятельности ООН по правам человека и о развитии международного обмена, прежде всего с развивающимися странами, так и об использовании потенциала Китайского общества исследований прав человека (中国人权研究会, основано в 1993 г.) и Китайского фонда развития прав человека (中国人权发展基金会, основан в 1994 г.). Эти созданные по инициативе властей НПО появились почти три десятилетия назад для пропаганды в окружающем мире китайской точки зрения на права человека. Призыв Си Цзиньпина в «полной мере использовать роль» этих структур в наши дни косвенным образом указывает, что давние проблемы международной пропаганды китайского подхода остаются нерешенными, включая стремление к наращиванию китайского влияния на многосторонние структуры прав человека, в том числе действующие под эгидой ООН.

Новые веяния в китайской политике отражает требование Си Цзиньпина активизировать «международную борьбу за права человека» (国际人权斗争). Партийный лидер пояснил, что права человека – исторические,

конкретные и реальные, о них нельзя говорить «по-пустому», в отрыве от социальных и политических условий, исторических и культурных традиций разных стран. Он призвал взять стратегическую инициативу в свои руки, квалифицированно рассказывать внешнему миру о правах человека в Китае, повышать в глазах иностранцев влияние и привлекательность современных китайских взглядов на права человека, стремиться занять на мировой сцене господствующие моральные высоты в сфере прав человека.

Содержание речи Си Цзиньпина на коллективной учебе ПБ ЦК КПК стало ориентиром для общественно-политических и научных публикаций. Комментаторы подчеркивали, что самая основополагающая гарантия прав человека в Китае – руководство КПК, только с ним можно сохранить правильное направление и путь развития [13].

Практика коллективной учебы ПБ ЦК КПК предполагает выступление приглашенного эксперта, после которого следует дискуссия, включая комментарии партийного лидера. На коллективной учебе по китайскому пути прав человека с докладом выступил главный секретарь Китайского общества исследований прав человека Лу Гуанцзинь. Его последующие публикации позволяют составить представление о взглядах исследователя и о возможном содержании его презентации для членов ПБ ЦК КПК.

Лу Гуанцзинь заявил о появлении «новой формы цивилизации прав человека китайского типа» (中国式人权文明新形态) [14]. Эта концепция появилась на свет благодаря объединению двух сюжетов. Первым стала коллективная учеба ПБ ЦК КПК. Предполагается, что путь развития прав человека под руководством партии уже превзошел западную капиталистическую модель прав человека и внес существенный вклад в развитие современной цивилизации. Вторым источником стало заявление Си Цзиньпина во время празднования столетия КПК в 2021 г. о том, что в процессе развития социализма с китайской спецификой партия «создала новый путь модернизации китайского типа, создала новую форму человеческой цивилизации» (创造了人类文明新形态.). Лу Гуанцзинь заявил: «Цивилизация прав человека китайского типа – это полностью новая форма цивилизации прав человека, построенная древней восточной страной с пяти тысячелетней историей и почти одной пятой населения мира в великой практике строительства социализма с китайской спецификой в XXI веке» [14, p. 15].

Лу Гуанцзинь пояснил, что цивилизация прав человека китайского типа опирается на полезные достижения западной цивилизации прав человека – в том числе имеющие общечеловеческую ценность идеи свободы, равенства, демократии, справедливости, правления по закону, – но отказывается от узости и ограниченности западного капиталистического взгляда на права человека. «Права человека китайского типа» появились в процессе исторического развития, они идут на смену западным «естественным правам человека». Китайский подход заменяет абстрактные надклассовые западные права человека конкретными и реальными правами, приводит их в соответствие с жизненными интересами и запросами широких народных масс, объединяет коллективные и индивидуальные права человека, заменяет основанные на индивидуальном либерализме западные права человека, еще лучше защищает интересы всего народа. В китайской цивилизации прав человека первостепенное место занимают права людей на существование и развитие, на место

одностороннего западного акцента на гражданских и политических правах приходит скоординированное развитие различных прав человека.

Одним из источников формирования современной китайской трактовки прав человека, по мнению исследователя, стало обобщение советского опыта, позволившее Китаю выйти за рамки традиционной социалистической модели прав человека. «В условиях социализма советского образца вопросы прав человека игнорировали, в реальной жизни долгое время имели место явления серьезных нарушений прав человека. Вопрос прав человека стал мягким подбрюшьем советской модели социализма. Права человека при социализме советского типа в значительной степени вызвали кризис доверия к социализму, они послужили серьезным уроком» [14, р. 16]. Лу Гуанцзинь полагает, что в годы реформ КПК смогла сделать выводы из советского опыта, «в особенности из перескакивания через стадии развития, поверхностного отношения к народному благосостоянию, игнорирования демократии и правления по закону». Китайским ответом на неудачу СССР стало признание необходимого и долгосрочного характера усилий по защите прав человека под руководством партии в условиях социалистического строя.

Лу Гуанцзинь выделил три характеристики новой формы цивилизации прав человека китайского типа: социализм придает ей «базовую окраску» (本色), китайская цивилизация - «исходную окраску» (底色), инновации и развитие создают «новую окраску» (新色). Связь с традицией не поверхностна и не случайна, ведь эта форма цивилизации прав человека представляет собой «концентрированное воплощение китайской цивилизации в области прав человека». По мнению исследователя, традиционные китайские идеалы уважения к человеку и его защиты воплощены в идеях гуманности и доброжелательности (仁爱友善), идеологии отношения к человеку как основе государства (民本主义), культуры гармонии (和合文化), единства Неба и человека (天人合一), общества малого благосостояния (小康社会), Великого мира в Поднебесной (天下太平), мира Великого единения (大同世界). Китайский «культурный ген» уважения к жизни, прекрасные добродетели заботы о людях, уважения к старым и любви к юным, по мнению эксперта, оказали глубокое воздействие на понимание прав человека в современном Китае. Занимающие заметное место в современном политическом лексиконе формулировки «народ превыше всего» (人民至上), «жизнь превыше всего» (生命至上), увеличение благополучия (增进福祉), всесторонняя малая зажиточность (全面小康), общее процветание (共同富裕) – все они «обладают явной китайской спецификой, окраской и стилем, отражают глубокую исходную окраску китайской цивилизации» [14, р. 17].

Наследие классиков марксизма влияет на современную китайскую трактовку прав человека. Заметно внимание к фразе из «Манифеста коммунистической партии»: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [15, с. 447]. Эта цитата вошла в выступление Си Цзиньпина на коллективной учебе ПБ ЦК КПК [11, р. 4].

Лу Гуанцзинь указал на необходимость глубже исследовать марксистскую теорию «ассоциации» (кит. 联合体) в интересах развития концепции прав человека. Исследователь заявил, что строительство социализма с китайской

спецификой создает предпосылки для свободного и всестороннего развития каждого человека. Построение сообщества судьбы человечества также создает условия для свободного и всестороннего развития каждого [4, p. 16]. Обсуждение прав человека придало ключевой концепции внешнеполитической идеологии Китая марксистскую трактовку. «Сообщество судьбы человечества» стало синонимом реализации права на свободное всестороннее развитие для всех людей на нашей планете.

Особое внимание Лу Гуанцзинь уделил «праву на счастье» (幸福权). Эта формулировка восходит к словам Си Цзиньпина: «счастливая жизнь народа – величайшее право человека», которые, по мнению исследователя, отразили углубление понимания первостепенной важности прав на существование и развитие, придали новое содержание правам человека в Китае в новую эпоху. «Счастливая жизнь народа» охватывает материальную и духовную жизнь, поэтому «право на счастье» названо всеобъемлющим правом человека. Его основа – права на существование и развитие, его содержание сводится к осуществлению экономических, социальных, культурных, экологических прав граждан, оно охватывает права граждан на равноправное участие и развитие, его цель – способствовать свободному всестороннему развитию человека [4, p. 17].

Заключение

Современная китайская концепция прав человека требует придерживаться руководства КПК, уважать положение народа как «субъекта», исходить из реальности Китая, считать основными правами человека права на существование и на развитие, обеспечивать законодательную защиту прав человека, добиваться активного участия Китая в глобальном управлении правами человека. Официальная трактовка «китайского пути развития прав человека» настаивает на соединении марксистской концепции прав человека, китайской реальности, традиционной китайской культуры и достижений человеческой цивилизации.

Сформулированная в период правления Си Цзиньпина концепция «общей судьбы человечества» выступает как целевое обоснование пропаганды китайской трактовки прав человека в окружающем мире. В рамках активной наступательной стратегии Китай стремится занять «моральные высоты» на мировой сцене для того, чтобы стать точкой притяжения, прежде всего – для развивающихся стран.

Содержание современной китайской концепции прав человека заслуживает внимательного и вдумчивого отношения со стороны российских исследователей. Данная проблема важна для изучения внутренней и внешней политики Китая. Знания в этой сфере необходимы для принятия государственными структурами обоснованных решений по поддержке китайских международных инициатив в области прав человека. Также следует обратить внимание на практику подключения научного сообщества КНР к разработке собственной трактовки прав человека на базе соединения универсальных концепций с национальной культурно-исторической традицией. Опыт борьбы Китая за влияние на формирование мировой повестки дня по вопросам прав человека представляет для нашей страны очевидный интерес.

Литература

1. Цвык А. В. Права человека: взгляд из Китая. *Азия и Африка сегодня*. 2017;(10):51-55.

2. Huawen Liu. *China's Path of Human Rights Development*. Singapore: Springer, China Social Sciences Press; 2022. X, 228 p.

3. Люй Ивэй. Развитие и созревание взглядов на суверенитет и права человека в нашей стране начиная с 90-х гг. XX века. *Яньтай дасюэ сюэбао: чжэ-сюэ шэхуэй кэсюэ бань*. 2017;(6):43-48. 吕怡维. 20世纪90年代后我国主权观和人权观的发展与成熟. *烟台大学学报:哲学社会科学版*. 2017: (6). (На кит. яз.).

4. Лу Гуанцзинь. Права человека в исторической перспективе: путь и вклад Китая. *Хунци вэньгао*. 2021;(1):10-18. 鲁广锦. 历史视域中的人权:中国的道路与贡献. *红旗文稿*. 2021;(1). (На кит. яз.).

5. *Подборка суждений Си Цзиньпина об уважении и защите прав человека*. Сост.: Институт истории партии и документации ЦК КПК. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ; 2021, 198 с. 习近平关于尊重和保障人权论述摘编. 编者:中共中央党史和文献研究院. 北京:中央文献出版社, 198页. (На кит. яз.)

6. Мо Цзихун. Историческая логика, теоретический базис и основные характеристики пути развития прав человека с китайской спецификой. *Шань-си шидя сюэбао: шэхуэй кэсюэ бань*. 2022;(3):1-10. 莫纪宏. 论中国特色社会主义人权发展道路的历史逻辑、理论基础及基本特征. *山西师大学报:社会科学版*. 2022;(3). (На кит. яз.)

7. Мо Цзихун. Сердцевинная концепция прав человека в высказываниях Си Цзиньпина об уважении и охране прав человека государством. *Цюши сюэкань*. 2022;(2):15-25. 莫纪宏. 习近平关于国家尊重和保障人权论述的核心理念. *求是*. 2022;(2). (На кит. яз.).

8. Ван Кунь, Ван Юйпэн. Четыре измерения вклада генерального секретаря Си Цзиньпина в дело прав человека в современном Китае. *Чунцин лигун дасюэ сюэбао: шэхуэй кэсюэ*. 2022;(1):31-40. 王琨, 王玉鹏. 习近平总书记对当代中国人权事业的四维贡献. *重庆理工大学学报:社会科学*. 2022;(1). (На кит. яз.).

9. Го Е. Путь прав человека прекрасной жизни новой эпохи – теория прав человека идей правового правления Си Цзиньпина. *Хуадун чжэньфа дасюэ сюэбао*. 2021; (5): 93-108. 郭晔. 新时代美好生活的入权之道 – 习近平法治思想的入权理论. *华东政法大学学报*. 2021;(5). (На кит. яз.).

10. Ян Аньци. «Теория центральности народа» во взгляде на права человека устанавливает новые координаты для современного развития международного дела прав человека. *Цзяоцзо дасюэ сюэбао*. 2022;(1):1-10. 杨安琪. "人民中心论"人权观为当代国际人权事业发展树立新坐标. *焦作大学学报*. 2022;(1). (На кит. яз.).

11. Си Цзиньпин. Неуклонно следовать по китайскому пути прав человека, еще лучше продвигать дело прав человека в нашей стране. *Цюши*, 2022;(12):4-10. 习近平. 坚定不移走中国人权发展道路 更好推动我国人权事业发展. *求是*. 2022;(12). (На кит. яз.).

12. Лю Чжицян. Очерк «трех больших систем» китайского правоведения прав человека. *Чжунго фасюэ*. 2022;(2):45-63. 刘志强. 中国人权法学"三大体系"论纲. *中国法学*. 2022;(2). (На кит. яз.).

13. Хун Янь. Руководство партии – это коренная гарантия развития дела прав человека в Китае. *Хунци вэньгао*. 2022;(5):47-48. 红言. 党的领导是中国人权事业发展的根本保证. *红旗文稿* 2022;(5). (На кит. яз.).

14. Лу Гуанцзинь. О новой форме цивилизации прав человека китайского типа. *Цзилинь дасюэ шэхуэй кэсюэ сюэбао*. 2022;(3):5–18. 鲁广锦.论中国式人权文明新形态. *吉林大学社会科学学报*. 2022;(3). (На кит. яз.).

15. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 4. М.: Госполитиздат; 1955. С. 423–459.

Информация об авторе

Ломанов Александр Владимирович – доктор исторических наук, профессор РАН, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, ✉ a_lomanov@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2676-4271>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена рецензентами 20.11.2022; принята к публикации 25.11.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Tsvyk A. V. Human Rights: a View From China. *Asia and Africa Today*. 2017;(10):51–55. (In Russ.).

2. Huawen Liu. *China's Path of Human Rights Development*. Singapore: Springer, China Social Sciences Press; 2022. X, 228 p.

3. Lu Yiwei. The Development and Maturity of my Country's Views on Sovereignty and Human Rights after the 1990s. 20 Shiji 90 niandai hou woguo zhuquan guan he renquan guan de fazhan yu chengshu. *Yantai daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban*. 2017;(6):43–48 (In Chinese).

4. Lu Guangjin. Human Rights in Historical Perspective: China's Path and Contribution. Lishi shi yu zhong de renquan: Zhongguo de daolu yu gongxian. *Hongqi wengao*. 2021;(1):10–18. (In Chinese).

5. *Excerpts from Xi Jinping's Discussion on Respecting and Protecting Human Rights*. Ed.: Institute of Party History and Literature of the Central Committee of

the Communist Party of China. Xi Jinping guanyu zunzhong he baozhang renquan lunshu zhaibian. Bianzhe: Zhonggong zhongyang dang shi he wenxian yanjiuyuan. Beijing: Central Literature Publishing House; 2021. 198 p. (In Chinese).

6. Mo Jihong. On the Historical Logic, Theoretical Basis and Basic Characteristics of the Development Path of Human Rights of Socialism with Chinese Characteristics. Lun Zhongguo tese shehuizhuyi renquan fazhan daolu de lishi luoji, lilun jichu ji jiben tezheng. *Shanxi shida xuebao: shehui kexue ban*. 2022;(3):1-10. (In Chinese).

7. Mo Jihong. The Core Human Rights Concept of Xi Jinping's Discourse on National Respect and Protection of Human Rights. Xi Jinping guanyu guojia zunzhong he baozhang renquan lunshu de hexin renquan linian. *Qiushi xuekan*. 2022;(2):15-25. (In Chinese).

8. Wang Kun, Wang Yupeng. General Secretary Xi Jinping's Four-dimensional Contribution to the Cause of Human Rights in Contemporary China. Xi Jinping zongshuji dui dangdai Zhongguo renquan shiye de siwei gongxian. *Chongqing ligong daxue xuebao: shehui kexue*. 2022;(1):31-40. (In Chinese).

9. Guo Ye. The Human Rights Way for a Better Life in the New Era – The Human Rights Theory of Xi Jinping Thought on the Rule of Law. Xin shidai meihao shenghuo de renquan zhi dao – Xi Jinping fazhi sixiang de renquan lilun. *Huadong zhengfa daxue xuebao*. 2021;(5):93-108. (In Chinese).

10. Yang Anqi. The “People-centered Theory” View of Human Rights Establishes a New Coordinate for the Development of Contemporary International Human Rights Cause. “Renmin zhongxin lun” renquan guan wei dangdai guoji renquan shiye fazhan shuli xin zuobiao. *Jiaozuo daxue xuebao*. 2022;(1):1-10. (In Chinese).

11. Xi Jinping. Unswervingly Follow the Path of China's Human Rights Development to Promote Better the Development of my Country's Human Rights Cause. Jianding bu yi zou Zhongguo renquan fazhan daolu geng hao tuidong woguo renquan shiye fazhan. *Qiushi*. 2022;(12):4-10. (In Chinese).

12. Liu Zhiqiang. Outline of “Three Systems” of Chinese Human Rights Law. Zhongguo renquan faxue “san da tixi” lun gang. *Zhongguo faxue*. 2022;(2):45-63. (In Chinese).

13. Hong Yan. The Party's Leadership is the Fundamental Guarantee for the Development of China's Human Rights Cause. Dang de lingdao shi Zhongguo renquan shiye fazhan de genben baozheng. *Hongqi wengao*. 2022;(5):47-48. (In Chinese).

14. Lu Guangjin. On the New Form of Chinese-style Human Rights Civilization. Lun Zhongguo shi renquan wenming xin xingtai. *Jilin daxue shehui kexue xuebao*. 2022;(3):5-18. (In Chinese).

15. Marx K., Engels F. Manifesto of the communist party. In: Marx K., Engels F. *Works*. Vol. 4. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1955, pp. 423-459. (In Russ.).

Information about the author

Alexander V. Lomanov – Dr. Sci. (Hist.), Professor of Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, a_lomanov@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2676-4271>.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 25.11.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья
УДК 339.9:093.3(510)"1928-2019"
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-898-914>

Исторические науки

Ранний этап согласования позиций Москвы и Пекина по сооружению Атомной электростанции (1982–1991)

Сергей Николаевич Гончаров

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
goncharovsn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8774-0869>

Аннотация. По оценке китайских экспертов, АЭС «Тяньвань», сооружаемая с использованием российского оборудования и при техническом содействии РФ, если учесть седьмой и восьмой энергоблоки, которые планируется пустить в эксплуатацию в 2026 и 2027 гг., станет самой большой атомной электростанцией в мире. Процесс согласования позиций сторон по этому проекту, начавшийся еще в 1982 г., был очень сложным и порой драматичным. При этом, благодаря исследованиям и воспоминаниям ведущих участников проекта с российской стороны, мы достаточно хорошо представляем себе, как происходила выработка позиции РФ и переговоры с КНР после распада Советского Союза. Вместе с тем, мы практически ничего не знаем о том, как проходила проработка проекта в советский период. Данная статья призвана в какой-то степени заполнить эту лауну. Основным источником для нас послужили дневники премьера Госсовета КНР Ли Пэна (1928–2019), посвященные развитию ядерной энергетики в КНР. Использовались также другие тематические дневники главы китайского правительства.

Ключевые слова: АЭС, Китай, КНР, координация, сотрудничество, СССР, Тяньвань

Для цитирования: Гончаров С. Н. Ранний этап согласования позиций Москвы и Пекина по сооружению Атомной электростанции (1982–1991). *Ориенталистика*. 2022;5(4):898–914. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-898-914>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

The early stage of coordination of Moscow and Beijing Positions on the construction of the Nuclear power plant (1982–1991)

Sergey N. Goncharov

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
<https://orcid.org/0000-0001-8774-0869>, goncharovsn@gmail.com

Abstract. According to the appraisal of the Chinese experts, the “Tianwan” nuclear power station, that has been constructed with the application of the Russian equipment and with the Russian Federation technical support, is the biggest in the world if we take into consideration № 7 and № 8 energy units, that would enter service in 2026 and 2027. The process of positions coordination between the two parties has started already in 1982 and was a very complicated and even dramatic one. We have to point out that, thanks to the leading Russian participants of the Project, we do understand quite well how the Russian position on the project has evolved and how the negotiations with the PRC were executed after the breakdown of the Soviet Union. At the same time, we know almost nothing about the development of this project during the Soviet period. This article is aimed at filling in that blanc space to a certain extent. Our main source was the dairy of the PRC State council premier Li Peng (1928–2019) that was devoted to the PRC nuclear energy development. Other diaries of the Chinese prime – minister, devoted to several specific topics, were also utilized.

Keywords: China, PRC, USSR, Tianwan, NPP, coordination, cooperation

For citation: Goncharov S. N. The early stage of coordination of Moscow and Beijing Positions on the construction of the Nuclear power plant (1982–1991). *Orientalistica*. 2022;5(4):898–914. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-898-914>.

Выбор проекта АЭС

По оценке китайских экспертов, АЭС «Тяньвань», сооружаемая с использованием российского оборудования и при техническом содействии РФ, если учесть 7-й и 8-й энергоблоки, которые планируется пустить в эксплуатацию в 2026 и 2027 гг., станет самой большой атомной электростанцией в мире [14]. Процесс согласования позиций сторон по этому проекту, начавшийся еще в 1982 г., был очень сложным и порой драматичным. При этом, благодаря исследованиям и воспоминаниям ведущих участников данного проекта с российской стороны, мы достаточно хорошо представляем себе, как происходила выработка позиции РФ и переговоры с КНР после

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

распада Советского Союза [1, 2, 3, 4]. Вместе с тем, мы практически ничего не знаем о том, как происходила проработка проекта в советский период. Данная статья призвана в какой-то степени заполнить эту лауну. Основным источником для нас послужили дневники такого выдающегося деятеля, как премьер Госсовета КНР Ли Пэн (1928–2019), посвященные развитию ядерной энергетики в КНР [5]. Использовались также и другие тематические дневники Ли Пэна.

После выступления Л. И. Брежнева в Ташкенте в конце марта 1982 г. с призывом к улучшению отношений с КНР, китайская сторона приняла решение об определенном «размораживании» торгово-экономического сотрудничества с СССР. В этих условиях в Китае выявилось два подхода к осуществлению интересующего нас проекта АЭС. Представители «политического» крыла китайского руководства (прежде всего МИД КНР) исходили из того, что серьезные переговоры по проекту АЭС (равно как и по другим проектам, связанным с высокими технологиями) могут начаться только после достижения существенного прогресса в устранении «трех препятствий» (сокращение группировки советских войск на границе с КНР и в Монголии, вывод советских войск из Афганистана и побуждение вьетнамского руководства к выводу войск из Кампучии). Именно такого подхода придерживался сам Дэн Сяопин¹ [6].

Такие практики, как Ли Пэн, вели себя по-иному. Как явствует из его «ядерного» дневника, Ли Пэн неоднократно делал «политически корректные» заявления общего плана о необходимости противостояния советским попыткам «оторвать» реализацию столь крупных проектов, как АЭС, от процесса «устранения трех препятствий»². На практике, однако, мы не можем назвать ни единого примера того, чтобы Ли Пэн искусственно тормозил процесс проработки проекта АЭС из-за неурегулированных вопросов по поводу «трех препятствий».

¹ 20 июля 1982 г. [Дэн Сяопин] прочитал доклад Министерства внешнеэкономического сотрудничества и торговли, а также МИД [озаглавленный] «Просьба об указании относительно обсуждения с Советским Союзом вопросов технического преобразования наших горнорудных предприятий», и наложил такую резолюцию: «При контактах с Советским Союзом необходимо, прежде всего, начинать с разговора о политических проблемах» [15, с. 831]; 9 декабря 1982 г. он прочел «Доклад с просьбой об указании относительно китайско-советского научно-технического сотрудничества и проектов осуществления контактов», подготовленный министерством внешнеэкономических связей и внешней торговли. Он наложил резолюцию: «Что касается научно-технического сотрудничества между Китаем и Советским Союзом, то не нужно всем наперебой бросаться заниматься этим, прежде всего нужно сделать одно-два дела, их ни в коем случае не должно быть много. Необходимо избежать такой атмосферы, когда вы настолько голодны, что едите что попало» [15, с. 877].

² Во время визита советского вице-преьера **И.В.Архипова** заместитель министра иностранных дел КНР Цянь Цичэнь сопровождал его во время посещения нефтехимического комбината «Алеет Восток». **И.В.Архипов** сказал: «Если говорить о нормализации отношений между двумя государствами, то нам, тем, кто занимается экономической работой, разговаривать легко; это вам, тем, кто занимается политической работой, трудно справиться с ней». На самом деле его высказывания были неправильными, политика и экономика тесно связаны и не могут быть разделены [5, с. 278. Запись от 25.12.1984].

В идеале советская сторона надеялась на возможность осуществить модернизацию всех 156 объектов, построенных Советским Союзом в течение 1950-х гг. Однако же китайская сторона отнюдь не предполагала отдавать советской контракты на все эти объекты³. К началу 1980-х гг. эксперты КНР были отлично осведомлены о сравнительном уровне западных и советских технологий в различных сферах. В связи с этим в Пекине приняли решение о том, что подавляющее большинство объектов будет модернизировано во взаимодействии с развитыми странами Запада и Японией. Вместе с тем, китайские эксперты внимательно присматривались и к советским технологиям, не исключая возможности их применения. К таковым, с точки зрения Ли Пэна, относились технологии строительства и эксплуатации атомных электростанций.

Первые проявления интереса к советскому опыту выработки электроэнергии возникли в КНР уже в мае 1982 г. Началось все с такой нейтральной и невинной темы, как советский опыт строительства и эксплуатации проходков для рыбы в плотинах ГЭС [5, с. 41–42. Запись от 10.05.1982].

Впервые Ли Пэн упомянул о целесообразности прозондировать возможность приобрести в СССР оборудование АЭС во время беседы с министром внешней торговли КНР Чжэн Тобином 10 сентября 1982 г. В тот момент закупка столь сложной и деликатной техники представлялось китайским чиновникам высокого уровня очень острой и неоднозначной проблемой. В связи с этим китайский министр предложил, чтобы совместный доклад в ЦК КПК был подготовлен Министерствами ирригации и электроэнергетики, внешней торговли и иностранных дел. Речь шла о том, чтобы получить именно политическое «добро» от Центрального Комитета [5, с. 69].

Спустя две недели после подачи доклада и, судя по всему, именно в связи с ним у Ли Пэна состоялась беседа с послом КНР в Советском Союзе Ян Шоучжэном [5, с. 70. Запись от 25.09.1982]. Позиция, выраженная китайским дипломатом, явно была призвана «охладить пыл» китайских энергетиков, уговорить их не торопиться с переговорами по АЭС и начать дискуссии только после достижения значительного прогресса в ликвидации «трех больших препятствий» в отношениях с СССР.

Развитие событий, однако же, нарушило такую «стратегически выверенную» позицию китайского внешнеполитического ведомства. В начале ноября 1982 г. стало известно, что Государственный департамент США ужесточил ограничения и запреты на сотрудничество с Китаем в сфере мирного атома, в том числе и по строительству АЭС. Очень может быть, что именно в связи с этим Ли Пэну последовал звонок от Сун Пина (тогдашнего заместителя председателя Госплана) и министра внешней торговли Чжэн Тобиня с просьбой разузнать цены на атомные электростанции советского производства. Выяснилось, что цены эти «несколько ниже», чем на АЭС западноевропейского производства [7, т. 2, с. 556. Запись от 8.11.1982].

³ «Согласно анализу, проведенному японцами, в улучшении китайско-советских отношений имеется экономический фактор – Китай надеется реконструировать 156 старых объектов» [5, с. 73. Запись от 8.11.1982]. Практика показала, что этот анализ был не совсем верным. КНР явно стремилась максимально реконструировать эти проекты во взаимодействии с западными странами и с Японией. Сообщения из Пекина о заинтересованности в сотрудничестве с Москвой позволяли создать выгодную для Китая конкуренцию.

Учитывая такой интерес высокого руководства к советским технологиям АЭС, Госсовет КНР дал согласие на предложение Ли Пэна – после визитов в Великобританию и Францию для обследования проектов АЭС посетить также атомную электростанцию в Финляндии, где использовалось оборудование советского производства [5, с. 73. Запись от 8.11.1982; 7, т. 2, с. 557]. Интересно, что сам Ли Пэн считал главной задачей своей зарубежной поездки именно визит на эту «советскую» АЭС [5, с. 102. Запись от 29.11.1982].

У Ли Пэна остались самые позитивные впечатления от этой инспекционной поездки и с технической, и с экономической (цены) точки зрения. Для китайского руководителя очень существенно было и то, что АЭС «Ловииза» смогла удовлетворить высокие требования финнов в таких сферах, как безопасность и охрана окружающей среды⁴ [5, с. 103–105. Запись от 30.11.1982].

Здесь следует сделать небольшое отступление. Общеизвестно, что важнейшим проектом своей жизни Ли Пэн считал гигантскую ГЭС «Три ущелья». Готовясь к реализации этого проекта, Ли Пэн объехал крупнейшие ГЭС в различных странах мира. В 1986 г. он во главе делегации посетил Асуанскую ГЭС в Египте, которая, как известно, построена при содействии Советского Союза. Ли Пэн положительно оценил вклад этого проекта в развитие египетской экономики. В то же время он отрицательно оценил качество советского оборудования для гидроэлектростанции [8, с. 102. Запись от 10.10.1986].

Эти негативные оценки послужили одной из важных причин для решения не использовать оборудование советского производства на ГЭС «Три ущелья». Точно так же, в целом положительные выводы по итогам посещения АЭС в Финляндии стали важным фактором, убеждавшим Ли Пэна, что целесообразно будет строить в Китае атомную электростанцию с использованием советских технологий.

Крайне интересно, что в тот период, когда Ли Пэн посещал АЭС «Ловииза», главным российским представителем на этом объекте был В. В. Козлов. Спустя 10 лет стороны пришли к согласию относительно постройки в Китае АЭС, прототипом которой послужила финская атомная электростанция. Волею судеб именно В. В. Козлову довелось руководить организацией работ с российской стороны⁵.

⁴ В своих воспоминаниях А. К. Нечаев подробно рассказывает, как взаимодействие с финскими партнерами побуждало советскую сторону выходить на западный уровень качества и сколь трудно, даже болезненно, проходил этот процесс [2].

⁵ После посещения АЭС «Ловииза» Ли Пэн решил назначить финского инженера советником с китайской стороны при реализации проекта АЭС. В «Дневнике Ли Пэна» сохранились примеры работы с таким советником. Например, есть сведения о том, как финские специалисты подробно сравнивали для китайского вице-преьера различные характеристики советских и французских АЭС [5, с. 156–157. Запись от 2.07.1983]. Этим советником стал директор АЭС А. Пальмгрен. Как рассказывал мне В. В. Козлов, который был тогда главой представительства на проекте, в конце декабря 1997 г., во время подписания Генерального контракта на строительство АЭС, Пальмгрен занял почетное место среди российских и китайских участников проработки проекта, которые выстроились для участия в церемонии. Китайские распорядители вежливо вывели А Пальмгрена из этих российско-китайских рядов и поставили в отдельную группу граждан третьих стран.

13 декабря 1982 г. Госсовет КНР на пленарном заседании одобрил итоги поездки Ли Пэна в Финляндию [5, с. 109].

Судя по всему, сведения о том, что в Китае на официальном уровне стали рассматривать возможность проведения с СССР переговоров о постройке АЭС, быстро распространились в международном профессиональном сообществе. По крайней мере, уже в январе 1983 г. Ли Пэн зафиксировал предложение американской компании о постройке АЭС, явно направленное на то, чтобы «сдержать попытки Китая закупить советское оборудование» [5, с. 118, 119. Записи от 21.01 и 25.01.1983].

Опираясь на вышеупомянутое решение Госсовета об итогах посещения финской АЭС, Ли Пэн стал официально продвигать идею о необходимости развернуть переговоры с СССР. 1 февраля 1983 г. в беседе с представителем китайского внешнеэкономического ведомства Ли впервые поставил вопрос о том, чтобы китайская сторона внесла оборудование для АЭС в перечень товаров, приобретаемых у Советского Союза [5, с. 119–120. Запись от 1.02.1983; 7, т. 2, с. 604].

9 марта 1983 г. Ли Пэн выступил на пленарном заседании Госсовета КНР, специально посвященном развитию ядерной энергетики [5, с. 126–127]. Там он сообщил о планах первоначально построить в Китае три АЭС – одну в Гуандуне (тогда уже шли переговоры о реализации этого проекта франко-английским консорциумом), другую в Восточном Китае (через некоторое время приняли решение, что это будет Циньшаньская АЭС под Шанхаем) и третью в Северо-Восточном Китае. Впоследствии выяснилось, что именно эту Северо-Восточную АЭС китайские руководители предполагали строить совместно с СССР.

В том же выступлении Ли Пэн впервые более развернуто сформулировал тактическую цель переговоров с СССР: «Через сотрудников более низкого уровня можно прозондировать возможность закупки оборудования АЭС у Советского Союза для того, чтобы он конкурировал с Францией и США. Очень может быть, что в будущем мы заполучим в свои руки именно советские технологии, поскольку их легко освоить».

Первый этап переговоров

В мае 1983 г. перед китайской стороной встал вопрос о том, каким образом инициировать переговоры по АЭС с советской стороной. Когда Ли Пэну показалось, что китайские руководители высокого ранга стали тормозить принятие решения о начале переговоров, он немедленно проявил гибкость и предложил один из двух возможных вариантов – либо пригласить советских специалистов в КНР для технических переговоров, либо провести зондажные контакты с советским торгпредством по теме АЭС. В конечном счете ему разрешили действовать по собственному усмотрению [5, с. 148–149. Запись от 12.05.1983; 7, т. 2, с. 671. Запись от 12.05.1983].

Судя по всему, первые обсуждения с СССР вопросов взаимодействия по АЭС состоялись в начале лета 1983 г. Ли Пэн в очередной раз возвратился к этой теме 29 июля. На сей раз в его настроении не чувствовалось особого энтузиазма: «По вопросу о ядерной энергетике все еще можно проводить переговоры с Советским Союзом, однако не нужно просить у Советского Союза;

мы всего лишь предоставляем Советскому Союзу возможность для поставки товаров» [5, с. 161–162].

Мне кажется, такие пессимистические нотки вряд ли вызваны неудачей конкретных технико-экономических переговоров по АЭС на экспертном уровне. Скорее всего, здесь сказалось общая неудовлетворенность китайской стороны советским подходом к «устранению трех препятствий», который Москва стала проводить при Ю. В. Андропове. В это время советская сторона в переговорах с китайской стала настаивать на том, что ликвидация «трех препятствий» не должна затрагивать интересы третьих стран. Вследствие этого из сферы переговоров фактически устранялись такие крайне важные для Пекина темы, как вывод вьетнамских войск из Кампучии и вывод советских войск из Афганистана. Дэн Сяопин высказывал сильное недовольство такой позицией советского руководства [8, т. 1, с. 4. Запись от 29.08.1983]. Это, конечно, не могло не сказаться на атмосфере первых консультаций по АЭС. При всем том стоит отметить, что Ли Пэн не стал призывать к полному прекращению консультаций. Он лишь рекомендовал не демонстрировать во время переговоров, насколько китайская сторона заинтересована в договоренности по АЭС.

Невзирая на такой не совсем благоприятный поворот событий, Ли Пэн продолжал предпринимать шаги по практическому продвижению сотрудничества с СССР в проекте АЭС. Во главе рабочей группы он совершил инспекционную поездку в провинцию Ляонин и утвердил там выбор площадки в Сюйдапу (в области г. Хулудао) [5, с. 168. Запись от 20.09.1983]. 12 октября 1983 г. состоялось первое заседание рабочей группы китайского правительства по АЭС. Пунктом 8 повестки дня был поставлен вопрос о «возможности импорта оборудования АЭС из Советского Союза» [5, с. 170].

Ситуация существенно изменилась в самом начале декабря 1983 г., когда «Советский Союз официально заявил, что хотел бы поставить ядерную электростанцию с блоками единичной мощности 440 МВт или 1000 МВт, а также ядерное топливо...» [5, запись от 3.12.1983]. Уже через несколько дней авторитетное совещание под председательством Ли Пэна приняло решение внести в перечень товаров, которые китайская сторона хотела бы приобрести у российской, «два блока АЭС по 1000 МВт каждый» [5, с. 176. Запись от 8.12.1983].

В конце января 1984 г. стало известно, что в апреле этого года, возможно, состоится визит в Китай первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова. Китайское посольство докладывало, что в Пекине советский представитель рассчитывает достичь договоренности о взаимодействии по АЭС [5, с. 179. Запись от 27.01.1983]. Шансы на быстрый прорыв казались тогда особенно реальными, поскольку, как заявил в беседе с Ли Пэном вице-премьер Вань Ли, «...если «три препятствия» не будут разрешены, то нормализация китайско-советских отношений не продвинется далеко, однако же бизнесом можно будет заниматься» [5, с. 182. Запись от 22.02.1984].

6 марта 1984 г. Ли Пэн сделал программный доклад в министерстве ядерной промышленности. Там, в частности, он сообщил, что «...после длительных дискуссий, в конечном счете, Госсовет принял решение использовать реакторы типа ВВЭР и энергетические блоки в миллион киловатт.

Причина в том, что блоки в 1000 МВт сравнительно выгодны экономически, единичные инвестиции и себестоимость выработки электроэнергии сравнительно низкие, а технологии тоже зрелые» [5, с. 197]. В этой же речи Ли Пэн в очередной раз определил вполне понятную тактику переговоров с различными зарубежными партнерами: «Сейчас ведем переговоры с США, разговариваем с Японией, также говорим и с Советским Союзом. Товар нужно сравнивать у трех продавцов. У кого лучше условия, у того и купим» [5, с. 198].

30 марта 1984 г. Ли Пэн провел рабочее совещание, посвященное подготовке визита И. В. Архипова в КНР. Первоначально китайская сторона планировала к 1990 г. довести объем двусторонней торговли до 5 млрд долл. США. Ли Пэн внес предложение увеличить эту сумму на 1 млрд долл., в частности – для того, чтобы приобрести у СССР два блока АЭС по 1000 МВт каждый. Было решено окончательно урегулировать этот и другие вопросы на отдельном совещании, ориентировочно 20 апреля [5, с. 208].

В этот момент, когда конкретная договоренность по проекту АЭС, казалось бы, была близка как никогда, с китайской стороны на высшем уровне стали звучать тревожные нотки. В воскресенье 15 апреля 1984 г. председатель КНР Ли Сяньнянь провел совещание рабочей группы ЦК КПК по международным делам (неформальный высший орган, принимающий принципиальные решения по вопросам внешней политики). Там он, в частности, заявил, что «в самое последнее время позиция СССР сравнительно плохая, мы не обязательно сможем получить АЭС у Советского Союза» [5, с. 229]. Не смотря на эти опасения, совещание 20 апреля все же состоялось. Там было подтверждено намерение китайской стороны закупить в СССР два ядерных энергоблока [5, с. 235].

В конечном счете опасения китайской стороны подтвердились в самом худшем варианте: советская сторона «отложила» намеченный на май 1984 г. визит Архипова в Китай. Ли Пэн, находившийся в это время с визитом в ФРГ, с некоторым негодованием отметил: немецкие политики рады, что этот визит сорвался [5, с. 245, 246, 249–250. Записи от 9.05.1984, от 10.05.1984 и от 15.05.1984].

Основная причина состояла в том, что обострилось (как считали в СССР – по инициативе китайской стороны) вооруженное противостояние на китайско-вьетнамской границе. Срыв визита оказался совершенно неожиданным для российского посла в Пекине [9, с. 79].

Надо сказать, для китайской стороны внезапным оказался сам факт откладывания визита И. В. Архипова в Китай «по техническим причинам», но не то, что подобное негативное для двусторонней нормализации решение приняли советские лидеры под руководством К. У. Черненко. Ли Пэн отмечал, очевидно, выражая общее мнение своих пекинских коллег, что «по оценкам зарубежных СМИ, способности у Черненко были посредственные, идеология консервативная, возраст уже преклонный, здоровье неважное, он был переходной фигурой, не способной на серьезные действия, и [поэтому] для нормализации китайско-советских отношений требовалось еще долгое время» [8, с. 5. Запись от 19.02.1984].

В конце концов визит И.В. Архипова в Пекин состоялся в конце декабря 1984 г. В дневниках Ли Пэна нет упоминаний, обсуждалась ли на переговорах

проблема АЭС [5, с. 278. Запись от 25.12.1984]. Российские коллеги-дипломаты говорили мне, что с советской стороны политическое руководство запретило обсуждать эту тему.

Вообще, судя по дневниковым записям Ли Пэна, в обсуждении темы АЭС наступила определенная пауза. В обзорном докладе, сделанном в январе 1986 г., Ли Пэн вообще ни словом не упомянул о сотрудничестве с Советским Союзом в области АЭС.

В 1985 г., в период этой «паузы», Ли Пэн посетил АЭС в Венгрии и Чехословакии, где работали энергетические блоки, в том числе советского производства. У него остались вполне положительные впечатления [5, с. 340–341. Запись от 1.06.1985; с. 382. Запись от 17.12.1985].

Существенное продвижение в реализации проекта АЭС произошло во время первого заседания смешанной межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству в марте 1986 г. в Пекине, спустя почти год после прихода к власти в СССР М. С. Горбачёва. На заседании «Архипов в инициативном порядке поставил вопрос о сотрудничестве по АЭС. Он сказал: «Вы, прежде всего, можете отправить делегацию для обследования, а затем обсудить различные формы сотрудничества». Он привел в пример строительство АЭС в Финляндии, сказав, что 20% оборудования пришлось на долю Финляндии». Глава советской делегации пригласил китайского коллегу как можно скорее прибыть в Россию, чтобы ознакомиться с ТЭС и АЭС [5, с. 398. Запись от 16.03.1986]. Как видим, в горбачевские времена отношение к сотрудничеству с КНР по АЭС явно изменилось в лучшую сторону.

21 марта 1986 г. Ли Пэн и И. В. Архипов подписали протокол первого заседания межправительственной комиссии. Советская сторона предложила рассмотреть возможность поставки реакторов мощностью в 1000 или 440 МВт. Китайская сторона согласилась отправить группу для обследования [5, с. 401; 8, с. 18].

3 апреля 1986 г., отвечая на вопросы корреспондента гонконгской газеты «Вэньхуэй Бао», Ли Пэн заявил: «...Будем ли мы сотрудничать с Советским Союзом по АЭС, зависит от итогов обследования оборудования АЭС. Вопрос о том, будем ли мы сотрудничать, еще не вынесен на повестку дня» [5, с. 404].

Таким образом, стороны наконец-то подошли к моменту, когда в результате официальных переговоров могли согласовать тип советских реакторов и подписать соответствующие договорные документы. Именно тогда произошла Чернобыльская авария, которая оказала огромное влияние на оценки мировым общественным мнением перспектив развития ядерной энергетики.

Влияние Чернобыля на настроения в китайском обществе было очень значительным⁶. С конца апреля 1986 г. и, по крайней мере, до октября 1987 г. Ли Пэн сосредоточил все усилия на успокоении общественного мнения во «внутренней» части Китая (то есть в границах КНР) и в Гонконге. Ему также пришлось много заниматься извлечением технических уроков из Чернобыльской трагедии. Вполне понятно, что тогда у него просто

⁶ Рассмотрению вопроса о «чернобыльском синдроме» будет посвящена отдельная публикация.

не было времени вплотную заняться переговорами по приобретению советского оборудования АЭС, и в переговорах вновь возник определенный перерыв.

Решающий момент

Пик усилий советской и китайской сторон по согласованию проекта АЭС пришелся на 1989–1990 гг. Но прежде чем перейти к этой теме, целесообразно остановиться на том, каким образом предполагалось организовывать взаимные расчеты по этому крупному проекту.

Вскоре после ташкентской речи Л. И. Брежнева китайская сторона на самом высоком уровне поставила вопрос о своего рода «взаимодополняемости» экономик СССР и КНР: «[Секретарь Чэнь Юня Ван Юйцин] довел до меня [Ли Пэна] следующие точки зрения: ...выступил за то, чтобы проводить определенную торговлю с Советским Союзом. Те вещи, которые не нужны Западной Европе, могут понадобиться Советскому Союзу. Товары советской легкой промышленности никуда не годятся, однако нельзя сказать, что все товары тяжелой промышленности ни на что не годны» [5, с. 47. Запись от 25.06.1982]. Попросту говоря, китайские руководители планировали обменивать китайские товары легкой промышленности и продовольственные товары, которые не пользовались спросом на Западе, на советскую продукцию тяжелой промышленности. Для такого подхода имелись серьезные объективные причины.

Вплоть до второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. Китай испытывал острый дефицит валютных резервов⁷. Поскольку страна проводила стратегию догоняющего развития, запасы СКВ направлялись, прежде всего, на закупки самых передовых технологий для модернизации важнейших предприятий⁸. Понятно, что речь шла о приобретении технологий и оборудования в развитых странах Запада и в Японии.

Учитывая острейший валютный дефицит, в рамках вышеупомянутой стратегии Китай при любой возможности пытался внедрять товарообменные, бартерные формы расчетов даже в торговле с развитыми

⁷ «В первой половине дня Госсовет провел совещание, обсуждали проблемы валютных резервов и ценных бумаг. Осталось лишь 570 млн долларов США, также еще было 900 млн долл. США в золотых депозитах, однако же у нас были займы на 750 млн долл. США. Если в финансах возникла такого рода ситуация, трудно продержаться. Конечно, у нашей страны еще имеется 400 т золотых запасов, в пересчете – 5 млрд долл. США. В соответствии с планом импорта-экспорта этого года и неторговых доходов, у нас еще будет дефицит. Нынешнее совещание приняло решение предпринять различные меры, включая снижение импорта, чтобы до конца этого года валютные резервы превысили 2 млрд долларов. Это очень огромная и сложная задача» [10, т. 1, с. 378. Запись от 27.01.1987].

⁸ «Наша страна уже обладает определенными валютными резервами, необходимо тщательно использовать эти резервы, с огромными трудностями накопленные усилиями народа всей страны, прежде всего, чтобы импортировать передовые технологии и оборудование и тем самым ускорить преобразование существующих предприятий и усилить строительство важных для государства проектов» [10, т. 2, с. 892–893. Запись от 24.12.1991].

государствами⁹. В силу тех же причин, курс на внедрение бартерных расчетов еще жестче проводился в жизнь при экономическом сотрудничестве с СССР и странами Восточной Европы. Мы можем проследить, каким образом реализовалась такая линия в торговле с СССР, на примере таких двух важных товарных позиций, как древесина (с советской стороны) и соевые бобы (с китайской).

Рассматривая данный вопрос, мы должны иметь в виду, что в ходе советско-китайской межгосударственной торговли внешнеторговые органы обеих стран ежегодно обменивались списками, где указывалась номенклатура и объемы взаимно поставляемых товаров. Предполагалось, что в целом такая клиринговая торговля должна обеспечивать сбалансированность торгового обмена. В рамках такой системы в феврале 1983 г. советская сторона согласилась поставить в КНР 400 000 куб. м древесины. Москва предложила даже увеличить объем, поскольку в 1983 г. Япония отказалась от закупки в СССР 2 млн т кругляка [5, с. 119–120. Запись от 1.02.1983]. В марте 1984 г., во время подготовки визита в Пекин И. В. Архипова, китайская сторона планировала поставить вопрос о закупке в СССР уже 6 млн куб. м древесины. В свою очередь, китайская сторона собиралась поставить в СССР 1 млн т соевых бобов [5, с. 208. Запись от 30.03.1984].

В марте 1986 г. на первом заседании двусторонней смешанной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству выяснилось, что возникли трудности при реализации договоренностей по обеим этим позициям. Что касается древесины, то во время переговоров Ли Пэн выразил обеспокоенность тем, что советская сторона недопоставила 1 млн 200 тыс. куб. м. Китайский вице-премьер согласился, чтобы советская сторона частично заменила экспорт древесины поставками нефтепродуктов. И. В. Архипов заявил, что советская сторона приложит все усилия, чтобы увеличивать поставки древесины. Одновременно он указал, что имеются проблемы с ее разгрузкой в китайских портах [8, с. 17–18. Запись от 16.03.1986].

В свою очередь, советская сторона запросила китайскую о поставке от трех до пяти миллионов тонн соевых бобов. Китайская сторона заявила, что испытывает трудности с организацией экспорта столь крупных объемов, но подумает, как увеличить существующие продажи, и сообщит советской стороне, сколько соевых бобов сможет экспортировать [8, с. 18–19. Запись от 21.03.1986].

О том, как китайская сторона планировала решать проблемы взаимных поставок древесины и соевых бобов, мы можем судить по следующей записи в дневнике Ли Пэна, посвященном «событиям 4 июня»: «Во второй половине дня я председательствовал на совещании Группы по внешним делам.

⁹ «...Беседовал с министром промышленности Франции госпожой Эдит Крессон... она также предложила в качестве условия компенсационной торговли поставлять китайское минеральное сырье, нефть, уголь и текстиль, то есть вести бартерную торговлю. Компании «Альстом» и «Фраматом» вскоре направят письмо с предложением о бартере» [5, с. 341–342. Запись от 3.06.1985]. «Когда я говорил с (вице-президентом) Бушем, то ясно заявил, что, хотя Китай и хочет приобрести американскую АЭС, у него недостаточная способность оплачивать, поэтому мы избираем форму бартерного обмена. Я предложил поставлять сырую нефть. Буш согласился ответить после доскопального изучения.» [5, с. 358–359. Запись от 5.08.1985].

Говорили о плане приема Горбачёва. Во время официальных переговоров с Горбачёвым, помимо обсуждения вопросов китайско-советской границы, в основном будем обсуждать вопросы экономической сферы. Я собирался поставить перед Горбачёвым вопросы о закупке АЭС, дабы обменять это на согласие советской стороны заготавливать лес в рамках совместной китайско-советской деятельности. На два эти вопроса советская сторона не дала согласия на нескольких предыдущих заседаниях китайско-советской смешанной комиссии по экономическому сотрудничеству»¹⁰.

Из этого сообщения мы можем понять следующее:

1) Китайская сторона убедилась в том, что невозможно обеспечивать значительные объемы взаимных поставок такой важной продукции, как древесина и соевые бобы.

2) В связи с этим она предложила решить проблему за счет направления в СССР значительного числа китайских рабочих для заготовки древесины, выращивания соевых бобов и для других видов деятельности. На официальном уровне вопрос о направлении в Советский Союз значительного числа китайских рабочих для освоения природных ресурсов впервые обсуждался еще во время первого официального визита в Пекин Н. С. Хрущева в октябре 1954 г. Тогда советская сторона инициировала такой вариант сотрудничества, однако впоследствии спустила вопрос на тормозах¹¹.

3) Вплоть до мая 1989 г. советская сторона отвечала отказом на неоднократные предложения китайской стороны о такой форме сотрудничества.

4) Чтобы добиться советского согласия на привлечение китайской рабочей силы, Ли Пэн планировал «обменять» такую договоренность на китайское согласие сотрудничать с СССР по проекту АЭС. Таким образом китайская сторона одним выстрелом убивала двух зайцев, поскольку сама была заинтересована во взаимодействии в сфере ядерной энергетики.

В ходе официальных переговоров Ли Пэна с М. С. Горбачёвым во время визита советского лидера в Пекин в мае 1989 г. по всем этим вопросам были достигнуты следующие договоренности: «...Говоря об экономическом сотрудничестве, Горбачёв выразил позитивное отношение к таким видам сотрудничества, как отправка китайских рабочих в Сибирь для рубки лесов,

¹⁰ «关键时刻. 李鹏“六四”日记》。(Решительный момент. Дневник Ли Пэна о «четвертом июня») [11]. Этот дневник Ли Пэна никогда не публиковался официально и существует либо в виде интернет-издания (предисловие к нему датировано 6.12.2003, появилось в публичном доступе в 2010 г.), а также как печатная книга, опубликованная двумя различными китайскими издателями в США. Существовали сомнения в подлинности текста. В настоящее время преобладает мнение (с которым я солидарен), что дневники действительно написаны Ли Пэном. В «Дневнике Ли Пэна» [5, т. 1, с. 466. Запись от 12.05.1989] информация об этих переговорах изложена таким образом: «Во второй половине дня я председательствовал на заседании группы по международным делам, обсуждали работу по приему Горбачёва. В экономической области согласились выдвинуть советской стороне предложения о закупке АЭС и заготовке древесины». По сути она совпадает с содержанием записи в «Решительном моменте», однако сильно сокращена по сравнению с ней.

¹¹ Согласно воспоминаниям Н. С. Хрущёва, после начала реализации соглашения с китайской стороной о привлечении в Сибирь 200 000 китайских рабочих в советском руководстве пришли к выводу, что КНР намеревается ассимилировать население Сибири и, в конечном счете, приобрести контроль над этой территорией [12, кн. 2, с. 35–39].

подрядного строительства, высадки соевых бобов и организации совместных предприятий, однако же придерживался мнения, что реализовывать это следует путем подписания конкретных соглашений. Горбачёв в инициативном порядке предложил поставить Китаю блоки атомной станции и тепловых станций и предоставить кредит покупателю»¹².

Здесь хотелось бы обратить внимание на следующие важные моменты:

1) М.С. Горбачёв, судя по всему, согласился на китайское предложение о масштабном отправлении китайской рабочей силы в СССР. Вместе с тем, он сделал это не на условиях, предлагаемых китайской стороной. Насколько можно судить, в Пекине хотели либо получить в России нечто вроде концессий на разработку ресурсов руками китайских рабочих, либо хотели создания совместных предприятий. Каждый из таких методов позволял до предела увеличить вклад китайской стороны (рабочая сила) и минимизировать отдачу, получаемую российской стороной. Горбачёв не пошел на такой вариант и предложил по каждой позиции подписывать отдельные контракты, в которых неизбежно оговаривались бы объемы осваиваемых ресурсов, их стоимость (которая в идеале должна была ориентироваться на мировые цены), а также стоимость китайской рабочей силы. Этот вариант был гораздо менее привлекательным для китайской стороны.

2) Крайне существенно, что советская сторона в инициативном порядке предложила развернуть взаимодействие по АЭС и связала это с тем, что Москва должна выделить кредит покупателю. Таким образом, запланированный Ли Пэном «обмен» проекта АЭС на советское согласие с китайским предложением об отправке рабочей силы не состоялось. Это имело очень большое значение для судьбы проекта АЭС. Дело в том, что в действительности идея отправки в Россию значительного количества китайских рабочих не получила никакого развития. Поскольку при переговорах между Ли Пэном и М. С. Горбачёвым не возникло «связки» между этим вариантом взаимодействия

¹² «Решительный момент», Запись от 12.05.1989. В «Дневнике Ли Пэна» эти сведения изложены так: «Во второй половине дня я провел официальные переговоры с Горбачёвым. Во время разговора об экономическом сотрудничестве советская сторона в инициативном порядке поставила вопрос о поставках АЭС и тепловых энергоблоков, а также о предоставлении соответствующих кредитов покупателю» [5, с. 479. Запись от 16.05.1989]. В изложении М. С. Горбачёва содержание «экономической» части беседы выглядит так: «Затем я встретился с Ли Пэном. Вспомнили о наших встречах в Москве в марте и декабре 1985 г. и переключились на обсуждение узловых вопросов двусторонних отношений. На первый план выходили задачи существенного наращивания торгово-экономических и научно-технических взаимосвязей. Одна из перспективных идей состояла в том, чтобы советские специалисты, советские организации и предприятия приняли активное участие в модернизации многих из тех производственных объектов, которые были созданы в Китае в 1950-е гг. с помощью Советского Союза и составили костяк китайского народного хозяйства – металлургия, энергетика, транспорт, машиностроение. Китайская сторона была заинтересована в сотрудничестве. Это отвечало и нашим возможностям» [14, кн. 2]. На самом-то деле принципиальная договоренность о реконструкции Советским Союзом предприятий, построенных в Китае при содействии СССР в 1950-е гг., была достигнута еще в декабре 1984 г., во время визита И. В. Архипова. Вместе с тем, в своих мемуарах советский лидер предпочел вообще не упоминать про обмен мнениями по таким действительно острым и не решенным на тот момент вопросам, как АЭС, ТЭС и условия привлечения китайской рабочей силы.

и проектом АЭС, последний не «пошел ко дну» из-за краха плана привлечения рабочей силы и получил возможность нормального самостоятельного осуществления.

После советско-китайской встречи на высшем уровне в мае 1989 г. завязались официальные контакты между государственными органами СССР и КНР, отвечавшими за ядерные вопросы. Так, например, Е. А. Решетников в своих мемуарах сообщает, что по поручению В. Н. Михайлова (в то время заместителя министра, курировавшего вопросы вооружений) в 1990 г. он возглавил делегацию, которая должна была ознакомиться в Китае с рядом предприятий и проконсультировать их по вопросам конверсии оборонной промышленности [3].

Главное же в том, что принципиальная договоренность между Ли Пэном и М. С. Горбачёвым в мае 1989 г. создала условия для согласования и подписания правительствами СССР и КНР «Меморандума о взаимопонимании о сотрудничестве в сооружении в КНР атомной электростанции и предоставлении Советским Союзом Китаю государственного кредита». Это произошло 24 апреля 1990 г., во время официального визита Премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Москву [13, с. 8]. В данном документе обозначены все базовые параметры реализации проекта. Так были заложены основы для развертывания практической работы по осуществлению планов строительства АЭС. Однако же в результате распада Советского Союза не был подписан ни один документ из пакета документов по АЭС, предусмотренных пунктом 6 этого Меморандума.

Таким образом, несмотря на все усилия обеих сторон с 1982 г., к началу 1990-х гг. воплощение в жизнь проекта АЭС оказалось под большим вопросом.

Вопросы продвижения проекта в российский период выходят за рамки данной статьи и должны стать предметом отдельного рассмотрения.

Литература

1. Козлов В. В. Российская атомная энергетика за рубежом. Развитие, кризис, возрождение. История событий глазами участника. М.: ООО «Ваш формат», 2018. 215 с.

2. Нечаев А. К. Предчувствие больших дел. Портал «Живая история. История Минатома». Электронный ресурс: URL: http://memory.biblioatom.ru/persona/nechaev_a_k/nechaev_a_k (дата обращения: 14.10.2022).

3. Решетников Е. А. Строить АЭС – это искусство. Портал «Живая история. История Минатома». Электронный ресурс: URL: http://memory.biblioatom.ru/persona/reshetnikov_e_a/reshetnikov_e_a (дата обращения: 14.10.2022).

4. Иванов Ю. Г. Монологи старого атомщика. Портал «Живая история. История Минатома». Электронный ресурс: URL: http://memory.biblioatom.ru/persona/ivanov_yu_g/ivanov_yu_g (дата обращения: 14.10.2022).

5. 起步到发展. 李鹏核电日记. 北京: 新华出版社 (Ли Пэн. От первых шагов до развития: Дневник Ли Пэна (李鹏) о ядерной энергетике). В 2 т. Пекин: Новый Китай, 2004. 811 с. (На кит. яз.).

6. 邓小平年谱 (1975-1997) (Хронологическая биография Дэн Сяопина (1975-1997)). В 2 т.: (Пекин 北京: Изд. документации ЦК КПК, 2004. 1381 с. (На кит. яз.).

7. 电力要先行. 李鹏电力日记. 北京: 电力出版 (Ли Пэн. Электроэнергетике должен быть отдан приоритет: Дневник Ли Пэна (李鹏) об электроэнергетике). В 3 т. Пекин: Электроэнергетика, 2005. 1413 с. (На кит. яз.).

8. 和平, 发展, 合作. 李鹏外事日记. 北京: 新华出版社 (Ли Пэн. Мир, развитие, сотрудничество: Дневник Ли Пэна (李鹏) о международной деятельности). В 2 т. Пекин: Синьхуа чубаньшэ, 2008. 904 с. (На кит. яз.).

9. Внуков К. В. Малыми шагами к большой цели (эпизоды нормализации советско-китайских отношений). Дружба из поколения в поколение. Сборник статей в честь 70-летия российско-китайских дипломатических отношений. Ред. Чжоу Сяопэй, С. Н. Гончаров. Пекин: China Intercontinental Press, 2019. С. 070–081.

10. 市场与调控. 李鹏经济日记. 北京: 新华出版社 (Ли Пэн. Рынок и регулирование: Экономические дневники Ли Пэна (李鹏)). В 3 т. Пекин: Синьхуа чубаньшэ, 2007. 1736 с. (На кит. яз.).

11. 关键时刻. 李鹏“六四”日记. (Ли Пэн. Решительный момент: Дневник Ли Пэна (李鹏) о «четвертом июня»), с. 57, 63. Electronic resource: URL: xdlrNGM1M2Y2MDUtMTUxOC00Mzg2LWlZnzctNzc0NDEzZGFkMTk4(дата обращения: 1.12.20220). (На кит. яз.).

12. Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. В 2 кн. М.: Вече; 2016. 894 с.

13. Сборник российско-китайских договоров, 1949–1999. М.: Терра Спорт; 1999. 492 с.

14. Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. В 2 кн. Кн. 2. М.: Новости; 1995. 653 с.

15. 中俄建造田湾核电站二期工程总合同开始生效 (Генеральный контракт на сооружение второй очереди АЭС «Тяньвань», которую создают Россия и Китай, вступает в силу). В: 中国对外承包工程商会 (China International Contractors Association) Electronic Source: URL: <https://www.chinca.org/sjtcoc/info/38317> (дата обращения: 1.12.2022) (На кит. яз.).

Информация об авторе

Гончаров Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, © goncharovsn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8774-0869>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.10.2022; одобрена рецензентами 30.10.2022; принята к публикации 03.11.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Kozlov V. V. Russian nuclear energetics in foreign countries. Development, crisis, revival. History as seen by participant. Moscow: OOO "Vash format", 2018. 215 p. (In Rus.).
2. Nechaev A. K. Anticipation of Big Things. Living history. History of Minatom. Electronic resource: URL: http://memory.biblioatom.ru/persona/nechaev_a_k/nechaev_a_k (accessed: 14.10.2022). (In Rus.).
3. Reshetnikov E. A. Building NPS – it is a kind of art. Living history. History of Minatom. Electronic resource: URL: http://memory.biblioatom.ru/persona/reshetnikov_e_a/reshetnikov_e_a (accessed: 14.10.2022). (In Rus.).
4. Ivanov Yu. G. Monologues of old nuclear expert. Living history. History of Minatom. Electronic resource: URL: http://memory.biblioatom.ru/persona/ivanov_yu_g/ivanov_yu_g (accessed: 14.10.2022). (In Rus.).
5. Li Peng 李鹏. Qi bu dao fazhan. Lipeng hedian riji 起步到发展。李鹏核电日记 (From first steps to development. Diary of Li Peng about nuclear energetics). Beijing: Xinhua chubanshe, 北京: 新华出版社; 2004. (In Chinese).
6. Deng Xiaoping nianpu 邓小平年谱 (Chronological biography of Deng Xiaoping). Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 北京: 中央文献出版社; 2004. 1381 p. (In Chinese).
7. Dianli yao xianxing. Li Peng dianli riji 电力要先行。李鹏电力日记 (Should give priority to electric power. Diary of Li Peng about nuclear energetics). Vol. 3. Beijing: Dianli chubanshe, 北京: 电力出版社; 2005. 1413 p. (In Chinese).
8. Heping, fazhan, hezuo. Li Peng waishi riji 和平, 发展, 合作。李鹏外事日记 (Peace, development, cooperation. Diary of Li Peng about international activity). Vol. 1–2. Beijing: Xinhua chubanshe, 北京: 新华出版社; 2008. (In Chinese).
9. Vnukov K. V. Little steps to big target (episodes of normalization of Sino-Soviet relations). In: Zhou Xiaopei, S. N. Goncharov (eds) Friendship from generation to generation: collection of articles related to 70th anniversary of Sino-Russian diplomatic relations. Beijing: China Intercontinental Press; 2019. P. 070–081. (In Rus.).
10. Shichang yu tiaokong. Li Peng jingji riji 市场与调控。李鹏经济日记 (Market and regulation. Diary of Li Peng about economy). Vol. 1–3. Beijing: Xinhua chubanshe, 北京: 新华出版社; 2007. (In Chinese).
11. Guanjian shike. Li Peng "liu si" riji 关键时刻。李鹏“六四”日记 (Crucial moment. Diary of Li Peng about “4th of June”). Electronic source: URL: xdlrNGM1M2Y2MDUtMTUx-OC00Mzg2LWl3Nzc0NDZzZGFkMTk4 (accessed: 1.12.2022). (In Chinese).
12. Khrushchev N. S. Memories. Time. People. Power. Vol. 1–2. Vol. 2. Moscow: Veche, 2016. 894, [1] p. (In Rus.).
13. Collection of Sino-Russian agreements, 1949–1999. Moscow: “Terra Sport”, 1999. 492, [2] p. (In Rus.).

14. Gorbachev M. S. Life and reforms. In 2 books. Book 2. Moscow: “Novosti” Publishing, 1995. 653 p. (In Rus.).

15. Zhong e jianzao Tianwan hadianzhan erqi gongcheng zong hetong kaishi shengxiao 中俄建造田湾核电站二期工程总合同开始生效 (General contract for constructing of the Second Phase of “Tianwan” nuclear power station, which is realized by Russia and China, comes into effect). Zhongguo duiwai chengbao gongcheng shanghui 中国对外承包工程商会 (China International Contractors Association). 21.09.2011. (In Chinese).

Information about the author

Sergey N. Goncharov – Cand. Sci. (Hist.), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, © goncharovsn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8774-0869>.

Author’s Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 15.10.2022; approved after reviewing 30.10.2022; accepted for publication 03.11.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal’s website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья

УДК 330.15

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-915-926>

Исторические науки

Китай на мировом рынке металлургических ресурсов и оборудования для горнодобывающей промышленности

Елизавета Викторовна Растянникова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

e_rast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3494-7791>

Аннотация. В статье проводится анализ места и роли Китая на мировом рынке ресурсов горнодобывающей промышленности. Показано, что КНР не только является ведущим производителем металлургических ресурсов, но играет уникальную роль главного мирового импортера таких ресурсов. Мировая горнодобывающая отрасль обладает высокой концентрацией, поэтому не более десяти стран экспортируют основные металлургические ресурсы в Китай. КНР также занимает значительное место на мировом рынке оборудования для горнодобывающей промышленности. В последнее десятилетие страна стала одним из ведущих экспортеров крупной техники для горных работ. Эта отрасль мирового хозяйства отличается высокой степенью монополизации, однако, объем экспорта китайской спецтехники на мировом рынке постоянно увеличивается. В настоящее время данный факт приобретает большое значение для России, которая находится под западными санкциями, а ведущие мировые ТНК свернули поставки многих видов оборудования в страну.

Ключевые слова: Китай, горнодобывающая промышленность, оборудование для горнодобывающей промышленности, спецтехника, руды черных металлов, руды цветных металлов, внешняя торговля

Для цитирования: Растянникова Е. В. Китай на мировом рынке металлургических ресурсов и оборудования для горнодобывающей промышленности. *Ориенталистика*. 2022;5(4):915–956. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-915-926>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

China in the global market of metallurgy resources and equipment for the mining

Elizaveta V. Rastyannikova

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e_rast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3494-7791>

Abstract. The article analyzes the place of China in the world market of mining resources. It is shown that China is not only a leading producer of metallurgy resources, but also plays a unique role as the world's main importer of such resources. The global mining industry has a high concentration, so no more than ten countries export the main metallurgical resources to China. China also occupies a significant place in the world market of equipment for the mining industry. In the last decade, the country has become one of the leading exporters of large-scale mining equipment. This branch of the world economy is characterized by a high degree of monopolization, however, the export of Chinese special equipment on the world market is constantly increasing. Currently, this fact is of great importance for Russia, which is under Western sanctions, and the world's leading TNCs have curtailed the supply of many types of equipment to the country.

Keywords: China, mining industry, mining equipment, special equipment, ferrous metal ores, non-ferrous metal ores, foreign trade

For citation: Rastyannikova E. V. China in the global market of metallurgy resources and equipment for the mining. *Orientalistica*. 2022;5(4):915-926. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-915-926>.

Введение

В XXI в. Китай, воспользовавшийся преимуществами глобализации, стал одной из ведущих стран на мировой арене. Благодаря индикативному планированию в экономике страны был обеспечен уникальный баланс внутреннего финансирования, привлечения международного капитала и размещения китайских инвестиций в других странах, что позволило Китаю сегодня занять первое место в мире по объему ВВП (валового внутреннего продукта), оцененному по ППС (паритету покупательной способности), и второе место – по номинальным показателям ВВП. Особую роль в успехах КНР сыграла принятая в стране система планирования.

Пятилетние планы КНР в ретроспективе экономического роста

Обратимся к истории планирования. В Китае пятилетние планы принимает Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП). Разрабатывает планы Государственный комитет по развитию и реформе КНР (ГКРП). Первая эпоха макроэкономического планирования в стране началась с 1953 г.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

длилась с 1-го по 4-й пятилетний план (1953–1975 гг.) и была связана с первой волной индустриализации. Второй период планирования начался с реализации 5-го пятилетнего плана и длился до завершения 9-го пятилетнего плана (1976–2000 гг.). Именно на этом этапе, с провозглашением в 1978 г. политики реформ и открытости, повысилось внимание руководства КНР к рыночному регулированию. Третий этап начался с реализацией 10-го пятилетнего плана в 2001 г. Ключевым событием его стало вступление Китая в ВТО в 2001 г. Одним из основных требований вступления в ВТО была либерализация внешней торговли и ограничение директивного планирования в экономике [1].

Принятый в 2021 г. 14-й пятилетний план КНР (2021–2025 гг.) ориентирован на принципиально новую модель развития страны. Это первый социально ориентированный план, сосредоточенный на росте благосостояния народа, модернизации экономики, наращивании инвестиционной активности, повышении роли экологической составляющей экономического роста, увеличении устойчивости к внешним шокам. 14-й пятилетний план разрабатывался как основа для экономического и технологического противостояния Западу, постулирующая внутреннее развитие, которое должно стать главной защитой от санкций и внешнего давления. План предполагает формирование новой модели развития – «двойной циркуляции», в которой внутренняя экономика служит опорой, а международная составляющая ее дополняет [2]. Ретроспективно оценивая опыт планирования в Китае, хотелось бы отметить высокую степень реализации пятилетних планов, что и позволило стране занять главенствующую позицию на мировом рынке.

Мировой рынок ресурсов горнодобывающей промышленности

На мировом рынке горнодобывающих ресурсов Китай занимает не просто ведущую, а уникальную позицию. Причем для реализации 14-го пятилетнего плана спрос на ресурсы горнодобывающей, в частности, металлургической промышленности еще более увеличится.

Китай является крупнейшим в мире производителем большого числа товаров добывающей промышленности, в том числе:

- четырех видов черных металлов: молибдена, титана, вольфрама, ванадия;
- пятнадцати видов цветных металлов: алюминия, сурьмы, мышьяка, висмута, кадмия, галлия, германия, индия, свинца, ртути, редкоземельных металлов, селена, теллура, олова, цинка;
- драгоценного металла: золота;
- двух видов минерального топлива: энергетического и коксующегося угля [3].

Будучи ведущим производителем металлургических ресурсов, Китай, тем не менее, выступает главным их импортером на мировом рынке. Экономический бум, обусловленный созданием международной и национальной транспортной инфраструктуры, расширением производства крупной техники, стимулировал спрос на металлургические ресурсы, в первую очередь на руду черных металлов [4]. Так, в 2021 г. импорт железной руды в КНР был равен 1124,1 млн т, что составляло около 70% от общемирового импорта. Импорт железной руды в Китай более чем в три раза превосходил добычу внутри страны. Также страна закупала 30 млн т марганцевой руды (76% от общемирового импорта), 14,9 млн т хромовой руды (89% от общемирового импорта)¹. В связи с планами увеличения благосостояния населения в КНР

¹ ITC Trade Map. Электронный ресурс: URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения 22.06.2022).

в регионах Азии, в частности в Китае и Индии, а также в Австралии, Латинской Америке. Так как «спецификации оборудования, как правило, кастомизированы и привязаны к уникальным условиям конкретного месторождения или шахты, близость к потребителю и клиенту выступает важнейшим фактором развития цепочки производства горного оборудования» [7].

На мировом рынке действовало ограниченное количество фирм, выпускающих крупногабаритную технику для добывающей промышленности, в первую очередь, это компании США – Caterpillar, Komatsu, John Deere, Terex, японская компания Hitachi, немецкая – Liebherr, шведские – Volvo и Sandvik [8, с. 70]. Но в последнее десятилетие в число ведущих производителей оборудования для горнодобывающей промышленности вошли и надежно закрепились три китайских компании XCMG, Sany, Zoomlion.

В годы пандемии компании большинства стран мира обнаруживали спад объема продаж. Исключением стали китайские фирмы, которые в 2020–2021 гг. не только показали прирост показателя благодаря принятому правительством плану по стимулированию экономики, но и внесли заметные изменения в сам рейтинг. С 2010 до 2018 г. объем экспорта китайской спецтехники увеличился с 11,2 млрд долл. до 21,9 млрд долл. В 2018–2019 гг. экспорт китайской спецтехники держался на уровне 22 млрд долл., но к 2020 г. сократился до 19,4 млрд долл. Упомянутый выше правительственный план был принят в апреле, и уже в 2021 г. продажи взлетели до 27 млрд долл. Доля страны в объеме мирового экспорта росла относительно стабильно с 11% в 2010 г. до 13% в 2014 г. и до 17% в 2021 г. (см. рис. 1).

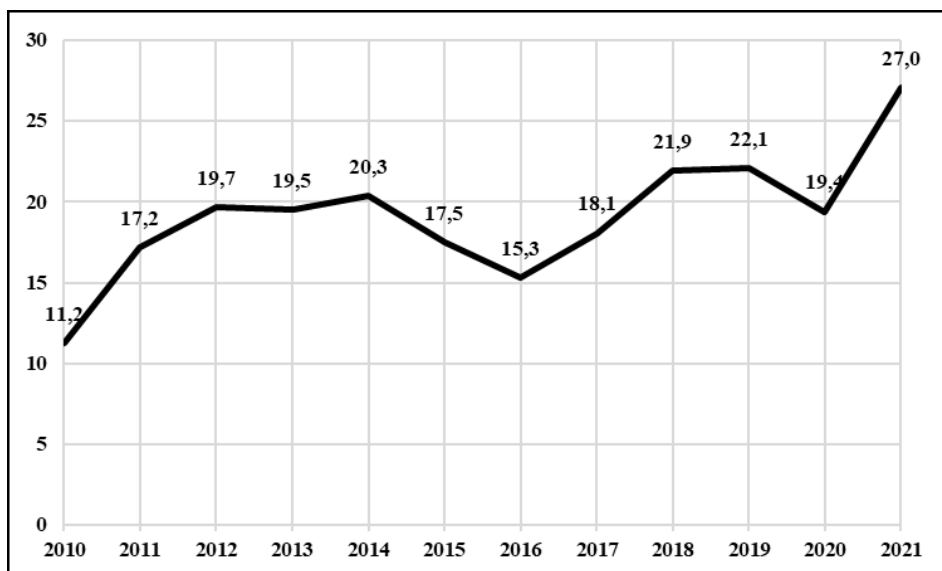

Рис. 1. Китай: экспорт спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности (млрд долл.). Рассчитано автором³

Fig. 1. China: export of special machinery and equipment for mining. Calculated by the author

³ ITC Trade Map. Электронный ресурс: URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения 22.06.2022).

Три китайских производителя крупного оборудования (XCMG, Sany, Zoomlion) не только увеличили свои экспортные возможности, но и заняли к 2021 г. ведущие места в мировом рейтинге производителей спецтехники (см. рис. 2).

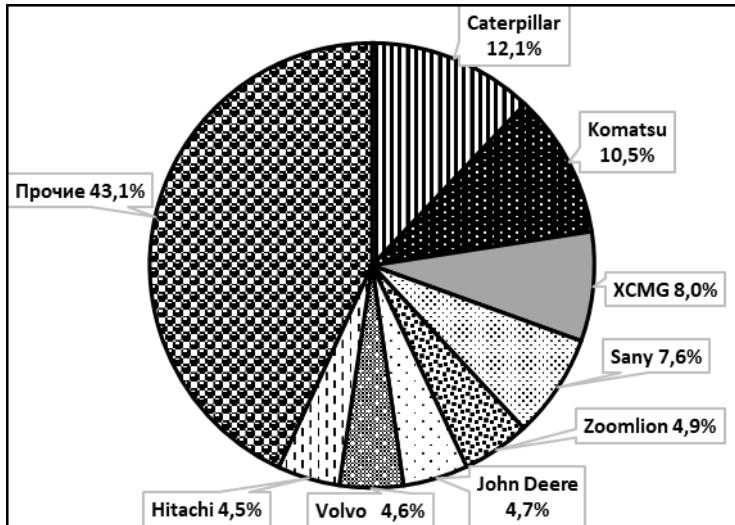

Рис. 2. ТОП-8 компаний на мировом рынке спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности, 2021 г. Рассчитано автором по данным [6]

Fig. 2. TOP-8 companies on the world market of special machinery and equipment for mining, 2021. Calculated by the author

Первое место на мировом рынке спецтехники занимает американская корпорация Caterpillar, несмотря на сокращение ее экспорта с 32,9 млн долл. в 2018–2019 гг. до 24,8 млн долл. в 2020–2021 гг.; за это время ее доля в общемировых продажах уменьшилась с 16,2% до 12,1%. Японский производитель Komatsu в этот период снизил поставки с 23,3 до 20 млрд долл., но остался на втором месте (его удельный вес снизился с 11,5% до 10,5%).

Однако, начиная с третьего места в рейтинге, наблюдаются структурные изменения. Китайская компания XCMG за 2018–2021 гг. поднялась с шестого на третье место и потеснила американскую фирму John Deere, экспорт XCMG возрос с 11,2 до 15,2 млрд долл. Это выразилось в повышении доли с 5,5% до 8,0% в мировом объеме экспорта. Четвертую и пятую строчки рейтинга заняли также китайские производители: Sany, которая за три года переместилась с седьмого места (ее объем продаж увеличился с 11 до 14,4 млрд долл.), и Zoomlion, ранее занимавшая тринадцатую позицию (ее продажи за тот же срок поднялись с 6,3 до 9,5 млрд долл.). Доля компаний в мировом объеме экспорта спецтехники поднялась: Sany – с 5,4% до 7,6%, Zoomlion – с 3,1% до 4,9% (см. рис. 2). Соответственно в 2018–2021 гг. всем неазиатским корпорациям на мировом рынке пришлось переместиться вниз по рейтинговому списку – это коснулось компаний John Deere, Volvo, Hitachi.

Стоит упомянуть еще о нескольких китайских производителях, вошедших в «Желтую таблицу». В 2018–2021 гг. с двадцать первого на пятнадцатое место поднялась компания LiuGong, чей экспорт спецтехники вырос с 2,3 до 2,8 млрд долл. Lonking, показав волатильную динамику, за три года передвинулась на двадцать третье место с продажами 1,9 млрд долл. Sunward и Shantui в 2021 г. году оказались на тридцать первом и тридцать втором местах соответственно с примерно схожим объемом внешних поставок – около 1,2 млрд долл. Компания Foton Lovol заняла тридцать восьмую строчку рейтинга, ее экспорт в 2021 г. составил 682 млн долл. XGMA съехала в турнирной таблице с сорок шестого места в 2018 г. до пятидесятого в 2021 г., хотя падение ее продаж не кажется столь трагичным – с 288 до 278 млн долл. Кроме того, в мировом рейтинге ведущих компаний появилась китайская корпорация Dingli, в 2021 г. ее экспорт был равен 429 млн долл.

Крупнейшая из китайских корпораций XCMG производила практически всю номенклатуру крупной и средней спецтехники, другие компании специализировались на ограниченном наборе товаров. Например, компания Sunward вошла в 20 ведущих производителей экскаваторов, LiuGong – в список фронтальных погрузчиков, Shantui – бульдозеров [9].

На рис. 3 показана доля продаж китайской спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности по странам мира.

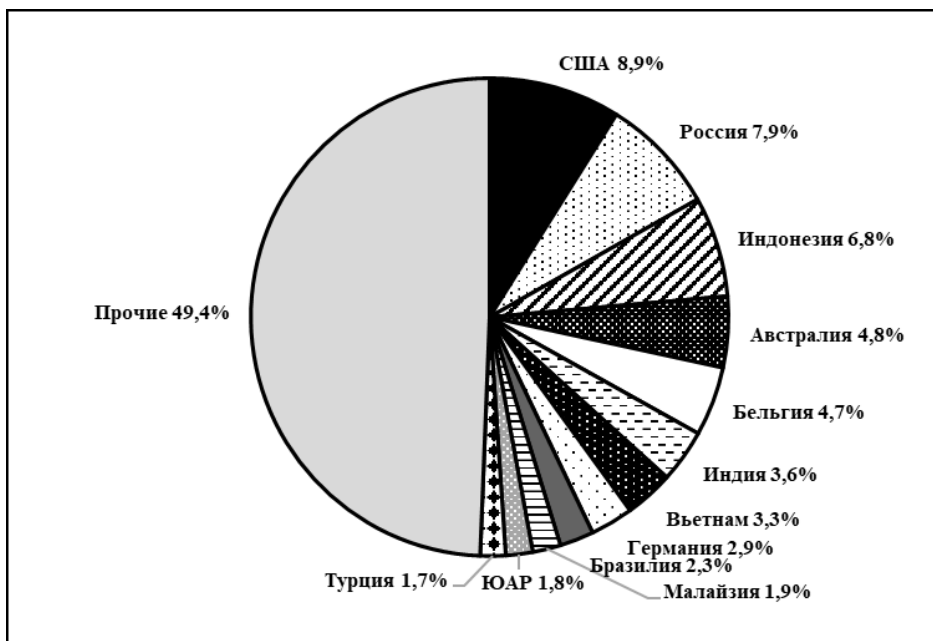

Рис. 3. Китай: экспорт спецтехники по странам мира, 2021 г. Рассчитано автором⁴

Fig. 3. China: export special machinery by countries, 2021. Calculated by the author

⁴ ITC Trade Map. Электронный ресурс: URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения 22.06.2022).

Первое место занимали США, на страну приходилось 8,9% продаж китайского оборудования, следом шла Россия (7,9%), далее – Индонезия (6,8%). На Австралию приходилось 4,8% от объема китайского экспорта, она находилась на четвертом месте, Бельгия – на пятом (4,7%), Индия – на шестом (3,6%), Вьетнам – на седьмом (3,3%), далее следовали Германия, Бразилия, Малайзия, ЮАР и Турция – на каждую из этих стран в 2021 г. пришлось менее 3% общих продаж спецтехники КНР (см. рис. 3).

В 2021 г. в структуре китайского экспорта специальной техники 48% занимала крупная техника – бульдозеры, грейдеры, экскаваторы (см. рис. 4). В 2021 г. 22% объема экспорта спецтехники приходилось на погрузчики, 20% – на оборудование для дробления и сортировки, 9% – на оборудование для бурения и извлечения грунта.

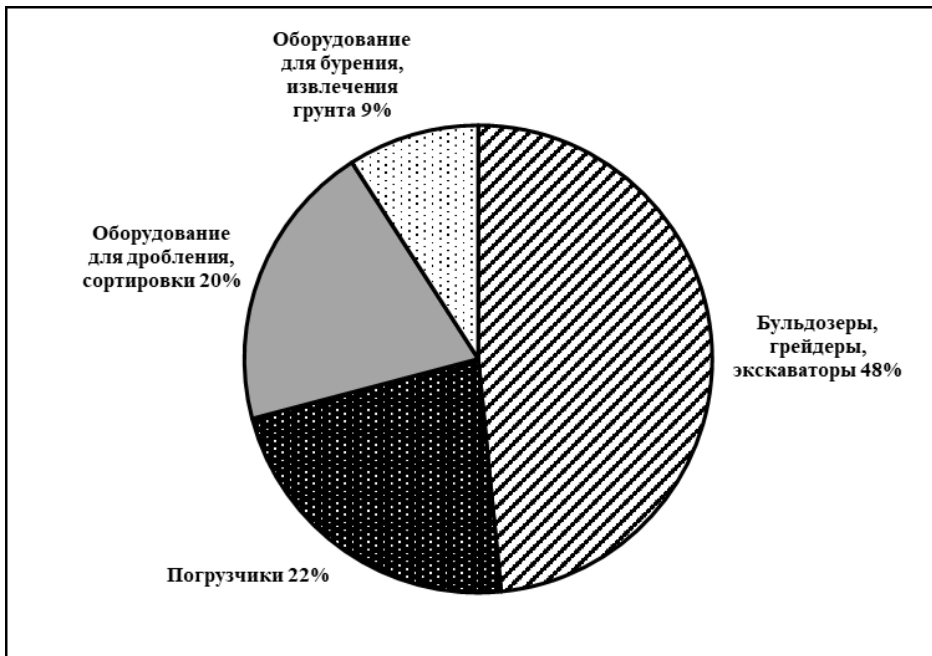

Рис. 4. Китай: номенклатура экспорта спецтехники, 2021 г. Рассчитано автором⁵
Fig. 4. China: nomenclature of export of special machinery, 2021. Calculated by the author

Продажи КНР на мировом рынке крупной спецтехники (бульдозеров, грейдеров, экскаваторов) имеет смысл рассмотреть подробнее (см. рис. 5).

В 2021 г. первое место по закупкам крупной спецтехники заняла Индонезия – на нее приходилось 9,8% китайского экспорта такого оборудования, второе место – Россия с долей 9,6%. На Бельгию, США и Филиппины пришлось 6,8%, 5,2% и 4,1%, соответственно. Далее следуют Таиланд (3,7%), Германия (3,2%), Австралия (3,1%). Вьетнам, Индия, Бразилия и ЮАР (в страны поступало менее 3% китайского экспорта горнодобывающего оборудования). На остальные же страны в сумме приходилось 44,6% рынка.

⁵ ITC Trade Map. Электронный ресурс: URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения 22.06.2022).

Рис. 5. Китай: экспорт бульдозеров, грейдеров, экскаваторов, 2021 г.
Рассчитано автором⁶

Fig. 5. China: export of the bulldozers, graders, excavators, 2021. Calculated by the author

Интересно отметить, что Австралия, Бразилия, ЮАР, Индонезия и Филиппины, каждая по своей ресурсной специализации, входят в число лидеров по поставкам в Китай ресурсов горнодобывающей отрасли. Таким образом, здесь мы можем наблюдать обмен в теории относительных преимуществ.

В целом, компании КНР проделали большой путь по завоеванию мирового рынка специализированной техники. Они организовывали на своей территории совместные предприятия (СП) с лидерами машиностроения и пользовались европейскими, американскими и японскими технологиями. Результатом такой кооперации стало не только улучшение качества продукции, но и повышение уровня менеджмента, технологий и международного статуса [9].

Ярким примером этого тренда служит XCMG – государственная транснациональная корпорация. На сегодняшний день в нее входит 26 дочерних компаний, а доля государственного участия составляет 50%. Продвигаясь на западные рынки спецтехники, компания выполнила 14 совместных проектов с мировыми лидерами машиностроения, такими как Caterpillar, Liebherr, ThyssenKrupp, Cummins. В 1995 г. создано совместное предприятие с Caterpillar Inc., в результате чего был запущен завод по производству экскаваторов. Совместно с Liebherr XCMG построила завод по производству автобетоносмесителей. В 2012 г. она выкупила контрольный пакет акций фирмы Schwing – одного из лидеров по производству бетононасосов в Германии. Кроме того, были поглощены немецкая Fluitronics, которая выпускает гидравлическое и другое оборудование для спецтехники, и голландский производитель

⁶ ITC Trade Map. Электронный ресурс: URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения 22.06.2022).

гидравлики AMCA Hydraulics. Также корпорация XCMG запустила производственные площадки в Польше, в Бразилии, образован научно-исследовательский центр гидравлических систем в Германии. Надо отметить, что это был первый центр НИОКР, построенный компанией за пределами Китая [9].

Есть и другие примеры совместных проектов КНР в области производства и экспорта спецтехники. Так, китайская корпорация LiuGong в 2012 г. приобрела у польского производителя Huta Stalowa Wola подразделение гусеничных бульдозеров Dressta, а в 2014 г. LiuGong и американская компания Cummins открыли совместное предприятие Guangxi Industrial Power Company по производству двигателей. Корпорация SDLG, не вошедшая в «Желтую таблицу», известна как производитель дорожно-строительного оборудования, прежде всего катков, экскаваторов и фронтальных погрузчиков. В 2013 г. при содействии Volvo на рынок США вышли фронтальные погрузчики SDLG. Также стоит упомянуть сотрудничество Shantui с японской компанией Komatsu. В 1996 г. начала работу СП Komatsu-Shantui Company, которая производит экскаваторы под маркой Komatsu. Shantui, в свою очередь, использует технологии крупнейшего японского производителя, а также создает собственные разработки [9].

Заключение

Таким образом, сейчас в Китае в отраслях, связанных с горнодобывающим комплексом, можно наблюдать две тенденции, которые логически вписываются в план «двойной циркуляции». Во-первых, растет внутренний спрос на ресурсы горнодобывающей промышленности, который стимулируется развитием урбанизации и инфраструктурного строительства, а во-вторых, продолжается активная экспансия на мировой рынок компаний, производящих оборудование для горнодобывающей промышленности. За последние 10 лет китайские фирмы, выпускающие спецтехнику, прочно закрепились на мировом рынке и постоянно увеличивают объемы экспорта. Хотя в стране до сих пор работают и мелкие производители такого оборудования, именно крупные фирмы в своем стремлении выйти на мировые рынки имеют возможность повышать качество продукции, вытесняя небольшие предприятия.

Литература

1. Растяникова Е. В. БРИКС: новый этап планирования – индикативные и стратегические планы. *Экономика и предпринимательство*. 2017;16(1):705–711.
2. Дерюгина И. В., Растяникова Е. В. Мировой сырьевой комплекс и 14-й пятилетний план Китая. *Восточная аналитика*. 2021;12(2):7–18. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2021-02-007-018>.
3. World Mining Data 2022. Vol. 37. Vienna: C. Reichl, M. Schatz Minerals Production; 2022. 267 p. 4. Растяникова Е. В. Мировой рынок ресурсов черной металлургии в 2019 г. *Экономика и предпринимательство*. 2020;14(10):188–194. <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.123.10.033>.
5. Растяникова Е. В. Мировой рынок ресурсов цветной металлургии. *Восточная аналитика*. 2020;11(3):109–130. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2020-03-109-130>.
6. Желтая таблица 2021: 50 крупнейших мировых производителей спецтехники. *Землеройная техника: Интернет-журнал*. 20.05.2021. <https://>

exkavator.ru/main/news/inf_news/124799_gyoltaya_tablitsa_2021_50_krupneyshih_mirovih_proizvoditeley_spetstehniki.html (дата обращения 10.09.2022).

7. Кондратьев В. Б. Глобальная отрасль горного машиностроения. *Горная промышленность*. 2018;29(3):26–34. <https://doi.org/10.30686/1609-9192-2018-3-139-26-34>.

8. Растяникова Е. В. Страны БРИКС на пороге четвертой промышленной революции: добывающая промышленность. Отв. ред. А. В. Акимов. М.: ИВ РАН; 2019. 236 с.

9. Китайская спецтехника покоряет мир. iGrader.ru : электрон. журн. 2021. Дата публикации: 04.03.2021. URL: <https://igrader.ru/spetstehnika/kitajskaya-specztechnika-pokoryaet-mir> (дата обращения 10.09.2022).

Информация об авторе

Растяникова Елизавета Викторовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, ✉ e_rast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3494-7791>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 02.11.2022; одобрена рецензентами 11.11.2022; принята к публикации 12.11.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Rastyannikova E. V. BRICS: a new stage of planning – indicative and strategic plans. *Economics and entrepreneurship*. 2017;16(1):705–711. (In Russ.).
2. Deryugina I. V., Rastyannikova E. V. The world raw materials complex and China's 14th Five-year Plan. *Eastern analytics*. 2021;12(2):7–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2021-02-007-018>.
3. World Mining Data 2022. Vol. 37. Vienna: C. Reichl, M. Schatz Minerals Production; 2022. 267 p. 4. Rastyannikova E. V. The world market of ferrous metallurgy resources in 2019. *Economics and entrepreneurship*. 2020;14(10):188–194 (In Russ.). <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.123.10.033>.

5. Rastyannikova E. V. The world market of non-ferrous metallurgy resources. *Eastern analytics*. 2020;3:109–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2020-03-109-13>.

6. Yellow table 2021: 50 of the world's largest manufacturers of special equipment. *Earthmoving equipment* [Internet]. 2021 May 20 [cited 2021 Mar 04]. Available from: https://exkavator.ru/main/news/inf_news/124799_gyoltaya_tablit-sa_2021_50_krupneyshih_mirovih_proizvoditeley_spetstehniki.html.

7. Kondratiev V.B. Global branch of mining engineering. *Mining Industry*. 2018;29(3):26–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.30686/1609-9192-2018-3-139-26-34>.

8. Rastyannikova E. V. BRICS on the eve of the fourth industrial revolution: mining, oil and gas industry. Ed. A. V. Akimov. Moscow: IOS RAS; 2019. 236 p. 9. Chinese special equipment conquers the world. iGrader.ru [Internet]. [cited 2021 Mar 04]. Available from: <https://igrader.ru/spetstehnika/kitajskaya-specztehnik-pokoryaet-mir>

Information about the author

Rastyannikova Elizaveta Victorovna – Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-9385-8441>,
© safronov1477@yandex.ru

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 02.11.2022; approved after peer reviewing 11.11.2022; accepted for publication 12.11.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

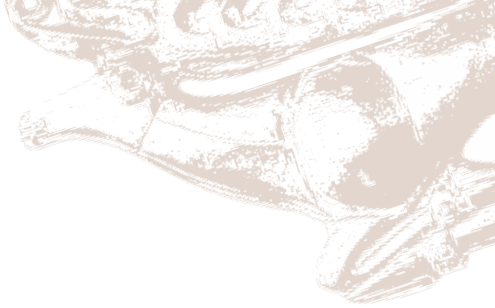
Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

PHILOSOPHY OF THE EAST ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

- History of philosophy
История философии
- Philosophical Anthropology,
Philosophy of Culture
Философская антропология,
философия культуры

PHILOSOPHY OF THE EAST

History of Philosophy

ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

История философии

Научная статья
УДК 140.8(510)"Си Цзиньпин"
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-928-943>

Философские науки

Мировоззренческий универсум Си Цзиньпина

Буров Владилен Георгиевич

*Институт философии РАН, Москва, Россия,
burovvg2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5189-7941>*

Аннотация. Мировоззренческий универсум Си Цзиньпина исследуется в трех разделах данной статьи: 1) Политические ориентиры и теоретические интересы Си Цзиньпина; 2) Си Цзиньпин и марксизм; 3) Си Цзиньпин и традиционная китайская философия. Си принадлежит к «пятому поколению» руководителей КПК, родившихся после образования КНР в 1949 г. Формирование этих личностей происходило в условиях «культурной революции», когда почти все они были посланы в деревню на «физическое перевоспитание». Представители пятого поколения получили высшее образование и вступили в активную трудовую деятельность с началом политики реформ и открытости. Прежде чем оказаться в Пекине в роли лидера КНР и КПК, Си Цзиньпин прошел путь от рядового кадрового работника до руководителя г. Шанхая. Это позволило ему обрести знания и опыт, необходимые для руководства Китаем. В выполнении этой миссии ему помогает вкус к теории, стремление находить ответы на внутренние и международные проблемы в трудах как классиков отечественной и зарубежной мысли, так и современных авторов. Си подчеркивает непреходящее значение марксизма и не согласен с тем, что марксизм якобы устарел. Си Цзиньпин придал марксизму в Китае новое дыхание, а его подход к традиционной китайской философии существенно отличается от взглядов его предшественников. Нынешний лидер Китая не только пропагандирует «прекрасную традиционную китайскую культуру», но и выдвигает концепцию соединения ее с марксизмом классическим и марксизмом китайизированным. В этом состоит суть его инновационного подхода. Си подчеркивает необходимость заимствовать передовые достижения мировой культуры и философии, в результате создаваемое им новое марксистское учение приобретает и китайское, и международное звучание. И это не просто лозунг. Изучение взглядов Си Цзиньпина позволяет считать его не только крупным руководителем, но и серьезным теоретиком.

Ключевые слова: Китай, КНР, Си Цзиньпин, марксизм, китайская философия, Ван Янмин

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Для цитирования: Буров В. Г. Мирозозренческий универсум Си Цзиньпина. *Ориенталистика*. 2022;5(4):928–943. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-928-943>.

Original article

Philosophy studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-928-943>

Ideological Universe of Xi Jinping

Vladilen G. Burov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

burovvg2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1412-7032>

Abstract. The ideological universe of Xi Jinping is explored in three sections of this article: 1) Political orientations and theoretical interests of Xi Jinping; 2) Xi Jinping and Marxism; 3) Xi Jinping and traditional Chinese philosophy. Xi belongs to the “fifth generation” of CCP leaders born after the founding of the PRC in 1949. Their personality was formed under the conditions of the “cultural revolution”, when almost all of them were sent to the countryside for “physical re-education”. Representatives of the 5th generation received higher education and entered their active labor activity with the start of the “Reforms and Openness” policy. Before coming to Beijing as the leader of the PRC and the CPC, Xi Jinping went all the way from a grassroot cadre worker to the head of Shanghai. This allowed him to acquire the knowledge and experience needed to lead China. In fulfilling this mission, he is helped by a taste for theory, the desire to find answers to domestic and international problems in the works of both classics of domestic and foreign thought, and contemporary authors. Xi emphasizes the enduring importance of Marxism and disagrees that Marxism is supposedly obsolete. Xi Jinping has given a new lease of life to Marxism in China, and his approach to traditional Chinese philosophy differs significantly from that of his predecessors. The current leader of China not only promotes the “beautiful traditional Chinese culture”, but also puts forward the concept of combining it with classical Marxism and Chinese Marxism. This is the essence of his innovative approach. Xi emphasizes the need to borrow the cutting-edge achievements of world culture and philosophy, that is, the new Marxist doctrine he is creating has both Chinese and international connotations. And it's not just a slogan. A study of Xi Jinping's views allows us to conclude that he is not only a major leader, but also a serious theorist.

Keywords: China, PRC, Xi Jinping, Marxism, Chinese philosophy, Wang Yangming

For citation: Burov V. G. Ideological Universe of Xi Jinping. *Orientalistica*. 2022;5(4):928–943. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-928-943>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Политические ориентиры и теоретические интересы Си Цзиньпина

Си Цзиньпин принадлежит к пятому поколению руководителей Коммунистической партии Китая (КПК). Это возглавляемое Си поколение обладает своими особенностями, отличающими его от предшествующих поколений. Все его представители родились после 1949 г., т. е. после образования КНР. Формирование их личности происходило в условиях «культурной революции», поскольку все они еще студентами были отправлены в деревню на «физическое перевоспитание». У Си Цзиньпина большой жизненный опыт, связанный прежде всего с семилетним пребыванием в деревне Янчуань провинции Шэньси, где ему пришлось перепробовать не одну профессию, связанную с тяжелым физическим трудом. Однажды, беседуя с одним известным ученым, тоже прошедшим через период «культурной революции», я спросил его о впечатлениях от этого периода. Он ответил, что этот период дал многое для понимания условий жизни крестьян. Думаю, точно такие же впечатления остались и у Си Цзиньпина. Именно в глухой деревне он, на мой взгляд, серьезно задумался о борьбе с бедностью.

Надо иметь в виду еще одно обстоятельство. Представители пятого поколения руководителей КПК не только получили чисто техническое образование, но, в той или иной степени, приступили к активной трудовой деятельности с началом политики реформ и открытости. При этом, в отличие от предшествующего периода, когда партийно-государственные кадровые работники делали головокружительную карьеру за короткий период (т. н. поколение кадровых работников – «ракет»), они последовательно проходили все ступени карьерной лестницы. Сам Си Цзиньпин, прежде чем оказаться в Пекине в качестве одного из руководителей КПК, прошел путь от рядового сотрудника центрального государственного учреждения, через работу в уездных провинциальных парткомах различных городов до руководителя г. Шанхая. Это позволило ему приобрести политический и организационный опыт, необходимый, чтобы стать во главе государства.

В этом отношении ему помогает вкус к теоретическим вопросам; нельзя не отметить его стремление находить ответы на внутренние и международные проблемы, поставленные как классиками отечественной и зарубежной мысли, так и современными авторами.

Начало деятельности Си Цзиньпина в качестве руководителя партии и государства ознаменовалось решительной борьбой с коррупцией, которая к этому времени начала «разъедать» партийно-государственный аппарат. Именно при Си Цзиньпине эта борьба приобрела широкий размах, чего не было при прежних руководителях КПК. Серьезные наказания вплоть до пожизненного заключения получили свыше 200 высокопоставленных чиновников, в том числе 4 члена Политбюро ЦК. При этом, по решению суда, у осужденных было конфисковано *все* имущество.

Именно поэтому в последние годы Си Цзиньпин ввел в практику партийного строительства понятие «самореволюционизации партии» («данды цзыво гэмин»). Она означает усиление (по-китайски «ужесточение») контроля не только над стилем партийной работы, но и над поведением коммунистов, и над их моральными качествами. По инициативе Си Цзиньпина в конце октября 2016 г. на 6-м пленуме ЦК 18-го созыва были приняты два важных документа: «О некоторых нормах внутривнутрипартийной политической жизни

в новых условиях» и «Положение о внутривнутрипартийном контроле в Коммунистической партии Китая». Они регламентировали нормы поведения членов партии и их семей. В обоих документах привлекают внимание два момента: первый – *требование создать в партии и государстве идейно-политический рубеж, непреодолимый для коррупции, такие институты, чтобы чиновники не смели, не могли и не хотели быть причастными к коррупции*¹; второй – присутствие в обоих документах слов «кадровые работники высшего звена», чего раньше не было. Правда, упоминание о них сочеталось со словами «незначительное число», что можно объяснить опасением подорвать авторитет руководства партии, ибо в высшем звене, по определению, не может быть много коррупционеров.

Но Си Цзиньпин не ограничивается только выдвижением термина «самореволюционизация партии» и принятием соответствующих партийных документов. В последующих выступлениях, в том числе на XIX съезде КПК в октябре, он заявляет о том, что китайские коммунисты не должны забывать о своих первоначальных целях и исторической миссии (бу нэн ванци чусин юй лиши шимин). В рассуждениях китайских публицистов сказано много общих слов о смысле этого высказывания Си Цзиньпина. Но если отбросить их, вырисовывается следующая картина: во-первых, необходимо «добиваться счастья для китайского народа», что означает достижение для *всех* китайцев высококачественного и разностороннего удовлетворения потребностей; во-вторых, необходимо добиваться великого возрождения китайской нации, т.е. реализации мечты о независимом, процветающем китайском государстве, наконец, в-третьих, добиваться мира и развития для всего человечества.

Одним из методов «утверждения идеалов и укрепления убеждений», как настаивает Си Цзиньпин, должна служить учеба. По его мнению, учеба — это «лестница прогресса». Сегодня учеба кадровых работников включает изучение марксизма-ленинизма, основных положений идей Мао Цзэдуна, теории Дэ Сяопина, концепций последующих руководителей КПК о социализме с китайской спецификой, в том числе концепции, выдвигаемой самим Си Цзиньпином, об идее социализма китайской специфики в новую эпоху. В то же время учеба предполагает овладение знаниями в различных отраслях общественных наук (экономика, социология, философия, история, право, международные отношения и т. п.) [1, с. 15].

В этом отношении Си Цзиньпин подает личный пример. На встрече с представителями философских и других общественных наук, состоявшейся в мае 2016 г., он специально подчеркнул роль мирового общественнознания, которое служит важным орудием познания и преобразования мира, важной силой развития истории и прогресса общества, ибо уровень его развития выражает интеллектуальные возможности общества, его духовные качества и цивилизационную сущность. По словам Си, каждый серьезный скачок в развитии общества, каждое крупное развитие цивилизации человечества неразрывно связаны с изменениями в знаниях, происходящими в философских и общественных науках. Он аргументирует свою точку зрения, ссылаясь на целый ряд выдающихся мыслителей прошлого – на Сократа, Платона, Аристотеля, Данте, Леонардо да Винчи, Коперника, Галилея, Бруно, Мора,

¹ About few norms of intra-party political life in new conditions (in Chin.). Xinhua wang: Website. 2.11.2016. URL: ??

Кампанеллу, Гоббса, Локка, Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро, Джефферсона, Гамильтона, Канта, Гегеля, Фейербаха, А. Смита, Ф. Риккардо. Можно сказать, заключает Си, что без развития философских и общественных наук в Европе XVII–XI вв. не смог бы впоследствии возникнуть и развиваться марксизм².

Поражает осведомленность Си Цзиньпина о положении дел в западном общественном знании. В этом отношении он не уступает политическим деятелям других стран и даже их превосходит. В выступлении в мае 2016 г. он говорил о своем знакомстве с такими произведениями мировой мысли, как «Государство» Платона, «Политика» Аристотеля, «Утопия» Мора, «Город солнца» Кампанеллы, «О правлении» Локка, «О духе законов» Монтескье, «Об общественном договоре» Руссо, «Основы философии права» Гегеля, «О войне» Клаузевица, «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита, «Теория народонаселения» Мальтуса, «Общая теория занятости, процента и денег» Кейнса, «Теория экономического развития» Шумпетера, «Экономика» Самуэлсона, «Капитализм и свобода» Фридмана, «Экономический рост» С. Кузнеца³. Вряд ли кто-либо из руководителей государств мира может похвастаться таким списком прочитанных книг. Свое впечатление от них Си Цзиньпин выразил следующими словами: «они представляют собой продукт эпохи, результат размышлений над серьезными противоречиями и проблемами существующего общества». Нельзя не обратить внимания на то, что нынешний лидер китайских коммунистов знаком как с произведениями классиков мировой экономической мысли, так и с трудами видных представителей современной экономической науки. Вне всякого сомнения, среди китайских партийных и государственных чиновников в Центре и на местах найдутся те, кто, следуя примеру генерального секретаря ЦК, захотят познакомиться с какими-то книгами из приведенного им списка⁴.

В начале XXI в. в практику политической жизни Китая был внедрен такой институт, как коллективная учеба членов Политбюро ЦК. Обычно они проходят в форме заслушивания и обсуждения докладов экспертов по различным актуальным проблемам внутренней и международной жизни. Коллективная учеба завершается выступлением Си Цзиньпина. Экспертами обычно выступают специалисты по разным областям науки. Образно говоря, руководители партии и государства «не только учат других, но и учатся сами». После XVI съезда Компартии состоялось более 100 таких коллективных учений. Широкое развитие получила сеть аналитических центров при партийных и государственных органах.

Сеть подготовки и переподготовки партийных и государственных кадров охватывает всю страну. До начала XXI в. существовали только партийные школы в городах, уездах, волостях, в министерствах и т. д. Теперь, наряду

² Выступление Си Цзиньпина на совещании работников философских и общественных наук. 16 мая 2016 г. http://www.chinatoday.com.cn/chinese/sz/news/201605/120160519_8000057144.html Дата обращения: 19.05.2016.

³ Выступление Си Цзиньпина на совещании работников философских и общественных наук. 16 мая 2016 г. http://www.chinatoday.com.cn/chinese/sz/news/201605/120160519_8000057144.html Дата обращения: 19.05.2016.

⁴ Выступление Си Цзиньпина на совещании работников философских и общественных наук. 16 мая 2016 г. http://www.chinatoday.com.cn/chinese/sz/news/201605/120160519_8000057144.html Дата обращения: 19.05.2016.

с ними, в городах действуют административные институты, отвечающие за подготовку чиновников государственного аппарата Пекина, работают Центральная партийная школа и Административный институт. В них обучаются партийные и государственные кадры высшего звена.

Си Цзиньпин и марксизм

В последние годы изучение и пропаганда марксизма в Китае практически стали государственной политикой. После прихода Си Цзиньпина к власти во всех учебных заведениях страны созданы Институты марксизма, чего ранее не было. На марксистские исследования выделяются значительные финансовые средства в виде специальных грантов, в стране регулярно проводятся региональные, всекитайские и международные конференции по марксизму (в некоторых из них мне довелось участвовать). На китайский язык переведены практически все произведения представителей западного марксизма. Как сказал в одном из своих выступлений Си Цзиньпин, «мы не согласны со многими положениями, содержащимися в этих произведениях. Но они дают пищу для размышлений» (Си Цзиньпин, 1). Наконец, члены партии, включая руководящие кадры, стали предметно изучать труды классиков марксизма. Я имею в виду изучение на коллективной учебе членов Политбюро «Манифеста Коммунистической партии». Обсуждение прошло под лозунгом «Изучение основной теории марксизма – обязательный предмет для коммунистов».

Проблемы марксистской теории и ее дальнейшего развития заняли одно из центральных мест в выступлении Си в мае 2016 г.

Прежде всего он отдает должное пионерам марксистской мысли в Китае – Чэнь Дусю и Ли Дачжао, упоминает и тех ученых, которые оставили неизгладимый след в истории современной марксистской мысли, обогатили китайское общественное сознание своим новаторским подходом – Го Можо, Ли Да, Ай Сыци, Цзян Боцзяня, Фань Вэньляня, Люй Чжэньюя, Ма Иньчу, Фэй Сяотуна, Цянь Чжуншу.

В своих выступлениях Си Цзиньпин неизменно подчеркивает непреходящее значение марксизма, он решительно не согласен с тезисом, что марксизм якобы устарел. Конечно, говорит он, отдельные его положения конкретного характера уже потеряли актуальность, но его методологические принципы по-прежнему востребованы.

Как известно, марксизм как руководящая идеология общества входит в число четырех основных принципов, составляющих идейно-политическую основу современного китайского государства. На мой взгляд, Си Цзиньпин придал марксизму в Китае новое дыхание. Прежде всего это выражается в понимании роли марксизма в современном обществе. Для него марксизм – это живая теория, которая требует постоянного обновления. Необходимо, говорит Си, продолжать процесс его китаизации (чжунгохуа), и в то же время необходимо обеспечить его соответствие современной эпохе, сделать его созвучным сегодняшней ситуации (*шидайхуа*). Наконец, необходимо добиться, чтобы марксистское учение стало доступным, понятным широким массам народа (*дачжунхуа*). В конечном счете все требования Си Цзиньпина сводятся к тому, чтобы продолжить развивать марксизм XXI века, современный китайский марксизм.

Си Цзиньпин категорически против начетнического подхода к марксистскому учению, против механического повторения уже известных истин. Он

высмеивает тех теоретиков от марксизма, которые привыкли «скользить по поверхности» – тех, кто, не прочитав даже нескольких марксистских книг и оставшись дилетантами, тем не менее крикливо высказывают свою точку зрения. Такой подход он справедливо считает безответственным, антинаучным. Если не учитывать исторические условия и изменения реальной обстановки, упрямо придерживаться каких-то отдельных определений и конкретных программ, выработанных классиками марксизма в определенных исторических условиях и в конкретной обстановке, то наши идеи будут оторваны от практики и поэтому будет невозможно успешно двигаться вперед, более того, могут быть совершены ошибки, говорит он⁵. Си Цзиньпин делает здесь два очень важных вывода методологического характера. Первый: заявление, что нельзя говорить то, что не говорили классики марксизма, – это не марксистский подход; второй: если из великого множества высказываний Маркса и Энгельса выбирать какие-либо для того, чтобы «грубо перестроить» живую практику и на этой основе заниматься развитием и инновациями, это также не будет марксистским подходом.

Как и предыдущие руководители Компартии, Си Цзиньпин говорит о китаизированном марксизме, подчеркивает необходимость его дальнейшего развития. Вместе с тем, в отличие от них, он обращает особое внимание на методологическую значимость учения классиков марксизма, прежде всего Маркса и Энгельса. Этого не было ни у одного из руководителей первых четырех поколений, включая Мао Цзэдуна.

Достаточно обратиться к его докладу 4 мая 2018 г., посвященному 200-летней годовщине со дня рождения К. Маркса. Перечислив основные вехи жизненной научной и политической биографии Маркса, включая юношеское сочинение, Си Цзиньпин затем подробно останавливается на вкладе Маркса в создание теории научного социализма. Самое ценное, что оставил нам Маркс, сказал Си, это научная теория, названная в его честь марксизмом. По его патетическим словам, «она подобна великолепному восходу солнца, освещающему человечеству путь к изучению законов истории и поиску собственного освобождения»⁶. Однако это не только научная, но и народная теория, позволяющая человечеству осознать путь к своему освобождению, и в то же время теория практики, которая «направляет действия по преобразованию мира». Но самое главное, на мой взгляд, определение марксизма, которое содержится в докладе Си Цзиньпина, это его *открытость*. «Марксизм, заявил он, постоянно развивается, всегда находится на переднем крае эпохи. Маркс неоднократно предупреждал, что марксистская теория – не догма, а руководство к действию, и она должна развиваться вместе с изменениями в практике. И далее делается очень важный вывод, объясняющий кардинальные перемены в понимании руководством КПК характера социалистического общества: «Эта теория, которая для своего обогащения непрерывно впитывает все лучшие идеологические и культурные достижения человечества. Таким

⁵ Выступление Си Цзиньпина на совещании работников философских и общественных наук. 16 мая 2016 г. http://www.chinatoday.com.cn/chinese/sz/news/201605/120160519_8000057144.html Дата обращения: 19.05.2016.

⁶ Выступление Си Цзиньпина на совещании работников философских и общественных наук. 16 мая 2016 г. http://www.chinatoday.com.cn/chinese/sz/news/201605/120160519_8000057144.html Дата обращения: 19.05.2016.

образом марксизм может навсегда сохранить молодость, постоянно решать новые проблемы, возникающие с развитием времени, и отвечать на новые вопросы, стоящие перед человеческим обществом!» (курсив автора. – В. Б.)⁷.

Си Цзиньпин подчеркивает необходимость «продолжать изучать и практиковать марксизм, чтобы «постоянно черпать из него научную мудрость и теоретическую силу». Он выдвигает девять направлений изучения практической реализации марксизма.

Следует заметить, что, приводя перечень направлений теоретической деятельности коммунистов, Си Цзиньпин, как и в других выступлениях, использует свой излюбленный стилистический прием – начинать следующие друг за другом фразы, где речь идет об общих задачах или целях, с одних и тех же слов, явно для придания фразам большей значимости. В данном случае Си начинает объяснять каждое направление деятельности коммунистов следующими словами: «Чтобы изучать Маркса, необходимо изучать и практиковать идеи марксизма о ...»⁸.

В заключение доклада Си Цзиньпин счел необходимым напомнить о «Манифесте Коммунистической партии», подчеркивая, что изложенные там идеи не потеряли ценности и в настоящее время, хотя со времени его создания прошло уже 170 лет. Одновременно Си привел слова Энгельса о том, что учение Маркса – не доктрина, а метод, а также то, что он – не готовая догма, а отправная точка для дальнейших исследований. Си также указывал: «наша теория – это продукт истории, она принимает совершенно разные формы в разные эпохи и в то же время меняет содержание»⁹.

Следует подчеркнуть, что в последние годы Си Цзиньпин не раз обращался к «Манифесту Коммунистической партии». В апреле 2018 г. он организовал обсуждение «Манифеста» на коллективной учебе членов Политбюро ЦК. Его выступление на том обсуждении позднее было опубликовано в теоретическом журнале партии *Qiushi* под заглавием «Изучение теории марксизма – обязательный предмет для коммунистов» [2].

В своем выступлении Си Цзиньпин, прежде всего, остановился на историческом значении «Манифеста». По его словам, там, во-первых, изложено мировоззрение марксизма; во-вторых, раскрыт передовой характер марксистских политических партий; в-третьих, передана их политическая позиция; в-четвертых, объясняются их высокие идеалы; в-пятых, подробно изложена революционная программа марксизма; наконец, в-шестых, подчеркивается присущий марксистским политическим партиям дух интернационализма.

В своем выступлении Си Цзиньпин счел нужным отметить, что первая программа КПК была сформулирована под влиянием идей, содержащихся в «Манифесте Коммунистической партии». И хотя, продолжает Си, некоторые

⁷ Доклад Си Цзиньпина на собрании, посвященном 200-летию со дня рождения К. Маркса. Жэньминьван: <http://cpc.people.com.cn/n1/2018/0505/c64094-29966411.htm1> Дата обращения: 05.05.2018.

⁸ Доклад Си Цзиньпина на собрании, посвященном 200-летию со дня рождения К. Маркса. Жэньминьван: <http://cpc.people.com.cn/n1/2018/0505/c64094-29966411.htm1> Дата обращения: 05.05.2018.

⁹ Доклад Си Цзиньпина на собрании, посвященном 200-летию со дня рождения К. Маркса. Жэньминьван: <http://cpc.people.com.cn/n1/2018/0505/c64094-29966411.htm1> Дата обращения: 05.05.2018.

из них, по словам самих создателей «Манифеста», могут быть изменены или написаны по-другому, основные принципы остаются правильными.

В связи с этим Си Цзиньпин поставил перед партией целый ряд задач. Первая из них состоит в том, чтобы «непоколебимо бороться за высокие идеалы коммунизма и общие идеалы социализма с китайской спецификой». Для осуществления этих идеалов недостаточно опираться только на простые человеческие чувства и сиюминутные импульсы; необходимо опираться на серьезные теоретические убеждения. И здесь нам может помочь «Манифест Коммунистической партии». Благодаря правильной политике КПК социалистическая система в стране не рухнула, по принципу домино, после распада СССР и КПСС и бурных перемен в Восточной Европе в результате пассивной позиции, которую занял социализм в конкуренции с капитализмом. В этих странах произошли кардинальные социально-политические изменения. В то же время благодаря успехам социализма в Китае это учение доказало свою жизнеспособность. Вторая задача, по мнению Си Цзиньпина, заключается в *отстаивании идеи развития, ориентированной на людей*. Опираясь на «Манифест», необходимо способствовать всестороннему развитию людей и всестороннему развитию общества. Третья задача – способствовать «построению единой судьбы человечества». Четвертая задача касается самой Коммунистической партии. Речь идет о ее постоянном обновлении, самореволюционизации и «ужесточении партийной дисциплины». Подобные требования к членам компартии, несомненно, знаменуют продолжение борьбы с коррупцией в партийно-государственном аппарате, начатой Си Цзиньпином сразу после избрания его Генеральным секретарем ЦК КПК.

Пятая и шестая задачи непосредственно связаны с марксистской теорией. В начале Си Цзиньпин говорит о необходимости продолжить китаизацию марксизма в соответствии с новыми проблемами, выдвигаемыми временем. А далее он требует «продолжить изучение и исследование классических произведений марксизма. Большинство членов партии, кадровые работники, особенно кадровые работники высшего звена, должны научиться хорошо использовать такие классические марксистские работы, как «Манифест Коммунистической партии»...».

Наметившаяся в Китае с приходом к власти Си Цзиньпина тенденция изучения трудов классиков марксизма свидетельствует, на мой взгляд, о следующем.

В этих трудах, включая «Манифест Коммунистической партии», действительно изложены основные принципы марксизма. КПК позиционирует себя как *марксистская политическая партия*. Будучи главной политической силой своей страны, ее руководителем, она добивается экономических достижений в строительстве социализма с китайской спецификой. Таких успехов не достигнуто в других странах, где у власти стоят марксистские партии (Куба, Лаос, Северная Корея, Вьетнам). Не правящие в своих странах компартии, как правило, не имеют массовой базы, а во многих случаях просто маргинальны. У них нет каких-либо серьезных политических программ. Это, кстати, касается и КПРФ. Подчеркивая свою приверженность классическому марксизму, неразрывную связь с ним, КПК и ее руководство тем самым подчеркивают, что ее идеология – китаизированный марксизм – не противоречит классическому марксизму, а, напротив, представляет собой его продолжение, развитие.

Примечателен один интересный момент. После XVII–XIX съездов КПК в идеологии появился целый ряд новых лозунгов, например, «не забывать о своих первоначальных замыслах и исторической миссии», «самореволюционизация партии». В то же время стала все сильнее подчеркиваться связь партии и ее членов с народом. По некоторым недостаточно подтвержденным данным, небольшая часть молодых людей, преимущественно студентов, после чтения классиков начинает задумываться о причинах имущественного неравенства в стране. В связи с этим очевидно стремление руководства Компартии направить подобные настроения в «нужное русло».

Кроме того, через тридцать лет (к 2049 г.) Китай подойдет ко второму историческому рубежу: будет завершено выполнение второй социальной цели – построение богатого, могущественного, демократического, цивилизационного, гармоничного, социалистического модернизированного государства. Естественно, построение такого общества не может обойтись без определенного выравнивания имущественного расслоения, ныне существующего в стране. Не служат ли пропагандируемые сейчас в выступлениях китайских лидеров и СМИ идеи тесной связи партии с народом, учета интересов всех людей, своеобразной подготовкой к корректировке соотношения доходов различных социальных слоев в будущем?

3. Си Цзиньпин и традиционная китайская философия

Большое внимание Си Цзиньпин уделяет традиционной китайской философии. Будучи секретарем парткома пров. Чжэцзян, он вместе со студентами одного из университетов специально прослушал курс лекций по истории китайской философии. Этот факт в свое время не ускользнул от внимания редакции одного из научных журналов. В сентябре 2014 г. он сделал блестящий доклад на Международном форуме в Пекине, посвященном 2565-й годовщине со дня рождения Конфуция, где автору этих строк довелось участвовать [1, с. 16].

Блестящим я называю тот доклад потому, что в нем содержались краткие, но исчерпывающие характеристики учений всех наиболее представительных китайских мыслителей – от Конфуция до Сунь Ятсена, глубокий анализ основных направлений китайской философии. В своем выступлении Си Цзиньпин также показал актуальность традиционной китайской философии, большое значение идей китайских мыслителей древности, средневековья и нового времени для сегодняшнего дня. Хочу подчеркнуть, что во многих своих выступлениях по теоретическим и практическим вопросам Си часто обращается к наследию китайских философов, и эти обращения органично вписываются в ткань его выступлений.

Си поддерживает мнение китайских ученых, что конфуцианство должно сыграть стимулирующую роль в творческом преобразовании и развитии китайского общества, в решении его актуальных проблем. Одним из его любимых философов, и это не случайно, стал выдающийся китайский мыслитель позднего средневековья Ван Янмин (1472–1529), в чьем творческом наследии есть положения, которые и в настоящее время не потеряли своего актуального значения.

Имя Ван Янмина, философа, политика, литератора, военного деятеля, занимает почетное место в истории китайской философии. Вместе с Лу Цзююанем (1139–1193) он создал оригинальную философскую школу, оказавшую

большое влияние на все последующее развитие китайской мысли. Как известно, эта школа носит название *синьсюэ сюэпай* (учение о сердце). В центре ее внимания находится человек, ибо именно сфере сердца принадлежит принцип «ли», одно из основополагающих понятий традиционной китайской философии [3, с. 295–297].

В течение многих десятилетий в китайской, российской и зарубежной историографии господствовало мнение, что учение Ван Янмина представляет собой субъективный идеализм. Так считал и автор данной статьи. Однако в настоящее время, под влиянием последних исследований, подобная оценка перестала быть преобладающей.

Этому способствовало появление фундаментальной монографии российского исследователя А. И. Кобзева «Учение Ван Янмина и классическая китайская философия». Приводя известное место из диалога Ван Янмина с его учениками, которое обычно интерпретировалось как проявление субъективного идеализма, А. И. Кобзев дает ему иную, новую и по сути своей правильную интерпретацию. Вот это место:

«Учитель бродил в Наньчжэне. Один из друзей, указывая на цветущее на скале дерево, спросил: “В Поднебесной нет вещей вне сердца. А вот это цветущее дерево само расцветает и само увядает в неприступных горах, какая тут связь с моим сердцем”. Учитель ответил: “До того момента, пока ты не посмотрел на эти цветы, они и твое сердце были обращены в безмятежность. Как только ты посмотрел на эти цветы, их цвет был мгновенно осознан [тобой]. Отсюда понятия, что эти цветы не находятся вне твоего сердца”» [4, с. 108].

А. И. Кобзев делает следующий справедливый вывод:

«Ван Янмин отнюдь не отрицает существования цветущего дерева самого по себе, без воспринимающего его субъекта, и то и другое равным образом существует до акта восприятия, обращаясь в безмятежность. В настоящее время в китайской историко-философской науке вопрос о субъективном идеализме Ван Янмина фактически не обсуждается» [4, с. 109].

Конечно, решающую роль в изменении отношения к наследию Ван Янмина сыграл Си Цзиньпин. Еще десять с лишним лет тому назад он стал высказывать мнение о прогрессивном характере учения этого китайского мыслителя, о том, что высказанные им идеи актуальны и в XXI в.

Именно поэтому учение Ван Янмина стало в современном Китае очень популярным. Можно встретить такое высказывание: «Будучи китайцем, нельзя не знать Ван Янмина». Живущий ныне в Китае известный американский ученый тайваньского происхождения Ду Вэймин (*Tu Wei Ming*) сказал, что XXI век будет веком Ван Янмина. Сегодня некоторые китайские ученые утверждают, что учение Ван Янмина – хорошее лекарство для излечения трудноизлечимых болезней. Современный мир переживает духовный кризис, духовную усталость, но мудрость учения Ван Янмина становится маяком, освещающим будущее человеческой цивилизации.

Многие китайские ученые считают, что учение Ван Янмина стало теоретической вершиной развития традиционной конфуцианской мысли. Часто ссылаются на то, что в учении Ван Янмина содержится дух смелого самоанализа (рефлексии), стремление повышать свой личностный потенциал.

Учение Ван Янмина «идет по пути близости к народу», активно распространяет в народе идеи конфуцианства о справедливости, его идеи о гуманном правлении, поэтому это учение всегда было классической формой «народного конфуцианства». Именно этим объясняется его чудодейственная идейная сила. Поэтому необходимо и уважать, и изучать учение Ван Янмина, – говорится во многих статьях, посвященных ему.

Некоторые китайские ученые считают, что учение Ван Янмина применимо и для оценки международной ситуации, и для анализа международных отношений. На Западе считают, пишут они, что в основе всех действий на международной арене лежат исключительно интересы государства, что все они совершаются во имя определенных интересов или ради власти.

Однако, с точки зрения китайских ученых, в реальной мировой политике не все определяется интересами государств. Международная политика – это не только игра в шахматы, которой занимаются государства, еще больше это отношения между людьми, а в центре этих отношений каждый раз обнаруживается живой человек. При ближайшем рассмотрении оказывается, что в основе международной политики лежит природа человека, и это отлично понимал Ван Янмин.

В результате обращения Си Цзиньпина к идеям Ван Янмина учение последнего рассматривают как пособие по изучению «прекрасной традиционной китайской культуры», как мост, связывающий воедино эти традиции с передовой культурой социализма. Ван Янмина называют примером для интеллигенции в смысле воспитания у нее «подлинной морали», умения добиваться успехов в развитии своих творческих способностей.

Си Цзиньпин часто обращается к использованию формулы «единство знания и действия» (чжисин хэ и) в трактовке Ван Янмина. Эти два термина впервые появляются еще в древнекитайском трактате «Шу цзин» («Шан шу»), а затем почти каждый китайский мыслитель, начиная с Конфуция и кончая Сунь Ятсеном, обсуждал проблему их взаимоотношения/ взаимодействия. Единство знания и действия – самая важная идея Ван Янмина, ядро его учения о сердце. Знание – это теория, действие – практика. Только в случае их единства можно сказать, что достигнуто «благо», «добро», которое проповедовал китайский мыслитель.

Китайские ученые считают, что формула «единство знания и действия» помогает решить проблему человеческих качеств. Эти качества даны человеку от рождения, и от них зависят успехи и неудачи человека в личной жизни. Их единство позволяет найти истинного себя, создать себя, преуспеть. Иначе говоря, речь идет о том, что необходимо прежде всего добиться истинного, правильного знания какой-либо проблемы, а затем постараться претворить это знание в жизнь. Именно в этом, по их мнению, и заключается единство знания и действия.

Си Цзиньпин дает следующую трактовку формулы Ван Янмина «единство знания и действия». По его словам, «знание» – это основа, предпосылка, а «действие» – главное звено, ключ к решению проблем, состоит в следующем: посредством «знания» необходимо продвигать «действие», посредством «действия» – продвигать «знание», добиваться единства знания и действия» [2]. Си Цзиньпин не только подчеркивает необходимость практически познавать и овладевать закономерностями развития общества,

придерживаться реалистического подхода, но и непрерывно продвигать теоретические инновации, основанные на практике. В этом, на мой взгляд, заключается новаторский подход Си Цзиньпина к интерпретации положения о «единстве знания и действия», отличающийся от всех предшествующих толкований.

Дело в том, что в китайской традиционной культуре взаимоотношения знания и действия часто интерпретировались как взаимоотношения нравственного знания и нравственной практики. То есть речь шла о том, что необходимо на практике в нравственном ключе осуществлять приобретенные знания о морали. Трактовка этого положения была наиболее репрезентативной. Поэтому Си Цзиньпин требует, чтобы члены партии хорошо понимали и использовали на практике подход Ван Янмина к проблеме взаимоотношений знания и действия. Он указывает, что необходимо не только на практике познавать законы и овладеть ими, но и отстаивать реалистический подход и непрерывно стимулировать на основе практики теоретические инновации.

Ван Янмин считал, что человек способен познавать окружающий его мир, причем сердце (разум) человека изначально стремится к высшему благу, высшему добру. В результате способности человека развиваются до такой степени, что его сердце уподобляется чистому зеркалу, в котором отражается тьма вещей, и тогда сердце становится небесным началом.

Одной из центральных идей учения Ван Янмина стало понятие «лян чжи», которое у обычных людей ассоциировалось с понятием «врожденная совесть», а у ученых – с природной справедливостью. Учение о лян чжи чрезвычайно просто, доступно, поэтому его было легко понимать и воспринимать, говорится в китайских публикациях. Значит, если каждый человек может по-настоящему осуществить свою лянчжи и распространить ее на окружающих, тем более на все общество и государство, это позволит добиться мира во всей Поднебесной. Поскольку в этом учении содержались такой потенциал и такая нравственная сила, учение Ван Янмина пользовалось большой популярностью в обществе.

Согласно Ван Янмину, понятие «совесть» (лян чжи) можно считать небесным принципом, она коренится в самой природе человека. Когда люди распространяют свою совесть на объективный мир, все их действия, их деятельность естественно вступает в гармонию с принципами, т. е. с критериями существующих норм морали. Усилия по достижению (всеобщей) совести он называет «постижением вещей и доведением знания до конца».

По мнению А. И. Кобзева, «Лян чжи у Ван Ян-мина явилось своеобразным заместителем понятия «сердце» (*синь* – душа, сознание, психика), прямо указывающими на сущностную благость человеческой души и вместе с тем имеющим ту же широту смыслового диапазона: «благосмыслие» – это и душа, и дух, и познание, и знание, и чувства, и воля, и сознание, и даже под-сознание [3, с. 336].

Современное значение учения Ван Янмина заключается в том, что он сам был субъектом нравственности, и его учение подчеркивало нравственную субъективность человека, его активную жизненную позицию, проповедовало нравственную свободу. Учение Ван Янмина о сердце говорит нам, – пишут китайские авторы, – что совесть (нравственное знание) составляет самую суть сердца, лежит в основе знания и действия. Если человек обладает

совестью (благочестием), он должен непрерывно показывать ее, осуществлять на практике, в своих действиях обнаруживать духовную жизнь человека, стремиться быть совестливым. Стремление обладать совестью есть душа воспитания, его первый принцип.

Ван Янмин выступал против чрезмерного увлечения людей материальными интересами, ибо они пробуждают в душе безразличие, погоню за карьерой.

Китайские ученые обращают внимание на то, что в рассуждениях Ван Янмина о морали человека содержится много ценных идей, которые могут быть использованы в настоящее время для воспитания сотрудников партийных и государственных органов. Речь идет о том, что чиновник должен быть близок к народу, смотреть на простолыдинов как на близких себе людей, с уважением относиться к желаниям людей, смотреть «на народ как на основу» и т. д. Китайские средства массовой информации подчеркивают, что после XVIII съезда КПК произошли революционные изменения исторического характера, заключающегося в том, что во всей деятельности партии, во всех ее делах преемственность и развитие прекрасной китайской традиционной культуры достигло небывалого уровня. Это проявилось в том, что конфуцианство стало играть стимулирующее значение в решении многих существующих социальных проблем. Во многом это связано с позицией Си Цзиньпина, который в своих выступлениях неоднократно обращается к учению Ван Янмина.

Некоторые китайские ученые настаивают, что необходимо сделать учение Ван Янмина частью курса этики в вузах и даже в партшколах, что оно поможет создать теорию воспитания партийности, идеи «учения (школы) о сердце» помогут глубокому изучению ценностных ориентиров и пути преобразования практики, чтобы воспитание партийности стало общим делом. По мнению китайских ученых, философия Ван Янмина составляет одну из духовных основ осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации.

Заключение

Если оценить подход Си Цзиньпина к традиционной китайской философии, нельзя не признать, что он существенно отличается от взглядов предшественников. В отличие от них, нынешний китайский лидер не только пропагандирует «прекрасную традиционную китайскую культуру», он практически выдвигает концепцию соединения ее с марксизмом классическим и марксизмом китаизированным. В этом состоит сущность его инновационного подхода. Значит ли это, что тем самым он замыкается в рамках узкой национальной, т. е. китайской культурной позиции? Нет, конечно, не следует забывать, что Си постоянно подчеркивает необходимость усвоения передовых достижений мировой культуры и философии. Иначе говоря, создаваемое им новое марксистское учение приобретает как китайское, так и международное звучание. Это наглядно демонстрирует подход Си Цзиньпина к международным проблемам. И это не просто лозунг, а реальная практика. В частности, современная китайская политэкономическая наука во многом основывается на западных экономических теориях. Поэтому, завершая рассмотрение взглядов Си Цзиньпина, следует признать его не только крупным руководителем, но и серьезным теоретиком.

Литература

1. Буров В. Г. Борьба с коррупцией в Китае. *Азия и Африка сегодня*. 2017;(6):11–17.
2. Си Цзиньпин. Изучение теории марксизма – обязательный предмет для коммунистов. *Qiushi*. 2019;(22):1–8.
3. Кобзев А. И. Ли [1]; Лян чжи. *Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 т. Т. 1: Философия*. Гл. ред.: М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. Москва: Восточная литература; 2006. С. 295–297; 335–336.
4. Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М.: Наука; 1983. 352 с.

Информация об авторе

Буров Владilen Георгиевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия; советник Международной конфуцианской ассоциации (Китай), burovvg2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5189-7941>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.10.2022; одобрена рецензентами 28.10.2022; принята к публикации 02.11.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Burov V. G. Fight against corruption in China. *Asia and Africa today*. 2017;(6):11–17.
2. Xi Jinping. The study of the theory of Marxism is a compulsory subject for communists. *Qiushi*. 2019;(22):1–8 (In Chinese).
3. Kobzev A. I. Li [1]; Liang zhi. In: Titarenko M. L., Kobzev A. I., Lukyanov A. E. (eds) *Spiritual culture of China. Encyclopedia in 5 vols. Vol. 1: Philosophy*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2006, pp. 295–297; 335–336.
4. Kobzev A. I. Wang Yangming's teaching and classical Chinese philosophy. Moscow: Nauka; 1983. 352 p.

Information about the author

Burov Vladilen Georgievich – Dr. Sci. (Philos.), Professor, Principal Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Advisor to the International Confucian Association (China),
✉ burovvg2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5189-7941>.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 17.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 02.09.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

PHILOSOPHY OF THE EAST

History of Philosophy

ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

История философии

Научная статья

УДК 329.15(510)КПК(091)"19/20"(0.025.2)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-944-960>

Философские науки

Марксизм, КПК и новая эпоха Си Цзиньпина

Андрей Владимирович Виноградов^{1,2}

¹ Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

vinogradov-a.v@mail.ru

² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. После избрания Си Цзиньпина генеральным секретарем ЦК КПК (2012 г.) в Китае начался новый этап преобразований, по масштабам и глубине не уступающих реформам Дэн Сяопина, а по своему влиянию на общественное развитие и международному значению, вероятно, способных их превзойти. С момента образования КПК развивалась в процессе учебы у Запада, китаизации марксизма, адаптации его к решению стоящих перед Китаем задач. В начале XXI в. Китай вышел на новый уровень социально-экономического развития и одним из первых в мире столкнулся с вызовами новой эпохи. Опыт решения им новых проблем стал результатом использования цивилизационной идентичности, которую он сумел сохранить, и политической власти компартии, преемницы марксистской традиции.

Ключевые слова: Асоциализм с китайской спецификой новой эпохи, Си Цзиньпин, КПК, теория Дэн Сяопина, китаизация марксизма

Для цитирования: Виноградов А. В. Марксизм, КПК и новая эпоха Си Цзиньпина. *Ориенталистика*. 2022;5(4):944–960. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-944-960>.

Original article

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-944-960>

Philology studies

Marxism, the CCP and the new era of Xi Jinping

Andrey V. Vinogradov^{1,2}

¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

vinogradov-a.v@mail.ru

² RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. After the election of Xi Jinping as the General Secretary of the CPC Central Committee (2012), a new stage of transformation began in China, in scale and depth not inferior to the reforms of Deng Xiaoping, in its influence on social development

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

and international significance, probably capable of surpassing them. Since its formation, the CPC has developed in the process of studying from the West, Sinicizing Marxism, adapting it to solving the tasks facing China. At the beginning of the 21st century China has reached a new level of socio-economic development and is one of the first nation in the world to face the challenges of a new era. Its experience of solving new problems is the result of using the civilizational identity that he managed to preserve, and the political power of the Communist Party, the successor of the Marxist tradition.

Keywords: Socialism with the Chinese characteristics of the new era, Xi Jinping, the CPC, Deng Xiaoping's theory, the Sinification of Marxism

For citation: Vinogradov A. V. Marxism, the CCP and the new era of Xi Jinping. *Orientalistica*. 2022;5(4):944–960. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-944-960>.

Введение

Долгое время реформы в Китае было принято рассматривать преимущественно через призму экономических преобразований, которые сделали Китай экономической сверхдержавой. Это справедливо, как минимум по двум причинам. Во-первых, кризис китайской цивилизации ярче всего проявился в экономической отсталости. Цинский Китай безнадежно уступал вырвавшемуся вперед Западу. Преодоление отсталости стало важным фактором завершения этого периода китайской истории. Во-вторых, в современном мире развитая экономика – это основа независимой внешней политики и фундамент успешного исторического развития. Рост экономики создал объективные предпосылки для превращения Китая в самостоятельного политического и исторического субъекта и полюс притяжения.

На самом деле решения 3-го пленума ЦК КПК (1978) положили начало не только экономическим реформам, но и глубокой трансформации всего китайского государства и общества, а результатом стало появление новой модели общественного развития. Вывод Си Цзиньпина на 100-летию КПК, что в Китае создан новый тип человеческой цивилизации, указывает не только на глубину преобразований, но и на длительность начавшегося этапа развития.

Марксизм в истории китайской цивилизации

На высшем государственном уровне указаний о связи социализма с историей цивилизации не появлялось с конца 1950-х – начала 1960-х гг., когда в СССР на XXII съезде КПСС (1961) была принята Программа строительства коммунизма, провозгласившая практический переход к построению нового общества. В то время аналогичные цели провозглашались и в КНР.

Коммунистическая общественно-экономическая формация, как известно, имеет две фазы: социалистическую и коммунистическую. В основе их отличий лежат экономические критерии, выражающие ту тенденцию

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

исторического развития, которая преобладала на момент формирования марксистской теории. Эти отличия были сформулированы в двух экономически детерминированных принципах социальной справедливости – «от каждого по способностям, каждому по труду» и «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Другие отличия подробно не рассматривались. Как научная теория марксизм не мог обоснованно судить о конкретных чертах весьма отдаленного будущего. Но именно смена социализма, еще не расставшегося с родимыми пятнами капитализма, коммунизмом означала переход от нового общественного строя к новому типу цивилизации. Сейчас человечество подошло к этапу, когда цифровизация, искусственный интеллект, четвертый энергетический переход, шестой технологический уклад, защита окружающей среды и другие изменения создали предпосылки для нового типа общественного развития и общественных отношений. После периода упадка в социалистическом движении и «конца истории» идея альтернативности исторического развития вновь возрождается, и связана она с Китаем и КПК.

Общественно-политические теории гораздо чаще служат для объяснения, чем для практического руководства общественным развитием, очень немногие из них смогли изменить мир. Одним из них, наряду с мировыми религиями, стал научный социализм. На сегодняшний день он остается самым молодым мировым учением и в отличие от всех предыдущих имеет научный, а не религиозный характер, обладает способностью к постоянному обновлению и развитию, в том числе в различных цивилизационных ареалах и исторических эпохах.

Предыдущая волна возникновения мировых учений прошла в «осевое время», которое характеризовалось переходом наиболее развитых центров цивилизации в новое состояние. Осуществили этот переход локальные цивилизации, каждая из них выработала свою общественно-политическую доктрину, ставшую на тысячелетия основой их существования.

Марксизм появился как критическая теория и стал развиваться как теория социального действия. Деятельностный характер стал главной родовой чертой марксистской школы общественной мысли. Его появление неразрывно связано с качественными изменениями в Европе. Общецивилизационный характер изменений, которые нашли отражение в марксизме, стал причиной его широкого распространения и влияния вслед за распространением промышленного производства. Перед материальным превосходством Европы не смогли устоять другие цивилизации, среди которых китайская занимала особое, вероятно, самое высокое место как по древности, так и по уровню развития. Но главное – она превосходила все остальные цивилизации по стабильности собственного воспроизводства.

Китай первым выяснил, что в широком историческом контексте превосходством обладают не те общества, которые владеют наивысшими достижениями в материальной культуре, а те, которые лучше организованы. Стабильность ценнее, чем уровень развития в каждый данный момент времени. Историческое преимущество, таким образом, получает не тот, кто выбился вперед, а тот, кто прилагает основные усилия, чтобы сохранить себя и тем самым получить возможность перейти на следующую ступень, где накопленный уникальный набор характеристик способен отвечать на новые вызовы и превратиться в конкурентное преимущество. Длительность существования

и толщина культурного слоя, таким образом, сами по себе становятся преимуществом. Достигнутая в рамках этой стратегии феноменальная жизнеспособность давала китайской цивилизации возможность бесконечного совершенствования, которое стало для нее синонимом развития.

Основанное на моральном авторитете общественное устройство обеспечивало высокую стабильность цивилизации, в отличие от христианской Европы, стремившейся к постоянным преобразованиям, но препятствовало поступательному развитию. Именно поэтому в Средневековье Марко Поло писал о превосходстве китайского государства, а через 6 столетий уже в Новое время Г. Гегель – об отсутствии в Китае истории, подразумевая осязаемые политические изменения и изменения вообще. Главным носителем цивилизационной идентичности в Китае были государственные чиновники. Они обеспечивали беспрецедентную длительность китайской цивилизации, которая, таким образом, была политически и культурно детерминирована.

Сильная идентичность позволяла Китаю успешно бороться с иномезными вторжениями, но оказалась бессильна перед теми, кто научился использовать перемены и вышел на другой технологический уровень. Китай впервые в своей истории столкнулся с принципиально иной моделью бытия, быть может, не более совершенной и сложной, но, несомненно, более действенной и эффективной. Он не мог победить Запад, но мог у него учиться. Альтернативы не было.

В тот же исторический момент на Западе произошел внутренний раскол. Марксизм вскрыл главные недостатки и противоречия капиталистического общества и тем самым показал альтернативу капиталистической вестернизации за пределами западного мира. Если в Европе марксизм имел прежде всего политическое значение, предлагал иную социально-экономическую и политическую программу развития, то для остального мира он приобрел еще и цивилизационное значение. Это значение марксизма ощущалось тем сильнее, чем более развитой была локальная цивилизация, в которой он укоренялся. Одновременно он выполнял свою главную историческую миссию – раскрывал закономерности сформировавшегося в Европе индустриального типа развития с высокими темпами роста, сменившего традиционное общество, основанное на приоритете духовных ценностей.

Стратегическая цель Китая заключалась в том, чтобы овладеть законами материалистической цивилизации, сохранив идентичность. Тогда это выглядело трудно выполнимой задачей. Только критический характер марксизма в отношении капиталистической действительности мог распахнуть двери Западу. Выступая противником капитализма, марксизм оказался естественным союзником Китая. Первые китайские марксисты выросли из движения за возрождение Китая. Существенную роль в широком распространении марксизма сыграло и то, что китайскому пролетариату противостоял в первую очередь иностранный капитал. Марксизм стал не только учением о социальном освобождении, но и политическим инструментом мобилизации национальной традиции. Его преимущество перед другими политическими учениями состояло в том, что, вскрывая безнравственность капиталистического Запада, он косвенно подтверждал превосходство Китая в самой важной для него области, способствуя сохранению традиций и идентичности.

В необходимости преодолеть инерцию за счет привлечения внешних факторов и притом сохранить собственную культуру заключалась основная

проблема развития Китая первой половины XX в. Осуществить синтез двух типов цивилизаций – традиционной, духовной и современной, материалистической – и сохранить свою идентичность было новаторской задачей. Этим объясняется сложный путь, который прошла китайская компартия за первые 60 лет существования.

Современный Китай невозможно понять без марксизма, истории социалистического учения и практики социалистического строительства. Одновременно он остается продолжателем китайской цивилизации. В этом взаимодействии на протяжении XX в. марксизм выступал активным началом.

Китаизированный марксизм

Наиболее важным заимствованием из марксизма для китайской политической культуры стала теоретическая деятельность – создание научной теории и использование ее на практике. В 1938 г. Мао Цзэдун заявил о необходимости китаизации марксизма – соединении марксизма с китайской действительностью, а не просто учебе и повторении. В первую очередь, это касалось особенностей социальной структуры китайского общества, в котором классовые антагонизмы не доминируют и не подчиняют другие общественные отношения. Мао Цзэдун создал теорию «новой демократии», формой этого государства провозглашалась диктатура пролетариата, которая была орудием борьбы не столько с классом эксплуататоров, сколько со старой культурой, которая мешала движению вперед. Главной задачей было завоевание политической власти. Мао Цзэдун взял из марксизма то, что было нужно Китаю в тот момент – учение о революции и учение о партии. Экономическая теория марксизма тогда не была востребована в Китае. Внимание к отдельным аспектам марксистской теории позволяло не распылять силы, хотя и вело к несбалансированности и эклектичности.

С образования КНР началась новая эпоха и второй цикл учебы у Запада. После 1949 г. КПК считала, что новодемократическое общество будет существовать от 30 до 50 лет. Однако отсутствие теории социалистических преобразований в большой восточной стране подталкивало к прямому заимствованию в тех сферах, где собственного опыта и знаний было недостаточно. На первом после образования КНР 8-м съезде (1956) КПК встала на советский путь развития, провозгласив целью экономический рост. Основным противоречием социалистического строительства в Китае было признано противоречие между передовым общественным строем и отсталыми производительными силами, а целью – удовлетворение материальных и культурных потребностей народа.

Решения последовавших вскоре XX съезда КПСС (1956) и Совещания коммунистических и рабочих партий (1957) ниспровергли авторитеты и сняли ограничения на самостоятельный поиск – стало возможно не следовать готовой теории, а на практике доказать превосходство социализма. Поставив тогда цель обогнать Великобританию, КПК впервые отождествила идею социалистического строительства с идеей возрождения Китая, восстановления его места на международной арене.

Ленинизм, объединивший европейский марксизм с российской действительностью, подразумевал процесс национального освоения марксистской теории в типологически близкой культурно-цивилизационной среде.

Китайская реальность явно не вписывалась в рамки европейской теории. Но и цельной концепции, способной заменить марксизм, в Китае тоже не было. Неспособность дать научное описание китайской действительности породила мощное противоречие в идейно-теоретической доктрине КПК, которая первые 30 лет после образования КНР пыталась применять доказавшие свою эффективность политические инструменты преобразования действительности, часто неуместные в экономическом строительстве. Их широкому использованию способствовала государствоцентристская парадигма цивилизационного развития, в которой экономические закономерности играли существенно меньшую роль, чем принципы традиционной социальной организации. Из этих представлений выросли ускоренная коллективизация – «народные коммуны», ускоренная индустриализация – «большой скачок», а потом и «культурная революция» как реакция на разочарование в экономической теории и попытка найти ответ на существующие проблемы в политических средствах (классовая борьба вновь была провозглашена основным противоречием социализма) и в национальной культурной традиции. Китай фактически вернулся к государствоцентристской модели. Найти формы сочетания марксистской социально-экономической теории и национальной культурной традиции на том этапе не удалось. Но было сделано главное. Первое поколение китайских коммунистов внесло решающий вклад в поиск путей преодоления цивилизационного кризиса – они обогатили методологический аппарат китайской истории, сделали революцию частью политической культуры и практики Китая, нашли способ преодолеть инерцию тысячелетнего китайского государства, разорвали цикличность китайской истории и указали направление дальнейшего движения.

Теория строительства социализма с китайской спецификой

Вопрос о месте марксизма в идейно-теоретической доктрине КПК вновь встал с началом реформ. Но главные надежды второе поколение китайских руководителей возложило на практику. Перед ними стояла другая задача – не захватить власть, а показать умение ею пользоваться, построить развитую экономику и поднять уровень жизни. В поисках эффективной модели развития КПК сделала шаг назад к марксистскому объяснению своих особенностей, которое не изменилось с 1950-х гг.: Китай не созрел для строительства социализма, но уже перепрыгнул капитализм, ему нужен особый период, когда будут действовать свои закономерности, будут допустимы капиталистические методы организации производства и распределения.

Из этого был сделан вывод, что КНР находится «на начальном этапе социализма», главной задачей которого стало экономическое развитие. Методы могут быть самыми разными, а отступление от марксистских положений – более не преступление, а историческая необходимость, обусловленная данной стадией социально-экономического развития. Внимание к решению текущих задач позволило ввести промежуточные ориентиры развития. Важнейшей чертой теории Дэн Сяопина стало выдвигание нового идеала – общества «сяокан» (малого благоденствия). Понизив уровень и приблизив его к реальности, КПК повысила вероятность его достижения.

На XII съезде (1982) было восстановлено основное противоречие социализма – между постоянно растущими материальными и духовными

потребностями народа и отсталым общественным производством. Наступил этап экономического детерминизма. В 1978–2008 гг. за счет экономического роста решались все социальные и экономические проблемы.

Начиная с «опиумных войн», все циклы китайских реформ были тесно связаны с внешним миром. Открытость предшествовала и реформам Дэн Сяопина. Китай стал активно открываться с 1978 г. еще до 3-го пленума ЦК, но, в отличие от середины XIX в., самостоятельно, и с тех пор не терял инициативу. В 1982 г. был сделан вывод, что мир и развитие – это главные тенденции современности, а запрет в годы «культурной революции» на западные товары, инвестиции, технологии и экономическое сотрудничество противоречит историко-материалистической теории и отменяется.

Теория «строительства социализма с китайской спецификой» выполняла еще одну важную функцию – адаптировала общественный строй к условиям, когда в капиталистическом обществе вновь обнаружился потенциал жизненных сил. Китайские руководители чутко уловили изменения во внешнем мире и еще энергичнее возобновили учебу, сняв ради этого большинство идеологических барьеров.

На открытии XII съезда КПК Дэн Сяопин сформулировал главный принцип реформ: «Слепое копирование чужого опыта и чужих моделей никогда к успеху не приводило... Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной реальностью нашей страны, идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой» [1, с. 5–6] Призвав отказаться от слепого подражания, Дэн Сяопин продолжил курс на китаизацию. Тогда, вскоре после завершения «культурной революции», трудно было представить, что КПК отважится на следующий шаг – разрешит развитие частной собственности, распределение не по труду, создание рыночной экономики, а затем и политически легализует представителей предпринимательского класса [2]. Все это прямо противоречило традиционным представлениям о социализме. Однако марксистская теория никогда не становилась непреодолимым препятствием для национального развития. Это в равной степени относится ко всем китайским руководителям. Указание на национальную специфику позволило со временем институционализировать эффективную экономическую модель, реализовать главную конкурентное преимущество и выработать формулу китайского экономического чуда – дешевая рабочая сила, внешние технологии, капиталы, природные ресурсы и рынки.

Опора на практику и эксперимент, игравших ключевую роль в реформах, радикальным образом меняла представления о социализме, но приближала Китай к преодолению отставания от развитых стран. Указание на национальную специфику, таким образом, открывало возможность выбора собственного пути, траектория которого еще не была определена, но уже формировалась под влиянием собственной идейно-теоретической доктрины, сохранявшей марксистский категориальный аппарат, но допускаящей свои этапы и ценностные ориентиры. Заслуга китайских реформаторов 1980–1990-х гг. состоит в том, что они вышли за рамки марксистской теории начала XX в., не порвав с ней окончательно, сохранили и свою идеологическую принадлежность, и национальную идентичность, а, значит, сохранили возможности для их дальнейшего синтеза.

Взгляды Дэн Сяопина оформились в единую научную систему только в 1992 г., когда изменения в экономике, внутренней и внешней политике

были приведены в соответствие друг с другом. Центральным элементом новой общественно-экономической конструкции стало положение о социалистической рыночной экономике.

После поражения социализма в Восточной Европе и распада СССР представления КПК об экономической и социально-политической системе китайского общества существенно повысили свой теоретический статус. До этого китайская концепция была лишь частью большой теории. Оставшись в одиночестве, Китай автоматически стал первым. Прежние ограничения, в т.ч. теоретические, исчезли, одновременно появились новые вызовы и возможности. Исчезновение социализма в Европе многократно усилило цивилизационное значение китайского опыта, подчеркнуло его своеобразие и отличие от западных моделей. В результате противостояние капитализма и социализма трансформировалось из межформационного в междивизиационное.

Еще в XX в. западные востоковеды сделали вывод, что развитие человечества не линейно, переход от одной фазы к другой не бывает унифицированным и поступательным, а может быть многовариантным, характеризуется длительным сосуществованием и взаимовыгодным взаимодействием различных экономических укладов, характерных для разных исторических эпох. Эти положения, однако, не нашли отражения в официальных идейно-теоретических документах компартий и оставили без ответа целый ряд вопросов, которые частично уже были решены на практике, но не получили концептуального объяснения.

Во-первых, теория истории использует высоко абстрактные понятия, оторванные от конкретных условий, и существенно упрощает исторический процесс, что требует наполнения теоретических схем практическим опытом как можно большего числа стран, их обобщения и концептуализации среднего уровня.

Во-вторых, классовая специфика восточных обществ, которая препятствовала формированию частной собственности, разделению власти и собственности, зарождению капитализма, прямо предполагала, что и социалистическая революция в европейском варианте здесь будет невозможна.

В-третьих, опыт древних цивилизаций говорил не только о возможности развития, но и о возможности заката и гибели: у человечества нет гарантий восходящего движения. Более того, принцип «восходящего» развития не объясняет циклического развития большинства цивилизаций.

В-четвертых, история знает примеры гибели развитых цивилизаций при сохранении и развитии менее развитых, что ставит вопрос об уточнении критериев исторического прогресса. Способность адаптироваться к изменениям, находить ответы на вызовы среды и сохраниться в истории может быть важнее уровня технического развития и других признанных критериев современной цивилизации.

Следствием теоретической неполноты стал целый ряд упущений и ошибок, в том числе в историческом развитии социализма. Так, сегодня с учетом всех этих обстоятельств политика НЭПа в России выглядит целостной альтернативой классическим представлениям о социалистическом строе, не переходным этапом, решавшим чисто буржуазные задачи индустриализации, урбанизации, культурной революции, а самостоятельным типом развития,

сочетавшим план и рынок, конкуренцию и государственный распределительный механизм и т. д. Однако в 1920–1930-е гг. в условиях международной изоляции выйти из признанной теоретической схемы и пойти дальше СССР не смог. Не удалось это сделать и после войны, мировая система социализма вступила в общий кризис, не смогла его преодолеть и прекратила существование.

В Китае в процессе достижения целей «начального этапа социализма» складывалась целостная и в силу практического, а не доктринального характера преобразований совершенно своеобразная картина общественного строя, включавшая план и рынок, многоукладность, создание специальных экономических зон, систему «одно государство – два строя» и т. д. [3]. КПК ввела понятие *сяокан* в качестве ближайшей цели и зафиксировала все эти новации в теории «социализма с китайской спецификой». Западные ученые называли это «сочетанием несочетаемого», однако на практике данная модель доказала свою эффективность и стала достраиваться новыми элементами.

Совершенствование теории строительства социализма с китайской спецификой

На протяжении всей новейшей истории Китай должен был догонять и учиться. Для этого приходилось выбирать между сохранением идентичности, которая препятствовала изменениям, и необходимостью принять перемены и изменить себя. Это была мучительная и трудная задача. С началом глобализации внешний мир взял на себя значительную часть бремени по решению этой проблемы, втянув Китай в мировую экономику. Экономическая отсталость превратилась в конкурентное преимущество. Дешевая рабочая сила и политическая стабильность сделали Китай желанным участником мировых экономических процессов.

Из государства, где политика руководит экономикой, Китай постепенно превращался в государство, где экономика руководит всем. Роль бизнеса значительно выросла. Как только целью развития были признаны не социальная справедливость и равенство, а экономический рост и совокупная мощь государства, исчезли основания для политической дискриминации предпринимательского класса. [4] Выдвижение Цзян Цзэминем идеи «тройного представительства» (передовых производительных сил, передовой китайской культуры и коренных интересов самых широких слоев населения) стало существенным уточнением идейно-теоретической доктрины КПК. Эти процессы совпали с выработкой, а с 1997 г. – с практической реализацией концепции «одно государство – два строя», допускавшей существование в одном государстве разных общественных систем и пересматривающей представления о государстве диктатуры пролетариата и о современном государстве вообще.

Во многом решающим для процесса дальнейшей китаизации теории социализма стал 17 съезд КПК (2007), когда из формулировки «строительство социализма с китайской спецификой» был убран предлог «с» (*you*) и общественный строй в Китае получил новое название «специфически китайский социализм». Тогда же была предпринята попытка зафиксировать соответствующий социальный идеал – «социалистическое гармоничное общество». В Китае стала формироваться новая теория со своей целью – «гармоничное» общество, со своей методологией – экспериментом и институализацией успешной практики, своими категориями «социалистическая рыночная

экономика», «тройное представительство», «совокупная государственная мощь» и др., наконец, со своим названием – «научная концепция развития». Теоретическая доктрина КПК балансировала на грани новой концептуализации, преемственной марксизму, но с явным потенциалом собственного объяснения мира и задач, которые стояли перед Китаем. Однако предложенная теоретическая новация, дав импульс научным дискуссиям, осталась структурно неполной, в ней отсутствовало указание на характер развития китайского общества, не формулировалось новое основное противоречие, она не была подкреплена политической волей руководства. И для этого были причины.

Ориентированная на экспорт экономическая модель приближалась к естественному пределу своих возможностей, вслед за этим пропадало главное преимущество Китая на внешней арене. Экономический детерминизм марксизма требовал преодолеть отсталость, превзойти передовые державы по уровню экономического развития и выйти в авангард исторического процесса. Китай успел решить только первую задачу – преодолеть бедность. Переход к решению следующей выглядел в сложившихся условиях невыполнимым. Все основные факторы китайской социально-экономической модели были исчерпаны: избыточная и дешевая рабочая сила заканчивалась, конкуренция на внешних рынках повышалась, росло «сдерживание» Китая на внешней арене. В условиях неизбежного перехода к «новой нормальности» перспективы соревнования с развитыми странами в сфере экономики не выглядели оптимистично. В середине 2000-х гг. стал нарастать конфликт между успешным решением основного противоречия социализма и негативными последствиями ориентированной на его решение рыночной экономики: растущим расслоением, обострением социальных противоречий и региональными разрывами. Новации, которые провозгласил Ху Цзиньтао, должны были ликвидировать негативные последствия этой модели. Вместе с тем, она по-прежнему приносила ощутимые экономические выгоды. За 10 лет (2002–2012) КНР сумела перейти с шестого на второе место по объему ВВП и восстановить статус Китая как великой мировой державы. В практическом плане для руководства компартии вопрос заключался в следующем: либо начать структурную перестройку и сознательно пойти на существенное снижение темпов, либо продолжить политику поддержания высоких темпов, решая тем самым главные стратегические задачи – повышение уровня экономического развития, уровня жизни населения и совокупной государственной мощи [4].

Успешное преодоление кризиса 2008 г. показало, что Китай стал не просто частью современного мира, а одной из его наиболее эффективных частей; это парадоксальным образом означало, что высокий потенциал соединения китайского с западным тоже подходит к концу. И одновременно свидетельствовало, что мир вступил в новую эпоху, где у западной социально-экономической модели уже нет очевидных преимуществ, хотя и сохраняются экономическая и военная мощь.

Возможно, еще существеннее было то, что сама модель индустриальной экономики обнаружила глубокие изъяны. Нужны были новые ориентиры, отражающие и уровень достигнутого, и перспективы развития. Кризис европейского социализма, а затем и капиталистической модели создали окно возможностей для стран не-Запада. Китай дальше других продвинулся

в формировании собственной модели и ее теоретическом описании, лучше других был подготовлен к тому, чтобы этим воспользоваться. У него впервые появился шанс стать лидером по новым критериям, контуры которых уже намечались, но еще не были сформулированы и теоретически обоснованы.

В целом, следует признать, что руководство КПК во главе с Ху Цзиньтао попыталось всесторонне осмыслить результаты реформ, уточнить социальный идеал, исправить негативные социальные последствия преобразований, нарушения принципов социальной справедливости, следствием которых стал рост коррупции, экологических проблем и т. д. Провозгласив целью гармоничное общество и определив средства его достижения, руководство КПК примеривалось к завершению большого исторического цикла в развитии социалистической идеи в Китае, но тогда его не осуществило.

Следующему поколению досталась задача сменить модель, но совершить это в условиях ослабления конкурентных преимуществ, ухудшения мировой экономической конъюнктуры, снижения темпов, обострения социальных проблем и внутренних противоречий. Смена руководства в 2012 г. отражала назревшую потребность в смене модели развития, которая по аналогии с предыдущим периодом формирования рыночного социализма могла занять период, заметно превышающий 10 лет, потребовать политических волевых решений и усиления роли государства [4].

«Новая эпоха» Си Цзиньпина

В начале XXI века в мире произошли крупные изменения, и нужно было уже не догонять, а самому, очень часто впервые, искать ответы на новые вызовы. Набрав скорость еще в старом, доглобальном мире, в конце XX в. Китай вырвался на авансцену мировой истории и первым столкнулся с общецивилизационными вызовами, которые требовали не учиться и подстраивать свою идентичность под сложившуюся реальность, а искать и использовать собственные конкурентные преимущества, полагаться на идентичность и традиции, которые в новых условиях перестают быть препятствием и становятся источником развития. Победу в этом раунде одержит тот, кто первым найдет ответы на новые вызовы. Так произошло в Новое время в Западной Европе, совершившей промышленную революцию.

До начала второго десятилетия XXI в. китайская теория социализма была локальной. КПК китаизировала марксизм для решения своих проблем, а затем на его основе создала теорию «строительства социализма с китайской спецификой», выработав, таким образом, собственную методологию общественно-исторического развития – «использовать западное на службу китайскому». Теперь, очевидно, пришло время сосредоточиться на первой части высказывания цинского чиновника Чжан Чжидуня «китайское в качестве основы». Оказалось, что формула середины XIX в. была верна, но следовать ей нужно было не параллельно, а последовательно, ориентируясь на характер эпохи и свое место в эшелоне развития.

С момента образования КПК китайские коммунисты искали теоретическое обоснование стоявших перед ними исторических задач. Сначала это были поиски теоретического обоснования новодемократической и социалистической революции, затем строительства социализма в отсталой стране. Одно оставалось неизменным – официальная приверженность основным

положениям и целям марксистской теории и готовность от них отойти в интересах решения практических задач.

Поиск и переход к новой социально-экономической модели потребовал усиления роли государства, вновь оказалась востребована и личная харизма, и высокая персональная ответственность. XVIII съезд КПК (2012) не мог выдвинуть новую концепцию, перед ним стояла другая задача – обеспечить смену руководства.

Следующий 19-й съезд (2017) по значению можно поставить в один ряд с поворотными для Китая 7-м и 12-м съездами КПК. Главная задача двух первых состояла в сокращении сферы всеобщности и усилении прикладного характера теории. Теория Си Цзиньпина о строительстве социализма с китайской спецификой новой эпохи продолжила традицию китаизации марксистской теории и практического решения задач, которые стояли перед Китаем. Но одновременно она должна была предложить собственное решение проблем, которые появились в начале XXI в., и таким образом вернуть себе известную меру всеобщности. Характер теории определила провозглашенная Си Цзиньпином цель – «Великое возрождение китайской нации». Возвращение к идее возрождения стало логическим и символическим завершением столетнего периода развития КПК, начавшегося с «дискуссии об измах», о том, социализм или капитализм может спасти Китай. КПК решила этот вопрос на практике и теперь могла перейти к следующей задаче.

Намеченное в ходе съезда на середину XXI в. завершение социалистической модернизации и выход в число передовых держав отдает дань марксистской традиции и сочетается с новым ориентиром. Сегодня для того, чтобы воплотить китайскую мечту и вернуться в число ведущих держав, не стоит задача догнать США по совокупному объему ВВП и тем более по объему ВВП на душу населения. Критерием Возрождения стала способность самостоятельно отвечать на вызовы эпохи.

Центральной идейно-теоретической новацией 19-го съезда стало положение о вступлении социализма с китайской спецификой в новую эпоху. В марксистско-ленинской традиции любое упоминание о новой эпохе вызывает прямые аналогии с ленинским определением империализма и переходом к эпохе социалистической революции. При смене эпох закономерности меняют свою природу и открывают путь новым. Эта универсальная формула для объяснения всех крупных изменений в теории и практике общественного развития выглядела особенно привлекательной в преддверии 100-летнего юбилея КПК. Она позволяла Китаю, начавшему как ученик, через 100 лет занять ведущее место в мировом развитии.

В официальной историографии КПК марксизм-ленинизм в сочетании с действительностью Китая инициировал два исторических скачка, каждый из которых породил теоретическую новацию. Первый – это «идеи Мао Цзэдуна», которые привели к новодемократической революции и началу строительства социализма. Второй – теория «строительства социализма с китайской спецификой» Дэн Сяопина, определившая экономический рост Китая. Главной целью первого этапа было освобождение и достижение независимости, т. е. решение поставленной еще Сунь Ятсеном задачи «выпрямиться во весь рост». Целью второго – экономическое развитие и построение общества *сяокан* [2]. Сейчас происходит третий скачок, сравнимый по значению

с образованием КПК. Принципиальное отличие нынешнего этапа – в том, что до этого КПК училась и соединяла всеобщие истины с конкретной практикой, а сейчас стоит задача создавать принципиально новое знание.

Впервые с Нового времени научно-технический прогресс понимается не только как инструмент общественного развития. В информатизации, биотехнологиях, искусственном интеллекте, новых средствах массовой коммуникации видно мощное орудие разрушения привычных принципов человеческого общежития и существующего социального порядка – прежде всего, отношений общества и государства. Для появления новой теории, таким образом, созрели все необходимые условия. Во-первых, появились принципиально новые вызовы (социальные последствия цифровизации, экологических проблем и т. д.). Они знаменуют наступление «новой эпохи». Во-вторых, возникло понимание происходящих изменений как исторических вызовов и необходимость искать на них ответы. На праздновании 100-летия КПК Си заявил о небывалых изменениях, которые происходят в мире раз в 100 лет, связав, таким образом, образование КПК и современные задачи. И, наконец, политическая система КНР предполагает поиск таких ответов коммунистической партией [5].

Наступающая эпоха предполагает свое теоретическое обоснование, главным в котором, по марксистской традиции, стало новое основное противоречие, сформулированное на 19-м съезде, – противоречие между постоянно растущими потребностями народа в лучшей жизни и неравномерностью и неполнотой развития. Объявив о такой смене, КПК задала новое направление развития на стратегическую перспективу. В прежний период центральной задачей КПК был экономический рост и повышение уровня жизни. Новое противоречие перенесло центр тяжести работы с экономического строительства на реформирование системы государственной власти, совершенствование социальных отношений и государственного управления. Впервые с 1978 г. центр тяжести работы был перенесен с экономического на партийное и государственное строительство.

Появление новой теоретической платформы КПК – событие исторического значения. С ее принятием уходит старая эпоха – эпоха Дэн Сяопина и построения *сяокан* – и приходит новая «эпоха осуществления китайской мечты о великом возрождении», для которой соединение китайских реалий с марксистской теорией было лишь обязательным начальным этапом.

До последнего времени в Китае было не принято говорить о всемирном значении китайского опыта. Считалось, что уникальность Китая навсегда связана с прошлым. Успех модернизации показал, что выраженная в китайской специфике уникальность сохранилась и даже институализировалась. Оказалось, что глобализация объединила, но не унифицировала мир, в котором вновь существенно повысилось значение идентичности. Китай, конечно, не перестал учиться у окружающего мира, но уже готов к равноправному обмену опытом. Экономическая и политическая китаизация развивающихся стран может стать действенным фактором мирового развития на этапе кризиса глобализации¹.

Все это заставляет относиться к китайским реформам как к формированию принципиально нового общественного строя, соответствующего новой

¹ Об этом уже открыто говорят в Китае, см. например: [6, с. 25].

эпохе и новому технологическому укладу. Это общественный строй, отличный как от западного, так и от традиционного китайского, но преемственный всему историческому наследию Китая – и традиционному, конфуцианскому, и социалистическому [7]. Успешно решая локальные, частные задачи, Китай постепенно занимает место на передовой линии мировой истории, а найденные им решения приобретают общецивилизационное значение.

* * *

Современная китайская модель на фоне экономического и политического кризиса Запада выглядит реальной исторической альтернативой, основанной на численности населения, превосходящего весь западный мир, и на глубокой непрерывной культурной традиции. Эти обстоятельства всегда внушали китайским лидерам уверенность в праве на самостоятельный путь развития, а успехи Китая в последние годы только укрепили их в этом убеждении.

До сих пор в западной науке основной единицей социально-исторического анализа считается национальное государство. Для Китая это единица другого порядка – цивилизация. Цивилизационный характер не просто накладывает отпечаток на современное китайское государство, он составляет его сущность, определяет закономерности развития, методы изучения и возвращает к цивилизационному измерению истории. Действие этих подходов можно проиллюстрировать двумя примерами.

С наиболее распространенной сегодня экономической точки зрения, главная причина успехов китайских реформ в том, что Китай нашел способ превратить свои естественные и ситуационные недостатки в конкурентные преимущества. В начале преобразований большое население, неблагоприятная демографическая структура, слабая материально-техническая база рассматривались как препятствие для социально-экономического роста. Приняв курс на ограничение рождаемости, КПК оставалась в государственноцентричной парадигме развития и рассчитывала сократить избыточное население, чтобы, таким образом, административными мерами способствовать быстрому росту уровня жизни. Однако эффективность такого решения в силу его распределительного, а не производительного характера не могла быть высокой, оно было способно только сгладить остроту проблемы, но не решить ее. Настоящим прорывом стало осознание потенциала особенностей Китая (*гоцин*), использование которых возможно только в новой среде. Политика открытости позволила объединить многочисленную и дешевую рабочую силу с западными технологиями, инвестициями, ресурсами, а затем и рынками, положив начало беспрецедентному экономическому росту. Внутри страны Китай тоже пошел на смелые эксперименты и ради этого пошел на обновление идейно-теоретической платформы КПК в вопросах собственности, распределения и регулирования экономики.

А в чем объяснение успехов Китая с точки зрения теории истории? В том же, в реализации преимуществ, но уже другого порядка – не сравнительных экономических, а исторических, набора уникальных цивилизационных характеристик, принципов социальной организации и опыта управления. Понимание глубокой самобытности отличало всех китайских политиков и государственных деятелей. КПК не стала исключением. Ее главным достоинством по

сравнению с другими политическими силами стало сочетание революционного характера и готовности к радикальному переустройству с признанием цивилизационной идентичности Китая. Этот путь не обошелся без ошибок, но марксистская теория, воплотившая основные императивы XX в., задавала верные ориентиры и не лишала руководство компартии возможности принимать собственные решения, время от времени позволяя раздвигать границы теории, сначала для решения прикладных задач в рамках «китаизации марксизма», а потом все более планомерно включая в нее национальные особенности, что, в конце концов, привело к выдвиганию теории строительства «социализма с китайской спецификой». Следующим шагом стало признание роли цивилизационной идентичности, выразившееся сначала в смене формулировки на «специфически китайский социализм» (2007), а затем в обоснованной конституционными поправками 2018 г. радикальной реформе китайского государства при сохранении сложившейся социально-экономической системы.

Копирование западных схем и моделей, отказ от идентичности вели к потере конкурентных преимуществ и перерождению, в то время как преемственность, сохранение идентичности, наоборот, открывали путь к возрождению. Потенциал цивилизационных отличий раскрывался в способности компенсировать недостатки действующей общественной системы и открывать новые перспективы при возникновении угроз ее существованию. Идентичность, таким образом, играла такую же роль в историческом развитии, что и сравнительные преимущества в глобальной экономике. Сейчас Китай одним из первых уловил начавшуюся смену исторических эпох и начал поиск приоритетов развития и направлений преобразований.

Литература

1. Дэн Сяопин. *Основные вопросы современного Китая*. М.: Политиздат; 1988. 259 с.
2. Виноградов А. В. 19-й съезд КПК: Великий поход к возрождению. *Проблемы Дальнего Востока*. 2018;46(1):68–80.
3. К 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике [Круглый стол в ПДВ]. *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 6. С. 4–41. <https://doi.org/10.31857/S013128120002800-1>.
4. Виноградов А. В. Внутривосточные вызовы Китаю в начале XXI в. *Сравнительная политика*. 2017;8(3):131–145.
5. 李海青. 习近平新时代中国特色社会主义思想对马克思主义发展的原创性贡献 (Ли Хайцин. *Оригинальный вклад идеи Си Цзиньпина о строительстве социализма с китайской спецификой новой эпохи в развитие марксизма*). *党政研究*, 2022 年, 第2期, 第 5–11 页.
6. 魏先法. 克思主义中国化新飞跃的时代逻辑 (Вэй Сяньфа. *Историческая логика нового взлета в китаизации марксизма*). *河北省社会主义学院学报*. 2022 年1 月第1 期, 第 20–27 页.
7. Виноградов А. В., Салицкий А. И. Можно ли говорить о формировании в Китае нового общественного строя? *Вестник РАН*. 2019;89(2):172–178. <https://doi.org/10.31857/S0869-5873892172-178>.

Информация об авторе

Виноградов Андрей Владимирович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, vinogradov-a.v@mail.ru, .

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена рецензентами 20.09.2022; принята к публикации 22.09.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

- 1 Deng Xiaoping. *Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaya (The main issues of modern China)*. Moscow: Politizdat; 1988. (In Russ.).
2. Vinogradov A. V. 19-i s'ezd KPK: Velikij pohod k vozrozhdeniyu (The 19th Congress of Communist Party of China: Long March to Rebirth). *Problemy Dal'nego Vostoka (Problems of the Far East)*. 2018;46(1):68–80. (In Russ.).
3. K 40-letiyu nachala ekonomicheskikh reform v Kitajskoj Narodnoj Respublike Kruglyj stol v PDV (Round table. On the 40th Anniversary of Economic reforms in PRC). *Problemy Dal'nego Vostoka (Problems of the Far East)*. 2018, № 6. P. 4–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013128120002800-1>.
4. Vinogradov A. V. Vnutripoliticheskie vyzovy Kitayu v nachale 21 v. (Domestic political challenges to China in the early 21st century). *Sravnitel'naya politika (Comparative policy)* 2017;8(3):131–145. (In Russ.).
5. 李海青. 习近平新时代中国特色社会主义思想对马克思主义发展的原创性贡献. [Li Haiqing. The Original Contribution of Xi Jinping's Socialist Thought with Chinese Characteristics to the Development of Marxism in the New Era.] *党政研究*, 2022年第2期,第5-11页. (In Chinese).
6. 魏先法. 克思主义中国化新飞跃的时代逻辑 (Wei Xianfa. The Logic of the Era of a New Leap in the Sincization of Marxism). *河北省社会主义学院学报*. 2022年1月第1期,第20-27页. (In Chinese).

7. Vinogradov A. V. Salickii A. I. *Mozhno li govorit' o formirovanii v Kitae novogo obshchestvennogo stroya?* (Can We Talk about the Formation of a New Social System in China?). *Vestnik RAN*. 2019;89(2):172–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0869-5873892172-178>.

Information about the author

Andrey V. Vinogradov – Dr. Sci. (Polit), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Professor, RUDN-University, Moscow, Russia, © vinogradov-a.v@mail.ru.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 15.08.2022; approved after peer reviewing 20.09.2022; accepted for publication 22.09.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

PHILOSOPHY OF THE EAST
Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture
ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА
Философская антропология, философия культуры

Научная статья
УДК 130.2(510)

Исторические науки

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-961-978>

**Поверх гармонии: заметки о потенциале
китайского мировоззрения в межнациональном
и глобальном порядке и управлении**

Владимир Вячеславович Малявин^{1, 2, 3}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

vmalyavin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8966-6359>

² ИКСА РАН, Москва, Россия

³ Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, КНР

Аннотация. В статье исследуется значение китайской концепции гармонии (хэ 和, сехэ 谐和) для создания устойчивого и эффективного управления в глобальном масштабе. Автор показывает, что потребности формирующегося мирового сообщества ставят данное понятие в контекст двух других важных категорий китайской мысли: «обыденность» (юн 庸) и «единство» или «совместность» (тун 同). Особое внимание уделяется понятию «синергии» (се тун 协同), которое служит глубинной основой гармонии. Взаимосвязанность указанных понятий была фундаментом традиционной китайской мысли и культуры. Она обусловила наличие очевидных и в своем роде системных параллелей в самых разных областях общественной практики в Китае, от личного совершенствования до политики и международных отношений. Как показывает автор, эта всеобъемлющая целостность китайского мировоззрения может стать основанием для нового глобального порядка, в котором ведущую роль будет играть принцип синергии.

Ключевые слова: гармония, обыденность, единство, глобальность, синергия, Китай

Для цитирования: Малявин В. В. Поверх гармонии: заметки о потенциале китайского мировоззрения в межнациональном и глобальном порядке и управлении. *Ориенталистика*. 2022;5(4):961–978. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-961-978>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Малявин В. В., 2022
© Ориенталистика, 2022

Поверх гармонии: заметки о потенциале китайского мировоззрения в межнациональном и глобальном порядке и управлении

Vladimir V. Malyavin^{1, 2, 3}

¹ Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia,
vmalyavin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8966-6359>

² Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Hebei Normal University, Shijiazhuang, PRC

Abstract. The paper explores the significance of the Chinese concept of *harmony* (he 和, xiehe 谐和) for establishing a stable and efficient global governance. The author assumes that to meet demands of the emerging global community, this concept should be assessed in the context of two other important notions of Chinese tradition: *commonality* (yong 庸) and *unity or sharing* (tong 同). A particular attention is paid to the notion of *synergy* (xietong 协同). The merging of these concepts has been a real basis of the Chinese tradition and it can serve as a foundation of a new global order based on the principle of synergy.

Keywords: harmony, commonality, unity, globality, synergy, China

For citation: Malyavin V. V. Above Harmony: Notes on the Global Potential of Chinese Thinking. *Orientalistica*. 2022;5(4):961-978. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-961-978>

Концепция гармонии с некоторых пор, и не без оснований, стала своего рода культурным брендом Китая на мировой арене. Китайские ученые и СМИ сегодня стремятся доказать, что главное преимущество китайской цивилизации, а также секрет впечатляющего успеха Китая в модернизации заключается в способности китайцев устанавливать спонтанные и эффективные гармоничные отношения в обществе. «Я считаю», пишет Чэньян Ли, американский синолог китайского происхождения, «что самый значительный вклад, который конфуцианство может предложить мировой философии и мировой политике сегодня, заключается именно в идеале гармонии» [1, с. 187].

Такое мнение вполне ожидаемо, если принять во внимание императив нравственного воспитания, традиционно лежащий в основе китайского общественного устройства. Именно этот императив в сочетании с приверженностью экзистенциальным ценностям обучения как такового, способностью преобразовывать свой жизненный мир в некий надвременный и всеобщий тип, спас китайское мышление и китайское отношение к жизни от ловушек нигилизма и цинизма.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Гармония – идеальное слово для перфекционистской философии. Каким бы возвышенным ни было наше представление о гармонии, всегда можно допустить существование еще более утонченной и полной гармонии. Поистине, стремление к гармонии обязывает нас неуклонно повышать свои моральные стандарты и чувствительность. Это делает гармонию столь же неуловимой, сколь и всеобъемлющей. В то же время свойственное гармонии трансцендентное начало порождает ряд специфических проблем.

Первая проблема касается онтологии множественности. Гармония как принцип трансценденции в конечном итоге оправдывает мир в его реальном состоянии – как дискретное пространство бесконечного разнообразия. Именно такой образ мира описан в классическом конфуцианском трактате «Чжун юн»:

«Все вещи взращиваются вместе и не причиняют вреда друг другу; разные пути претворяются совместно и не противоречат друг другу. Их малые достоинства следует рассматривать как текущие потоки; их большие достоинства следует рассматривать как великие преобразования. Вот почему небеса и земля так велики» [2, с. 111–112].

Перед нами мир не предметов, а превращений. Его ядро – не сущность какого-либо вида, а отношение как таковое, вездесущее соответствие. Он «велик» потому, что его природа – трансформация, пронизывающая все планы и измерения существования, что и делает возможным так называемый «эффект бабочки»: малейшее изменение здесь равнозначно мировой катастрофе.

Второй вопрос касается границ гармонии: это не более (и не менее) чем бесконечное разнообразие, бесконечная дифференциация, состояние промежуточности всего сущего, обусловленное его собственным пределом. Тот факт, что гармония преодолевает или отрицает себя, означает, что опыт гармонии включает знание ограниченности, даже если она выступает как предел бесконечности (такова, в частности, тема даосской книги «Чжуан-цзы»).

Необходимо исследовать метафизические и культурные измерения такого предела, который вызывает присутствие бесконечности или, если использовать выражение, отсутствующее в традиционной версии «Чжуан-цзы», «бесконечности за бесконечностью». Такая попытка требует создания особого языка, который, хотя по-своему целостен и последователен, не сводится к набору технических терминов. Он призван сохранить – или, скорее, раскрыть – творческий потенциал человеческой речи с ее способностью к безграничной трансформации и игре значений. Следовательно, такой подход предполагает изменение способа восприятия мира; он требует повышения и обогащения нашей чувствительности. Действительно, трансформация как своего рода «имманентная трансцендентность» или, по Вальтеру Беньямину, «профанное озарение», есть высшая цель, *telos* этого начинания.

Китайская философия – это, как известно, философия Перемен. Изменение как конечная реальность – глубоко неоднозначное понятие. Чтобы быть тем, что оно есть, оно должно изменить себя и стать... неизменностью, постоянством. В свете изменения все существует ровно в той мере, в какой не существует. Бесконечность вне (или внутри) бесконечности – это знаменитая восточная не-дуальность: скрытая глубина бытия, недифференцирующее различие, условие всякой возможности.

В традиции «Чжун юн» эта мета- или, скорее, прото-гармония, она же, согласно классическому определению, «великий корень» гармонии *да бэнь* 大本, называлась *чжун* 中, что обычно переводится как «срединность». Но здесь точнее было бы говорить о центрированности, чтобы подчеркнуть его динамическую природу. Центрированность – фундаментальная китайская добродетель и в равной мере ядро человеческой природы, соматическая матрица существования, связанная с врожденной способностью к проприоцептивной целостности; спонтанное и динамическое жизненное равновесие, внутренняя предпосылка гармонии. Речь идет, строго говоря, не о формально рассчитанном «срединном пути», а о неопределимом фокусе разъединяющего синтеза, условия единства множественности. Он соответствует вершине одухотворенности восприятия, но совпадает с полной естественностью.

В традиции трактата «Чжун юн» центрированность разворачивается в психическую и ментальную гармонию. Последняя определяется как избытие психической жизни, «приведенное к мере через центрированность» *чжун цзе* 中節. Это проявление внутреннего равновесия можно наблюдать и регулировать. Что касается центрированности, то она требует другого обращения: ее нужно не удерживать, а «отпустить», позволить ей быть. Развертывание центрированности в гармонию – основа самосовершенствования человека в конфуцианской традиции, особенно в позднем конфуцианстве. Поскольку китайские мыслители, как конфуцианские, так и даосские, считали центрированность самой сутью человеческой природы, они предполагали, что человеческий разум от природы обладает способностью подавлять эгоистические движения в психике и утверждать первенство гармонии в человеческих отношениях.

Связь между центральностью или центрированностью и гармонией не логическая, а скорее экзистенциальная или металогическая. В пространстве центрированности-гармонии вещи удерживаются вместе не внешним законом, а просто в силу того, что существуют сами по себе – *цзы жань* 自然. В свете этого разъединения и несоизмеримого единства существования самого по себе, как выразился классический комментатор «Чжуан-цзы» Го Сян (конец III в.), «чем больше вещи отличаются по форме, тем больше они схожи в том, что существуют сами по себе». Гармония создается напряжением между полярностями. А трансцендирующая грань гармонии проистекает из соположенности несовместимых элементов. Таково отношение между Дао и миром вещей, согласно средневековому даосскому трактату «Гуань Инь-цзы»:

«Одна искра огня может уничтожить все деревья в лесу, но когда деревья сгорают, где быть огню? Одно мгновение Пути может обратить в небытие все вещи. Но когда все исчезнет, где быть Пути?» [3, 10182].

Китайская философия подчеркивает наличие общего основания форм и Бесформенного. Это основание – Изменение, бездна становления. Изменение не знает ни сущности, ни тождества. В нем все есть или, скорее, становится Единым в собственном пределе, посредством трансформации. Изменение само по себе есть пауза, «промежуточный» момент *цзянь* 间, мимолетный, но всеохватывающий «момент неподвижности» *си* 息. Именно в этот момент общей (и взаимной) трансформации все вещи похожи друг на друга. В конечном счете, это движение Хаоса, который никогда не перестает рассеиваться,

терять и находить себя в вечном невозвращении к себе; недвижимое движение вне логики тождества и различия. Хаос – действительно отец гармонии.

Подлинная трансформация, таким образом, есть анафора, преемственность в изменениях. Она имеет характер имплозии, самосокрытия или самоистощения, которыми удостоверяется полнота существования и возросшая интенсивность переживания. Уже в самом раннем трактате по каллиграфии в Китае, приписываемом Цай Юну (II в. н. э.), творчество приравнивается к акту рассеивания *сань* 散, который позволяет духовно «осознать», внутренне переживать подлинность своего существования в потоке распыленной материальности, что и служит реальным источником письма, условием центрированности. Апология творческого «рассеивания» (которое можно интерпретировать и как «отпускание», и как сохранение центрированности) может показаться на первый взгляд парадоксальной, поскольку она сообщает о внутренней целостности духа. Цай Юн пишет:

«Письмо – это рассеивание. Если хочешь писать, сначала раскрой свои тревоги, дай волю своим чувствам, доверься своей природе и тогда начинай писать... Приступая к письму, выправь позу, упокой мысли и отдайся влечению воли. Не изрекай слов, не сбивай дыхания, запечатай свой дух глубоко внутри, как если бы ты предстоял перед августейшим владыкой. Тогда письмо будет искусным» [4, с. 43].

И в другом сочинении:

«Письмо кистью коренится в том, что таково само по себе. Когда то, что таково само по себе, установлено, рождаются инь и ян. Когда рождены инь и ян, появляются формы вещей и образы силы...» [4, с. 45].

Китайское понятие формы, употребляемое Цай Юном, представляет собой сочетание слов «внешняя форма» *син* 形 и «сила обстоятельств» *ши* 势. Этот термин напоминает, что истинный смысл трансформации как пути совершенствования заключается в приобщении к несотворенной мощи жизни. Ученый XIII в. Хао Цзин называл его «внутренним странствием» *нэй ю* 内游, приводящим ум к состоянию, которое «покойнее покоящейся воды» [5, с. 89]. Такое прото-движение не оставляет следов и не соответствует никаким идеям или образам. Его следует отличать от видимых изменений *бянь* 变, поскольку оно относится к мельчайшим превращениям *хуа* 化, недоступным физическому восприятию. Оно представляет как бы символическую матрицу бытия, тайно свидетельствует о себе бесчисленным множеством виртуальных миров, которые исчезают прежде, чем обретают видимую форму.

Таким образом, подлинная гармония высвобождает уникальный голос всех вещей, наделяет каждое существование его индивидуальным качеством, его «утонченной истиной» *мяо ли* 妙理, которую не следует путать с веществом, формой, идеей или любой другой ментальной или материальной реальностью. Как отмечал знаток живописи XVI в. Ли Кайсянь:

«Все вещи в мире, великие и малые, обладают утонченной истиной, исходящей из сокровенного превращения, которая есть то, что таково само по себе» [6, с. 420].

Это качество абсолютной сингулярности *ду* 独 указывает на полную самодостаточность бытия Таковости именно в его уникальности. Оно существует на границе всего, в вездесущем пограничье и обладает большей конкретностью, чем любой индивидуальный опыт. Более того, оно изменяется,

отпускает себя еще до того, как приобретает внешнюю форму. Это момент всеобщей «междубытности», вселенского «антракта», равнозначный наименьшей продолжительности из всех возможных. Практика «бдения в одиночестве» *шэнь ду* 慎独 была, как известно, основой личного совершенствования в неоконфуцианстве.

Теперь мы можем обратиться к самому важному следствию конфуцианской теории гармонии: концепции сходства или подобия *тун* 同. В знаменитом высказывании Конфуция в «Лунь юй» благородный человек характеризуется как тот, кто всегда способен быть в согласии с другими, но не уподобляется другим *хэ эр бу тун* 和而不同, в то время как низкий человек стремится быть таким, как другие, но ни с кем не может быть в согласии [6, с. 215]. Для Конфуция, по крайней мере, если руководствоваться буквальным смыслом его высказывания, гармония сводится к регулированию человеческих отношений, согласию в «текущем моменте». Она не имеет онтологического основания и целиком определяется актуальной обстановкой. Когда же речь идет о содержательной основе гармоничной жизни, как, например, в знаменитой утопии «великого единения» *да тун* 大同, упоминаемой в каноне «Записки о ритуале», на первый план выходит требование взаимообразности в отношениях. Итак, вещи похожи и даже идентичны именно в момент их превращения, перехода в инобытие. Они тождественны, строго говоря, именно потому, что в равной степени отличаются от самих себя.

В даосизме, который, по сути, предъявляет метафизическое основание конфуцианской морали, взаимосвязь гармонии и сходства выражена достаточно явно. Гармония, по мнению даосских мыслителей, - это неотъемлемая черта внутреннего совершенства *дэ* 德, а всеобщее сходство - его главное условие и воплощение. В последней главе даосского канона «Чжуан-цзы» есть высказывание, приписываемое Гуань Инь-цзы: «От сходства происходит гармония» 同焉者和 [8, с. 453].

В даосизме сходство, понимаемое как *coincidentio oppositorum*, - это онтологическое условие гармонии. Именно интуиция глубокой, чисто природной и врожденной общности людей и даже всех живых существ на самом деле обосновывает гармонические отношения в жизни и тем самым оправдывает бесконечное разнообразие живых существ. В то же время нормативность разнообразия в гармонии не позволяет интуиции жизненной общности стать принципом трансцендентального единства, относящегося к понятию абстрактного индивида. По сути, такое единство было бы чисто формальным и, следовательно, пустым. Оно не может быть источником реальной симпатии к другим. Оно даже не содержит условий для признания реального различия между людьми. Такое признание подменяется сознательным и насильственным отрицанием своего естественного состояния, которое ведет к самоотчуждению человека. Это превращает как личную, так и общественную жизнь в поле постоянного конфликта.

Концепция изначального сходства приводит к противоположным результатам. В качестве высшей сублимации гармонии сходство здесь воспринимается - если считать даосизм метафизическим продолжением конфуцианской этики - как бесконечно разнообразный хор «переменчивых голосов» *хуа шэн* 化声 мира, разрозненное множество земных звуков, которые «зависят друг от друга, не будучи взаимозависимыми». Это нечто близкое понятию

«идиоритма» у Ролана Барта – ритма, «всегда стоящего особняком», растворенного в аморфном потоке опыта, улавливаемого только по его расплывчатым следам и теням» [9, с. 175]. Другим эквивалентом этого онтологического основания существования может быть популярная формула Жильбера Симондона «отношение не-отношения» [10, с. 45, 63].

В перспективе этого не-связующего отношения вещи равны в своей не-соизмеримости. Такого рода хаосмическая (одновременно хаотическая и космическая), одновременно неупорядоченная и упорядоченная, неизмеримая и измеряемая тотальность, матрица всех смыслов может восприниматься как пародийный конфуз природы, но она несет в себе кристально ясное послание совершенной гармонии – той «скрытой гармонии», которая, как знал еще Гераклит, «сильнее явленной».

Китайская традиция допускает преемственность между человеческой музыкой и «музыкой природы», даже между звуками и тишиной. Музыка мира – одновременно человеческая и небесная – обладает большой учительной ценностью до тех пор, пока воплощает или, точнее, высвобождает имманентную силу жизнотворчества – неповторимый голос всех вещей. Рассказ о «флейте Неба» во 2-й главе «Чжуан-цзы» служит хорошей иллюстрацией этому: речь идет о Голосе всех голосов или Пути всех путей, который есть самобытное и уникальное качество всякого существования, но это качество опознается через трансформацию вещей в пустоте «промежуточности» всего сущего. И вновь мы должны признать, что высшая гармония в китайской мысли совпадает с чистым присутствием существования, их общим знаменателем служит трансформация как сингулярность. Конечно, гармония, как сказано в этой притче, может непрерывно возрастать от «малой» до «великой», поскольку она есть не что иное, как изменение качества.

С точки зрения «великого единения», вещи настолько же идентичны друг другу, насколько они различны. Следовательно, подобие преодолевает противопоставление реального и иллюзорного, субъективного и объективного, особенного и общего. Это не трансцендентальное единство, а имманентная общность бытия в обоих смыслах слова: как общее основание бытия, соприсутствие всего и как нечто радикально общее, самый естественный элемент существования. Центрированность и обыденность вполне обоснованно стоят вместе в названии трактата «Чжун Юн».

Из сказанного выше ясно, что гармония превосходит и предшествует миру сущностей – будь то конечные вещи или пустота, пронизывающая и охватывающая их. Однако эта гармония неотличима от индивидуальных голосов вещей, предположительно потому, что вещи должны утверждать свою неповторимость, преобразуя себя в голоса, в свое качественное бытие. В китайском миропорядке вещи и прежде всего люди ценны в той мере, в какой участвуют во всеобщем превращении (для человека это означает усилие совершенствования и преодоление эгоистического Я). Природа абсолютной гармонии есть не что иное, как чистое превращение на границе материи и духа, а также на границе любой сущности. В практическом плане ее наиболее ясным и точным выражением стало изречение мастеров тайцзицюань, бытующее в устном предании. Оно состоит из двух частей. Первая часть – отрицательная: «в руке нет руки». Вторая часть заключает в себе утверждение и указывает на универсальный характер превращения: «в каждом месте есть

рука» 手无手, 处处是手. Так в китайской традиции формулируется «утонченная истина» вещей.

Эта аналитика превращения применима, конечно, и к понятию единения. Китайская традиция отводит высшее положение «великому Единению» (*тай и* 太一), величие которого заключается как раз в способности преодолеть себя, соскальзывать в «не-единство». В данном случае гармония – это результат «следования» изначальной, сокровенной, вечно отсутствующей перемене, наиболее ярким проявлением которой в психической жизни служит динамизм первичного фантазма. В категориях феноменологии это означает «возвращение к истоку», китайский вариант вечного повторения. Это также служит основным стремлением китайской стратегии, сформулированным в классическом изречении «Сунь-цзы»: искусный полководец «последним уходит, первым приходит» 后發先至. Причина ясна: тот, кто живет изначальным импульсом мирового движения или, другими словами, в режиме постоянного бодрствования и предвосхищения событий, будет всегда успевать, т.е. иметь успех.

Китайская онтология множественности, описанная выше, утверждает взаимную дополнительность гармонии и подобия в своего рода круговом движении. Это может служить структурной моделью отношений между двумя основными направлениями китайской интеллектуальной традиции – конфуцианством и даосизмом, а также эпистемологической моделью китайской культуры в целом. Она также имеет важные последствия для социальной практики и политики. Вторая часть данной работы посвящена последствиям применения концептуальной схемы гармонии-подобия в области политики, включая международные отношения. Наиболее подходящее название для этого вида политики – синергия.

Термин «синергия» широко используется в современных естественных и, хотя и в меньшей степени, социальных науках. Теории «синергичной антропологии» или «цивилизационной синергии» в последнее время приобрели определенную популярность в России и других странах. Этимологически это понятие означает сотрудничество, но оно приобрело самостоятельность, предположительно потому, что имеет в виду отношения, которые не могут быть объектом рефлексии и регулирования. Чаще всего оно обозначает спонтанную самоорганизацию сложных систем, от микромира до живых организмов. Кроме того, синергия означает эффект взаимодополняющих отношений, который превосходит сумму составляющих его сил.

В то же время синергия – наиболее эффективный и подходящий принцип не только для социальной и политической организации в Китае, но и для формирования нового метасоциума, глобального по масштабу, но уходящего корнями в наследие восточноазиатских цивилизаций. Ниже приведены некоторые аргументы в пользу этого тезиса:

1. В китайской философской традиции отсутствует формальная логика и сама идея параллелизма духа и материи, которые лежат в основе западной философии. Синергия относится не к сущностям или формам, а к определенному пространству и соответствию – пространству «мировой утробы», которое позволяет всему быть посредством акта самоопустошения или «растворения». В перспективе синергии реальны не сущность и тождество, а сходство и соответствие. Первичным фактором служат не формы и вещи,

а эстетическая аура, неуловимое промежуточное состояние всего, пауза в ритме, точка наивысшей интенсивности в предельном спокойствии, где все в равной степени присутствует и отсутствует.

2. Синергия связана с точкой сингулярности, которая обозначает присутствие дискретной реальности, целостности высшего порядка. Это то место пересечения или смешения вещей, которое, согласно китайской «Книге перемен», порождает жизненную силу *дэ* 德, силу роста. В метапространстве всеобщего взаимопроникновения вещи похожи друг на друга, но сходство тождественно себе лишь в той мере, в какой отличается от себя. Другими словами, сходство утверждает себя через отрицание себя. Оно есть, в сущности, трещина бытия, несущая в себе бездну свободы, временность за пределами длительности, одним словом – матрица всякого существования. Это состояние мира, который как бы скрыт в самом себе (памятная мысль Чжуан-цзы) и только поэтому подобен себе.

3. Синергия основана на принципе «быть таким самому по себе» или, скорее, ведет к осуществлению этого принципа в соответствии с классической формулой «соответствовать другим в том, что таково само по себе» *ин у цзы жань* 应物自然¹. Читая это высказывание в обратном порядке, мы можем сказать, что само-бытие служит условием всеобщего соответствия и, по сути, представляет собой бесконечную действительность, скрытую в конечном действии. Это не столько факт, сколько аффект *гань* 感, событие, действенная среда творческого соприсутствия.

4. Реальный прототип синергетического пространства – это живое тело, или то, что М. Мерло-Понти называл *corps vécu*. Лучшим свидетельством этого служит огромное значение понятий центрированности и гармонии в китайской медицине. Будучи одновременно высшей целостностью и чистым выражением, живое тело, согласно медицинской теории Китая, проявляется во множественности так называемых соматических точек, соответствующих локусам сингулярности. Во временной перспективе оно представляет собой возвратно-поступательное движение сферы или двойной спирали, приводящее все тенденции к состоянию «центрированности». Всегда отсутствуя в себе, оно охватывает отсутствие, представляет матрицу каждого существования, что сближает его с концепцией «плоти» у Мерло-Понти как «толщи опосредующей среды без самой вещи» [12, с. 342]. Более того, это пустотное, рассеивающееся тело является пространством «чудесных встреч» *мяо хуэй* 妙会, взаимных превращений полярностей (присутствия и отсутствия, пустоты и полноты, видимого и невидимого и т. д.), посредством которых высвобождается порождающая сила жизни. Именно эта модальность существования ведет к духовному просветлению и освобождению, поскольку освобождает от всех противоположностей и оппозиций: она позволяет быть собой, не будучи привязанным к себе. Существование в собственном пределе имеет много общего с виртуозным искусством: оно освобождает от бремени материи мира, не отрывая от материальности жизни. Как говорил известный мастер боевых искусств Ван Сянчжай, «без тела нет материала для совершенствования,

¹ Как отмечает современный мастер ушу Ю Юннань, термин «вещь» здесь обозначает предельную реальность вселенского континуума превращения, саму сущность жизни. Употребление слова «вещь» в этом значении характерно уже для древнейших даосских памятников [11, с. 191–192].

а если искать опору в теле, обязательно совершишь промах» [11, с. 330]. Это означает, что предел чувствительности равнозначен забвению чувств. По сути, речь идет о полагании в не-полагании и наоборот. Такая практика обладает измерением символической глубины или внутренней иерархии. В западной мысли мы находим некоторые смутные аналогии этому во фрейдистской концепции «поддержания без опоры» (*Anlehnung*) в психике или в предложенной К. Касториadisом сходной теории анаклизиса, «поддержки без опоры» [13, с. 281].

Живое тело представляет собой прекрасный пример такого «безотносительного отношения», которое порой убедительнее самой строгой логической связи. Достаточно напомнить древнюю китайскую поговорку: «Губы и зубы не служат друг другу, но, если убрать губы, зубам будет холодно». И в конфуцианстве, и в даосизме на этот синергичный союз указывали специальные термины, например: «поддержка человечности» *фу жэнь* 輔仁 или «поддержка самости» *фу цзыжань* 輔自然, «примыкание к вещам» *вэй у* 委物, «привечание вещей» *дай у* 待物 и т. д. Речь идет, по сути, о взаимно освобождающем соприсутствии вещей.

Нельзя упускать из виду моральную сторону синергии. Синергичная взаимозависимость и взаимопроникновение, откровение вечности в мгновении и сопровождающая его обостренная чувствительность требуют глубокого чувства ответственности за мир. Синергия не может быть реализована без поиска внутренней прямоты мысли и действий. Здесь кроется источник авторитета и возможность влиять на других, не прибегая к принуждению и насилию. Как отмечал Конфуций, люди готовы подчиняться только тому, кто сам праведен. В то же время синергия через акт само-оставления дает волю радости игры, этой подлинной спутнице освобождения. Как говорит Чжуан-цзы, мудрец обитает в доме (синергичного) Единения, помещая себя в разные «временные пристанища».

Итак, в китайской мысли синергия – это первая предпосылка человечности человека. Она основана на взаимной уступчивости, благородстве, практикуемом в социальном ритуале, и «преодолении эгоистического я» *кэ цзи* 克己, проповедуемом Конфуцием. Оно ведет человека к «сличному совершенству» *чэн цзи* 成己, которое, по сути, неотделимо от «совершенства других». Способность чувствовать и улавливать взаимное исполнение вещей была величайшим секретом китайских мудрецов. Она дает власть не столько над миром, сколько внутри мира. Мир расцветает в пустыне одинокого, несравненного, отрешенного даже от самого себя и, следовательно, чуждого гордыне сердца, которое обеспечивает всему полноту бытия через отказ от себя. В этом сердце исчезает разрыв между любовью как мерой человека и человеком как мерой любви.

Переходя к социальным последствиям синергичного видения, отметим сразу же, что так называемый «азиатский коллективизм» имеет мало общего с современным западным коллективизмом в разных изводах, будь то коллективизм националистический, коммунистический или либеральный. Этот коллективизм основан не на трансцендентном принципе, а скорее на стилистической преэминентности с ее символическими симптомами и коннотациями. Он настаивает на действенности ритуала как, прежде всего, стильного действия и делает акцент на эстетических качествах практики. Все это означает,

что коллективизм в Азии конструируется путем интенсивной стилизации, преобразующей вещи в вечносущие типы. Каждый тип воплощает полноту бытия, превращая общество в множество единичностей, в «кучу песка», как иронично называют себя китайцы. Но именно таково действие синергии в социальной жизни – непреодолимая сила коммуникабельности, ведущая к самоорганизации. Азиатская культура синергии воспитывает способность быть вместе, не уподобляясь друг другу и не присваивая себе абстрактной идентичности. Роящаяся уличная толпа или сосуществование двух и даже более спортивных команд на одной игровой площадке, столь распространенное в Китае, служат хорошими иллюстрациями подобного «отношения без отношения». Физический облик игроков – лишь «тень» их внутренней общности, он не выражает никакой идентичности. Следовательно, он не может быть причиной конфликта. «Опустошение» себя делает человека как раз более чувствительным к другому, более открытым миру.

Существенной особенностью синергичного сообщества, описанного здесь, оказывается наличие вертикальной, анафорической оси духовного роста, интенсификации опыта, движимого импульсом преобразования или, лучше сказать, самореализации. В этой иерархической структуре власть и авторитет определяются уровнем внутренней центрированности и, соответственно, моральной целостности. Подлинная основа этого общества – не общие мнения или даже ценности, а усилия по самокоррекции, поиск внутренней прямоты – залога предельной искренности. Духовный мир мудреца ведет мир к совершенству, родовой полноте существования – таково главное свидетельство китайской традиции. Оно тоже утверждает бессмертие человека, поскольку преобразование себя посредством стилизации поведения и усвоение вошедших в традицию нормативных эмоциональных состояний выковывает из существования символические, надвременные типы.

Социальность, созданная путем самопреодоления (в радикальной даосской версии – самозабвения), регулируется, как и живой организм, не объективным знанием, а скорее просветленной интуицией. Здесь человек получает все, отпуская все. Это предполагает неизбежность определенной иерархии, поскольку люди никогда не равны по уровню чувствительности. Но это неравенство исключает противостояние и борьбу, ибо мерилом силы здесь служит способность уступить, то есть превозмочь индивидуалистические тенденции и стать причастным общему для всех Великому Превращению *da hua* 大化.

Это стремление к «избыточности бытия» в духовном восхождении личности больше всего подходит для небольших неформальных сообществ, таких как семья или школа духовного развития. Однако это и важный психический коррелят политики. Основанная на незнании или пределе всех знаний, верховная власть в Восточной Азии совпадает с имманентной силой жизни. В силу этого «утонченного совпадения» она не может существовать без тайны, *arcana imperii*. Китайская цивилизация хорошо иллюстрирует, насколько изощренным может быть применение этой презумпции тайны. Важнейшая особенность ее политического устройства – сосуществование «небесной» власти, неизвестной и даже незаметной простым людям, и мирской повседневности «земного» сообщества. Оба полюса недоступны рефлексии, не скреплены никакими формальными институтами. На самом деле они взаимодействуют именно в синергичном модусе – самодостаточные, единые

в разделении, непостижимо близкие друг другу в своей разделенности. Следовательно, авторитет в этой синергийной конфигурации невозможно отрицать или оспаривать. Власть здесь предшествует репрезентациям и незримо определяет порядок вещей. Она абсолютна и безусловна, но в то же время следует «импульсу преобразований». Она вне формальной идентичности или единства.

И снова мы имеем дело с миром, который прячется в своей глубине, в своих складках, в трещинах опыта. Это мир, увиденный в зеркале, где все есть собственная тень, это утопия досконально ритуализированного мира, где все действия наследуют отсутствующей праформе, бесконечно подражая себе, вечно играя. Поэтому он обладает неисчерпаемым освобождающим потенциалом.

Сегодня мы можем наблюдать развертывание этой цивилизационной схемы в глобальном масштабе – в так называемых чайнатаунах, разбросанных по миру. Чайнатаун – яркий пример «мира внутри мира»: он паразитично равнодушен к своему социальному окружению и существующему политическому режиму. Но это и не менее удивительная лаборатория культурного производства, которая постоянно порождает всевозможные имитации, подобию, «тени» китайского мира, а также гибридные культурные формы, предназначенные для глобального потребления. Чайнатауны не только воспроизводят синергийный строй китайской цивилизации, но и показывают модель возможной синергии цивилизаций в глобальном масштабе.

Есть серьезные основания полагать, что синергия может стать принципом будущего паназиатского сообщества или, лучше сказать, содружества, которое будет иметь глобальный и, по сути, мета-цивилизационный характер, поскольку преодолет исторические ограничения актуальных культур. Восточная Азия, включая Россию, слишком обширна и многогранна, чтобы представлять собой определенное географическое, культурное и тем более политическое образование. Скорее она представляет дискретное пространство единичностей, констелляций локальностей, возможного совместного присутствия несоизмеримых сил. В целом она выглядит как всеобъемлющая пустота, позволяющая свободно блуждать скудным и, казалось бы, эфемерным популяциям, следы которых, следует отметить, удивительно хорошо сохраняются в материальной среде.

Эта глобальная система имеет свои определенные этапы исторической эволюции. Первый этап соответствует свободному взаимодействию между отдельными людьми и племенами. Его географическое положение – обширная периферия традиционных цивилизаций, в основном Сибирь и Центральная Азия. Литературным образцом такого рода отношений могут служить узы дружбы между русским офицером и исследователем Владимиром Арсеньевым и охотником-аборигеном Дерсу Узала. Эта история имеет трагический конец: встреча Дерсу Узала с современной цивилизацией приводит к его гибели. Еще более убедительный и на этот раз оптимистичный пример такого рода человеческих отношений представлен в повести Михаила Пришвина «Жень Шень» (1930): русский солдат бежит от войны в Маньчжурии в лес и заводит крепкую дружбу с китайцем, переехавшим туда из Шанхая. Жизнь в лесу помогает обоим мужчинам заново открыть для себя фундаментальные ценности человеческого существования и в конце концов приводит их

к успеху в реальном социуме [14, с. 320]. Такие истории представляют собой как бы евразийское переложение западной робинзонады. Они изображают духовный прогресс, кульминацией которого становится опыт безупречного общения. Подобно отцам-пустынникам, которые в начале христианской эры сделали возможным полное обновление социального порядка, отдалившись от общества, современные отшельники в своем уединении способствуют переходу к новому типу человеческой социальности, соответствующему условиям информационной цивилизации.

Наследие вышеупомянутого этапа особенно сильно и жизненно в российской цивилизации с ее непревзойденной способностью приспосабливаться и перестраиваться во взаимодействии с культурами Азии. При этом российский менталитет остается чуждым и даже враждебным европейской идее формального союза, основанного на верховенстве закона.

Отличительной чертой второго этапа евразийского метацивилизационного содружества оказывается наличие рефлексии о природе человеческой социальности. Это достижение сопровождалось изобретением письменности, появлением государства и морали, заново открытым императивом совершенствования. В Китае и соседних странах его наиболее яркое выражение – культура ритуала. Однако ритуалистическая модель культуры не исключает интимного и неформального общения. Напротив, она находит в нем свое продолжение и даже опору. Не случайно традиция приписывает Конфузию наставление: «Когда ритуал потерян, ищи его среди дикарей».

Повторюсь: цивилизации Восточной Азии не ищут своего основания в трансцендентных принципах, идеях, сущностях и догматических религиях, способных навязать реальности некую идеальную модель или норму. Азиатские общества, включая Россию, связывают не идеи и даже не идеалы, а духовно-соматическое совершенствование – *гунфу* 功夫 по-китайски, подвиг по-русски, раскрывающее внутреннему, «сердечному» взору глубочайшие слои сознания. Различие между просветленными и профанами имеет решающее значение в культурах такого типа. И опять же, эта неустранимая граница не создает конфликтов, поскольку авторитет в таком обществе основан на преодолении субъективного «я».

Внешне это общество представляет собой сеть узлов, точек пересечения полярных сил и взаимных отражений, одним словом – кристаллическое интерактивное пространство с его таинственной глубиной преображающих прозрений. Реальную основу азиатского единства от Волги до Японского моря, если таковая существует, следует искать в преемственности между первичной, докультурной встречей qua пробуждение, «сердечного общения» *синь хуэй* 心會 и изощренными формами культурной коммуникации, рассматриваемыми в Китае как «утонченное совпадение» *мяо ци* 妙契, «тайное соответствие» *инь фу* 阴符, «сокровенная общительность» *сюань тун* 玄通 и т. д. Сюжет в древней даосской книге «Ле-цзы», где говорится о некоем мудреце Кан Цан-цзы, дает представление об экзистенциальной подоплеке этого явления. Кан Цан-цзы заявляет, что он «может видеть и слышать, не пользуясь глазами и ушами». А возможно это потому, что «его тело находится в согласии с умом, ум – в согласии с жизненной силой (ци), жизненная сила – в согласии с духом, а дух – в согласии с не-бытием». В результате Кан Цан-цзы способен распознавать все события во мире, «не зная, воспринимает ли он их

чувствами или разумом. Это знание приходит само собой, вот и все». Далее в рассказе говорится, что Конфуций, услышав слова Кан Цан-цзы, «улыбнулся и ничего не сказал» [15, с. 119]. Улыбка Конфуция, как и улыбка Будды и подобные жесты многих азиатских мудрецов после них, указывает на ситуацию недвойственности противоположностей, присутствие бесконечности в конечности, которая не может быть выражена словами, но спонтанно проявляется в теле, как прикосновение. Это телесное знание имеет свою диалектику: чем недоступнее оно рассудку, тем убедительнее для сердца.

Что касается политики, то центрированность / синергия объясняет тезис о не-двойственности «небесного» символизма власти и повседневной реальности. Оба полюса основаны на имманентности жизни «как она есть». Это общее основание устраняет противопоставление духа и материи, небесного и мирского, даже религиозного идеала и повседневного существования, включая техническую практику (разумеется, сакрализацию имманентности в евразийской метацивилизации не следует путать со «светской религией» Запада). Как гласит древняя китайская поговорка, «когда Путь человека будет исполнен, Путь Неба исполнится сам собой». В современном Китае это принято называть «антропофундаментализмом» – *жэньбэнь чжуи* 人本主义 китайского мировоззрения. Это объясняет, почему Китай относительно легко принял западный гуманизм и с еще большим энтузиазмом приветствовал современную постгуманистическую идеологию, сохранив при этом собственный уникальный идеал гуманизма, который поддерживает органическую связь между индивидуальной человечностью и глобальным человечеством. Как гласит классическая китайская поговорка, звучащая почти тавтологически, «обладать человечностью – вот человечество» 仁者人也.

Предложенный выше взгляд на метацивилизационное пространство Восточной Азии помогает объяснить один малоизвестный факт международной политики в этом регионе: отсутствие формальных политических союзов и даже относительное «одиночество» или «изоляция» региональных держав – Китая, России, Индии. В свете того, что было сказано о центрированности и синергии, эта точка зрения требует критического осмысления. Пресловутая «изоляция» азиатских сверхдержав – прямое следствие принципа синергии, который подменяет формальные отношения «утонченным совпадением» полярностей и утверждает синхронность событий, казалось бы, не связанных между собой. Синергичная теория также уделяет должное внимание спонтанному сопresутствию личностей, самоорганизации и взаимному приспособлению в социальной жизни, а также свободному культурному взаимодействию. Древняя летопись «Цзо чжуань» дает хорошую формулу этого подхода: «быть вместе, но не создавать союза» *тун эр бу мэнь* 同而不盟.

Примечательно, что Китай находится как бы между двумя диаметрально противоположными по географическим характеристикам, но структурно очень сходными территориями: большой континент на западе уравновешивается большим океаном на востоке. Ситуация в Тихоокеанском регионе очень напоминает сердцевину Евразии – дискретное пространство, совокупность изолированных, практически независимых островов, отличающихся большим разнообразием племен, культур и политических систем.

Ранее Тихий океан был ареной соперничества между КНР и администрацией Тайваня, и это, видимо, было далеко не лучшим вариантом для региональной безопасности, политической стабильности и экономического развития в регионе. Однако в последнее время появились признаки сотрудничества между материковым Китаем и Тайванем именно на основе принципа синергии – неформальной солидарности в решении наиболее актуальных и легко разрешимых проблем в этом регионе во имя общих интересов всех сторон, включая местное население. Такую же политику Китай проводит сейчас в отношении Евразии в своем знаменитом проекте «Один пояс, один путь». Это решающий шаг к реализации принципов синергетических отношений на практике.

Восточноазиатское содружество на основе синергии, очевидно, обладает большим глобальным потенциалом. Глобализм западной современности, основанный на субъективном разуме с его заданными ограничениями и врожденной тенденцией к насилию, не обладает действительной универсальностью. Напротив, синергия, утверждая освобождение людей через взаимную поддержку, восстанавливает полноту человеческого существования именно как социальной реальности. Эта истина совершенно недвусмысленно выражена в некоторых классических даосских изречениях, таких как: «поддерживать таковость всего сущего», «привечать других пустотой» и т. д. В любом случае, действие, чтобы быть действительно эффективным, должно иметь характер помощи или следования *суй* 隨, *шунь* 順, *цун* 从, *инь* 因. Более того, следование как способ возвращения к источнику существования предшествует всем конечным действиям так же, как подобие предшествует самоидентификации. Таким образом, следование в своем качестве вечно действенной реакции обеспечивает безопасность. Таково подлинное свидетельство «живого тела» мира.

Вероятно, нам следует отказаться от идеи «плоского мира», в котором самовластные индивиды уживаются предположительно благодаря своему трансцендентному разуму. Подлинно универсальная глобальность предполагает сосуществование как минимум двух взаимно непрозрачных мировых систем: одной, основанной на концепции (предположительно) независимого индивида, другой – на синергичной совместности, как говорил Ж. Делез, «дивидов» с их иерархией просвещенных и морально ответственных умов. В геополитическом плане их можно определить, соответственно, как евро-американскую и евро-азиатскую мировые системы, хотя они вряд ли будут представлять реальные геополитические единицы. В любом случае, наследию китайской традиции суждено стать ключевым компонентом второй системы.

Литература

1. Chenyang Li. Zhongyong as Grand Harmony: An Alternative Reading to Ames and Hall's Focusing the Familiar. *Dao: A Journal of Comparative Philosophy*. June 2004;3(2): 173–188. <https://doi.org/10.1007/BF02856661>.

2. Ames R., Hall D. *Focusing the Familiar*. A Translation and Philosophical Interpretation of the Zhongyong. Honolulu: University of Hawaii Press; 2001. 182 p. <https://doi.org/10.1515/9780824862558>.

3. Гуань Инь-цзы («Гуань Инь-цзы»). *Байцзы цюаньшу*. Тайбэй: Гуцзинь вэньшу; 1969. (На кит. яз.).
4. *Хань вэй лючао шухуа лунь (Сочинения о живописи и каллиграфии эпохи Хань, Вэй, Шести династий)*. Ред. Пань Юньгао. Чанша: Хунань мэйшу чубаньш; 2006. (На кит. яз.).
5. Чжунго мэйсюэ ши цзыляо сюаньбянь (*Избранные материалы по истории китайской эстетики*) Пекин: Чжунхуа шуцзюй; 1981. (На кит. яз.).
6. *Чжунго хуалунь лэйшу (Классифицированное собрание произведений о китайской живописи)* Тайбэй: Хуачжэн шуцзюй; 1977. (На кит. яз.).
7. *Лунь юй цзяньцзе («Лунь юй» с краткими разъяснениями)*. Пекин: Гуцзи чубаньшэ, 1988. (На кит. яз.).
8. «Чжуан-цзы». *Внешний раздел. Смешанный раздел*. Пер. В. В. Малявина. Сер.: Даосские каноны. Философская проза. Иваново: Роца; 2017. 452 с.
9. Barthes R. *Comment vivre ensemble*. Paris: Seuil; 2002. 244 p.
10. Simondon G. *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble: Jérôme Millon, 2005. 571 p.
11. Ю Юннань. *Дачэнцюань (Кулак Великого Свершения)*. Тайюань: Шань-хи кэцзи; 2011. (На кит. яз.).
12. Мерло-Понти М. *Феноменология восприятия*. Пер. с франц. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. Санкт-Петербург: Ювента; Наука; 1999. 605, [1] с.
13. Castoriadis K. *The Imaginary Constitution of Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press; 1998. 418 p.
14. Малявин В. В. *Евразия и всемирность*. М.: Шанс; 2022. 415 с.
15. *Lie-zi jishi («Ле-цзы» со сводом разъяснений)*. Пекин: Чжунхуа шуцзюй; 1985 с. (На кит. яз.).

Информация об авторе

Малявин Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор-исследователь, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник, федеральное государственное автономное учреждение науки «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук», внештатный профессор, Хэбэйский педагогический университет (КНР), © vmalyavin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8966-6359>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена рецензентами 25.09.2022; принята к публикации 30.09.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Chenyang Li. Zhongyong as Grand Harmony: An Alternative Reading to Ames and Hall's Focusing the Familiar. *Dao: A Journal of Comparative Philosophy*. June 2004;3(2):173–188. <https://doi.org/10.1007/BF02856661>.
2. Ames R., Hall D. *Focusing the Familiar*. A Translation and Philosophical Interpretation of the Zhongyong. Honolulu: University of Hawaii Press; 2001. 182 p. <https://doi.org/10.1515/9780824862558>
3. Guan Yin-zi ("Guan Yin-zi"). *Baizi Quanshu*. Taipei: Gujin wenshu, 1969. (In Chinese).
4. Pan Yungao (ed.) *Treatises on Painting and Calligraphy from the Period of Han, Wei and Six Dynasties*. Changsha: Hunan meishu chubanshe; 2006. (In Chinese).
5. *Selected Materials on the History of Chinese Esthetics*. Beijing: Zhonghua shuju; 1981. (In Chinese).
6. *Collection of Texts on Chinese Paintings*. Taipei: Huazheng shujuanshe, 1977. (In Chinese).
7. *"Lun yu" with short explanations*. Beijing: Guji chubanshe, 1988. (In Chinese).]
8. Malyavin V. V. (transl.) *"Zhuang-zi". Inner and Miscellaneous Parts*. Пер. В. В. Иваново: Roshcha; 2017. 452 p. (In Russ.)
9. Barthes R. *Comment vivre ensemble*. Paris: Seuil; 2002. 244 p.
10. Simondon G. *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble: Jérôme Millon, 2005. 571 p.
11. Yu Yongnian. *Dachengquan (The Fist of Great Accomplishment)* Тайюань: Шаньхи кэцзи; 2011. (In Chinese).
12. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. Transl. from French and ed. by I. S. Bdovina and S. L. Fokin. Saint Petersburg: Yuventa; Nauka; 1999. 605, [1] с.
13. Castoriadis K. *The Imaginary Constitution of Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press; 1998. 418 p.
14. Malyavin V. V. *Eurasia and Globality*. Moscow: Shans; 2022. 415 p.
15. *Lie-zi jishi ("Lie-zi" with collected interpretations)*. Beijing: Zhonghua shuju, 1985. (In Chinese).

Information about the author

Vladimir V. Malyavin – Dr. Sci. (Hist.), Chief Research Professor, Higher School of Economics, leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Freelance Professor, Hebei Normal University, vmalyavin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8966-6359>.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 25.09.2022; accepted for publication 30.09.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

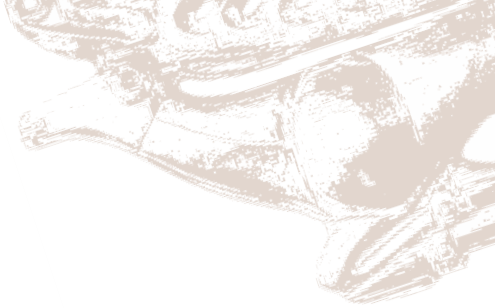
Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

LITERATURE OF THE EAST
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА

■ Literature of the peoples
of the world
Литературы народов мира

LITERATURE OF THE EAST
Languages of the peoples of the World
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Языки народов мира

Научная статья

Филологические науки

УДК 81:1

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-980-990>

**Аксиологические детерминанты самосознания
китайского народа в условиях строительства
социализма в новую эпоху**

Артем Александрович Хабаров

*Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, Москва, Россия,
lancelot567mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6459-4966>*

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому и философскому анализу системы ценностей современного китайского общества, реализующего политический курс Коммунистической партии Китая по строительству социализма в реалиях цифровой глобализации. В работе постулируется гипотеза о том, что базовые ценности китайского общества предопределяют национально-культурную специфику управленческих принципов, целей и задач, формулируемых в программных выступлениях Председателя КНР Си Цзиньпина и текстах доктринальных документов. Среди ключевых факторов, определяющих устойчивость развития китайского общества, автор выделяет сопряжение норм семейных отношений и механизмов государственного управления, принципов гармоничного развития политической и духовной культуры на основе традиционных философских и религиозных ценностей, адаптивность китайской «мягкой власти» применительно к меняющейся международной обстановке.

Ключевые слова: аксиологема; идеология; национальное самосознание; Си Цзиньпин; «китайская мечта»; лингвистический анализ

Для цитирования: Хабаров А. А. Аксиологические детерминанты самосознания китайского народа в условиях строительства социализма в новую эпоху. *Ориенталистика*. 2022;5(4):980–990. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-980-990>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Axiological determinants of the self-consciousness of the Chinese people in conditions of the construction of socialism in the new era

Artyom A. Khabarov

The Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russian,
lancelot567@mail.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-6459-4966](https://orcid.org/0000-0002-6459-4966)

Abstract. The article is devoted to the linguistic and philosophical analysis of the value system of modern Chinese society implementing the political course of the Communist Party of China to build a socialism system in the realities of digital globalization. The paper postulates a hypothesis that the basic values of Chinese society predetermine its national and cultural specifics of the managerial principles, goals and objectives formulated in the program speeches of the President of the People's Republic of China Xi Jinping and the texts of doctrinal documents. Among the key factors determining the sustainability of the development of Chinese society, the author highlights the combination of norms of family relations and mechanisms of public administration, principles of harmonious development of political and spiritual culture based on traditional philosophical and religious values, adaptability of Chinese “soft power” in relation to the changing international situation.

Keywords: axiologeme; ideology; national identity; Xi Jinping; “the Chinese dream”; linguistic analysis

For citation: Khabarov A. A. Axiological determinants of the self-consciousness of the Chinese people in conditions of the construction of socialism in the new era. *Orientalistica*. 2022;5(4):980-990. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-980-990>.

Введение

Современный Китай предстает перед глазами мирового сообщества как стремительно развивающееся государство с уникальной историей и традициями, с мощным экономическим, научно-техническим, демографическим и военным потенциалом. В наши дни Китайская Народная Республика (КНР) играет центральную роль в системе международных отношений, что отразилось в доктрине строительства «социализма с китайской спецификой в новую эпоху», «дипломатии великой державы с китайской спецификой», в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Предложенные Председателем КНР Си Цзиньпином концепции «китайской мечты» и строительства глобального

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

«сообщества единой судьбы человечества» определили векторы государственного строительства Китая в первой половине XXI века [1]. Концепция гармоничного развития и баланса заложена в культурно-генетическом коде китайской нации. Устойчивое развитие китайской нации в наше время основывается на интегративности той концептуально-понятийной основы, которую заложили в самосознание китайцев как традиционные морально-нравственные и философские учения (даосизм, конфуцианство, буддизм и др.), так и идеология строительства социалистического государства.

В работе мы применяем общенаучные методы анализа и синтеза, лингвистические методы семантико-структурного и прагматического анализа текста, качественного анализа результатов интерпретации корпусных исследований тематических текстов.

Дискуссия

На наш взгляд, ключевым фактором системно-структурной организации современного китайского общества служит адаптивное управление политическими, социальными и культурными процессами в контексте когнитивно-дискурсивной гармонизации массового сознания. Этнокультурная специфика китайского менталитета выражается в принципах внутренней гармонизации общества по образцу семейных отношений, проецируемых на механизмы государственного управления. Как гласит трактат известного китайского философа Лао-Цзы «Дао дэ цзин» («Книга пути и достоинства»), «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа их любить и возвышать. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те, которых народ презирает» [2].

Функциональные характеристики дискурса официальных лиц КНР демонстрируют интенцию на формирование в массовом сознании китайцев глаорифицированного медиаобраза своего государства, сделавшего ставку на универсальные для других народов ценности мирного развития и созидания. Эта прагматическая установка речевого поведения партийно-политического руководства КНР выражается в тезисе, опубликованном на сайте «Ключевые слова о Китае» – официальном интернет-ресурсе по продвижению положительного политического имиджа Китая в мире:

中国梦的本质是国家富强、民族振兴、人民幸福。<...>中国梦是和平、发展、合作、共赢的梦，不仅造福中国人民，也同各国人民的美好梦想息息相通。实现中国梦给世界带来的是和平，不是动荡；是机遇，不是威胁。 – «Суть китайской мечты – это **богатство и процветание** государства, **возрождение** нации, **счастье** людей. <...> Китайская мечта – это идеи **мира, развития, сотрудничества, взаимного выигрыша**, и она не ограничивается тем, чтобы сделать счастливым только китайский народ, а предстает неразрывно связанной с **чаяниями прекрасной жизни для народов других стран мира**. Воплощение китайской мечты принесет другим народам **мир**, но никак не потрясения, даст новые **возможности**, а не создаст угрозы» [3].

В приведенном фрагменте мы видим типичные для китайского общественно-политического дискурса аксиологемы, отражающие национально-культурную специфику языкового сознания китайцев. Уточним, что под аксиологемами мы понимаем единицы языка, используемые для овнешнения в речи тех концептов, чей набор признаков, знаний, переживаний или

ассоциативных связей обладает ценностным значением для представителей определенной лингвокультуры. Для представителей китайской лингвокультуры ценностный характер имеет вербализация идей о мире (和平), богатстве и процветании (富强), национальном возрождении (振兴), счастье и благополучии народа (幸福), ассоциации с отсутствием войн и превратностей (和平, 不是动荡), дающим возможность мирно развиваться (机遇, 不是威胁). Идеино-политическое воспитание молодых поколений китайцев основывается на дидактической платформе воспитания и обучения их как представителей уникальной лингвокультуры, что позволяет им осознать свою внутригрупповую идентичность. Подчеркнем, что именно языковой фактор служит приоритетным критерием социокультурной идентификации, определяя мировоззрение индивида и особенности мышления в системе понятий определенной идеологии (религиозной, национальной, общественной).

Выделенные в примере слова представляют базовые ценности современного китайского общества, объединенного миссией создания социалистического государства по китайской модели капитализма, что позволяет оценивать их как дискурсообразующие единицы. При задействовании дискурсообразующих единиц как слов-стимулов в психолингвистических экспериментах их количественные параметры функционирования в корпусе позволяют интерпретировать коллокации как результаты ограничений, накладываемых национальной культурой [4]. Ассоциативные поля слов-стимулов, по мнению Н. В. Уфимцевой, выступают «фрагментами вербальной памяти человека и образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов, оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [5]. Наши исследования когнитивного потенциала идеологически маркированных единиц китайского медиадискурса показали, что в ассоциативных полях респондентов из числа китайской молодежи возраста 18–27 лет овнешняются ценностные концепты идеологии современного социализма с китайской спецификой [6]. Результаты анализа национальных ценностей в китайской и русской лингвокультурах в реалиях цифровой глобализации показывают приоритет традиционных ценностей коллективизма, но в то же время свидетельствуют о тенденции к индивидуально-потребительскому образу мысли, о стремлении повысить собственное благосостояние в ущерб моральным принципам [7].

Процесс управления моделью развития сложной социальной организации определяется целями развития и ценностными ориентирами, которые обеспечивают устойчивость и стабильное функционирование социальной системы, определяют ее способность выдерживать кризисы [8]. Национальная идентичность многонационального китайского народа, вобравшая в себя квинтэссенцию конфуцианства, даосизма, буддизма и других традиционных философских учений, а также постулаты идеологии строительства социалистического государства, формирует самобытную парадигму развития Китая в реалиях цифровой глобализации. Система базовых ценностей современного китайского общества скрепляется уставными положениями правящей политической силы (Коммунистической партии Китая, КПК) и авторитетом главы государства (Председателя КНР). Историческую роль национального лидера в XXI веке принял на себя Си Цзиньпин, выступивший идеологом выдвинутого 29 ноября 2012 г.

социально-политического курса воплощения «китайской мечты» как лозунга «великого дела возрождения китайской нации» [9]. В числе краеугольных ценностных ориентиров и идеалов, необходимых для построения «китайской мечты», Си Цзиньпин назвал:

- 1) 民族复兴 – «возрождение нации» (29 ноября 2012 г.)
- 2) 代代相传 – «преемственность поколений» (29 ноября 2012 г.)
- 3) 追求幸福 – «стремление к счастью» (27 марта 2014 г.)
- 4) 青年一代 – «молодое поколение» (18 октября 2017 г.)
- 5) 植根民心 – «опору на народные чаяния» (22 сентября 2015 г.):
- 6) 国泰民安 – «всеобщее благоденствие» (4 апреля 2016 г.):
- 7) 同心同德 – «идейное и моральное единство» (06 июня 2014 г.)
- 8) 世界发展 – «мировое развитие» (22 октября 2015 г.)
- 9) 追求和平 – «стремление к миру» (27 марта 2014 г.)
- 10) 必将实现 – «обязательное воплощение в жизнь» (29 ноября 2012 г.) [10].

Интерпретация понятия «китайская мечта» связана с изменением в 2017 г. Устава КПК в части формулирования идеологических «целей борьбы» и выдвижения тезиса о «великом возрождении китайской нации» [11].

Ключевыми морально-нравственными ориентирами для широких слоев населения КНР выступает выдвинутая Си Цзиньпином 8 ноября 2012 г. на XVIII съезде КПК совокупность основополагающих для общества понятий, обозначающих базовые ценности социализма. Указанные понятия представлены 12-ю двусоставными лексическими единицами, которые официально номинированы ядерными аксиологемами идеологии социализма с китайской спецификой в новую эпоху:

1) ценностные показатели государственного значения: 富强 – «богатство и процветание», 民主 – «демократия», 文明 – «культура», 和谐 – «гармония»;

2) ценностные ориентиры общественного уровня: 自由 – «свобода», 平等 – «равенство», 公正 – «справедливость», 法制 – «законность»;

3) индивидуально-личностные ценностные нормы: 爱国 – «патриотизм», 敬业 – «уважение к профессии», 诚信 – «честность», 友善 – «дружелюбие» [12].

В официальном дискурсе партийно-политического руководства КНР прямо указывается на консолидирующее значение базовых ценностей социализма для всего китайского общества, строящего в наши дни социалистическое государство под руководством Си Цзиньпина и возглавляемой им Коммунистической партии Китая:

面对世界范围思想文化交流交融交锋形势下价值观较量的新态势, 面对改革开放和发展社会主义市场经济条件下思想意识多元多样多变的新特点, 积极培育和践行社会主义核心价值观, 对于巩固马克思主义在意识形态领域的指导地位、巩固全党全国人民团结奋斗的共同思想基础, 对于促进人的全面发展、引领社会全面进步, 对于集聚全面建成小康社会、实现中华民族伟大复兴中国梦的强大正能量, 具有重要现实意义和深远历史意义。 – «Активное формирование и продвижение в жизнь базовых ценностей социализма перед лицом новых обстоятельств противопоставления ценностных парадигм на фоне взаимодействия, переплетения и конкуренции мировых культур, перед лицом новых особенностей проявления идеологической вариативности, плюрализма и изменчивости в условиях проведения политики реформ и открытости, развития социалистической рыночной экономики имеет важное практическое значение и глубокий исторический смысл для укрепления руководящей роли идеологии **марксизма**,

усиления единой идеологической платформы **сплочения и совместной борьбы партии и народа**, в деле содействия **всеобщему общественному прогрессу** и активизации **личностного роста людей**, консолидации сил и энергии для построения **общества средней зажиточности** и воплощения **мечты народа о великом возрождении китайской нации**» [12].

Приведенный фрагмент показывает, что в ценностном ряду выделяются такие приоритеты, как приверженность идеалам марксизма (马克思主义), сплочение и совместная борьба партии и народа (全党全国人民团结奋斗), общественный прогресс (社会全面进步), личностный рост (人的全面发展), общество средней зажиточности (小康社会), мечты народа о великом возрождении китайской нации (中华民族伟大复兴中国梦). Данные вербальные маркеры охватывают элементы концептосферы, обозначенной в предложенном Компартией Китая своде ценностей строителей социализма.

Достижение целей стратегического развития Китая как нового мирового центра силы неразрывно связано с решением Тайваньского вопроса (так называемая независимость Тайваня) и проблемы Южно-Китайского моря («вопрос ЮКМ»), что проявилось в масштабировании идеи об «океанском» статусе Китая как морской державы. Геополитические амбиции Китая относительно территориальной принадлежности Тайваня и контроля над акваторией Южно-китайского моря диктуются жизненной значимостью данного региона для будущего развития Поднебесной. Военная, экономическая и логистическая значимость Южно-Китайского моря обусловлена сосредоточением в его акватории порядка 7,7–11 млрд баррелей обнаруженных запасов нефти, 145–190 трлн куб. м природного газа, богатых биоресурсов [13]. Это второй по загруженности морской путь в мире, в пересчете на годовой объем мировой торговли более половины международного товарного трафика проходит через Малаккский, Зондский и Ломбокский проливы [14]. Концептуализация морских интересов Китая в государственных СМИ опирается на культурное наследие китайцев и историю открытия морских торговых путей в Юго-Восточную Азию, страны Ближнего Востока и регионы Африки. Так, в эпоху династии Хань география морской торговли была расширена до берегов Индийского океана, в эпоху династии Тан проложены морские торговые пути более чем в 30 регионов мира, в период династии Сун с изобретением компаса и развитием технологий навигации расширена морская экспансия, в эпохи династий Юань и Мин на государственном уровне реализована морская концепция развития, закрепленная открытиями экспедиций Чжэн Хэ. Таким образом, в китайской лингвокультуре присутствует исторический субстрат концептуализации понятий «новый шелковый путь» и «морской шелковый путь XXI века», которые стали лозунгами превращения КНР в ведущую морскую державу XXI века, в том числе имеющую интересы в регионах Арктики и Антарктики.

Поэтапное распространение суверенитета и юрисдикции КНР на акваторию Южно-Китайского моря по принципу «蚕食» – «поедания листьев тутовым шелкопрядом» (англ. “salami-slice strategy” – «стратегия салями») посредством создания искусственных островов с элементами военной инфраструктуры и возможностью установления зон идентификации воздушных целей дополняется информационными мероприятиями. Современный этап закрепления Китая в статусе ведущей морской державы ознаменовался введением в общественно-политический дискурс аксиологической лексики

в семантическом контексте морской тематики. Концептосфера океанического пространства как жизненно важной ценности для существования и развития китайской нации системно отражается в программных речах партийно-политического руководства страны и основных руководящих документах. Как указывает политолог Ху Дэкунь, в период с 2013–2021 гг. Председатель КНР Си Цзиньпин связывал морской фактор развития страны с экзистенциальными ценностями экономического развития и внешнего взаимодействия с миром (国家经济发展格局), государственного суверенитета, безопасности и интересов развития (维护国家主权、安全、发展利益), строительства экологической цивилизации (生态文明建设), международной конкурентоспособности государства в политической, экономической, военной и научно-технических областях (国际政治、经济、军事、科技竞争), переходом к обществу «средней зажиточности» (小康社会), с развитием и существованием китайской нации, а также с процветанием либо упадком (民族生存发展) и благодеянием либо кризисом государства (国家兴衰安危) с акцентом на проблемы охраны морской среды (保护海洋生态环境) и достижение гармонии между «человеком и морем» (人海和谐) [15]. Согласно публичной версии военной доктрины Китая, размещенной в «Белой книге обороны» от 2015 г., океаническое пространство ассоциируется с долгосрочной стабильностью (长治久安) и устойчивым развитием (可持续发展) государства [16].

В 14-м пятилетнем плане социально-экономического развития Китая и долгосрочных целях до 2035 г. в качестве ценностей материальной жизни китайского общества определены следующие параметры: экономический рост, инновации, благосостояние, экология и безопасность [17]. На наш взгляд, заложенная в основу 14-й пятилетки экономическая модель «двойной циркуляции» с опорой на внутренние источники роста при вспомогательной роли международного сотрудничества, в первую очередь, стимулирует китайских граждан укреплять образ жизни, устоявшийся с начала проведения в Китае политики реформ и открытости. Капитализм «по-китайски», предполагающий значительное государственное регулирование, заложил в самосознании китайцев приоритеты повышения своего благосостояния и борьбы с бедностью, повышения внутреннего спроса, внедрения новых технологий (сети 5G, распознавание лиц, телемедицина, беспилотный транспорт и т. д.), способов производства и потребления (онлайн-платформы трансграничной торговли, обращение цифрового юаня, интернет вещей и пр.). Действующая модель экономического развития на базе высокотехнологичных отраслей предопределяет те ценностные ориентиры, которые, как отмечает председатель Шанхайской федерации социальных наук Ван Чжэнь, станут основой создания общества высоких доходов в условиях 4-й промышленной революции [18]. Очевидно, что консервативная приверженность китайцев к иерархичной системе управления по модели семейных отношений, строящейся на конфуцианских ценностях сыновней почтительности и уважения к старшим, обусловила успешность проведения широкомасштабных социальных экспериментов по созданию в КНР системы социального кредита, эффективность массовых мероприятий по борьбе с распространением коронавируса, введение карантина в городах-миллионниках и т. п. Таким образом, те ценностные ориентиры, на которые Коммунистическая партия Китая предлагает равняться гражданам Поднебесной, обладают необходимой дискурсивной силой, которая обеспечивает директивное и рефлексивное управление общественными процессами.

Заключение

Утверждая свои национальные ценности и отказываясь от политической, социальной и культурной вестернизации, китайские правящие круги планомерно реализуют курс на преобразование концепции строительства социализма в новую эпоху «в китайском стиле». Фактически, речь идет об адаптивном развитии аутентичной модели государственного капитализма, содержательные аспекты которого кодируются в официальном дискурсе лозунгами и программными речами о примате общего над частным. На наш взгляд, устойчивость китайской модели развития предопределяется гармонией между жесткой социальной иерархией общества и фундаментализмом традиционных ценностей, среди которых доминирует семейное сознание, забота о ближних и благосостоянии семьи, а следовательно, и государства как «большой семьи».

Популяризация китайского языка и культуры в ходе межкультурного и полилингвального коммуникационного синтеза создает предпосылки для институционализации китайского образа жизни в странах Юго-Восточной и Средней Азии, Африки и других регионов мира, входящих в сферу государственных интересов КНР. Гармоничное развитие китайского народа, опирающееся на ценностный ряд религиозных идеологий даосизма, буддизма, конфуцианских норм морали и нравственности в сопряжении с идеалами создания социалистического государства, предопределяет адаптивность подходов к государственному управлению. Китайский опыт командно-административного регулирования и реализации «мягкой власти» как внутри страны, так и за ее пределами обосновывает важность гармонизации общественных отношений на базе тех ценностей и духовных идеалов, которые принимаются большинством. Успехи Китая на международной геополитической арене в XXI в. свидетельствуют о принятии мировым сообществом китайских идей и постулатов нравственности, опирающихся на аксиосферу семейных отношений, где такие ценности, как почитание предков, уважение к родителям, воспитание детей, намного перевешивают индивидуализм и неограниченную свободу. Подводя итоги, отметим, что избранный партийной элитой КНР глобальный курс на мирное сосуществование и взаимовыгодное сотрудничество зиждется на массовой идеологии адаптивного выживания с опорой на свое языковое сообщество, свои культурные традиции социальной иерархии и послушания, собственные силы и коллективную помощь.

Литература

1. 学习强国. [Электронный ресурс] – 2022. <https://www.xuexi.cn> (дата обращения: 28.07.2022). (На кит. яз.).

2. Ян Хин-шун. «Дао дэ цзин». *«Древнекитайская философия» (в 2-х томах)*. М.: Мысль; 1972. [Электронный ресурс]. – 2022. <https://filosoff.org/laotzu/tvorchestvo/dao-de-czin-perevod-yan-xin-shuna> (дата обращения: 24.07.2022).

3. 中国关键词. [Электронный ресурс]. – 2022. http://keywords.china.org.cn/m/2022-07/11/content_78317107.html (дата обращения: 11.08.2022). (На кит. яз.).

4. Хуан Тяньдэ. *Национально-культурная специфика оппозиции «свой-чужой» в языковом сознании русских и китайцев (на материале китайского и русского языков)*. Дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19. М.: Институт языкознания РАН; 2017. 200 с.

5. Уфимцева Н. В. *Русские: опыт еще одного самопознания. Этнокультурная специфика языкового сознания*. М.: Институт языкознания РАН; 1996. С. 139–152.

6. Хабаров А. А., Цзя Шуюэ. Этнокультурные особенности вербального овнешнения идеологии социализма с китайской спецификой. *Вопросы психолингвистики*. 2022;20(1):122-136. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-51-1-122-136>.

7. Чжан Цянь. *Национальные ценности в русской и китайской лингвокультурах*. Екатеринбург: УФУ им. Б. Н. Ельцина; 2016. 114 с. [Электронный ресурс]. – 2020. <http://www.psihdocs.ru/nacionalenie-cennosti-v-russkoj-i-kitajskoj-lingvokuleturah.html> (дата обращения: 24.07.2022).

8. Бондарева Я. В., Бакурадзе А. Б. Аксиологические основания эволюции управления. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. 2015;16(1):26-38.

9. 百度. [Электронный ресурс]. – 2014. <https://baike.baidu.com/item/中国梦/60483?fr=aladdin> (дата обращения: 25.07.2022). (На кит. яз.).

10. 新华网. [Электронный ресурс]. – 2017. http://www.xinhuanet.com/poli-tics/2017-11/29/c_1122031311.htm (дата обращения: 28.07.2022). (На кит. яз.).

11. Грузинов И. И. Позиции идеи «китайская мечта» в идеологической сфере КПК после 2017 г. *Социально-гуманитарные знания*. 2019;4:350-356.

12. 中国政府网. [Электронный ресурс] – 2020. http://www.rh.gov.cn/ztjj/cjgqwmcszt/shzyhxjzg/202003/t20200303_69234747.html (дата обращения: 28.07.2022). (На кит. яз.).

13. Давыдова М. *Стратегия США в Южно-Китайском море будет мало зависеть от смены президентских администраций*. [Электронный ресурс]. – 29.10.2020. <https://internationalstudies.ru/стратегия-сша-в-южно-китайском-море-бу> (дата обращения: 07.07.2022).

14. Бредихин А. В. Южно-китайское море – реальность и подход России. *Архонт*. 2022;6(2):4-11.

15. 胡德坤. 新时代中国海洋观及其对 国际海洋治理的影响. [Электронный ресурс] – 2021. <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/qkml/> (дата обращения: 28.07.2022). (На кит. яз.).

16. “中国的军事战略”白皮书(全文)。国务院新闻办公室网站。 [Электронный ресурс] – 26.05.2015. <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015/Document/1435161/1435161.htm> (дата обращения: 29.07.2022). (На кит. яз.).

17. “十四五” (“中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035 年远景目标纲要”)。中国政府网. [Электронный ресурс] – 13.03.2021. http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 29.07.2022). (На кит. яз.).

18. 专家观点:王战--当前形势与“十四五”规划. [Электронный ресурс] – 21.09.2020. https://www.sohu.com/a/420029599_781358 (дата обращения: 29.07.2022). (На кит. яз.).

Информация об авторе

Хабаров Артем Александрович – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры дальневосточных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, lancelot567mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6459-4966>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12.09.2022; одобрена рецензентами 25.09.2022; принята к публикации 30.09.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. 学习强国. [Electronic resource]. – 2022. URL: [https://学习强国\(xuexi.cn\)](https://学习强国(xuexi.cn)) (accessed: 28.07.2022). (In Chinese).
2. Yang Hin-shun. “*Tao te ching*”. “*Ancient Chinese Philosophy*” (in 2 vols). Moscow, Mysl, 1972. [Electronic resource]. – 2022. URL: [https://Tao Te Ching \(translated by Yang Hin-shun\) Lao Tzu read for free, Tao Te Ching \(translated by Yang Hin-shun\) Lao Tzu read online \(filosoff.org\)](https://TaoTeChing(translatedbyYangHin-shun)LaoTzuread,TaoTeChing(translatedbyYangHin-shun)LaoTzureadforfree,TaoTeChing(translatedbyYangHin-shun)LaoTzureadonline(filosoff.org)) (accessed: 24.07.2022). (In Russ).
3. 中国关键词. [Electronic resource]. – 2022. URL: [https://中国梦\(china.org.cn\)](https://中国梦(china.org.cn)) (accessed 11.08.2022). (In Chinese).
4. Huang Tiande. *Russian Russians and Chinese (based on the material of Chinese and Russian languages): the national-cultural specifics of the opposition “friend-stranger” in the linguistic consciousness of the Russians and the Chinese*. Diss. ... Candidate of Philology sciences. 10.02.19. Moscow: Institute of Linguistics of RAS; 2017. 200 p. (In Russ).
5. Ufimtseva N. V. *Russians: the experience of another self-knowledge. Ethnocultural specificity of linguistic consciousness*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 1996, pp. 139–152. (In Russ).
6. Khabarov A. A., Jia Shuye. Ethnocultural features of the verbal expression of the ideology of socialism with Chinese specifics. *Questions of psycholinguistics*. 2022;20(1):122–136. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-51-1-122-136>. (In Russ).
7. Zhang Qian. *National values in Russian and Chinese linguistic cultures*. Yekaterinburg: UFU im. B. N. Eltzina; 2016. 114 p. [Electronic resource]. – 2020. <http://www.psihdocs.ru/nacionalenie-cennosti-v-russkoj-i-kitajskoj-lingvokuleturnah.html> (accessed: 24.07.2022). (In Russ).
8. Bondareva Ya. V., Bakuradze A. B. Axiological foundations of the evolution of management. *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*. 2015;16(1):26–38. (In Russ).
9. 百度. [Electronic resource]. – 2014. <https://baike.baidu.com/item/中国梦/60483?fr=aladdin> (accessed: 25.07.2022). (In Chinese).

10. 新华网. [Electronic resource]. – 2017. http://www.xinhuanet.com/politics/2017-11/29/c_1122031311.htm (accessed: 28.07.2022). (In Chinese).
11. Gruzinov I. I. Positions of the idea of the “Chinese dream” in the ideological sphere of the CPC after 2017. *Socio-humanitarian knowledge*. 2019;4:350–356.
12. 中国政府网. [Electronic resource]. – 2020. http://www.rh.gov.cn/ztjj/cjqgwmcszt/shzyhxjz/202003/t20200303_69234747.html (accessed: 28.07.2022). (In Chinese).
13. Davydova M. *The US strategy in the South China Sea will depend little on the change of presidential administrations*. [Electronic resource]. – 29.10.2020. <https://internationalstudies.ru/стратегия-сша-в-южно-китайском-море-бу/> (accessed: 07.07.2022).
14. Bredikhin A.V. The South China Sea – Russia's Reality and Approach. *Ark-hont*. 2022;6(2):4-11.
15. 胡德坤. 新时代中国海洋观及其对国际海洋治理的影响. [Electronic resource]. – 2021. <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/qkml/> (accessed: 28.07.2022). (In Chinese).
16. “中国的军事战略”白皮书(全文). 国务院新闻办公室网站. [Electronic resource]. – 26.05.2015. <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015/Document/1435161/1435161.htm> (accessed: 29.07.2022). (In Chinese).
17. “十四五”(“中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要”). 中国政府网. [Electronic resource]. – 13.03.2021. http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (accessed: 29.07.2022). (In Chinese).
18. 专家观点:王战--当前形势与“十四五”规划. [Electronic resource]. – 21.09.2020. https://www.sohu.com/a/420029599_781358 (accessed: 29.07.2022). (In Chinese).

Information about the author

Artyom A. Khabarov – Cand. Sci. (Philol.), the Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia, © lancelot567mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6459-4966>.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 12.09.2022; approved after reviewing 25.09.2022; accepted for publication 30.09.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

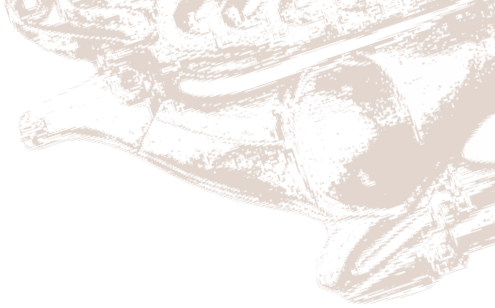
Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

CHRONICLE
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

■ Review
Рецензии

CHRONICLE
Reviews
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Рецензии

Рецензия на книгу

Исторические науки

УДК 655.552:(038)=411.172.3=111, =111=411.172.3

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-992-999>

[Рецензия на кн.:] Brock, Sebastian P. and Kiraz, George A. *Gorgias Concise Syriac-English, English-Syriac Dictionary*. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press; 2015.
<https://doi.org/10.31826/9781463235550>

Сериков Николай Игоревич¹, Кашаф Шамиль Равильевич²

^{1,2} Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

¹ nikolajserikoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2760-6312>

² 9289314@mail.ru , <https://orcid.org/0000-0001-7808-5604>

Аннотация. Краткий сирийско-английский словарь – дверь в мир современных сирологических исследований. 13 000 словарных статей охватывают лексику большинства средневековых памятников, за исключением разве что самых специализированных. Англо-сирийская часть служит удобным пособием для определения далеко не всегда совпадающих семантических ареалов сирийских и английских слов.

Ключевые слова: сирология, академические ресурсы, сирийско-английский словарь, англо-сирийский словарь

Для цитирования: Сериков Н. И., Кашаф Ш. Р. [Рецензия на кн.:] Brock, Sebastian P. and Kiraz, George A. *Gorgias Concise Syriac-English, English-Syriac Dictionary*. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press; 2015. <https://doi.org/10.31826/9781463235550>. *Ориенталистика*. 2022;5(4):992-999. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-992-999>.

Book Review

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-992-999>

[Book Review:] Brock, Sebastian P. and Kiraz, George A. *Gorgias Concise Syriac-English, English-Syriac Dictionary*. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press; 2015.
<https://doi.org/10.31826/9781463235550>

Nikolaj I. Serikoff¹, Shamil R. Kashaf²

^{1,2} Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ nikolajserikoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2760-6312>

² 9289314@mail.ru , <https://orcid.org/0000-0001-7808-5604>

Abstract. A Concise Syriac-English Dictionary is the door to the world of modern Syriac studies. The 13,000 entries cover the vocabulary of most medieval texts, with the

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

exception of perhaps the most specialized ones. The Anglo-Syriac part serves as a convenient tool for determining the semantic areas of Syriac and English words, which often do not coincide.

Keywords: Syriac studies; dictionaries Syriac; Dictionaries, English; classical Syriac texts, academic resources

For citation: Serikoff N. I., Kashaf Sh. R. [Book Review:] Brock, Sebastian P. and Kiraz, George A. *Gorgias Concise Syriac-English, English-Syriac Dictionary*. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press; 2015. <https://doi.org/10.31826/9781463235550>. *Orientalistica*. 2022;5(4):992-999. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-992-999>.

В последнее время сирийский язык из «вспомогательной богословской дисциплины» окончательно превратился в дисциплину сугубо самостоятельную. Это случилось в равной мере и благодаря стараниям наших современников, выдающихся сирологов – члена Британской академии Себастьяна П. Брока (*Sebastian Paul Brock*) и Джорджа А. Кираза (*George Anton Kiraz*), родившегося в сирийской православной семье в Вифлееме и в малом возрасте эмигрировавшего с родителями в США¹. Последний известен своими разработками первых компьютерных шрифтов для сирийского языка, а также организацией удачной серии *Хугойе*², которая в настоящее время насчитывает десятки названий³.

Выпускаемая Д. Киразом в основанном им вместе с супругой Кристиной Кираз в 2001 г. академическом издательстве Gorgias Press специальная литература, связанная с историей древнего Ближнего Востока, языками и религиоведением, арабскими и исламскими исследованиями, библеистикой, иудаикой, сирологией, археологией и лингвистикой, остается для русскоязычного читателя, по большому счету, малодоступной, несмотря на различные электронные ресурсы. Поэтому любая информация об имеющих пользу для специалистов-востоковедов книгах непременно будет способствовать расширению читательских горизонтов российской аудитории.

¹ Личная история сирийского православного детства в Вифлееме на фоне трудностей семьи, бежавшей из Верхней Месопотамии, среди оседлого христианского и мусульманского населения города и растущего напряжения израильской оккупации увлекательно пересказана Д. Киразом в его книге воспоминаний [1].

² Мн. ч. от *hugoye*, корень *hg*³ со значением «думать», «обдумывать», «изучать», означает «исследования». В современном сирийском языке употребляется по отношению к академическим исследованиям. Сирийские грамматики называли этим словом чтение по слогам.

³ См. последний каталог издательства Gorgias Press 2022. <https://www.gorgiaspress.com/images/uploaded/2022%20Fall%20Catalog.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).

Приходится признать, что сирийские словари, находящиеся в распоряжении отечественных ученых, не отличаются разнообразием. Почти все они снабжены переводом на латинский или на английский (реже на французский или арабский) языки⁴, но не на русский, что не идет на пользу отечественной сирологии. К тому же латинский язык изучают в мире далеко не на всех востоковедных специалистах. Именно поэтому классический для своего времени сирийско-латинский словарь К. Броккельмана (нем. *Carl Brockelmann*, 1868–1956) [2], в свое время по удобству пользования оставивший позади даже монументальный труд английского семитолога Роберта Пейн Смита (*Robert Payne Smith*, 1818–1895) [3], оказался в 2009 г. переведенным опять же на английский язык израильским коллегой Михаилом Соколовым [4]⁵. Этот труд, разумеется, не остался незамеченным благосклонными рецензентами [5]. Представленные в настоящее время на книжной полке двуязычные сирийские словари малого объема часто являются или сугубо специальными, как, например, издание У. Дженнингса (*William Jennings*) к Новому Завету [6], или вспомогательными, например, к Хрестоматиям немецкого востоковеда Э. Рёдигера (*Emil Rödiger*, 1801–1874) [7], или американского востоковеда У. Такстона (*Wheeler Thackston*, род. 1944) [8].

Удобного словаря среднего формата, вроде репринта 5-го издания греческо-русского словаря, составленного бывшим ординарным профессором императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института Александра Давидовича Вейсмана (1834–1913) [9], который мог бы удовлетворить разнообразные требования как начинающих обучаться языку, так и сложившихся специалистов, желающих быстро проверить значение того или иного слова, до недавнего времени не существовало. Словарь Брока и Кираза [10] успешно восполняет этот досадный пробел.

Авторы, определяя характер своего труда, вынесли в заглавие прилагательное *concise*, которое на русский язык было бы ошибочно переводить как «краткий», скорее – «компактный», так как “*concise*” означает «дающий много информации в нескольких словах» или «сокращенный по форме, но содержательный». Статья для словаря в основном базируются на лексике «Сводного сирийского словаря» [11], который выходил под редакцией Д. Пейн Марголиус (урожд. Пейн Смит, *Jessie Payn Smith* 1856–1933)⁶, и в меньшей степени на словаре Л. Костаза (*Costaz Louis C. J.*, 1903–1964) [12]. В итоге, авторам удалось успешно сократить эти лексикографические пособия, не потеряв при этом их ценности и содержательности. Получившийся словарь включает около 13 000 словарных единиц, что вполне достаточно для чтения и перевода большинства текстов, написанных на классическом сирийском языке, за исключением разве что сугубо специальных. Издательский объем книги экономится за счет отказа от грамматической номенклатуры там, где это как бы само-собой разумеется, например, она отсутствует для таких терминов, как «прилагательное», «наречие» или «предлог» и т. п. Другим приемом, которым воспользовались авторы, добиваясь компактности издания, стало

⁴ О русском и говорить не приходится, что, конечно, не идет на пользу в первую очередь отечественной сирологии.

⁵ Этот труд, разумеется, не остался незамеченным благосклонными рецензентами [5].

⁶ Дочери Р. Пейн Смита, автора Сирийского Тезауруса.

сокращение синонимов при переводе слова; также отсутствуют сирийские контексты вынесенных в лемму слов.

Словарь распадается на две части – сирийско-английскую и англо-сирийскую. В первой части семантические единицы расположены не в корневом, а в алфавитном порядке, что не добавляет, впрочем, большего удобства языковедам-исследователям, но создает вполне комфортные условия пользования словарем на начальной стадии изучения сирийского языка.

Вторая часть, англо-сирийская, по сути, представляет собой расширенный индекс, прилагающийся, например, к обоим изданиям сирийско-латинского словаря К. Брокельмана, с той лишь разницей, что у Брокельмана вместо перевода на сирийский идет отсылка на соответствующую страницу словаря. Брок и Кираз облегчают задачу обучающимся и дают переводы непосредственно рядом с английской леммой. Наличие одного или даже нескольких вариантов перевода одного и того же английского слова на сирийский показывает пересечения семантических ареалов соответствующих слов и способствует более глубокому пониманию сирийского текста теми, кто только приступает к изучению сирийского языка.

Удобство пользования книгой несомненно. Некоторое замешательство вызывает, правда, тот факт, что сирийская часть словаря набрана шрифтом серто (от сир. *serṭo* «черточка»), также называется западносирийским, или яковитским шрифтом, вместо привычной эстрангелы (сир. *eṣṭrangēlā*, от греч. στρουγγύλη «круглая»). Скорее всего, это дань англо-американской сирологической школе: шрифт серто, как правило, используется при издании учебников для начинающих обучаться сирийскому языку на Британских островах⁷. Дополнительным «бонусом» к напечатанному на бумаге экземпляру словаря является его бесплатная электронная версия, доступная на интернет-ресурсе Сирийского архива электронных данных (The Syriac Electronic Data Research Archive)⁸.

Словарь С. Брока и Д. Кираза должен быть переведен на русский язык. В этом случае он окажется в хорошей «компании»: специалистам-сириологам без сомнения знаком труд Уильяма Райта (William Wright, 1830-1889), британского востоковеда, который «пользовался в среде российских ученых значительным авторитетом и в 1876 г. был избран иностранным членом-корреспондентом Академии наук по Историко-филологическому отделению (восточная словесность)» [15, с. 68]. Это «Краткий очерк истории сирийской литературы», переведенный с английского языка на русский К. А. Тураевой с приложениями и дополнениями П. К. Коковцова [16]. С 1902 г. он является единственным полным пособием по сирийской литературе на русском языке, по точности и охвату материала опередивший оригинал. Об этом

⁷ Например, простое и практическое введение в сирийский язык Т. Робинсона – книга, которой может быть достаточно для новичка, не знакомого ни с одним семитским языком, чтобы работать в основном с Сирийской Библией [13]. Впервые опубликованная в 1915 г., она выдержала благодаря Дж. Ф. Коукли уже 5 переизданий [14].

⁸ Сирийский архив электронных данных (SEDRA). – <http://ancientworldonline.blogspot.com/2016/08/sedra-syriac-electronic-data-research.html> (дата обращения 20.10.2022). Для зарегистрированных пользователей сайта также предоставляются сирийские тексты Нового Завета, парадигмы глаголов и др.

Нина Викторовна Пигулевская⁹ (1894–1970) писала так: «Редактируя перевод “Истории сирийской литературы” Райта, Коковцов сделал к ней множество дополнений, указаний, чем положил начало изучению сирязычных памятников. Необходимо отметить, что, по общему мнению ученых, русское издание значительно превзошло английский подлинник многими дополнениями редактора-эрудита, библиографией, справками; оно способствовало более успешному проникновению в отечественное востоковедение сириологии» [17, с. 561]. Добавим, что переводы справочных пособий – общемировая практика. За примерами ходить недалеко: в основе Словаря древнегреческого языка «Лиддл-Скотта» – лежит греческо-немецкий словарь Ф. Пассова.

Нет необходимости говорить, что российские специалисты также нуждаются в удобном и компактном сирийско-русском словаре. Вот почему «Краткий сирийско-английский, англо-сирийский словарь» Брока и Кираза ждет своего переводчика и «редактора-эрудита». И кто знает, может, и русское издание превзойдет английский оригинал...

Литература

1. Kiraz G. A. *Water the Willow Tree. Memoirs of a Bethlehem Boyhood*. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press; 2022. 331 p. <https://www.gorgiaspress.com/water-the-willow-tree>.
2. Brockelmann K. *Lexicon Syriacum*. Halle: Halis Saxonum, Sumptibus M. Niemeyer; 1928. 930 p.
3. Payne Smith R. (ed.) *Thesaurus Syriacus*. In 2 vols. Vol. 1–2. Oxford: Clarendon press; 1879–1901. 1863 p.
4. Sokoloff M. A Syriac Lexicon. A translation from the Latin. Correction, expansion, and update of C. Brockelmann's *Lexicon Syriacum*, Eisenbrauns. Gorgias Press, Winona Lake-Piscataway; 2009. 1688 p.
5. Woźniak J. Michael Sokoloff, A Syriac Lexicon. A translation from the Latin. Correction, Expansion, and Update of C. Brockelmann's *Lexicon Syriacum*, Eisenbrauns, Gorgias Press, Winona Lake-Piscataway 2009, 1688 S." *Ruch Biblijny I Liturgiczny*, 2011;64 (1):91–92. <https://doi.org/10.21906/rbl.126>.
6. Jennings W. *Lexicon to the Syriac New Testament (Peshitta): with copious references, dictions, names of persons and places, and some various readings found in the Curetonian, Sinaitic palimpsest, Philoxenian & other mss.* Oxford – London: Clarendon Press; 1926. 243 p.
7. Rödiger E. *Chrestomathia syriaca quam glossario et tabulis grammaticis*. Editio altera aucta et emendata. Halle Saxonum; Sumptibus Orphanotropei, MDCCCLXVIII [1868] (Lipsia: typis Guil. Drugulini). 224 p.
8. Thakston W. M. *Introduction to Syriac: an elementary grammar with readings from Syriac literature*. Bethesda, Maryland, USA: IBEX Publishers; 1999. 228 p.
9. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь: репринт V-го издания 1899 г. Москва: Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина; Наука; 2006. 1371 с.
10. Brock S. P., Kiraz G. *Gorgias Concise Syriac-English, English-Syriac Dictionary*. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press; 2015. <https://doi.org/10.31826/9781463235550>.
11. Payne Smith J. (ed.) *A compendious Syriac dictionary: founded upon the Thesaurus Syriacus of R. Payne Smith*. Oxford: Clarendon press; 1896. 136 p.

⁹ Н. В. Пигулевская была ученицей академика АН СССР Павла Константиновича Коковцова (1861–1942).

12. Costaz L. C. J. *Dictionnaire Syriaque-Français / Syriac-English dictionary*. Dar el-Machriq, Beyrouth; 1963. 423 p.

13. Créghœur E. J. F. Coakley, Robinson's Paradigms and Exercises in Syriac Grammar. New York, Oxford University Press, 2002. 181 p. *Laval théologique et philosophique*. 2007;63(1):121–122. <https://doi.org/10.7202/016681ar>.

14. Coakley J. F. *Robinson's Paradigms and Exercises in Syriac Grammar*. 5th ed. New York, Oxford University Press; 2002. 181 p. 15. Письма британского востоковеда Вильяма Райта к И. П. Минаеву. Предисловие, перевод с английского и комментарии Т. В. Ермаковой. *Письменные памятники Востока*. 2017;14(1):68–76.

16. Райт В. Краткий очерк истории сирийской литературы: С прил. обзора коллекции нитрийских рукописей Британ. музея и спец. карты. Пер. с англ. К. А. Тураевой; Под ред. и с доп. П. К. Коковцова. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук; 1902. 294 с.

17. Пигулевская Н. В. Синология. *Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР*. Москва: Наука; 1972. С. 560–567.

Информация об авторах

Сериков Николай Игоревич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, nikolajserikoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2760-6312>.

Кашаф Шамиль Равильевич – магистр теологии, научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, 9289314@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7808-5604>.

Ссылки на авторов

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 29.10.2022; одобрена рецензентами 19.11.2022; принята к публикации 22.11.2022; опубликована 20.12.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Kiraz G. A. *Water the Willow Tree. Memoirs of a Bethlehem Boyhood*. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press; 2022. 331 p. URL: <https://www.gorgiaspress.com/water-the-willow-tree>.
2. Brockelmann K. *Lexicon Syriacum*. Hallae: Halis Saxonum, Sumptibus M. Niemeyer; 1928. 930 p.
3. Payne Smith R. (ed.) *Thesaurus Syriacus*. In 2 vols. Vol. 1–2. Oxford: Clarendon press; 1879–1901. 1863 p.
4. Sokoloff M. *A Syriac Lexicon. A translation from the Latin. Correction, expansion, and update of C. Brockelmann's Lexicon Syriacum, Eisenbrauns*. Gorgias Press, Winona Lake-Piscataway; 2009. 1688 p.
5. Woźniak J. Michael Sokoloff, A Syriac Lexicon. A translation from the Latin. Correction, Expansion, and Update of C. Brockelmann's Lexicon Syriacum, Eisenbrauns, Gorgias Press, Winona Lake-Piscataway 2009, 1688 S.". *Ruch Biblijny I Liturgiczny*, 2011;64 (1):91–92. <https://doi.org/10.21906/rbl.126>.
6. Jennings W. *Lexicon to the Syriac New Testament (Peshitta) : with copious references, dictions, names of persons and places, and some various readings found in the Curetonian, Sinaitic palimpsest, Philoxenian & other mss.* Oxford – London: Clarendon Press; 1926. 243 p.
7. Rödiger E. *Chrestomathia syriaca quam glossario et tabulis grammaticis. Editio altera aucta et emendata*. Halis Saxonum; Sumptibus Orphanotropei, MDC-CCLXVIII [1868] (Lipsia : typis Guil. Drugulini). 224 p.
8. Thakston W. M. *Introduction to Syriac: an elementary grammar with readings from Syriac literature*. Bethesda, Maryland, USA: IBEX Publishers; 1999. 228 p.
9. Weisman A. D. *Greek-Russian Dictionary*. A re-print from the 5th edition 1899. Moscow: Yuri Shichalin's Cabinet of Greek and Roman studies; Nauka Publishers; 2006. 1371 p.
10. Brock S. P., Kiraz G. *Gorgias Concise Syriac-English, English-Syriac Dictionary*. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press; 2015. <https://doi.org/10.31826/9781463235550>.
11. Payne Smith J. (ed.) *A compendious Syriac dictionary: founded upon the Thesaurus Syriacus of R. Payne Smith*. Oxford: Clarendon press; 1896. 136 p.
12. Costaz L. C. J. *Dictionnaire Syriaque-Français / Syriac-English dictionary*. Dar el-Machriq, Beyrouth; 1963. 423 p.
13. Coakley J. F. *Robinson's Paradigms and Exercises in Syriac Grammar*. 5th ed. New York: Oxford University Press; 2002. 181 p.
14. Crégheur E. J. F. Coakley, Robinson's Paradigms and Exercises in Syriac Grammar. New York, Oxford University Press, 2002, viii-181 p. *Laval théologique et philosophique*. 2007;63(1):121–122. <https://doi.org/10.7202/016681ar>.
15. Letters by British Orientalist William Wright to I. P. Minaev. Preface, Translation from English into Russian and Commentaries by Tatiana V. Ermakova. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*. 2017;14(1):68–76.
16. Wright W. *An Outline of the History of Syriac Literature. With Appendix: A review of the collection of Nitrian manuscripts from the British Museum and special maps*. P. K. Kokovtsov (ed.). Tr. from English by K. A. Turaeva. St. Petersburg: Imp. Acad. Sciences; 1902, XIV. 294 p.
17. Pigulevskaya N. V. Syriac Studies. In: *Asiatic Museum – Leningrad branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences*. Moscow: Nauka; 1972, p. 560–567.

Information about the authors

Nikolaj I. Serikoff – Cand. Sci. (Hist.), Senior Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ✉ nikolajserikoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2760-6312>.

Shamil R. Kashaf – Master of Theology, Research Fellow at the Center for the Study of Central Asia, Caucasus and the Ural-Volga Region, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ✉ 9289314@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7808-5604>.

Author's Links

Authors' Contributions

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

The article was submitted 29.10.2022; approved after reviewing 19.11.2022; accepted for publication 22.11.2022; published 20.12.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

Книжная полка «Ориенталистики»

Мюллер, Август (1848–1892).

История ислама от основания до новейших времен: в 4 томах. Том 1.

Ответственный редактор: Д. В. Микульский. – Москва : Рубежи XXI, 2018. 480 с. – (История Ближнего Востока) (Историческая библиотека); ISBN 978-5-347-00041-8

Мюллер, Август (1848–1892).

История ислама от основания до новейших времен: в 4 томах. Том 2.

Ответственный редактор: Д. В. Микульский. – Москва : Рубежи XXI, 2021. 512 с. – (История Ближнего Востока) (Историческая библиотека); ISBN 978-5-347-00037-1

Фундаментальный труд “Der Islam im Morgen- und Abendland” (Berlin, 1886–1887) по истории исламской цивилизации, принадлежащий перу крупного немецкого востоковеда А. Мюллера (1848–1892) и отражающий уровень научных представлений своего времени, впервые был издан на русском языке Н. А. Медниковым в России в конце XIX в. «История ислама» Августа Мюллера стала настольной книгой многих поколений специалистов по Ближнему Востоку, оказала существенное влияние на развитие отечественной арабистики в нашей стране.

В 2018 г. к 200-летию Института востоковедения РАН московским издательством «Рубежи XXI» был переиздан 1-й том, а в 2021 г. – 2-й том; ответственный редактор и автор вступительной статьи – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН, член редколлегии журнала «Ориенталистика» Дмитрий Микульский.

Печатая комментированное издание этого сочинения, мы надеемся, что современный читатель, как востоковед, так и всякий, кто интересуется гуманитарным знанием, познакомится с классическим памятником западноевропейской (собственно говоря, немецкой) и одновременно отечественной исторической востоковедной мысли, первое издание которого давно уже стало библиографической редкостью и поэтому в значительной мере выпало из научного и в особенности учебного обихода...

Микульский Д. В., доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

© Фото и видео Ш. Р. Кашафа, К. Ш. Алыутдиновой
© Photo&Video by Sh. Kashaf, K. Alyautdinova

Эрудиция ученого-арабиста, владение источниками и охват огромного исторического материала ставят редактора и автора комментариев в особое положение – фактически он выступает как соавтор А. Мюллера, за что следует ожидать благодарности от читателей, которая, надеемся, не заставит себя ждать. На этот пример должны ориентироваться те, кто публикует старую литературу в любой области истории.

Калинина Т. М., кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН

Полный текст рецензии см.:

Калинина Т. М. [Рец. на кн.:] Мюллер, Август. История ислама: от основания до новейших времен: в 4 т., 11 кн.: [перевод] / Август Мюллер; [вступительная статья и комментарии Д. В. Микульского]. М.: Рубежи XXI, 2018. Т. 1. 480 с. Minbar. Islamic Studies. 2019;12(1):303-309. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-1-301-309>

Просматривайте «оживающие» фотографии с эффектом «дополненной реальности». Наведите камеру вашего гаджета на QR-код. Кроме устройств, поддерживающих мобильную операционную систему IOS 14.0, Android 6.0 (и выше), потребуется установить бесплатное приложение Меморис в App Store или Google Play. После загрузки видеоконтента из сети Интернет направьте камеру на обложку журнала и иллюстрации, отмеченные специальным значком Меморис.

View the “come to life” photos with the “augmented reality” effect. Point the camera of your gadget at the QR code. In addition to devices supporting the mobile operating system IOS 14.0, Android 6.0 (and higher), you will need to install the free Memories application in the App Store or Google Play. After downloading video content from the Internet, point the camera at the cover of the journal and the illustrations marked with a special Memories icon.

go.mmrs.me

Orientalistica

Peer-reviewed academic journal

Editor-in-chief – *Alikber K. Alikberov*, Dr. Sci. (Hist.).

Special Issue Editor – *Valentin Ts. Golovachev*, Cand. Sci. (Hist.).

Editors of “Historical sciences” section:

Alexander V. Safonov, Cand. Sci. (Hist.) (Ancient history, Egyptology).

Nikolay I. Serikoff, Cand. Sci. (Hist.) (Middle Ages, Arabic Studies), *Galina S. Popova* (Sinology).

Editors of “Philosophy of the East” section:

Tawfik Ibrahim, Dr. Sci. (Philos.), Prof., *Artem I. Kobzev*, Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Editors “Languages and Literature of the East” section:

Natalia I. Prigarina, Dr. Sci. (Philol.), Prof., *Ludmila A. Vasilyeva*, Cand. Sci. (Philol.),

Lilia R. Frangulyan, Cand. Sci. (Philol.).

Scientific editors:

Shamil R. Kashaf, *Tatiana M. Mastuygina*, *Natalia I. Prigarina*,

Nikolaj I. Serikoff, *Evgenia B. Smagina*.

Editors-translators:

Nikolaj I. Serikoff (Engl., Deutsch), *Tawfik Ibrahim* (Arab.), *Dmitry V. Mikulsky* (Arab.),

Natalia I. Prigarina (Pers.), *Ludmila A. Vasilyeva* (Urdu),

Apollinaria S. Avrutina (Turk.), *Galina S. Popova* (Chinese),

Surun-Khanda D. Syrtyanova (Mongol.).

Scientific Communications Editor:

Karina Sh. Alyautdinova.

Creative designer – *Shamil R. Kashaf*.

Computer layout – *Ekaterina P. Gordina*.

Languages in which articles in the journal can be printed: Russian, English, Arabic, Yiddish, Chinese, Korean, German, Mongolian, Turkish, Urdu, Persian, French, Hindi, Japanese.

In the design of the journal's cover and sections titles of the were used images provided by the State Hermitage Museum and the State Museum of Oriental Art.

The journal uses augmented reality (AR) technology to integrate digital objects into the real world.

Signed in the press on December 20, 2022. Format 70x100/16.

Conventionally printed sheets 23.24. Circulation 100 copies (the first factory 70 copies). Order No. 4016-22.

The price is free.

E-mail: orientalistica@ivran.ru. Website: www.orientalistica.com, www.orientalistica.su

The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russia. Website: www.ivran.ru

Printed in Joint stock company Amirit LLC

in accordance with the materials provided. 410004, Russia, Saratov, Chernyshevsky st., 88.

Tel.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru. Website: <http://amirit.ru>

Ориенталистика

Научный рецензируемый журнал

Главный редактор – А. К. Аликберов, д-р ист. наук.

Редактор специального выпуска – В. Ц. Головачёв, канд. ист. наук.

Редакторы раздела "История Востока":

А. В. Сафронов, канд. ист. наук, Н. И. Сериков, канд. ист. наук.

Редакторы раздела "Философия Востока":

Т. Ибрагим, д-р филос. наук, проф., А. И. Кобзев, д-р филос. наук, проф.

Редакторы раздела "Филология Востока":

Н. И. Пригарина, д-р филол. наук, проф., Л. А. Васильева, канд. филол. наук,

Л. Р. Франгулян, канд. филол. наук.

Научные редакторы:

Ш. Р. Кашаф, Т. М. Мастюгина, Н. И. Пригарина,

Н. И. Сериков, Е. Б. Смагина.

Редакторы-переводчики:

Н. И. Сериков (англ., нем. яз.), Т. Ибрагим, Д. В. Микульский (араб. яз.),

Г. С. Попова (кит. яз.), С.-Х. Д. Сыртымова (монг. яз.),

Н. И. Пригарина (перс. яз.), Л. А. Васильева (урду),

А. С. Аврутина (тур. яз.).

Редактор по научным коммуникациям:

К. Ш. Аляутдинова.

Креативный дизайнер – Ш. Р. Кашаф.

Верстальщик – Е. П. Гордина.

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский, арабский, идиш, китайский, корейский, немецкий, монгольский, турецкий, урду, персидский, французский, хинди, японский.

В оформлении обложки и разделов журнала были использованы изображения, предоставленные Государственным Эрмитажем и Государственным музеем Востока.

Журнал использует технологию дополненной реальности (*augmented reality, AR*), позволяющую интегрировать цифровые объекты в реальный мир.

Подписано в печать 20.12.2022. Формат 70x100/16.

Усл. печ. л. 23.24. Тираж 100 экз. (1-й завод: 1–70). Заказ № 4745-22.

Журнал распространяется по подписке. Свободная цена.

E-mail: orientalistica@ivran.ru Веб-сайт: www.orientalistica.com

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения
Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).

107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии ООО "Амирит",
410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.5. Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>

ОРИЕНТАЛИСТА ОРИЕНТАЛИСТИКА

Vol. 5, No 4
Т. 5, № 4
2022

orientalistica.com

go.mmrs.me

Цифровые технологии
дополненной реальности.
The digital augmented
reality (AR) technology.

ISSN 2618-7043

9 772618 704007 >

12+